

2020 № 2

ISSN (online): 2222-5196

МГППУ



ПСИХОЛОГИЯ И ПРАВО

PSYCHOLOGY AND LAW

www.psyandlaw.ru

СОДЕРЖАНИЕ:

ЮВЕНАЛЬНАЯ ЮРИДИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ | JUVENILE LEGAL PSYCHOLOGY

Богданович Н.В., Делибалт В.В.

Профилактика девиантного поведения детей и подростков как направление деятельности психолога в образовательных учреждениях..... 1-14

Федонкина А.А.

Характеристики личностной незрелости у девочек, совершивших общественно опасные деяния.....15-24

Дегтярев А.В., Ефимочкина К.М.

Развитие психологических ресурсов совладающего поведения как фактора профилактики ситуативной тревожности в старшем подростковом возрасте.....25-34

Дебольский М.Г., Мельникова Д.В., Месниченко А.С.

Выявление психических состояний несовершеннолетних обвиняемых и осужденных как предпосылка профилактики их деструктивного поведения.....35-50

Кучеренко П.А., Коровяковский Д.Г., Антонова Н.В., Хромова Н.М., Майстрович Е.В.

Добровольчество и волонтерство как инструмент профилактики девиантного поведения подростков.....51-63

Теплова А.Б., Чернушевич В.А., Чупракова Н.Н.

Проблемы внедрения фольклорной игровой практики как коррекционно-профилактического ресурса (результаты и перспективы экспериментальной работы).....64-77

Умняшова И.Б.

Нормативные основания и условия организации первичной профилактики девиантного поведения детей и подростков в системе общего образования.....78-96

ДИСТАНЦИОННЫЕ ТЕХНОЛОГИИ РАБОТЫ ПО ПРОФИЛАКТИКЕ ДЕВИАНТНОГО И ОБЩЕСТВЕННО-ОПАСНОГО ПОВЕДЕНИЯ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ СЕТИ ИНТЕРНЕТ | INTERNET TECHNOLOGIES TO PREVENT DEVIANT AND SOCIALLY DANGEROUS BEHAVIOR

Дозорцева Е.Г., Ошевский Д.С., Сыроквашина К.В.

Психологические, социальные и информационные аспекты нападений несовершеннолетних на учебные заведения.....97-110

Корчагин Н.Ю., Дворянчиков Н.В., Антонов О.Ю., Шульга Т.И.

Специфика стратегий психологического воздействия у лиц, совершающих преступления сексуальной направленности против несовершеннолетних с использованием телекоммуникационной сети Интернет.....111-126

Лаврешкин Н.В., Подушкина Т.Г., Газарян А.А.

Опыт психологического сопровождения проекта «помощники спасателей»..... 127-139

Симакова Т.А., Жарких А.А., Анкудинов Н.В.

Экспериментальное исследование влияния в условиях вузовского образования самореализации личности обучающихся в спортивной деятельности на склонность к киберзависимости.....140-150

СУДЕБНАЯ И КЛИНИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ В ЮРИДИЧЕСКОМ КОНТЕКСТЕ | FORENSIC AND
CLINICAL PSYCHOLOGY IN LEGAL CONTEXT

Васильева И.В., Григорьев П.Е., Чуманов Ю.В.

Особенности эмоционального реагирования на аффективно окрашенные фотоизображения
о коррупции: половозрастной аспект.....151-166

ПСИХОЛОГИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ | PSYCHOLOGY OF PROFESSIONAL ACTIVITY

Кубышко В.Л., Вахнина В.В., Крук В.М., Федотов А.Ю.

Психологическое обеспечение стрессоустойчивости как элемента профессиональной
надежности специалиста силовых структур.....167-178

Ульянина О.А., Леви М.В., Теплова О.А.

Экспериментальное исследование формирования личностной компетентности сотрудников
ОВД.....179-200

Федотов А. Ю.

Психологические условия повышения надежности профессионально-исполнительских
действий специалиста силовых структур.....201-211

Савельева М.В., Смушкин А.Б., Домнина О.В.

Предъявление для опознания: психологические и тактические аспекты, перспективные
методы производства.....212-222

ПЕНИТЕНЦИАРНАЯ ПСИХОЛОГИЯ И ПРАКТИКА ИСПОЛНЕНИЯ УГОЛОВНЫХ НАКАЗАНИЙ | THE
PENITENTIARY PSYCHOLOGY AND PENAL PRACTICE

Леньков С.Л., Рубцова Н.Е., Александров Б.В.

Шкала отношения осужденных к труду (ШООТ).....223-239

Уважаемые читатели!

Тема второго выпуска «Психология и право» за 2020 год посвящена проблеме профилактики девиантного поведения в образовательных организациях. Ни для кого не секрет случаи насилия в школе (так называемого скулшуттинга) и других проявлений девиантного поведения обучающихся. Однако поздно говорить о профилактике тогда, когда произошла беда. Нужно искать возможности ее предотвращения. И авторы данного тематического номера как раз показывают, что на разных возрастных этапах, начиная с детского сада и до высших учебных заведений, есть ресурсы среды и самих людей, которые позволяют предупредить наступление таких острых феноменов.

В этом номере раскрываются как юридические основания профилактики девиантного поведения несовершеннолетних, так и построение психопрофилактики как направления деятельности психолога. Обсуждаются различные ресурсы первичной профилактики, такие как фольклор, волонтерство и участие в проектной деятельности. Раскрывается роль спортивной деятельности как ресурса профилактики в высших учебных заведениях.

Не обходится стороной тема вторичной профилактики: описываются факторы, повлиявшие на совершение несовершеннолетними нападений на учебные заведения, выделяются особенности проявления психических состояний у несовершеннолетних подозреваемых, обвиняемых и осужденных в зависимости от нахождения на определенном этапе избранных в отношении субъекта мер пресечения. Особое внимание привлекается к исследованию стратегий психологического воздействия, применяемых лицами в ходе совершения преступлений сексуальной направленности против несовершеннолетних, с использованием телекоммуникационной сети Интернет.

В рамках третичной профилактики ставятся проблема измерения отношения к труду заключенных, а также анализируются особенности проявления специфичных для личностной незрелости признаков у девочек с противоправным поведением.

Отдельно рассматриваются вопросы, связанные с развитием и формированием профессиональных и личностных компетенций специалистов и сотрудников разных ведомств, включенных в систему профилактики безнадзорности и правонарушений среди несовершеннолетних. В частности описывается методика формирования индивидуального профиля профессиональной стрессоустойчивости специалиста силовых структур, а также приводятся результаты апробации разработанной Концепции психологического сопровождения формирования личностной компетентности сотрудников полиции.

Еще не одной стране мира не удалось полностью справиться с девиациями, однако это не отменяет необходимость искать пути для решения этой проблемы. И на страницах нашего журнала мы готовы поделиться самыми передовыми исследованиями и технологиями профилактики девиантного поведения в образовательных учреждениях и не только ими!

Искренне ваша,
Редакция журнала «Психология и право»

Профилактика девиантного поведения детей и подростков как направление деятельности психолога в образовательных учреждениях

Богданович Н.В.

Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ), г. Москва, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1507-9420>, e-mail: bogdanovichnv@mgppu.ru

Делибалт В.В.

Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ), г. Москва, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9586-3188>, e-mail: delibaltvv@mgppu.ru

В статье рассматриваются методологические основы профилактики девиантного поведения несовершеннолетних как направления деятельности психолога в образовательных организациях. Раскрываются содержательное определение, основные противоречия и требования к организации психопрофилактики. Рассматривается специфика профилактической деятельности в контексте трудных жизненных и юридически значимых ситуаций с участием несовершеннолетних с проблемным и девиантным поведением. Определяется алгоритм планирования психопрофилактической работы в виде технологии «цикл деятельности психолога». Описываются основные этапы психопрофилактики, а также методы и технологии, используемые на каждом этапе данного направления деятельности. Выделяются основные принципы межведомственного взаимодействия как необходимого аспекта данной деятельности, а также требования к разработке психопрофилактических программ и программ профилактики.

Ключевые слова: профилактика, профилактические программы, девиантное поведение, трудные жизненные и юридически значимые ситуации, дети, подростки, несовершеннолетние, направление деятельности психолога, межведомственное взаимодействие, образовательные организации.

Для цитаты: Богданович Н.В., Делибалт В.В. Профилактика девиантного поведения детей и подростков как направление деятельности психолога в образовательных учреждениях [Электронный ресурс] // Психология и право. 2020. Том 10. № 2. С. 1–14. DOI:10.17759/psylaw.2020100201

Богданович Н.В., Делибальт В.В.
Профилактика девиантного поведения детей и
подростков как направление деятельности психолога
в образовательных учреждениях
Психология и право. 2020. Том 10. № 2. С. 1–14.

Bogdanovich N.V., Delibalt V.V.
Prevention of Deviant Behavior of Children and
Adolescents as a Field of Activity of a Psychologist in
Educational Institutions
Psychology and Law. 2020. Vol. 10, no. 2, pp. 1–14.

Prevention of Deviant Behavior of Children and Adolescents as a Field of Activity of a Psychologist in Educational Institutions

Nataliya V. Bogdanovich

Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia,
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1507-9420>, e-mail: bogdanovichnv@mgppu.ru

Varvara V. Delibalt

Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia,
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9586-3188>, e-mail: delibaltvv@mgppu.ru

The article examines the methodological basics of deviant behavior prevention of minors as a field of activity of a psychologist in educational organizations. The substantial definition, main contradictions and requirements for the organization of psychological prevention are provided. The specifics of preventive activities in the context of difficult life and legally significant situations involving minors with problematic and deviant behavior are considered. The algorithm of planning psychoprophylactic work in the form of technology “Cycle of activity of the psychologist” is defined. It describes the main stages of psychoprophylaxis, as well as methods and technologies used at each stage of this activity. The main principles of interagency cooperation as a necessary aspect of this activity, as well as requirements for the development of psychoprophylactic programs and prevention programs are highlighted.

Keywords: prevention, preventive programs, psychoprophylactic, deviant behavior, difficult life situations, legally significant situations, children, adolescents, minors, field of psychological work, interagency cooperation, educational institutions.

For citation: Bogdanovich N.V., Delibalt V.V. Prevention of Deviant Behavior of Children and Adolescents as a Field of Activity of a Psychologist in Educational Institutions. *Psikhologiya i pravo = Psychology and Law*, 2020. Vol. 10, no. 2, pp. 1–14. DOI:10.17759/psylaw.2020100201 (In Russ.).

В ситуации изменяющегося мира остро стоит проблема не просто ответа на возникающие проблемы и вызовы, но поиска мер их предупреждения, подготовки людей к ним. Как мы уже не раз писали, необходимо отходить от устоявшейся парадигмы профилактики как устранения негативных факторов, когда человека готовят к безоблачному будущему. На данный момент такой прогноз выглядит довольно утопичным. Соответственно, необходимо признать, что более продуктивным представляется подход к профилактике как формированию ресурсов личности (а возможно и группы) для преодоления будущих, сейчас возможно даже не прогнозируемых трудностей [4].

Анализ современного состояния проблемы показывает, что большинство авторов понимают профилактику очень расплывчато и узко. Чаще всего ее сводят к информированию и беседам. Однако в официальном (юридическом) определении профилактика — это система мероприятий в контексте предупреждения отклоняющегося поведения и преступности. При желании можно трактовать так, что любое мероприятие, проводимое в организации, является профилактическим, если прописать соответствующие задачи в плане организации. Но все-

таки должны быть ориентиры, которые хотя бы позволят связать эти мероприятия в систему.

В связи с этим в данной статье будет предпринята попытка разобраться в особенностях профилактики как направления деятельности психолога.

Сложность психопрофилактической деятельности психолога заключается в ее противоречивости.

Первое противоречие — это зачастую отсутствие запроса на такую деятельность со стороны клиента. Нужно потратить дополнительные усилия для мотивации если не заказчика, то собственно клиента. Примером может являться курение и борьба с ним. Если человек не курит, то работа по профилактике курения часто вызывает протест (особенно если она проводится как лекции о вреде курения).

Второе противоречие состоит в том, что тяжело понять границы психопрофилактической деятельности. С одной стороны, есть понимание, что работа должна проводиться с так называемой группой риска. С другой стороны, профилактика не может сводиться к работе только с одной или несколькими группам, потому что практика показывает, что проблемы могут начаться там, где их не ждали.

И главное противоречие — очень сложно говорить об эффективности психопрофилактики. Ведь если она действительно эффективна, то ничего не происходит. Соответственно, нет никаких доказательств, что и без работы психолога что-то бы произошло. А если все-таки случается (а сколько бы специалист ни работал, не все в его власти), то сразу встает вопрос: почему психопрофилактика не оказала нужного действия?

При определении психопрофилактики, на наш взгляд, необходимо учитывать следующие требования.

Комплексность.

При анализе проблемы преступности все исследователи говорят о ее многоаспектности, невозможности свести ее только к одного рода причинам (экономическим, социальным, педагогическим или психологическим). Но слабость дисциплинарного подхода состоит в том, что практика работы специалиста требует опоры на специфику той научной области, в рамках которой работает данный профессионал. Многими декларируется, что только при объединении усилий возможно достижение цели — если не предотвращение, то хотя бы снижение уровня преступности. Поэтому при рассмотрении сущности психопрофилактики необходимо акцент делать на межведомственном подходе, в рамках которого психолог образовательного учреждения работает не один, а совместно с коллегами разного профиля и даже разных ведомств.

Создание профилактического пространства.

Когда речь заходит о таких направлениях деятельности, как профилактика, сопровождение или реабилитация, многие психологи говорят о создании определенных условий в рамках организации для изменения жизнедеятельности клиента. Довольно часто речь идет о создании «тепличных условий» в рамках организации, свободных от воздействия неблагоприятных факторов, что позволяет клиенту формироваться нетравматично. На наш взгляд, это мало достижимо и неэффективно. Необходимо не ограждать человека от трудностей жизни, а готовить его к встрече с ними, развивая его качества и способности.

Кроме того, человек существует в рамках разных групп, и изменения оказываются нестойкими, так как он возвращается в прежние условия. Таким образом, необходимым условием эффективности профилактической деятельности психолога является работа с

окружением.

Субъектный принцип в психопрофилактике.

Часто при описании психопрофилактики акцент ставится на психолога как единственного субъекта данной деятельности. Но сложно себе представить специалиста, особенно в рамках образовательного комплекса, который может насчитывать до 10 000 обучающихся, способного охватить всех субъектов образовательной деятельности. Понятно, что для того, чтобы профилактика была более эффективной, необходимо привлекать тех, кто общается с детьми более часто и массово. Очень часто такими субъектами профилактики становятся классные руководители, да и учителя в целом. Для того чтобы они могли вовремя заметить признаки проблем, необходимо проводить психологическое просвещение, в ходе которого повышать компетентность учителей в области девиантного поведения.

Однако учителя не всегда обладают полной информацией. Особенностью подросткового возраста является дистанцирование от мира взрослых. Поэтому еще более эффективно передавать некоторые компетенции непосредственно обучающимся. Еще более революционным выглядит мысль, что сам обучающийся тоже может быть субъектом профилактики, когда он сам у себя может найти эти индикаторы и обратиться за помощью, а также принять ответственность за свою жизнь и ее границы и найти вместе со своим ближайшим окружением возможности выхода из трудной жизненной или юридически значимой ситуации, а, возможно, ее избежать.

Решая вопрос о профилактике девиантного поведения важно определить, что это такое. Чаще всего одним из ключевых критериев девиантного поведения выделяется стойкость и постоянство поведенческих проявлений, противоречащих общепринятым социальным нормам [7]. Однократная демонстрация ребенком или подростком какого-либо поступка еще не говорит ни о склонности к девиантному поведению, ни о его сформированности. И в этом контексте необходимо говорить как о генезисе отклоняющегося поведения, так и о ситуациях, в которых оно разворачивается. Практический опыт работы с несовершеннолетними, а также эмпирические данные и результаты исследований отражают тенденцию не внезапного, а постепенного формирования проблемного поведения в большинстве случаев.

Формирование и развитие раннего проблемного поведения у детей и отклоняющегося поведения у подростков может сочетаться с трудной жизненной ситуацией, которая приводит к тому, что нарушаются нормальное функционирование и жизнедеятельность, а с возникающими трудностями ребенок и семья не могут справиться привычными средствами. Это обуславливает необходимость оказания своевременной и адекватной помощи несовершеннолетнему и его семье. При этом, чем раньше будет оказана помощь, тем легче нивелировать действие неблагоприятных факторов.

В некоторых случаях трудная жизненная ситуация может трансформироваться в юридически значимую ситуацию. Ранее мы уже формулировали определение этой ситуации как ситуации с участием несовершеннолетнего (и его семьи), разворачивающейся в правовом контексте и приводящей к социально-правовым и психологическим последствиям. При этом сама юридически значимая ситуация обусловлена конфликтным взаимодействием ее субъектов. И эта вероятность требует особого внимания специалистов на этапе профилактики девиантного поведения.

Важно учитывать, что развитие этих ситуаций предполагает выделение некоторых этапов, на которых специалисты могут выстраивать работу с детьми и подростками, используя

разные технологии. Так, когда поведение еще не выходит за рамки общепринятых социальных норм, профилактическая работа может быть сконцентрирована на развитии ресурсов личности, способствующих преодолению трудных жизненных ситуаций и адекватному реагированию на действие неблагоприятных факторов. На этапе, когда в поведении отмечаются первые признаки отклонений от социальных норм, должна выстраиваться вторичная профилактика, направленная на работу с группами риска и подразумевающая определение факторов риска и ресурсов развития, имеющихся в каждом конкретном случае. Если же речь идет о стойких поведенческих нарушениях, то требуется более глубокая работа, направленная на профилактику рецидивов и правонарушений, которую нередко называют также реабилитационной работой.

Таким образом, предлагается определить психопрофилактику как направление деятельности психолога, целью которого является предупреждение отклонений в развитии и поведении через создание условий для успешного формирования и развития личностных ресурсов, способствующих преодолению различных трудных жизненных ситуаций и влияющих на повышение устойчивости к неблагоприятным факторам.

В нашем понимании направления деятельности (такие как психопрофилактика, сопровождение и реабилитация) имеют отличия от видов деятельности (психодиагностика, психокоррекция, психотерапия и т. д.): это содержательная система деятельностей, образующаяся из определенных видов деятельностей, логически связанных в единый алгоритм для достижения определенной цели.

Встает вопрос: какие именно виды деятельности должны войти в психопрофилактику. Понятно, что любая деятельность психолога начинается с психодиагностики. Необходимо определить, какие риски, уязвимости и ресурсы имеет клиент, чтобы начать планировать работу с ним.

На следующем шаге психологу необходимо организовать проведение консилиума. Как мы уже отмечали [3], к данной форме очень удобно привлекать специалистов из других ведомств, обеспечивая все ресурсы профилактического пространства. Этот вид деятельности обеспечивает координацию действий различных специалистов и ведомств, не только педагогов, медиков и юристов, но и психологов различных профилей. Соответственно, неравномерность нагрузки на специалистов разных ведомств может быть сбалансирована, так как специалисты, которые работают в определенном учреждении, обычно должны решать все возникающие у их клиентов проблемы, однако это возможно лишь при грамотном привлечении специалистов из других учреждений, в профиль которых входит разработка программ помощи нужной направленности.

Понятно, что результатом консилиума является профилактическая программа (индивидуальная или групповая), в которой задействованы специалисты различного профиля (в зависимости от того, насколько сложный случай).

Соответственно, частью данной программы будет психологическая помощь, которая необходимо включает два аспекта: помощь самому клиенту (в зависимости от запроса это могут быть развивающая деятельность (для развития защитных факторов), психокоррекция (для нивелирования уязвимостей), профориентация, психологическое консультирование, психотерапия, диспетчерская деятельность и т. д.) и работа с его окружением для поддержки изменений (чаще всего это психологическое просвещение родителей, педагогов, одноклассников и т. д., а также психологическое консультирование, но могут быть и другие

виды деятельности).

По итогам проведенной работы проводится повторная диагностика, целью которой является понимание того, достигнута ли цель (выполнен ли запрос). Соответственно, если цель не достигнута, то диагностика становится промежуточной, снова проводится консилиум, уточняется план профилактической деятельности и снова реализуется в выбранных видах деятельности специалиста. Потом снова проводится психодиагностика, которая в случае достижения цели становится итоговой.

Таким образом, можно описать деятельность психолога в виде циклов, которые и составляют технологию планирования цикла деятельности психолога. Ее можно использовать при планировании не только психопрофилактики, но и любого другого направления деятельности (сопровождения или психосоциальной реабилитации).

Важно отметить роль еще одного вида деятельности в работе психолога — методической. Психологи-практики не очень любят эту деятельность, так как она во многом пересекается с ведением документооборота, а, как известно, эта часть работы становится все объемнее и запутаннее. Однако методическая деятельность позволяет, с одной стороны, упорядочить свою работу, а с другой стороны, обогатить опыт профессионального сообщества. Мы определяем эту деятельность как вид деятельности психолога, направленный на анализ собственной деятельности, документирования ее структуры (разработка различных программ, методов диагностики, программ тренингов и т. д.) в целях дальнейшей оптимизации процесса и распространения в профессиональном сообществе. В методическую деятельность входит как освоение и разработка новых методов и методик работы психолога, так и такие организационные виды деятельности, как планирование, проектирование и рефлексия. Она явно пересекается с научной деятельностью, ведь, например, апробация программ может быть опубликована как научно-методическая статья. Как видим, методическая деятельность пронизывает всю деятельность психолога с начала и до конца цикла деятельности.

В ходе психопрофилактики должны быть выполнены и соблюдены определенные этапы, без которых эта деятельность не будет организована и реализована полноценно. При этом на каждом этапе могут быть использованы различные методы и технологии практической работы психологов [5; 6].

В первую очередь необходимо работать на создание профилактического пространства, что подразумевает проведение серьезной работы с командой специалистов. На этом шаге могут быть использованы технологии работы со специалистами в групповом формате. Эти технологии направлены на создание социально поддерживающего климата (например, в коллективе педагогов), превенцию профессионального выгорания, развитие социальных навыков, работу с самооценкой и Я-концепцией, личностным ростом и т. п. Но еще более важным аспектом работы с командой специалистов является выработка общих ценностных оснований совместной профессиональной деятельности, соотнесение тезауруса и понимания специфики проблем детей и подростков.

Второй этап психопрофилактики должен быть связан с проведением мониторинга [1] рисков (индикаторы риска) и ресурсов развития (как социальных, ситуативных, так и индивидуально-психологических), в результате чего необходимо выделить группы риска, с которыми будет проводиться непосредственная работа. И здесь имеется достаточно широкий спектр методов, методик и технологий, в том числе тех, которыми располагает юридическая

психология детства. Рассмотрим их подробнее.

Диагностические методы и методики. Как отмечалось выше, деятельность психолога, в том числе в контексте психопрофилактики, начинается с диагностики, в результате которой должны быть выделены группы риска и определены мишени практической работы. Арсенал методов диагностической работы у психологов достаточно широкий: наблюдение за поведением, как в процессе обследования, так и в естественных условиях (например, в классе, на переменах и т. д.); беседа; тестирование; проективные методы; методы и методики, используемые в клинической психологии, а также структурированные методы оценки риска. Среди тестовых методов, наиболее часто используемыми в процессе диагностики склонности к отклоняющемуся поведению, являются такие методики, как опросник «Склонность к отклоняющемуся поведению» (А.Н. Орел), «Диагностический опросник для выявления склонности к различным формам девиантного поведения для учащихся общеобразовательных учреждений» (СПб., ВМедА, кафедра психиатрии) и тест «Склонность к девиантному поведению» (Э.В. Леус, А.Г. Соловьев).

Технологии сбора информации о несовершеннолетнем и разработки плана работы. Отдельно следует рассмотреть структурированные методы оценки риска. Они занимают промежуточное положение между методами диагностики и технологиями практической работы, поскольку содержат в себе алгоритмы анализа информации о несовершеннолетнем, которые нацелены на разработку индивидуального плана и программы работы с ним. Их можно отнести к технологиям сбора и структурирования информации о ребенке, факторах риска, ресурсах развития с последующим определением степени интенсивности необходимой помощи и планированием работы. Одним из таких методов является «Оценка риска и возможностей» (ОРВ), который может применяться как на уровне первичной профилактики отклоняющегося поведения, так и в процессе работы с риском рецидива делинквентного поведения. С нашей точки зрения, данная технология может быть эффективно использована специалистами как при проведении психолого-педагогических консилиумов, так и в работе совета профилактики. В рамках первичного консилиума ОРВ позволяет проанализировать социальную ситуацию ребенка и его индивидуально-психологические особенности с точки зрения факторов риска и ресурсов, разработать обоснованный и аргументированный план работы, на динамическом или итоговом консилиуме отследить динамику изменений.

Следующие этапы психопрофилактической деятельности предполагают оказание непосредственной помощи группам риска и разработку профилактических программ, направленных на работу, как с клиентами, так и с их окружением. Каждый отдельный случай должен быть рассмотрен на консилиуме [8], результатом должна быть адресная психопрофилактическая программа, а обобщенный анализ и типологизация групп риска должны привести к разработке программ профилактики. И здесь опять имеется большой арсенал технологий помощи, который может комбинироваться в зависимости от задач помощи.

Технологии работы с несовершеннолетним. Нередко, когда начинают реализовываться рекомендации консилиума, необходимо провести мотивирование ребенка или подростка, направленное на формирование субъектной позиции и повышение эффективности взаимодействия. На этом этапе могут быть применены технологии мотивационного интервьюирования и консультирования, которые успешно используются

также и в международной практике в работе с несовершеннолетними-правонарушителями. Далее при реализации решений консилиума могут использоваться технологии формирования социально важных навыков с использованием методов коррекционно-развивающей, консультативной работы и активного социального обучения, включения ребенка или подростка в альтернативные виды просоциальной деятельности. Эти технологии должны формировать ресурсы личности, позволяющие повысить устойчивость к действию неблагоприятных факторов (иными словами, минимизировать действие риска и уязвимости).

Технологии работы с семьей. Зачастую работа только с несовершеннолетним малоэффективна, поскольку проблема девиантного поведения включает в себя также семейный контекст, подразумевающий оказание помощи родителям или законным представителям ребенка или подростка. В том случае, если речь идет о раннем выявлении проблем поведения, проявляющихся до подросткового возраста, или о семьях группы риска с детьми раннего или дошкольного возраста, могут быть использованы технологии раннего вмешательства, направленные на предотвращение раннего неблагополучия. Данные технологии показывают высокую эффективность, в том числе в долгосрочной перспективе. В ситуации, когда неблагополучие имеет уже выраженные проявления, могут быть использованы технологии интенсивной семейной терапии на дому, когда с семьей работает междисциплинарная команда специалистов. Однако эти технологии несколько выходят за рамки возможностей таких образовательных организаций, как школы, но могут быть учтены при планировании работы с ребенком на этапе формулирования решений консилиума.

Технологии работы с сетью социальных контактов и социальным окружением. Прежде всего этот тип технологий направлен на просветительскую работу с различными категориями клиентов, в том числе с использованием социальной рекламы, а также на организацию социальной среды, позволяющей детям и подросткам включаться в социальные проекты (как региональные, так и локальные, разрабатываемые и реализуемые конкретными образовательными организациями). Не менее востребованными являются программы работы с различными подростковыми и молодежными субкультурами. Работа с сетью социальных контактов включает в себя также создание групп социальной поддержки — так называемых групп само- и взаимопомощи, например, среди сверстников, родителей, учителей. Такие группы могут быть организованы как внутри образовательной организации, так и между разными школами. Группы само- и взаимопомощи чаще всего проводятся в формате, когда нет какого-то определенного ведущего (тренера, модератора). В настоящее время актуальными являются также технологии информирования, которые лишь отчасти пересекаются с просветительской работой, поскольку подразумевают проведение лекций, семинаров, консультаций, подготовку специализированных брошюр, видеороликов и фильмов по тем или иным запросам и проблемам. В ряде случаев необходимо использование специализированных технологий в контексте восстановления отношений между несовершеннолетним и его социальным окружением, социумом в целом. Практический опыт показывает, что для решения этой задачи могут быть использованы приемы и методы сетевой терапии. К технологиям работы с социальным окружением можно также отнести процедуры медиации и примирения, осуществляемые в том числе школьными службами примирения, используемые на этапе урегулирования различных конфликтов.

Интегрированные (смешанные) технологии. В последнее время остро стоит вопрос об оценке эффективности деятельности и программ помощи, а также использовании

доказательного подхода в практической работе специалистов. Исследования показывают, что в этой связи наиболее эффективным оказывается эклектический подход, когда в программы помощи интегрируются различные технологии. Например, постпенитенциарные технологии помощи детям, подросткам и их родителям либо законным представителям (включая тех взрослых из ближайшего окружения ребенка, которые освобождаются из мест лишения свободы) направлены на помощь в социальной адаптации и интеграции в социум. Такого рода интегрированные технологии могут быть разработаны и использованы в деятельности специалистов образовательной организации, когда программа помощи мультикомпонентна, т. е. учитываются индивидуальные и средовые аспекты работы с несовершеннолетними и семьями. Следует отметить, что профилактика как направление деятельности как раз и подразумевает больше мультикомпонентный характер, чем фокусировку на какой-то одной узкой проблеме. Если, например, речь идет о буллинге, то работа включает в себя и работу с учениками, и работу с педагогом, и просвещение родителей.

Технологии работы в интернет-пространстве. В условиях изменения социальной ситуации развития детей и подростков, которая трансформируется в том числе благодаря распространению Интернета и цифровых технологий, новой областью научных исследований и практических разработок являются технологии работы в виртуальной реальности и социальных сетях. Среди них можно выделить технологию онлайн-стритворк, направленную на работу с риском, гейтикипер-тренинг в контексте работы с суицидонаправленным онлайн поведением, разработку технологий онлайн-консультирования, интернет-площадок и платформ для организации психологической, консультативной и иной помощи в интернет-пространстве, развитие групп помощи в социальных сетях. Отметим, что в профессиональном стандарте «Психолог в социальной сфере» выделена отдельная профессиональная функция, связанная с работой психолога в сети Интернет [2]. Вместе с тем и психологи образования также стоят перед необходимостью освоения данных компетенций. Однако эта область практических разработок в нашей стране находится только в самом начале своего становления, когда происходит накопление и обобщение результатов исследований и эффективности работы в онлайн, а также разработка образовательных программ для специалистов.

Еще одним обязательным этапом в организации психопрофилактики является межведомственное взаимодействие специалистов. Еще раз подчеркнем принципы, в соответствии с которыми данное взаимодействие будет наиболее эффективным.

Во-первых, речь идет о преемственности. Клиент не должен бесцельно проходить одни и те же методики и программы. Особенно это часто встречается при психодиагностическом обследовании и приводит к тому, что порой клиент наизусть знает вопросы и желательные ответы на них. Кроме того, почти полностью игнорируется траектория движения клиента по разным организациям, соответственно, психологи порой с удивлением узнают, что с клиентом уже проводилась какая-либо работа. Особенно в юридически значимых ситуациях важно понимание правового контекста, ведь клиент может перейти в другую организацию (например, из обычной школы в закрытую) и психологическая помощь не может быть эффективной без учета этого.

Во-вторых, очень важен принцип вариативности психологической помощи. Каждая организация имеет свою специфику, соответственно, психологические службы разных ведомств и организаций могут предложить свои программы (углубленной психодиагностики,

развивающей или психокоррекционной помощи). Разные субъекты профилактики могут оказывать психологическую помощь не только самому несовершеннолетнему, но и его окружению. Так, например, различные центры могут взять на себя работу с родителями, что не совсем в функциях образовательных организаций.

В-третьих, — принцип координации. Даже при высокой вариативности психологической помощи важно, чтобы действительно было взаимодействие специалистов, что вполне возможно реализовывать в форме консилиума, который может взять на себя роль координационного совета, функциями которого будут планирование профилактической программы, контроль за ее реализацией, а также необходимая коррекция (изменение тех пунктов программы, которые показывают свою неэффективность, а также привлечение необходимых специалистов, как психологического профиля, так и смежников).

В соответствии с этими принципами, психологи системы профилактики, в частности образовательных учреждений, должны иметь что-то вроде карты межведомственного взаимодействия, где определены специалисты, которых можно вовлечь в совместную работу или к которым можно направить своих клиентов. При этом важно оценить достаточность этих контактов в контексте того контингента клиентов, с которыми работает психолог: например, с точки зрения их обеспеченности (некоторые не могут себе позволить платить за услуги специалистов, а некоторые предпочитают именно коммерческие отношения) или удаленности от их места проживания (может ли клиент выделить на это время или у него нет возможностей покинуть свое место проживания). Учесть необходимо и вопросы анонимности, так как существует ряд проблем, которые клиенты (или заказчики) не решают вследствие страха перед оглаской (например в случае обращения к психиатру или наркологу).

Говоря о программах профилактики девиантного поведения, нам хотелось бы отметить, что можно выделить два типа таких программ.

1. Программы профилактики как комплексная система деятельности в процессе решения проблем, связанных с отклоняющимся поведением, эффект которых рассчитан не на конкретного несовершеннолетнего или семью, а на определенную категорию, выделенную по какому-то признаку (например, программа профилактики суицидального поведения несовершеннолетних). Этот тип программ методически описывает систему работы специалистов, занимающихся профилактикой того или иного вида отклоняющегося поведения в конкретной образовательной организации.

2. Профилактические программы в отличие от программ профилактики представляют собой адресную помощь, направленную на системное изменение конкретной ситуации и поведения данного ребенка или семьи, с учетом факторов риска и ресурсов развития. Этот тип программ разрабатывается как раз в рамках работы консилиума непосредственно для каждого клиента.

Можно выделить ряд общих требований, которые предъявляются на этапе разработки программы профилактики. Соблюдение этих требований позволит специалистам обосновывать те или иные действия в рамках практической работы с детьми и подростками. Во-первых, такая программа должна иметь название и указание на авторство. Во-вторых, она должна быть обоснована, т. е. отвечать актуальной ситуации и практическим запросам. В-третьих, в программе необходимо сформулировать цель и задачи, при этом важно, чтобы цель определялась как образ конечного результата, ресурс, который будет сформирован у клиента (ребенка, подростка, семьи). Также цель не должна иметь отрицательную формулировку. В-

четвертых, желательно, чтобы в программе была описана теоретическая модель того или тех феноменов, которые являются мишенями воздействия. Этот раздел имеет принципиальное значение для формулирования задач программы. В-пятых, должно быть указание на целевую группу или целевые группы, являющиеся ключевыми клиентами программы. В-шестых, важно определить длительность программы, ее объем в часах, количество и продолжительность занятий, их формы, а также принципы комплектования групп (количество человек, возраст, пол и т. п.), если программа подразумевает различные групповые форматы работы. В-седьмых, важно на этапе разработки программы продумать, какая методическая и материально-техническая база нужна для ее реализации и воплощения (например, бланки методик, оборудование и т. п.). В-восьмых, структурируются этапы и блоки программы, что обычно делается в форме тематического плана. Далее должны быть представлены методические рекомендации по реализации программы; описание занятий, включающее в себя формулирование тем и целей занятий, методов, которые планируется использовать в ходе занятий, оборудования, которое необходимо на тех или иных занятиях (в том числе бланки диагностических методик, дидактический и раздаточный материал и т. п.); планы занятий и описание хода занятия (описание игр и упражнений, которые планируется использовать, текст лекции или сообщения, если они планируются и т. п.). В отдельном разделе программы желательно описать, каким образом будет оцениваться эффективность программы на основе доказательного подхода (например, через экспертные оценки, анализ отзывов клиентов, результаты мониторинга и т. д.). В конце программы приводится список использованной литературы.

Таким образом, профилактическая деятельность психолога — сложноорганизуемая деятельность, в которую включены специалисты различных направлений и ведомств. Как показывает проведенный нами анализ, такая деятельность не может быть сведена к одному или нескольким отдельным мероприятиям, а должна осуществляться системно и с использованием всех ресурсов среды и самого человека. На наш взгляд, очень важна методическая поддержка психологов, осуществляющих данную деятельность, в первую очередь, через создание площадки для обмена технологиями, методами и опытом в целом. И от формального подхода необходимо переходить к содержательному насыщению среды, чтобы любая неожиданность стала возможностью для развития, а не травмирующим фактором.

Литература

1. *Алехина С.В., Битянова М.Р.* Мониторинг как вид профессиональной деятельности педагога-психолога [Электронный ресурс] // Вестник практической психологии образования. 2009. № 4. С. 66—73. URL: https://psyjournals.ru/vestnik_psyobr/2009/n4/27746.shtml (дата обращения: 20.03.2020).
2. Богданович Н.В. Анализ основных профессиональных стандартов, предполагающих работу психологов в трудных жизненных и юридически значимых ситуациях [Электронный ресурс] // Психология и право. 2016. Том 6. № 2. С. 1—12. doi:10.17759/psylaw.2016060201. URL: <https://psyjournals.ru/psyandlaw/2016/n2/81663.shtml> (дата обращения: 20.03.2020)
3. Богданович Н.В., Делибалт В.В. Межведомственное взаимодействие как основа профилактики девиантного поведения несовершеннолетних // Психология XXI века: вызовы, поиски, векторы развития. Сборник материалов Всероссийского симпозиума психологов / Под общ. ред. Д.В. Сочивко. Рязань: Академия права и управления Федеральной службы

Богданович Н.В., Делибалт В.В.
Профилактика девиантного поведения детей и подростков как направление деятельности психолога в образовательных учреждениях
Психология и право. 2020. Том 10. № 2. С. 1–14.

Bogdanovich N.V., Delibalt V.V.
Prevention of Deviant Behavior of Children and Adolescents as a Field of Activity of a Psychologist in Educational Institutions
Psychology and Law. 2020. Vol. 10, no. 2, pp. 1–14.

исполнения наказаний, 2019. С. 678—686. URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_37275660_61566750.pdf (дата обращения: 20.03.2020).

4. Богданович Н.В., Делибалт В.В. Профилактика как направление деятельности психологов // Коченовские чтения «Психология и право в современной России». Сборник тезисов участников Всероссийской конференции по юридической психологии с международным участием. М.: МГППУ, 2018. С. 137—138. — URL: http://psyjournals.ru/files/96133/kochenovskie_chteniya_2018.pdf (дата обращения: 20.03.2020).

5. Богданович Н.В., Делибалт В.В. Психологические технологии как основа подготовки специалистов в области юридической психологии // Актуальные проблемы психологии правоохранительной деятельности: концепции, подходы, технологии (Васильевские чтения — 2018) Материалы международной научно-практической конференции / Под ред. Ю.А. Шаранова, В.А. Шаповала; сост. М.А. Кутырёв. 2018. С. 53—57. URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_37197422_91574532.pdf (дата обращения: 20.03.2020).

6. Делибалт В.В., Богданович Н.В. Спектр технологий помощи несовершеннолетним с проблемным и девиантным поведением в контексте юридически значимых ситуаций // Коченовские чтения «Психология и право в современной России»: сб. тезисов участников Всероссийской конференции по юридической психологии с международным участием. 2016. С. 122—124. URL: https://psyjournals.ru/files/83497/sbornik_modern_psy_and_law.pdf (дата обращения: 20.03.2020).

7. Навигатор профилактики и памятки по различным видам отклоняющегося поведения. Методические материалы по признакам девиаций, действиям специалистов системы образования в ситуациях социальных рисков и профилактике девиантного поведения обучающихся. М: МГППУ, 2018 г. URL: https://mgppu.ru/about/publications/deviant_behaviour (дата обращения: 20.03.2020).

8. Пимонов В.А., Делибалт В.В., Дворянчиков Н.В., Малкин Д.А. К вопросу о нормативно-правовом регулировании организации деятельности психолого-медико-педагогических комиссий в контексте профилактики правонарушений несовершеннолетних [Электронный ресурс] // Психология и право. 2018. Том 8. № 1. С. 95—109. doi:10.17759/psylaw.2018080107. URL: <https://psyjournals.ru/psyandlaw/2018/n1/91730.shtml> (дата обращения: 20.03.2020).

References

1. Alekhina S.V., Bityanova M.R. Monitoring kak vid professional'noi deyatel'nosti pedagoga-psikhologa [Monitoring as a professional activity of a teacher-psychologist]. *Vestnik prakticheskoi psikhologii obrazovaniya* [Bulletin of Psychological Practice in Education]. 2009. № 4. pp. 66—73. - URL: https://psyjournals.ru/vestnik_psyobr/2009/n4/27746.shtml (Accessed 20.03.2020)
2. Bogdanovich N.V. Analiz osnovnykh professional'nykh standartov, predpolagayushchikh rabotu psikhologov v trudnykh zhiznennykh i yuridicheski znachimykh situatsiyakh [Analysis of the basic professional standards involving the work of psychologists in difficult and legally significant situations]. *Psikhologiya i pravo* [Psychology and Law]. 2016. Tom 6. № 2. pp. 1—12. doi:10.17759/psylaw.2016060201 — URL: <https://psyjournals.ru/psyandlaw/2016/n2/81663.shtml> (Accessed 20.03.2020)
3. Bogdanovich N.V., Delibalt V.V. Mezhdovedomstvennoe vzaimodeistvie ka osnova profilaktiki deviantnogo povedeniya nesovershennoletnikh. [Interdepartmental interaction as a basis for

Богданович Н.В., Делибальт В.В.
Профилактика девиантного поведения детей и подростков как направление деятельности психолога в образовательных учреждениях
Психология и право. 2020. Том 10. № 2. С. 1–14.

Bogdanovich N.V., Delibalt V.V.
Prevention of Deviant Behavior of Children and Adolescents as a Field of Activity of a Psychologist in Educational Institutions
Psychology and Law. 2020. Vol. 10, no. 2, pp. 1–14.

prevention of deviant behavior of minors [Psikhologiya XXI veka: vyzovy, poiski, vektory razvitiya [Psychology of the XXI century : challenges, searches, vectors of developmen]. Sbornik materialov Vserossiiskogo simpoziuma psikhologov. D.V. Sochivko (ed.). Publ. Akademiya prava i upravleniya Federal'noi sluzhby ispolneniya nakazanii (Ryazan') 2019. pp. 678-686. — URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_37275660_61566750.pdf (Accessed 20.03.2020)

4. Bogdanovich N.V., Delibalt V.V. Profilaktika kak napravlenie deyatel'nosti psikhologov [Prevention as a field of activity of psychologists]. Kochenovskie chteniya «Psikhologiya i pravo v sovremennoi Rossii» [Psychology and Law in the modern Russia]. Sbornik tezisov uchastnikov Vserossiiskoi konferentsii po yuridicheskoi psikhologii s mezhdunarodnym uchastiem. Moscow: MGPPU, 2018. — pp. 137-138. — URL: http://psyjournals.ru/files/96133/kochenovskie_chteniya_2018.pdf (Accessed 20.03.2020)

5. Bogdanovich N.V., Delibalt V.V. Psikhologicheskie tekhnologii kak osnova podgotovki spetsialistov v oblasti yuridicheskoi psikhologii [Psychological technologies as the basis for training specialists in the field of legal psychology]. Aktual'nye problemy psikhologii pravookhranitel'noi deyatel'nosti: kontseptsii, podkhody, tekhnologii [Actual problems of law enforcement psychology: concepts, approaches, technologies] (Vasil'evskie chteniya - 2018) Materialy mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii. Yu. A. Sharanova, V. A. Shapovalova (ed.). 2018. pp. 53-57. - URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_37197422_91574532.pdf (Accessed 20.03.2020)

6. Delibalt V.V., Bogdanovich N.V. Spektr tekhnologii pomoshchi nesovershennoletnim s problemnym i deviantnym povedeniem v kontekste yuridicheskoi znachimykh situatsii [Spectrum of technologies for helping minors with problematic and deviant behavior in the context of legally significant situations]. Kochenovskie chteniya "Psikhologiya i pravo v sovremennoi Rossii" [Psychology and Law in the modern Russia] sbornik tezisov uchastnikov Vserossiiskoi konferentsii po yuridicheskoi psikhologii s mezhdunarodnym uchastiem. 2016. pp. 122-124. - URL: https://psyjournals.ru/files/83497/sbornik_modern_psy_and_law.pdf

7. Navigator profilaktiki i pamyatki po razlichnym vidam otklonyayushchegosya povedeniya. Metodicheskie materialy po priznakam devyatsii, deistviyam spetsialistov sistemy obrazovaniya v situatsiyakh sotsial'nykh riskov i profilaktike deviantnogo povedeniya obuchayushchikhsya [Prevention Navigator and reminders for various types of deviant behavior. Methodological materials on signs of deviations , actions of specialists of the education system in situations of social risks and prevention of deviant behavior of students]. Moscow: Publ. MGPPU, - 2018. - URL: https://mgppu.ru/about/publications/deviant_behaviour (Accessed 20.03.2020)

8. Pimonov V.A., Delibalt V.V., Dvoryanchikov N.V., Malkin D.A. K voprosu o normativno-pravovom regulirovanii organizatsii deyatel'nosti psikhologo-mediko-pedagogicheskikh komissii v kontekste profilaktiki pravonarushenii nesovershennoletnikh [On legal regulation of activities of psychological, medical and educational committees in the context of crime prevention among minors]. *Psikhologiya i pravo [Psychology and Law]*. 2018. Tom 8. № 1. pp. 95—109. doi:10.17759/psylaw.2018080107 — URL: <https://psyjournals.ru/psyandlaw/2018/n1/91730.shtml> (Accessed 20.03.2020)

Информация об авторах

Наталья Викторовна Богданович, кандидат психологических наук, доцент кафедры юридической психологии и права факультета юридической психологии, Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ), г. Москва,

Богданович Н.В., Делибальт В.В.
Профилактика девиантного поведения детей и подростков как направление деятельности психолога в образовательных учреждениях
Психология и право. 2020. Том 10. № 2. С. 1–14.

Bogdanovich N.V., Delibalt V.V.
Prevention of Deviant Behavior of Children and Adolescents as a Field of Activity of a Psychologist in Educational Institutions
Psychology and Law. 2020. Vol. 10, no. 2, pp. 1–14.

Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1507-9420>, e-mail: bogdanovichnv@mgppu.ru

Варвара Васильевна Делибальт, доцент кафедры юридической психологии и права факультета юридической психологии, Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9586-3188>, e-mail: delibaltvv@mgppu.ru

Information about the authors

Nataliya V. Bogdanovich, PhD in Psychology, Associate Professor of the Department of Legal Psychology and Law, Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1507-9420>, e-mail: bogdanovichnv@mgppu.ru

Varvara V. Delibalt, Associate Professor of the Department of Legal Psychology and Law, Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9586-3188>, e-mail: delibaltvv@mgppu.ru

ЮВЕНАЛЬНАЯ ЮРИДИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ | JUVENILE LEGAL PSYCHOLOGY
**Характеристики личностной незрелости у девочек,
совершивших общественно опасные деяния**

Федонкина А.А.

ФГБУ «НМИЦ ПН имени В.П. Сербского» Минздрава России, Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ), г. Москва, Российская Федерация

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0313-5272>, e-mail: afedonkina@gmail.com

В статье рассматриваются проявления личностной незрелости у несовершеннолетних правонарушителей женского пола. Были проанализированы психологические заключения на девочек, совершивших общественно опасные деяния, проходивших комплексную судебную психолого-психиатрическую экспертизу. Представлены результаты клинической диагностики и экспертной оценки способности несовершеннолетних к произвольной регуляции собственной деятельности. Описаны особенности проявления признаков, специфичных для личностной незрелости у девочек с противоправным поведением; представлено сравнение с выборкой несовершеннолетних правонарушителей мужского пола. Выявлено, что у девочек задержки психического развития имеют преимущественно парциальный характер, проявления личностной незрелости являются, в целом, менее выраженными по сравнению с мальчиками. При исследовании интеллектуальной сферы отмечено, что у девочек интеллектуальная дефицитарность менее выражена, наблюдается преимущественно в сочетании с психопатологией органического генеза.

Ключевые слова: личностная незрелость, гендерная специфика, дизонтогенез, несовершеннолетние обвиняемые, девочки с противоправным поведением.

Для цитаты: *Федонкина А.А.* Характеристики личностной незрелости у девочек, совершивших общественно опасные деяния [Электронный ресурс] // Психология и право. 2020. Том 10. № 2. С. 15–24. DOI:10.17759/psylaw.2020100202

**Characteristics of Personal Immaturity in Female Child
Committing Socially Dangerous Acts**

Anastasiya A. Fedonkina

FSBI «National Medical Research Center of Psychiatry and Narcology named after V.P. Serbsky» of the Ministry of Health of Russia, Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0313-5272>, e-mail: afedonkina@gmail.com

The article deals with the manifestations of personal immaturity in female juvenile offenders. The psychological conclusions of girls committing socially dangerous acts and underwent a comprehensive forensic psychological and psychiatric examination were analysed. The results of clinical diagnostics and expert assessment of the ability of minors to regulate arbitrarily their own activities are presented. The article describes the features of signs in girls with illegal behavior, typical for personal immaturity, and presents a comparison with a sample of male juvenile offenders. It was found that girls' mental development delays are mainly partial in nature, and manifestations of personal immaturity are generally less pronounced compared to boys. In the study of the intellectual sphere, it was noted that girls' intellectual deficits are less pronounced, observed mainly in combination with psychopathology of organic genesis.

Keywords: personal immaturity, gender specificity, dysontogenesis, underage accused, female children with illegal behavior.

For citation: Fedonkina A.A. Characteristics of Personal Immaturity in Female Child Committing Socially Dangerous Acts. *Psikhologiya i pravo = Psychology and Law*, 2020. Vol. 10, no. 2, pp. 15–24. DOI:10.17759/psylaw.2020100202 (In Russ.).

Проблема личностной незрелости несовершеннолетних правонарушителей является актуальной и распространенной. Несмотря на то, что в подростковом возрасте формируются самосознание, осознанная саморегуляция, личностная сфера находится на этапе формирования. Таким образом, установленный возраст уголовной ответственности в России в 16 (14) лет, с одной стороны, можно считать обоснованным, с другой стороны не все подростки, формально достигшие возраста уголовной ответственности, обладают достаточным уровнем развития личности как системы, отвечающей за регуляцию социального поведения человека. У несовершеннолетних с личностной незрелостью, способность к такой регуляции снижена, что отражается в ситуациях совершения ими общественно опасных действий.

В связи с вышеуказанными обстоятельствами проблема личностной незрелости имеет особое значение для судебной экспертной практики в связи с решением вопросов относительно ч. 3 ст. 20 Уголовного кодекса РФ, в соответствии с которой несовершеннолетний, достигший возраста 16 (14) лет, не подлежит уголовной ответственности, если он «... вследствие отставания в психическом развитии, не связанного с психическим расстройством, во время совершения общественно опасного деяния не мог в полной мере осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий (бездействия) либо руководить ими» [6]. Юридическая категория «отставание в психическом развитии, не связанное с психическим расстройством» при проведении комплексной судебной психолого-психиатрической экспертизы (КСППЭ) несовершеннолетних обвиняемых соотносится с представлениями о нормальной для подросткового возраста личностной незрелости. Вместе с тем личностная незрелость может обнаруживаться в структуре психопатологических нарушений и, в зависимости от степени выраженности психического расстройства, квалифицироваться психиатрами в рамках статьи 21 УК РФ («Невменяемость») или статьи 22 УК РФ («Уголовная ответственность лиц с психическими расстройствами, не исключающими вменяемости»).

Характеристики личностной незрелости у несовершеннолетних правонарушителей мужского пола были освещены нами в предыдущих публикациях [4; 5]. Так, было выявлено,

что у подростков мужского пола с личностной незрелостью в 86,6% случаев обнаруживалось наличие психических расстройств. Был выделен патопсихологический симптомокомплекс личностной незрелости, состоящий из совокупности характеристик, специфичных для личностной незрелости, отражающих когнитивные, эмоциональные, регулятивные свойства подростка. Наблюдались трудности организации деятельности на операциональном уровне у подростков-мальчиков с аномальным вариантом личностной незрелости, более низкие интеллектуальные способности по сравнению подростками без личностной незрелости. Отмечалось, что для подростков с личностной незрелостью характерна слабая сформированность смысловой сферы и самосознания. Экспертная психологическая оценка в рамках КСППЭ несовершеннолетних обвиняемых позволила определить критерии потенциальной способности и актуальной возможности несовершеннолетних с личностной незрелостью к осознанной волевой регуляции своей деятельности.

Полученные данные исследования дают представление об особенностях феномена личностной незрелости и характеризующих ее специфических признаках. Вместе с тем, не были исследованы особенности проявления личностной незрелости у несовершеннолетних женского пола, их различий и специфики.

Число несовершеннолетних женского пола, совершающих правонарушения, существенно ниже по сравнению с числом несовершеннолетних мужского пола. Помимо количественных различий, женская преступность имеет специфику по способам и направленности правонарушений. Так, многие авторы отмечают, что женщины, в целом, нередко совершают насильственные и агрессивные преступления [9; 12]. Часто на преступность оказывают существенное влияние семейные факторы, в том числе насилие в семье, жестокое обращение, безнадзорность и др. [3; 10; 11]. Больше 70% правонарушителей женского пола имеют симптомы посттравматического стрессового расстройства, которые проявляются в течении жизни, около 40% девочек пережили опыт сексуального насилия, что, безусловно, отражается на психологическом состоянии подростка [1; 2]. Девочки зачастую имеют сложные отношения в семье, конфликты с родителями, учителями, важную роль в формировании дальнейшего преступного поведения играет и отсутствие доверительных отношений со сверстниками и значимыми взрослыми, невозможность делиться проблемами и трудностями, получать помощь [9]. Помимо этого, психическое развитие подростков имеет гендерную специфику, что может быть обусловлено как социальными факторами, особенностями воспитания, так и биологическими предпосылками [8; 10].

В связи с вышеописанными особенностями мы предположили, что проявления личностной незрелости у девочек будут отличаться от особенностей, которые были выявлены у мальчиков. Таким образом, целью настоящего исследования является описание структурно-содержательной характеристики личностной незрелости у несовершеннолетних женского пола, совершивших общественно опасные деяния.

Материал и методы исследования

Были проанализированы заключения комплексной психолого-психиатрической экспертизы (КСППЭ) 19 несовершеннолетних женского пола, проводившейся в рамках подросткового отделения ФГБУ «НМИЦ ПН имени В.П. Сербского» Минздрава России. Экспериментально-психологическое исследование было проведено в соответствии методическими рекомендациями и направлено на исследование всех сфер психической

деятельности несовершеннолетнего.

Все несовершеннолетние девочки привлекались к уголовной ответственности по различным статьям уголовного кодекса РФ, находились в возрасте от 14 до 18 лет (средний возраст на момент проведения экспертизы $16,3 \pm 1,3$ года). У подэкспертных психологами отмечались признаки личностной незрелости, представленные в различной степени выраженности.

Результаты анализа

При исследовании специфики преступлений были определены особенности характера правонарушений, совершаемых несовершеннолетними женского пола. Так, девочки с личностной незрелостью совершали преимущественно агрессивно-насильственные действия (73,6%), такие как убийства (в том числе новорожденного ребенка матерью); причинение тяжкого вреда здоровью; разбойные нападения; применение насилия в отношении представителя власти; побои; насильственные действия сексуального характера; похищение человека; в 21,0% случаев подэкспертные совершали преступления против собственности — кражи, грабежи; в 5,2% обвинялись в ложном сообщении о терроризме. Правонарушения в большинстве случаев (78,9%) были совершены индивидуально (не в группе). Мальчики с личностной незрелостью совершали правонарушения агрессивного характера в 46,7% случаев, большая их часть приходась на разбой и агрессивно-насильственные действия, совершенные в группе.

Клиническая диагностика и способность к осознанной волевой регуляции деятельности. Клиническая диагностика, проведенная экспертами-психиатрами в рамках КСППЭ показала, что у девочек с личностной незрелостью, совершивших общественно опасные деяния встречаются преимущественно два типа психических расстройств: формирующиеся расстройства личности (36,8%) в виде истерического расстройства личности (F60.4), смешанного расстройства личности (F61.03), второй тип — психопатология органического генеза (42,1% подэкспертных), представленная в форме органического расстройства личности и поведения в связи со смешанными заболеваниями (по МКБ-10: F 07.88) и непсихотическим органическим расстройством личности (F 06.827). У 26,3% подэкспертных наблюдались сопутствующие расстройства в виде синдрома зависимости от нескольких ПАВ (F19.212). Лишь 15,7% девочек были признаны психически здоровыми. У несовершеннолетних мужского пола с признаками личностной незрелости наиболее характерным видом психических расстройств выступала психопатология органического генеза (более 70%), а формирующиеся личностные расстройства встречались в единичных случаях.

Распределение решений экспертных комиссий относительно потенциальной способности и актуальной возможности осознанного руководства несовершеннолетними своими действиями показывает некоторые различия экспертной оценки в отношении девочек и мальчиков с личностной незрелостью. Девочки с выраженными психическими расстройствами, попадающие под критерий «невменяемости» (т. е. в период совершения общественно опасных действий они «не могли осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий и руководить ими»), составили 36,8% выборки, в свою очередь мальчики в 46,6% случаев не могли осуществлять произвольную волевую регуляцию своей деятельности в ситуации совершения инкриминируемых им деяний. Более существенные различия наблюдались при исследовании распределения подэкспертных по

критерию полной способности «осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий и руководить ими». Так, было выявлено, что 42,1% девочек и лишь 21,8% мальчиков обнаруживали полную способность к произвольной волевой регуляции своей деятельности, у 21,1% девочек и 31,1% мальчиков эта возможность была ограничена (в соответствии со ст. 22 УК РФ).

Анализ поведения девочек с личностной незрелостью в период совершения ими общественно опасных деяний демонстрирует, что их деятельность характеризовалась недостаточной обдуманностью поступков, трудностью сдерживания аффекта при дефицитности прогностических функций и волевой регуляции. Действия совершались в большинстве случаев единолично, зачастую под воздействием ситуативных факторов, в отличие от мальчиков, которые в большинстве случаев совершали правонарушения в группе, ориентировались на мнение значимых лиц. Черты личностной дисгармонии в сочетании с личностной незрелостью, сниженная критичность затрудняли целостную оценку ситуации и выбора наиболее продуктивных стратегий поведения.

Структурно-содержательные характеристики личностной незрелости. При исследовании проявления специфичных для личностной незрелости признаков у девочек, совершивших общественно опасные деяния мы разделили основную группу по параметру клинической диагностики на девочек с наличием психической патологии (с аномальной личностной незрелостью) и психически здоровых девочек (с нормальной личностной незрелостью). Как было выявлено в нашем предыдущем исследовании, у несовершеннолетних правонарушителей мужского пола с квалифицированной личностной незрелостью наиболее часто встречаются психологические особенности, выделенные в результате контент-анализа как специфичные для личностной незрелости, так как они статистически значимо чаще встречались в группе несовершеннолетних правонарушителей с этим феноменом. Указанные признаки проявлялись в форме слабой сформированности мотивационной сферы, поверхностности и облегченности суждений, узкого кругозора, узкого круга интересов, в основном развлекательного характера, эгоцентризма, фиксации на удовлетворении собственных интересов и потребностей, низкого чувства ответственности, слабой сформированности самосознания, недифференцированности самооценки, сниженного прогноза последствий своих действий, трудностей конструктивного разрешения проблемных ситуаций, трудности волевого контроля активности, зависимости от мнения референтной группы, склонности к непосредственной реализации возникших побуждений. [4; 5] Каждый подросток имел не менее 4 типичных для незрелости признаков из 14 выделенных, что характерно и для девочек с личностной незрелостью.

Кластерный анализ, проведенный в выборке мальчиков-правонарушителей с личностной незрелостью позволил определить несколько групп взаимосвязанных признаков. Первая группа признаков отражает бедность мотивов и трудности организации деятельности. Во вторую группу вошли признаки, характеризующие слабую усвоенность социальных норм и пониженный уровень морального развития. Оба кластера образуют общую группу, которую можно обозначить как слабую сформированность мотивационной и нормативной сфер. Третий кластер характеризует недифференцированность оценок. В итоге образуется интегративная группа более высокого порядка, к которой присоединяется качество, отвечающее за регуляцию поведения — трудности волевого контроля активности. Совокупность отмеченных характеристик может рассматриваться в качестве

патопсихологического симптомокомплекса аномальной личностной незрелости. [4; 5]

В группе несовершеннолетних правонарушителей женского пола были выявлены те же признаки личностной незрелости, однако в иной количественной выраженности. Так, такие признаки, как зависимость от мнения референтной группы, слабая сформированность самосознания встречались в единичных случаях, чаще всего наблюдались слабая сформированность мотивационной сферы (89,4%), трудности волевого контроля активности (89,4%), эгоцентризм (68,4%).

Мы провели иерархический кластерный анализ в выборке несовершеннолетних правонарушителей женского пола с аномальной личностной незрелостью для возможности оценки гендерной специфики патопсихологического симптомокомплекса аномальной личностной незрелости. Однако выделение содержательных групп признаков в выборке девочек с аномальной личностной незрелостью не представляется возможным из-за большой вариативности представленных характеристик. Схожие особенности наблюдались в выборке несовершеннолетних мальчиков с нормальной личностной незрелостью. Выявленные результаты могут свидетельствовать, с одной стороны, о меньшем общем количестве специфичных для личностной незрелости признаков в наблюдаемых группах и, соответственно, меньшей степени ее выраженности. С другой стороны, на выявленные особенности может оказывать влияние количественная представленность выборки. В группе девочек с аномальной личностной незрелостью и мальчиков с нормальной личностной незрелостью количество подэкспертных было значительно меньше, чем в группе подростков с аномальной личностной незрелостью, в связи с чем в данных группах представляется наиболее эффективным использование качественного анализа данных.

При исследовании интеллектуальной сферы несовершеннолетних женского пола с аномальной личностной незрелостью использовались методики, применяемые при проведении комплексной судебной психолого-психиатрической экспертизы, методы наблюдения и беседы. Для дифференцированного анализа интеллектуальной деятельности подэкспертных нами были выделены различные ее уровни (табл. 1). В рамках экспериментально-психологического исследования было обнаружено, что, в целом, у 57,8% девочек встречается невысокий уровень интеллектуального развития, преимущественно в виде нерезко выраженного снижения интеллектуального уровня. Наблюдались тенденции к конкретности мышления, трудности передачи условных смыслов, трудности установления причинно-следственных связей. Вместе с тем их потенциальные возможности были выше актуальных. В группе девочек с нормальной личностной незрелостью интеллектуальный уровень был достаточным. Несовершеннолетние мужского пола с аномальной личностной незрелостью демонстрируют более низкие интеллектуальные возможности (78,8%), вероятно, это связано с большей частотой встречаемости психопатологии органического генеза в выборке мальчиков с личностной незрелостью. Качественная оценка результатов исследования интеллектуальной сферы у девочек с личностной незрелостью показала, что невысокие интеллектуальные способности были присущи испытуемым с наличием психопатологии органического генеза, а также с социально-педагогической запущенностью, при других формах психических расстройств девочки не испытывали существенных

сложностей при выполнении методик экспериментально-психологического исследования.

Таблица 1

Характеристики интеллектуальных уровней

Достаточный интеллектуальный уровень	Нерезко выраженное снижение уровня интеллектуального развития	Пониженный уровень интеллектуального развития
Способность несовершеннолетних выполнять мыслительные операции на понятийном и функциональном уровне (методики «Исключение предметов», «Сравнение понятий», «Классификация предметов», «Исключение понятий»), осуществлять опосредование («Пиктограммы»), устанавливать причинно-следственные связи (последовательные картинки, материал теста Векслера, проба Эббингауза), передавать условный смысл (метафоры, пословицы, короткие рассказы)	Тенденция к конкретности мышления при способности самостоятельно или с направляющей помощью выполнять основные мыслительные операции, устанавливать несложные причинно-следственные связи, передавать условные смыслы, осуществлять опосредование	Конкретность мышления, пониженный уровень и качество обобщения, трудности установления причинно-следственных связей, передачи условных смыслов, некоторые трудности опосредования

Заключение

Полученные данные демонстрируют, что личностная незрелость у несовершеннолетних правонарушителей женского пола носит преимущественно парциальный характер. Проявления личностной незрелости у девочек с наличием психической патологии (аномальной личностной незрелости) схожи с проявлениями личностной незрелости у психически здоровых мальчиков. У девочек, совершивших общественно опасные деяния, наблюдаются те же специфичные для личностной незрелости признаки, которые были выявлены в группе несовершеннолетних правонарушителей мужского пола. Вместе с тем выделение содержательных групп признаков в выборке девочек с личностной незрелостью не представляется возможным из-за большой вариативности представленных характеристик, что может говорить, в том числе, о меньшем общем количестве специфичных для личностной незрелости признаков в наблюдаемой группе. Результаты исследования интеллектуальной сферы у девочек с личностной незрелостью показали, что невысокие интеллектуальные способности были присущи испытуемым с наличием психопатологии органического генеза, а также с социально-педагогической запущенностью; при других формах психических расстройств (формирующиеся личностные расстройства) девочки обладают достаточными интеллектуальными способностями. В соответствии с решениями экспертных комиссий большая часть девочек с личностной незрелостью, в целом, способны осознавать фактический

характер и общественную опасность своих действий и руководить ими, однако практически у четверти испытуемых эта способность ограничена. Поведение девочек с личностной незрелостью в период совершения общественно опасных деяний характеризуется недостаточной обдуманностью действий, трудностью сдерживания аффекта при дефицитности прогностических функций и волевой регуляции. Действия совершаются в большинстве случаев единолично, зачастую под воздействием ситуативных факторов. Черты личностной дисгармонии в сочетании с личностной незрелостью, сниженная критичность затрудняют целостную оценку ситуации и выбора наиболее продуктивных стратегий поведения.

Обобщенный анализ результатов демонстрирует различия в гендерных аспектах личностной незрелости, что проявляется в парциальности проявлений личностной незрелости у девочек, большей вариативности признаков, сочетании личностной незрелости с дисгармоничными чертами. Совокупность характеристик находит отражение в действиях девочек во время совершения ими общественно опасных деяний. Более подробные исследования для оценки гендерной специфики личностной незрелости важны для дифференциальной клинической диагностики, оценки степени выраженности личностной незрелости и оценки влияния выявляемых признаков на способность несовершеннолетних к произвольной регуляции своей деятельности. Представляется перспективным рассмотрение особенностей смысловой сферы, индивидуально-психологических особенностей несовершеннолетних правонарушителей женского пола с личностной незрелостью, а также уточнение критериев экспертной оценки возможности осуществлять произвольную регуляцию деятельности в ситуации совершения правонарушений.

Литература

1. *Дозорцева Е.Г.* Аномальное развитие личности у подростков с противоправным поведением. М.: ГНЦ ССП имени В.П. Сербского, 2004. 352 с.
2. *Качаева М.А., Дозорцева Е.Г., Нуцкова Е.В.* Отроченные последствия пережитого домашнего насилия у женщин и девочек [Электронный ресурс] // Психология и право. 2017. Том 7. № 3. С. 110—126. doi:10.17759/psylaw.2017070309
3. *Сыроквашина К.В., Дозорцева Е.Г.* Антисоциальное расстройство личности у подростков и юношей: методология и диагностика // Консультативная психология и психотерапия. 2020. Том 28. № 1. С. 49—62. doi:10.17759/cpp.2020280104
4. *Федонкина А.А.* Личностная незрелость у несовершеннолетних правонарушителей в рамках нормального и аномального личностного развития: автореф. дисс. ... канд. психол. наук. М., 2019. 23 с.
5. *Федонкина А.А.* Способность несовершеннолетних правонарушителей с личностной незрелостью к осознанному руководству своими действиями [Электронный ресурс] // Психология и право. 2016. Том 6. № 3. С. 178—192. doi:10.17759/psylaw.2016060313
6. Уголовный кодекс Российской Федерации. М.: Эксмо, 2019. 256 с.
7. *Шалагинова К.С., Куликова Т.И., Залыгаева С.А.* Гендерные особенности буллинга в подростковом возрасте // Психологическая наука и образование. 2019. Том 24. № 4. С. 62—71. doi:10.17759/pse.2019240405
8. *Borrani J., Frías M., Alemán B. et al.* Neuropsychological disorders in juvenile delinquents // Revista Mexicana de Neurociencia. 2019. Vol. 20(5). P. 244—252.
9. *Duprez D., Lemercier É., Duhamel C.* Delinquent Girls: Victims and/or Guilty ? // CESDIP.

2016. Vol. 1. P. 1—3

10. DeHart D., Moran R. Poly-Victimization Among Girls in the Justice System // Violence Against Women. 2015. Vol. 21. P. 291—312. doi:10.1177/1077801214568355

11. Leban L., Gibson Ch. The role of gender in the relationship between adverse childhood experiences and delinquency and substance use in adolescence [Электронный ресурс] // Journal of Criminal Justice. 2020. Vol. 66. URL: <https://doi.org/10.1016/j.jcrimjus.2019.101637>

12. Stevens T., Morash M., Park S. Late-Adolescent Delinquency Risks and Resilience for Girls Differing in Risk at the Start of Adolescence // Youth & Society. 2011. Vol. 43. P. 1433—1458. doi:10.1177/0044118X10386078

References

1. Dozorčeva E.G. Abnormal personality development in adolescents with illegal behavior. M.: GNC SSP im. V.P. Serbskogo, 2004. 352 p.

2. Kachaeva M.A., Dozortseva E.G., Nutskova E.V. The long-term effects of domestic violence against women and girls [Elektronnyi resurs]. *Psikhologiya i pravo [Psychology and Law]*, 2017. Vol. 7, no. 3, pp. 110—126. doi:10.17759/psylaw.2017070309. (In Russ., abstr. in Engl.)

3. Syrokvashina K.V., Dozortseva E.G. Antisocial Personality Disorder in Adolescence: Methodology and Diagnostics. *Konsul'tativnaya psikhologiya i psikhoterapiya [Counseling Psychology and Psychotherapy]*, 2020. Vol. 28, no. 1, pp. 49—62. doi:10.17759/cpp.2020280104. (In Russ., abstr. in Engl.)

4. Fedonkina A.A. Lichnostnaja nezrelost' u nesovershennoletnih pravonarushitelej v ramkah normal'nogo i anomal'nogo lichnostnogo razvitija: avtoref. diss. ... kand. psihol. nauk. [Personal immaturity in juvenile offenders in the framework of normal and abnormal personal development. PhD (Psychology) Thesis] Moscow, 2019. 23 p.

5. Fedonkina A.A. The ability of juvenile offenders with personality immaturity to conscious leadership by their actions [Elektronnyi resurs]. *Psikhologiya i pravo [Psychology and Law]*, 2016. Vol. 6, no. 3, pp. 178—192. doi:10.17759/psylaw.2016060313. (In Russ., abstr. in Engl.)

6. Ugolovnyy kodeks Rossiiskoi Federatsii [The Criminal Code of the Russian Federation]. Moscow: Eksmo, 2019. 256 p.

7. Shalaginova K.S., Kulikova T.I., Zalygaeva S.A. Gender Features of Bullying in Adolescence. *Psikhologicheskaya nauka i obrazovanie [Psychological Science and Education]*, 2019. Vol. 24, no. 4, pp. 62—71. doi:10.17759/pse.2019240405. (In Russ., abstr. in Engl.)

8. Borrani J., Frías M., Alemán B., García A., Ramírez C., Valdez P. Neuropsychological disorders in juvenile delinquents // Revista Mexicana de Neurociencia. 2019. Vol. 20 (5). P. 244-252

9. Duprez D., Lemercier É., Duhamel C. Delinquent Girls: Victims and/or Guilty ? // CESDIP. 2016. Vol. 1. P. 1-3

10. DeHart D., Moran R. Poly-Victimization Among Girls in the Justice System // Violence against women. 2015. Vol. 21. P. 291-312. doi:10.1177/1077801214568355

11. Leban L., Gibson Ch. The role of gender in the relationship between adverse childhood experiences and delinquency and substance use in adolescence // Journal of Criminal Justice. 2020. Vol. 66. <https://doi.org/10.1016/j.jcrimjus.2019.101637>

12. Stevens T., Morash M., Park S. Late-Adolescent Delinquency Risks and Resilience for Girls Differing in Risk at the Start of Adolescence // Youth & Society. 2011. Vol. 43. P. 1433-1458. doi:10.1177/0044118X10386078

Федонкина А.А.
Характеристики личностной незрелости у девочек,
совершивших общественно опасные деяния
Психология и право. 2020. Том 10. № 2. С. 15–24.

Fedonkina A.A.
Characteristics of Personal Immaturity in Female Child
Committing Socially Dangerous Acts Psychology and
Law. 2020. Vol. 10, no. 2, pp. 15–24.

Информация об авторе

Анастасия Александровна Федонкина, кандидат психологических наук, научный сотрудник
Лаборатории психологии детского и подросткового возраста, ФГБУ «НМИЦ ПН имени В.П.
Сербского» Минздрава России; доцент кафедры юридической психологии и права,
Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ),
г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0313-5272>, e-mail:
afedonkina@gmail.com

Information about the author

Anastasiya A. Fedonkina, PhD in Psychology, Researcher, Federal State Budgetary Institution «V.
Serbsky National Medical Research Centre for Psychiatry and Narcology» of the Ministry of Health
of the Russian Federation, Associate Professor, Moscow State University of Psychology and
Education, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0313-5272>, e-mail:
afedonkina@gmail.com

ЮВЕНАЛЬНАЯ ЮРИДИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ | JUVENILE LEGAL PSYCHOLOGY
Развитие психологических ресурсов совладающего поведения как фактора профилактики ситуативной тревожности в старшем подростковом возрасте

Дегтярёв А.В.

Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ), г. Москва, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9393-6550>, e-mail: degtyarevav@mgppu.ru

Ефимочкина К.М.

Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ), г. Москва, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7193-6020>, e-mail: miss.efima@gmail.com

В работе приводятся результаты эмпирического исследования, представляющего собой формирующий эксперимент, проведенный в форме психологического тренинга, основной целью которого являлись развитие психологических ресурсов совладающего поведения личности для снижения ситуативной тревожности у старших подростков. Выборку составили 50 учащихся 11 класса ГБОУ СОШ № 868 г. Москвы (24 — в экспериментальной группе и 26 — в контрольной). Основной гипотезой настоящего исследования, является предположение о том, что существует возможность влиять на ситуативную тревожность в старшем подростковом возрасте за счет развития различных ресурсов совладающего поведения при помощи социально-психологического тренинга. Дополнительной гипотезой было выдвинуто предположение о наличии связи между ситуативной тревожностью и особенностями совладающего поведения у подростков. В ходе работы были получены количественные и качественные данные, подтверждающие основную гипотезу исследования и демонстрирующие эффективность применения социально-психологического тренинга в общеобразовательном учреждении. В целом, можно сказать, что введение в школьную практику группового психологического тренинга и его элементов является перспективным и востребованным направлением как для теоретических исследований, так и для практических технологий.

Ключевые слова: психологический тренинг, ситуативная тревожность, совладающее поведение, подростковый возраст, профилактика.

Для цитаты: Дегтярев А.В., Ефимочкина К.М. Развитие психологических ресурсов совладающего поведения как фактора профилактики ситуативной тревожности в старшем подростковом возрасте [Электронный ресурс] // Психология и право. 2020. Том 10. № 2. С. 25–34. DOI:10.17759/psylaw.2020100203

Дегтярев А.В., Ефимочкина К.М.
Развитие психологических ресурсов совладающего поведения как фактора профилактики ситуативной тревожности в старшем подростковом возрасте
Психология и право. 2020. Том 10. № 2. С. 25–34.

Degtyarev A.V., Efimochkina K.M.
Development of Psychological Resources of Coping Behavior as a Factor of Prevention of Situational Anxiety in Older Adolescence
Psychology and Law. 2020. Vol. 10, no. 2, pp. 25–34.

Development of Psychological Resources of Coping Behavior as a Factor of Prevention of Situational Anxiety in Older Adolescence

Artem V. Degtyarev

Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9393-6550>, e-mail: degtyarevav@mgppu.ru

Kseniya M. Efimochkina

Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7193-6020>, e-mail: miss.efima@gmail.com

The paper presents the results of an empirical study. This is a formative experiment conducted in the form of psychological training, the main purpose of which is the development of psychological resources of coping behavior of the individual to reduce situational anxiety in older adolescents. The sample is made up of 50 students of the 11th grade of Moscow secondary school No. 868 (24 in the experimental group and 26 in the control group). The key hypothesis of the study: it is possible to influence situational anxiety in older adolescence by developing various resources of coping behavior with the help of socio-psychological training. The additional hypothesis: there is a relation between the situational anxiety and the features of coping behavior in adolescents. The quantitative and qualitative data confirm the key hypothesis of the study and demonstrate the effectiveness of socio-psychological training in education institutions. The study suggests that the introduction of group psychological training into the educational process is a promising direction for both theoretical and practical purpose.

Keywords: psychological training, situational anxiety, coping behavior, adolescence, prevention.

For citation: Degtyarev A.V., Efimochkina K.M. Development of Psychological Resources of Coping Behavior as a Factor of Prevention of Situational Anxiety in Older Adolescence. *Psikhologiya i pravo = Psychology and Law*, 2020. Vol. 10, no. 2, pp. 25–34. DOI:10.17759/psylaw.2020100203 (In Russ.).

Выпускной класс — это важный ответственный период, связанный со сдачей ЕГЭ, самоопределением и необходимостью сделать осознанный и серьезный выбор своего будущего. В современном мире к подросткам и юношам предъявляются высокие требования и ожидания со стороны общества, школы, родителей, а также растет уровень стресса, в том числе информационного; мы постоянно находимся в мощном информационном потоке. На основе вышесказанного становится необходимым уметь отфильтровывать информационный шум, уметь расслабляться и регулировать свое эмоциональное состояние, эффективно преодолевать стресс. Современная тенденция реформирования образования, выражающаяся в объединении школ, увеличении самостоятельной подготовки школьников к сдаче экзаменов, усиливает эмоциональную нагрузку, создает напряжение и стресс. К сожалению, система, сопровождающая образовательный процесс (в том числе школьная психологическая служба), развивается не так прогрессивно и пока не способна в полной мере удовлетворить запросы

учащихся.

По словам И.В. Фокиной, проблема экзаменационной тревожности стала наиболее актуальной для нашего времени, связана она с переходом 1 января 2009 г. единого государственного экзамена в штатный режим. Новая форма сдачи экзаменов способствовала увеличению стрессов, тревоги, эмоциональных срывов, страха перед сдачей единого государственного экзамена. Старшеклассники находятся в постоянном напряжении из-за психологической перегрузки перед предстоящим контролем знаний, ведь на этих результатах будет основываться получение аттестата, дальнейшее поступление в вуз, и, в целом, социальное одобрение [8].

К психологическим возможностям и способностям (в том числе к совладающему поведению и к навыкам регуляции эмоционального состояния) современных подростков и юношей предъявляются высокие требования, в то время как многие способности еще только находятся на стадии формирования. В связи с этим возникает множество проблем связанных, например, с вопросами относительно способов, с помощью которых справляются со стрессом и ситуативной тревогой современные старшие школьники; насколько развиты необходимые навыки психической регуляции у них; также необходимо понимать, какие средства должен иметь в своем арсенале школьный психолог или педагог для помощи несовершеннолетним в периоды, связанные с высоким уровнем психологической нагрузки и, в целом, с высоким уровнем психологического стресса [6; 8; 10].

Подростковый возраст — это сенситивный период и для формирования определенного репертуара стратегий поведения в стрессовой ситуации. Опыт, приобретаемый в подростковом возрасте, способствует развитию личности и может остаться ведущим на всю жизнь. Именно поэтому важно обеспечить подростка необходимыми условиями для нормального развития взрослой, зрелой и устойчивой личности.

Развитие навыков совладания со стрессовыми ситуациями у подростков позволит расширить их жизненный опыт, увеличить психологические резервы и, как следствие, приведет к общему повышению уровня психического благополучия и здоровья.

Рассматривая механизмы совладающего поведения в старшем подростковом возрасте, необходимо также рассмотреть и причины, запускающие эти механизмы. В некоторых исследованиях приводятся следующие причины стресса у старшеклассников: давление со стороны родителей и педагогов, требование от близкого окружения высоких оценок, активного участия во внеучебной, научной, волонтерской, общественной и др. видах деятельности; также причиной стрессового напряжения могут быть собственно высокие достижения. Каждый учащийся в зависимости от своих личностных особенностей также реагирует по-разному: кто-то замыкается в себе, становится неразговорчивым, пугливым, а кто-то, наоборот, неспособен контролировать свое поведение, и стрессовое напряжение выливается во вспышки агрессии и раздражительность [1; 2; 5—7].

Е.П. Ильин говорит об экзаменационном стрессе как о частной форме стресса психического, который является психотравмирующим фактором и может предвещать экзаменационные неврозы [4].

Говоря об экзаменационном стрессе, стоит упомянуть близкое к нему состояние тревожности, в том числе ситуативной и экзаменационной. Основные сферы беспокойства старших подростков — самооценка, семья, школа, экзамены, будущее и др. Тревожность связана с осознанием существующих противоречий между «могу» и «хочу», а также

отсутствием жизненных целей и необходимого социального положения [1; 3].

В данной исследовательской работе наибольший интерес представляет такая разновидность тревожности, как школьная, или экзаменационная.

Согласно результатам исследования, проведенного И.Г. Крохиной и К.Р. Сидоровым, основными причинами школьной тревожности являются: учебная нагрузка (объем домашней работы и количество учебных занятий в день), сложный материал для изучения, проверка знаний в различных формах (в том числе экзамены). Наиболее стрессогенным для учеников является фактор экзаменационной проверки знаний [6].

В настоящее время психология может объяснить влияние тревожности на психические процессы. Для состояния тревоги характерно суженное поле внимания и, одновременно, концентрация на угрозе или важном для благополучия аспекте, а вся иная информация пропускается мимо сознания. Дело в том, что когнитивная система человека перерабатывает, в первую очередь, информацию, наиболее важную и актуальную на данный момент. Отечественные психология сходным образом описывают влияние высокой тревоги на организм — отмечается общая дезорганизация деятельности и фиксация на стрессовых элементах.

Обобщая различные экспериментальные данные по проблеме влияния эмоционального возбуждения на продуктивность деятельности, можно отметить, что накоплено множество данных, указывающих на факт значительного ухудшения интеллектуальных процессов, что проявляется, в частности, в упрощении процессов мышления, в тенденции к стереотипным или ранее найденным решениям, хотя они и не соответствуют актуальной ситуации [7; 9; 10].

На основе приведенных выше данных исследований можно констатировать отрицательное воздействие состояния тревоги на качество когнитивных функций, поскольку эффективность деятельности снижается.

С практической точки зрения помощь в решении проблемы экзаменационной тревожности старшеклассников имеет ключевое значение для благоприятного психологического состояния учащихся старшей школы. Следовательно, встает вопрос о специальной подготовке психологов и учителей, а также вопрос о необходимости введения профилактики экзаменационной тревожности в условиях общеобразовательных учреждений.

По мнению И.В. Фокиной, запрос на поиск и создание новых технологий профилактики и работы с экзаменационной тревожностью и стрессом в условиях образовательного процесса остается актуальным, несмотря на наличие некоторых технологий [8].

Иными словами, психологический стресс стал нормой для современного человека, а вот способы его эффективного и «беспоследственного» переживания еще не освоены и не являются ежедневной привычкой. Для старшеклассников тревога и стресс стали бессменными спутниками, а вот продуктивные копинг-стратегии, способствующие эффективной эмоциональной саморегуляции сформированы недостаточно. Совершенно логичным выходом из сложившейся ситуации является детальное изучение феноменов тревожности, стресса и стресс-совладающего поведения, а также обучение навыкам эмоциональной регуляции, например, посредством группового психологического тренинга.

В связи с этим основной целью данного исследования стало развитие личностных ресурсов для эффективного совладения со стрессовыми ситуациями и снижение личностной тревожности у старших подростков при помощи психологического тренинга.

Формирующий эксперимент был организован в форме групповой тренинговой работы,

адаптированной под возможность реализации в условиях общеобразовательного процесса. Тренинговая программа была рассчитана на 9 часов, занятия проходили один раз в неделю, в течение 9 недель. Каждое занятие было продолжительностью в 1 час. Экспериментальную группу (участники тренинга) составили 24 человека (15 девушек, 9 юношей) в возрасте 16—17 лет, контрольную группу составили 26 респондентов того же возраста (12 юношей и 14 девушек). Диагностическое исследование было проведено до начала и после окончания тренинговой программы, как с экспериментальной, так и с контрольной группами по следующим методикам:

- 1) методика «Индикатор копинг-стратегий Д. Амирхана»;
 - 2) методика «Шкала самооценки уровня тревожности Спилбергера-Ханина».
- Для достижения поставленной цели были выделены следующие основные задачи:
- 3) формирование у подростков представлений по проблеме стресса, тревожности и предпочитаемых способах совладания с ними;
 - 4) обучение навыкам эффективного совладания с ситуативной тревожностью;
 - 5) обучение навыкам эффективного преодоления стресса;
 - 6) обеспечение самостоятельного использования участниками полученных знаний и навыков для успешного преодоления стрессовых ситуаций.

В ходе тренинговых занятий подросткам предлагалось освоить и научиться использовать различные психологические техники и подходы, такие как: техники релаксации; техники телесно-ориентированного консультирования; различные дыхательные методы, применимые для различных стрессовых ситуаций, а также некоторые техники арт-терапии, помогающие стабилизировать эмоциональное состояние; отдельно демонстрировалась техника прогрессивной мышечной релаксации Э. Джекобсона.

Анализ результатов исследования был разделен на количественный и качественный. Количественный анализ состоял из выявления значимых различий между выборками и проводился с использованием t-критерия Стьюдента для несвязных выборок для уровня значимости 0,05, а также из корреляционного анализа с использованием критерия Спирмена на том же уровне значимости. Качественный анализ основывался на наблюдении за участниками тренинга и изменениями их эмоционального состояния в ходе и по завершении

тренинговой программы.

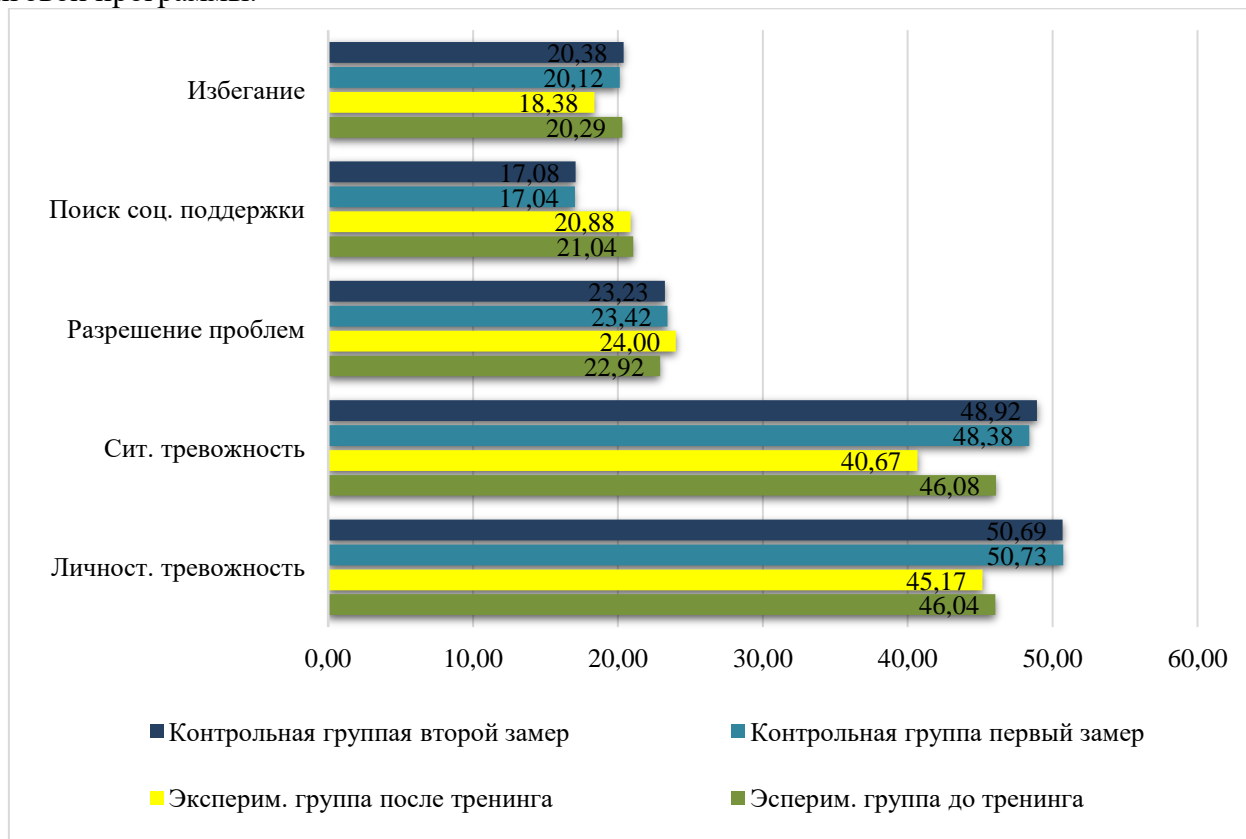


Рис. 1. Сравнительный анализ средних значений по методикам «Индикатор копинг-стратегий Д. Амирхана» и «Шкала самооценки уровня тревожности Спилбергера—Ханина» по всей выборке

Статистический анализ данных по методике «Индикатор копинг-стратегий Д. Амирхана» не выявил значимых различий между экспериментальной и контрольной группами, также не удалось найти различий в экспериментальной группе до и после проведения тренинговой программы; у контрольной группы также не было выявлено значимых отличий между первым и вторым замерами (второй замер был проведен через 9 недель после первого).

Такие результаты могут быть объяснены несколькими моментами. Во-первых, цель данного исследования не состояла в изменении конкретных копинг-стратегий, а лишь в развитии ресурсов совладающего поведения; а поскольку каждый из типов копинг-стратегий обладает своими ресурсами для определенной ситуации, то в процессе тренинговых занятий внимание уделялось всем стратегиям равномерно. Во-вторых, совладающее поведение является сложным конструктом, для развития и изменения которого необходимо значительно больше времени, чем те временные ресурсы, которыми обладала данная тренинговая программа. Однако качественный анализ (наблюдение, беседа с учителями и родителями) позволяет выделить тенденцию, которая свидетельствует о том, что подростки, прошедшие тренинговую программу, стали чаще демонстрировать в различных стрессовых ситуациях стратегии, связанные с разрешением проблем и поиском поддержки, нежели с избеганием.

Данная тенденция может быть связана с тем, что в моменты конфликтных и стрессовых ситуаций, происходящих в группе, сам тренер специально применял и демонстрировал именно эти стратегии в своем поведении (рис. 1).

Статистический анализ данных по методике оценки уровня тревожности выявил, что экспериментальная и контрольная группы по результатам выходной диагностики имеют значимые отличия по уровню выраженности ситуативной тревожности. У экспериментальной группы уровень ситуативной тревожности оказался значимо ниже, чем в контрольной группе. Кроме того, при соотнесении средних значений в каждой группе с нормативной шкалой методики ситуативная тревожность у обеих групп была сильно выраженной. Средние значения экспериментальной группы по уровню ситуативной тревоги после тренингов соотносятся с умеренным уровнем. Также данную тенденцию подтверждает и качественный анализ результатов: подростки, проходящие тренинговую программу, говорили о том, что чувствуют себя более уверенно, меньше стали переживать по поводу экзаменов, их отдых стал качественно лучше и приносит большее удовлетворение, уменьшилось количество тревожных «автоматических мыслей». Данные результаты подтверждают основную гипотезу данного исследования: психологический тренинг действительно может способствовать снижению ситуативной тревожности и влиять на развитие различных психологических ресурсов совладания в старшем подростковом возрасте.

Корреляционный анализ результатов свидетельствует о наличии взаимосвязей между изучаемыми феноменами тревожности и совладающего поведения только в контрольной группе. Так, например, была установлена обратная корреляционная связь между уровнем ситуативной тревожности и стратегией «Решение проблем», положительная корреляционная связь между уровнем ситуативной тревожности и стратегией «Избегание». Корреляционные связи в экспериментальной группе до и после проведения тренинговой программы выявлены не были.

Здесь же стоит отметить, что экспериментальная и контрольная группы изначально значимо отличались друг от друга по среднему значению уровня выраженности стратегии «Поиск социальной поддержки», и это значимое отличие сохранялось на протяжении исследования. Участники экспериментальной группы более склонны обращаться к старшим или опытным людям за советом и помощью. Также при соотнесении средних значений уровня выраженности стратегии «поиск социальной поддержки» в каждой группе с нормативной шкалой методики Амирхана контрольная группа относится к низкому уровню использования данной стратегии, а экспериментальная — к умеренному.

Полученные данные можно объяснить двумя способами. Во-первых, для подростков характерны специфические виды копинга, призванные обратить на себя внимание взрослого, так как в силу своих возможностей самостоятельно решить проблему подросток пока не может. Стратегия поиска социальной поддержки в подростковом возрасте является одной из самых распространенных, естественных и эффективных в силу возрастных особенностей. Низкий уровень использования данной стратегии совладения со стрессом в контрольной группе создает необходимость использования альтернативных копингов (избегание или решение проблемы, по Амирхану), что может влиять на образование взаимосвязей между состоянием тревоги и предпочитаемой стратегией поведения.

Во-вторых, по данным некоторых исследований, предпочитаемые копинг-стратегии соотносятся с академическими успехами. Так, например, подростки с низкой успеваемостью

в школе склонны игнорировать трудности и не предпринимать никаких действий для разрешения ситуации. В таком случае бегство является легким способом временного снятия эмоционального напряжения. В рамках данного исследования не удалось сопоставить успеваемость контрольной и экспериментальной групп, поэтому данное объяснение о возможном влиянии успеваемости на тревожность и стратегии совладающего поведения остается на уровне гипотезы.

Также стоит отметить некоторые качественные наблюдения за динамикой экспериментальной группы в течение всего периода взаимодействия, а также дополнительные эффекты, которые могла оказать тренинговая работа в условиях общеобразовательного процесса.

Так, например, диагностика своего состояния и возможность ответить на вопросы «Кто я?», «Какой я?» и т. д. вызвала наибольший интерес у обеих групп испытуемых. При наличии возможности не участвовать в исследовании все учащиеся обеих групп испытуемых добровольно участвовали в исследовании, и ни один бланк не был испорчен. Здесь же будет справедливо отметить, что первоначально участники экспериментальной группы не имели четких представлений о проблеме стресса и тревожности, а по завершении программы уровень осведомленности в данной области значительно вырос, и двое участников смогли предложить собственные способы преодоления тревоги и стресса, сконструированные на основе изученного материала; а также участники экспериментальной группы в конце тренинговой программы легко самостоятельно составили список рекомендаций по самопомощи при тревожных и стрессовых состояниях для дальнейшего использования.

Тренинговая работа с группой длилась с сентября по ноябрь, за это время учащиеся пережили два пробных экзамена ЕГЭ и сокращение каникул с 7 до 4 дней, так как они не успевали освоить необходимый объем учебной нагрузки. Участники тренинговой программы отмечали, что стали лучше распознавать и дифференцировать свое тревожное состояние, относиться к нему более внимательно и применяли уже изученные способы нормализации эмоционального состояния. Школьный психолог также отмечал улучшение в общем состоянии класса во время и после завершения программы.

Таким образом, можно сказать, что у современной школы есть запрос на работу с тревогой и стрессом, связанными с экзаменационным периодом, но вопрос разработки и внедрения новых технологий работы с экзаменационной тревожностью и стрессом остается открытым.

Представленные в данном исследовании результаты внедрения психологических тренинговых технологий показывают, что в рамках образовательного процесса возможно и даже необходимо применение группового психологического тренинга с целью развития ресурсов совладающего поведения для снижения уровня ситуативной тревожности у учащихся.

Литература

1. *Борисова И.В.* Взаимосвязь школьной тревожности и мотивации учебной деятельности на этапе адаптации к обучению в 5-х классах // Психологическая наука и образование. 2018. Том 23. № 5. С. 22—28.
2. *Борисова Н.М., Шаповаленко И.В.* Личностные детерминанты совладающего поведения в среднем возрасте // Психолого-педагогические исследования. 2018. Том 10. № 3. С. 115—125.

Дегтярев А.В., Ефимочкина К.М.
Развитие психологических ресурсов совладающего поведения как фактора профилактики ситуативной тревожности в старшем подростковом возрасте
Психология и право. 2020. Том 10. № 2. С. 25–34.

Degtyarev A.V., Efimochkina K.M.
Development of Psychological Resources of Coping Behavior as a Factor of Prevention of Situational Anxiety in Older Adolescence
Psychology and Law. 2020. Vol. 10, no. 2, pp. 25–34.

3. Быховец Ю.В., Падуи М.А. Личностная тревожность и регуляция эмоций в контексте изучения посттравматического стресса // Клиническая и специальная психология. 2019. Том 8. № 1. С. 78—89.
4. Ильин Е.П. Психология индивидуальных различий. СПб: Питер, 2011. С. 22—46.
5. Психология стресса и методы его профилактики: учеб.-метод. пособие / Авт.-сост. В.Р. Бильданова, Г.К. Бисерова, Г.Р. Шагивалеева. Елабуга: ЕИ КФУ, 2015. 142 с.
6. Сидоров К.Р., Крохина И.Г. Исследование причин тревожности учащихся // Новое образование. 2013. № 1. С. 42—51.
7. Старченкова Е.С. Ресурсы проактивного совладающего поведения. Вестник Санкт-Петербургского университета. Психология. Сер. 12. 2012. Вып. 1. С. 51—60.
8. Фокина И.В. Специфика профилактической работы психолога с экзаменационной тревожностью у старшеклассников в условиях общеобразовательной школы // ПНиО. 2014. № 4(10). С. 106—110.
9. Хазова С.А., Шипова Н.С., Адева Т.Н., Тихонова И.В. Совладающее поведение лиц с ограниченными возможностями здоровья как фактор качества жизни и субъективного благополучия // Консультативная психология и психотерапия. 2018. Том 26. № 4. С. 101—118.
10. Шахворостова Т.В. Методики коррекции тревожности и страхов у детей старшего дошкольного возраста // Вестник практической психологии образования. 2019. Том 16. № 2. С. 42—46.

References

1. Borisova I.V. Vzaimosvyaz' shkol'noi trevozhnosti i motivatsii uchebnoi deyatelnosti na etape adaptatsii k obucheniyu v 5-kh klassakh [The relationship of school anxiety and motivation for educational activities at the stage of adaptation to learning in 5th grades]. Psikhologicheskaya nauka i obrazovanie [Psychological Science and Education], 2018. Vol. 23. no 5. pp. 22—28.
2. Borisova N.M., Shapovalenko I.V. Lichnostnye determinanty sovladayushchego povedeniya v srednem vozraste [Personal determinants of coping behavior in middle age]. Psikhologo-pedagogicheskie issledovaniya, 2018. Vol. 10. no 3. pp. 115—125.
3. Bykhovets Yu.V., Padun M.A. Lichnostnaya trevozhnost' i regulyatsiya emotsii v kontekste izucheniya posttravmaticheskogo stressa [ersonal anxiety and regulation of emotions in the context of the study of post-traumatic stress]. Klinicheskaya i spetsial'naya psikhologiya [Clinical and special psychology], 2019. Vol. 8. no 1. pp. 78—89.
4. П'ин Е.Р. Psikhologiya individual'nykh razlichii [Psychology of individual differences]. Saint-Petersburg: Publ. Piter, 2011. pp. 22—46.
5. Psikhologiya stressa i metody ego profilaktiki: uchebno-metodicheskoe posobie [Psychology of stress and methods for its prevention: a training manual]. Avt.-sost. — st. prep. V.R. Bil'danova, dots. G.K. Biserova, dots. G.R. Shagivaleeva. Elabuga: Publ. EI KFU, 2015. pp. 44—103.
6. Sidorov K.R., Krokhina I.G. Issledovanie prichin trevozhnosti uchaschikhsya [The study of the causes of anxiety of students]. Novoe obrazovanie [New Education]. 2013. no 1. pp. 42—51.
7. Starchenkova E.S. Resursy proaktivnogo sovladayushchego povedeniya [Resources proactive coping behavior]. Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Psikhologiya [Bulletin of St. Petersburg University. Psychology]. Ser. 12. 2012. Vol. 1. pp. 51—60.
8. Fokina I.V. Spetsifika profilakticheskoi raboty psikhologa s ekzamenatsionnoi trevozhnost'yu

Дегтярев А.В., Ефимочкина К.М.
Развитие психологических ресурсов совладающего поведения как фактора профилактики ситуативной тревожности в старшем подростковом возрасте
Психология и право. 2020. Том 10. № 2. С. 25–34.

Degtyarev A.V., Efimochkina K.M.
Development of Psychological Resources of Coping Behavior as a Factor of Prevention of Situational Anxiety in Older Adolescence
Psychology and Law. 2020. Vol. 10, no. 2, pp. 25–34.

u starsheklassnikov v usloviyakh obshcheobrazovatel'noi shkoly [The specifics of the preventive work of a psychologist with exam anxiety in high school students in a secondary school]. Moscow: Publ. PNiO. 2014. no 4. pp. 106—110.

9. Khazova S.A., Shipova N.S., Adeeva T.N., Tikhonova I.V. Sovladayushchee povedenie lits s ogranichennymi vozmozhnostyami zdorov'ya kak faktor kachestva zhiznii sub"ektivnogo blagopoluchiya. Konsul'tativnaya psikhologiya i psikhoterapiya [Combining behavior of persons with disabilities as a factor in the quality of life of subjective well-being]. 2018. Vol. 26. no 4. pp. 101—118.

10. Shakhvorostova T.V. Metodiki korrektsii trevozhnosti i strakhov u detei starshogo doshkol'nogo vozrasta [Methods for the correction of anxiety and fear in older preschool children]. Vestnik prakticheskoi psikhologii obrazovaniya [Bulletin of the practical psychology of education]. 2019. Vol. 16. no 2. pp. 42—46.

Информация об авторах

Артем Викторович Дегтярев, старший преподаватель кафедры юридической психологии и права факультета юридической психологии, Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9393-6550>, e-mail: degtyarevav@mgppu.ru

Ксения Михайловна Ефимочкина, студентка факультета юридической психологии, Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7193-6020>, e-mail: miss.efima@gmail.com

Information about the authors

Artem V. Degtyarev, Senior Lecturer, Department of Legal Psychology and Law, Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9393-6550>, e-mail: degtyarevav@mgppu.ru

Kseniya M. Efimochkina, Student, Department of Legal Psychology and Law, Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7193-6020>, e-mail: miss.efima@gmail.com

Выявление психических состояний несовершеннолетних обвиняемых и осужденных как предпосылка профилактики их деструктивного поведения

Дебольский М.Г.

ФКУ НИИ ФСИН России, Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ), г. Москва, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2601-0077>, e-mail: mdebolsky@mail.ru

Мельникова Д.В.

Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ), г. Москва, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4501-8207>, e-mail: melnikovadv@mgppu.ru

Месниченко А.С.

ГБУ СРЦ «Возрождение», г. Москва, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9758-0619>, e-mail: antonina.mesnichenko@yandex.ru

В статье рассматриваются особенности проявления психических состояний у несовершеннолетних подозреваемых, обвиняемых и осужденных в зависимости от нахождения на определенном этапе мер пресечения, избранных в отношении субъекта. Актуальность данного вопроса обусловлена необходимостью учета психических состояний для профилактики деструктивного поведения (суициды, побеги, групповые неповиновения, массовые беспорядки, конфликты с сокамерниками, конфликты с сотрудниками учреждения) в следственном изоляторе (СИЗО) и воспитательной колонии (ВК). В статье описаны некоторые особенности подросткового возраста, влияющие на психические состояния несовершеннолетних подозреваемых, обвиняемых, осужденных. В публикации представлен теоретический анализ понятия «психическое состояние», кратко описаны «кризисные точки», с которыми сталкивается человек с момента нахождения в СИЗО до периода отбывания наказания в ВК (включительно), описаны факторы пенитенциарной среды, оказывающие влияние на субъекта, и приведены наиболее часто встречающиеся психические состояния в зависимости от нахождения в определенной «критической» точке (нахождение в следственном изоляторе, в зале суда (вынесение приговора), пребывание в ВК и освобождение).

Ключевые слова: психическое состояние, подростковый возраст, осужденные, подозреваемые, обвиняемые, факторы пенитенциарной среды, профилактика.

Дебольский М.Г., Мельникова Д.В., Месниченко А.С.
Выявление психических состояний
несовершеннолетних обвиняемых и осужденных как
предпосылка профилактики их деструктивного
поведения. Психология и право. 2020. Том 10. № 2.
С. 35–50.

Debolsky M.G., Melnikova D.V., Mesnichenko A.S.
Identification of the Mental States of Minors Accused and
Convicted as a Precondition for Preventing Their
Destructive Behavior
Psychology and Law. 2020. Vol. 10, no. 2, pp. 35–50.

Для цитаты: *Дебольский М.Г., Мельникова Д.В., Месниченко А.С.* Выявление психических состояний несовершеннолетних обвиняемых и осужденных как предпосылка профилактики их деструктивного поведения [Электронный ресурс] // Психология и право. 2020. Том 10. № 2. С. 35–50. DOI:10.17759/psylaw.2020100204

Identification of the Mental States of Minors Accused and Convicted as a Precondition for Preventing Their Destructive Behavior

Mihail G. Debolsky

Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2601-0077>, e-mail: mdebolsky@mail.ru

Daria V. Melnikova

Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4501-8207>, e-mail: melnikovadv@mgppu.ru

Antonina S. Mesnichenko

Social rehabilitation center «Vozrozhdenie», Moscow, Russia
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9758-0619>, e-mail: antonina.mesnichenko@yandex.ru

The article deals with the features of the manifestation of mental states in minor suspects, accused and convicted persons, depending on the presence at a certain stage of preventive measures selected against the subject. The relevance of this issue is due to the need to take into account mental states for the prevention of destructive behavior (suicides, escapes, group disobedience, mass riots, conflicts with cellmates, conflicts with employees of the institution) in the pre-trial detention center and educational colony. The article describes some features of adolescence that affect the mental state of minor suspects, accused, and convicted. The publication presents the theoretical analysis of the concept of "mental state", briefly describes "the crisis points" faced by people from the moment of stay in pre-trial detention center prior to the incarceration in education colony (inclusive), describes the factors of the prison environment that affect the subject and the most frequently occurring mental condition in dependence on location at a certain "critical" point (location in a pre-trial detention center, in the courtroom (sentencing), detention in education colony and release).

Keywords: mental state, adolescence, convicts, suspects, accused, factors of the prison environment, prevention.

Дебольский М.Г., Мельникова Д.В., Месниченко А.С.
Выявление психических состояний
несовершеннолетних обвиняемых и осужденных как
предпосылка профилактики их деструктивного
поведения. Психология и право. 2020. Том 10. № 2.
С. 35–50.

Debolsky M.G., Melnikova D.V., Mesnichenko A.S.
Identification of the Mental States of Minors Accused and
Convicted as a Precondition for Preventing Their
Destructive Behavior
Psychology and Law. 2020. Vol. 10, no. 2, pp. 35–50.

For citation: Debolsky M.G., Melnikova D.V., Mesnichenko A.S. Identification of the Mental States of Minors Accused and Convicted as a Precondition for Preventing Their Destructive Behavior. *Psikhologiya i pravo = Psychology and Law*, 2020. Vol. 10, no. 2, pp. 35–50. DOI:10.17759/psylaw.2020100204 (In Russ.).

Введение

Для профилактики деструктивного поведения несовершеннолетних осужденных, которое может выражаться в суицидах, побегах, групповых неповиновениях, массовых беспорядках, конфликтах между собой, а также между несовершеннолетними обвиняемыми, осужденными и сотрудниками СИЗО, воспитательной колонии. Важным становится периодический мониторинг психического состояния подозреваемых, обвиняемых, осужденных. Вместе с тем неспособность контролировать свои эмоции и управлять ими является важным фактором рецидива преступления. [13; 14]

Феномены, связанные с эмоциональным переживанием, психическим состоянием, изучаются, начиная с Античности (Аристотель, Гиппократ). В отечественной психологии и психофизиологии данное направление активно изучали В.М. Бехтерев, И.М. Сеченов, И.П. Павлов, Н.Н. Ланге, А.Ф. Лазурский, Н.Д. Левитов [5]. Теоретической основой нашего исследования являются также работы по психологии переживаний и психических состояний Е.Ю. Сосновиковой [14], А.О. Прохорова [11], Ф.Е. Василюка [1] и др.

В рамках пенитенциарной психологии особое внимание важно обратить на исследования М.Н. Гернет, В.Ф. Пирожкова [9], А.Д. Глоточкина [3], И.П. Башкатова и др. Указанные авторы изучали такие значимые для пенитенциарной среды психические состояния: состояние тоски (М.Н. Гернет), фрустрация и апатия (В.Ф. Пирожков), стресс (М.Г. Дебольский, Д.В. Мельникова [6]). Психические состояния, которые важно учитывать, решая вопросы профилактики деструктивного поведения, на наш взгляд, достаточно вариативны. Следует обращать внимание на следующие вопросы: основные детерминанты психических состояний (особенности пенитенциарной среды и индивидуально-психологические особенности несовершеннолетних осужденных) и динамику психических состояний. Представляется особенно важным провести сравнительный анализ психических состояний у тех лиц, которые находятся в СИЗО и тех, кто уже отбывают наказание в воспитательной колонии.

Целью проведенного нами исследования являлось выявление типичных психических состояний несовершеннолетних подозреваемых, обвиняемых и осужденных (находящихся в СИЗО и отбывающих наказание в ВК). *Объектом исследования* являются психические состояния несовершеннолетних подозреваемых, обвиняемых, осужденных (СИЗО и ИК), *предметом исследования* — закономерности проявления типичных психических состояний у несовершеннолетних осужденных, подозреваемых, обвиняемых (СИЗО и ИК) и их представления о пережитых состояниях в период нахождения в СИЗО. *Гипотезами исследования* стали следующие предположения: у несовершеннолетних подозреваемых и обвиняемых отмечаются такие деструктивные психические состояния, как обида, страх, злость, тоска; у несовершеннолетних осужденных, отбывающих наказание в ВК преобладают относительно конструктивные психические состояния, такие, как чувство вины, спокойствие, тоска, уверенность в себе, надежда на лучшее будущее; деструктивные

Дебольский М.Г., Мельникова Д.В., Месниченко А.С.
Выявление психических состояний
несовершеннолетних обвиняемых и осужденных как
предпосылка профилактики их деструктивного
поведения. Психология и право. 2020. Том 10. № 2.
С. 35–50.

Debolsky M.G., Melnikova D.V., Mesnichenko A.S.
Identification of the Mental States of Minors Accused and
Convicted as a Precondition for Preventing Their
Destructive Behavior
Psychology and Law. 2020. Vol. 10, no. 2, pp. 35–50.

переживания в ВК связаны преимущественно с получением плохих новостей из дома; с конфликтами с другими осужденными.

Теоретические предпосылки исследования

Суждения о психических состояниях и их характеристиках в период Античности рассматривались как определенное состояние души. Аристотель говорил о состоянии как о внутренних переживаниях человека. Гераклит отмечал, что внешние и внутренние условия делают состояние динамичным. Гиппократ понимал любое патологическое изменение психического состояния как защитную реакцию, направленную на восстановление прежнего состояния души и организма. Декарт считал, что психическое состояние влияет на поведение, мимику, состояние органов.

Отечественные психологи и психофизиологи (В.М. Бехтерев, И.М. Сеченов, И.П. Павлов, Н.Н. Ланге, А.Ф. Лазурский, Н.Д. Левитов) рассматривали психические состояния как проявления аффектов, эмоций, влечений, физиологического возбуждения органов (мускулы, сухожилия, кровеносные сосуды); кроме того отмечалась важность учета их динамики и фона психического напряжения.

Основываясь на работах Е.Ю. Сосновиковой, А.О. Прохорова, определим ряд наиболее значимых характеристик, свойственных психическому состоянию [11; 12].

Психическое состояние — широкая психологическая категория, которая охватывает разные виды интегрированного отражения ситуации (воздействий на субъект, как внутренних, так и внешних стимулов) без отчетливого осознания их предметного содержания [4].

Психическое состояние — это целостная характеристика психической деятельности за определенный период времени, которая показывает, насколько своеобразно протекают психические процессы по отношению к отражаемым предметам и явлениям действительности, предшествующим состояниям и психическим свойствам личности.

Психические состояния можно разделить на классы, которые являются основанием, определяющим то или иное психическое состояние [5]:

- психические состояния, в большей степени зависящие и определяющиеся объективными особенностями ситуаций, и психические состояния, зависящие от личностных факторов, раскрывающие индивидуальность человека;

- психические состояния, глубинные и поверхностные (определяются влиянием на поведение человека);

- отрицательные и положительные психические состояния;

- краткие и продолжительные эмоциональные состояния (определяются временем).

Кроме того, можно выделить следующие *характеристики психических состояний*:

- длительность;

- пространственные характеристики (степень «распространённости»): латентные или яркие проявления, биологические или социальные;

- структурные характеристики, а именно общий тонус и напряженность отдельных компонентов;

- функциональные характеристики.

А.О. Прохоров [11]. выделил следующие *характеристики психических состояний*:

- целостность;

- устойчивость во временных рамках;
- обусловленность ситуациями;
- единство переживания и деятельности;
- связь с личностными особенностями и психическими процессами.

Таким образом, можно выделить следующие основные характеристики или компоненты оценки психических состояний: время, пространство, структура.

Для понимания особенностей психических состояний несовершеннолетних осужденных важно отметить влияние возрастных особенностей. В пенитенциарной среде становятся особенно важны следующие особенности подросткового возраста.

- Общение со сверстниками как ведущая деятельность. Данный аспект приобретает особое значение в контексте развития подростка, ведь нахождение в пенитенциарной среде ограничивает круг социальных связей, прерывая полноценную возможность общаться с семьей и в целом с людьми, находящимися за пределами воспитательной колонии. Соответственно, на развитие подростка и на его психическое состояние будут в высокой степени влиять пенитенциарная среда и окружающие его в ней люди.

- Потребность принадлежать к группе подростков, поиск референтной группы. В рамках пенитенциарной среды эта особенность может вести к образованию группы, в том числе антисоциальной направленности, а также способствовать стратификации и поддержанию определенных порядков тюремной субкультуры [10].

- Эмоциональная неустойчивость (повышенная возбудимость, частая смена эмоционального фона и т. д.). Проявления этой особенности, напрямую связанной с изменением гормонального фона, могут быть крайне вариативны и в некоторых своих проявлениях могут провоцировать агрессию или суицидальное поведение.

Основными эмоциональными состояниями, наиболее характерными для подросткового возраста, являются: тревожность, агрессия, фрустрация, ригидность, стресс и др.

Особую динамику приобретают эти и другие психические состояния несовершеннолетних в контексте пенитенциарной среды, которая определяется такими факторами, как: социальная депривация, невозможность удовлетворить некоторые актуальные потребности, принудительное изменение привычного образа жизни, официальная и неофициальная регламентация деятельности, приобретение специфических обязанностей, нахождение в криминальной среде, необходимость занять новую социальную роль (в ИУ), приобретение нового социального статуса (ярлык, накладываемый обществом), феномен «скученности», межличностные конфликты, отсутствие личного пространства, монотонность и т. д.

М.Н. Гернет подробно описал влияние тюремных условий на психическое состояние разных категорий осужденных. В одной из своих работ он писал, что кара, выражающаяся в режиме, по-разному переживается заключенными: «Мы далеки от мысли, что особенности того или другого режима, в той или другой тюрьме проходят через психику каждого заключенного всегда и везде одинаково. Наоборот, следы в психике от такого прохождения через нее тюремного режима очень различны» [2].

В.Ф. Пирожков выделял так называемые «критические точки», которые способствуют изменению психического состояния: нахождение в следственном изоляторе, в зале суда,

Дебольский М.Г., Мельникова Д.В., Месниченко А.С.
Выявление психических состояний
несовершеннолетних обвиняемых и осужденных как
предпосылка профилактики их деструктивного
поведения. Психология и право. 2020. Том 10. № 2.
С. 35–50.

Debolsky M.G., Melnikova D.V., Mesnichenko A.S.
Identification of the Mental States of Minors Accused and
Convicted as a Precondition for Preventing Their
Destructive Behavior
Psychology and Law. 2020. Vol. 10, no. 2, pp. 35–50.

пребывание в ВК и освобождение [11]. Первые эмоциональные состояния, которые испытывает подозреваемый связаны с переживанием тревоги и апатии, общий фон настроения снижен, а сон может становиться поверхностным и коротким. Такие состояния могут происходить на первоначальном этапе любой из указанных выше «критических точек», поскольку они связаны с адаптацией к новой ситуации; соответственно, чаще всего они встречаются у впервые привлекаемых к уголовной ответственности, поскольку таковые не имеют опыта отбывания наказания. Вместе с тем ряд исследователей отмечают в периоды адаптации такие состояния, как: тоска, агрессия, грусть, фрустрация, стресс. В течение пребывания в колонии около полугода или при долговременном нахождении в СИЗО у несовершеннолетних правонарушителей проявляется синдром «лишения свободы», затем (после завершения этого периода), фон настроения выравнивается, отмечается большая устойчивость психических состояний. Следующей критической точкой становится подготовка к освобождению: примерно за полгода—год до освобождения у осужденных отмечается ярко выраженное состояние тревоги, страха, нетерпения, стресса.

В современных исследованиях уделяется внимание изучению особенностей понимания осужденными психического состояния, как своего, так и других людей. Разделяем позицию М.В. Овсяниковой и В.М. Позднякова, о том, что весьма перспективным направлением в этом плане является изучение особенностей переживаний осужденных в русле концепции эмоционального интеллекта [8].

С учетом рассмотренных выше исследований остановимся на решении поставленных нами задач.

Организация исследования и характеристика выборки

Исследование проводилось на базе воспитательной колонии и следственного изолятора. Выборку исследования составили 36 несовершеннолетних мужского пола, из которых 18 — подозреваемые и обвиняемые, содержащиеся в СИЗО, и 18 — осужденные, отбывающие наказание в воспитательной колонии.

Характеристика выборки: возраст — 15—18 лет;

Уголовные статьи, по которым обвинялись и отбывали наказание несовершеннолетние: 105 УК РФ и 111 УК РФ (убийство и умышленное причинение тяжкого вреда здоровью) — 8 человек; 131 УК РФ и 132 УК РФ (изнасилование и насильственные действия сексуального характера) — 5 человек; 158, УК РФ; 161 УК РФ; 162 УК РФ (кража, грабеж и разбой) — 16 человек; 228 УК РФ (незаконное приобретение, хранение, перевозка... наркотических средств) — 7 человек.

Все осужденные учились в школе или профессиональном училище при ВК. Большинство имеют от одной до трех профессий, которые они получили в профессиональном училище (слесарь, автомеханик, программист, плотник).

Методы и методики исследования

1. Групповая беседа, в ходе которой несовершеннолетние осужденные рассказывали о влиянии тренингов на свое психическое состояние и о планах на будущее.
2. Опрос (анкетирование) и индивидуальное интервьюирование обвиняемых и осужденных.
3. Методика «САН».
4. Методика «Самооценка психических состояний» (Айзенка).

5. Методика «Шкала тревожности Тейлора».

6. Применение методов математической обработки данных для проверки гипотез исследования.

Обсуждение результатов исследования

Начнем с анализа психических состояний несовершеннолетних подозреваемых, обвиняемых, содержащихся в СИЗО.

По результатам исследования можно сделать вывод, что для большинства подозреваемых и обвиняемых свойственно высокое психическое напряжение [7]. Самооценка психических состояний несовершеннолетних подозреваемых, обвиняемых, находящихся в СИЗО, позволяет утверждать, что наиболее распространенными психическими состояниями являются переживания неприятного характера: тоска (21%), раздражительность (17%), разочарование (17%), чувство вины (12%), тревога (11%), подавленность (11%), отчаяние (9%), безысходность (8%), страх, опасение (7%), злость (6%), упадок духа (6%), агрессия (5%), обида (4%). Однако 17% обвиняемых характеризуют свое состояние как спокойное, а 13% несовершеннолетних отметили состояние уверенности в себе¹. Вполне естественно, что социальная изоляция, тем более несовершеннолетних, вызывает депривацию и соответствующие переживания. Поэтому вполне естественно, что за последние 10—15 лет существенно изменилась уголовно-исполнительная политика государства — помещение несовершеннолетних в СИЗО и ВК осуществляется лишь в крайних случаях, при совершении преступлений неоднократно или особо тяжких. Это одна из главных причин уменьшения численности осужденных в ВК в 15 раз по сравнению с началом 2000-х годов.

Подозреваемые и обвиняемые отмечают следующие факторы, вызывающие неприятные переживания: редкие встречи со следователем (24%), не нравится питание (24%), конфликтные ситуации с сокамерниками (18%), неприятные вести из дома (16%), конфликтные ситуации с сотрудниками (13%), нет телевизора в камере (5%).

По сравнению с отбыванием наказания в ВК, пребывание в СИЗО во многом является ситуацией неопределенности, так как приговор еще не вынесен, сроки наказания не определены, поэтому несовершеннолетние особенно остро реагируют на ситуацию, когда следователь, по тем или иным причинам, редко, порой по несколько недель не встречается с обвиняемым, а пребывание в СИЗО порой затягивается до года и более. Неслучайно несовершеннолетние подозреваемые и обвиняемые намного чаще, чем другие возрастные категории и несовершеннолетние осужденные, допускают демонстративно-шантажное поведение в СИЗО.

Изменение привычного образа жизни провоцирует раздражение, в связи с чем подозреваемые и обвиняемые обращают особое внимание на бытовые аспекты (питание, наличие телевизора и т. д.). Подверженность несовершеннолетних криминальной субкультуре, постоянное нахождение в камере, отсутствие возможности свободного передвижения и общения с воспитателем, психологом способствуют конфликтам с сокамерниками и деструктивному поведению.

¹ Общая сумма — больше 100%, так как обследуемые имели возможность указать несколько состояний.

Дебольский М.Г., Мельникова Д.В., Месниченко А.С.
Выявление психических состояний
несовершеннолетних обвиняемых и осужденных как
предпосылка профилактики их деструктивного
поведения. Психология и право. 2020. Том 10. № 2.
С. 35–50.

Debolsky M.G., Melnikova D.V., Mesnichenko A.S.
Identification of the Mental States of Minors Accused and
Convicted as a Precondition for Preventing Their
Destructive Behavior
Psychology and Law. 2020. Vol. 10, no. 2, pp. 35–50.

По результатам исследования с использованием психодиагностических методик («Диагностика самооценки психических состояний», по Г. Айзенку, методика «САН», Методика Тейлора) можно сделать вывод, что усредненные показатели настроения, тревожности, фрустрации, агрессивности, ригидности находятся в пределах нормы. Это свидетельствует о том, что психическое состояния большинства подозреваемых и обвиняемых можно охарактеризовать как благоприятное. Однако примерно у 25% подозреваемых и обвиняемых отмечается повышенный уровень тревожности.

Такие результаты могут быть связаны как с социальной желательностью, так и с временным отсутствием полного осознания происходящего

Рассмотрим особенности психических состояний несовершеннолетних осужденных, отбывающих наказание в ВК

По результатам исследования можно сделать вывод о том, что наиболее распространенными состояниями, по результатам самооценки осужденных, отбывающих наказание в ВК, являются: спокойствие (30%), уверенность в себе (28%), чувство вины (19%). Кроме того, встречаются следующие состояния: безысходность (9%), тоска (9%), тревога (3%), обида (2%) [7]. Такие показатели могут быть связаны с адаптацией осужденных, они приспосабливаются к условиям пенитенциарной среды. Кроме того, несовершеннолетние осужденные не находятся в камерах, они свободно перемещаются по общежитию, проживают в комнатах по 2—6 человек, посещают школу, профессиональное училище, культурно-массовые и спортивные мероприятия в выходные дни, вечером смотрят телевизор.

На рис. 1 представлены психические состояния осужденных между периодом прибытия в ВК и этапом отбывания наказания после адаптации к условиям отбывания наказания.

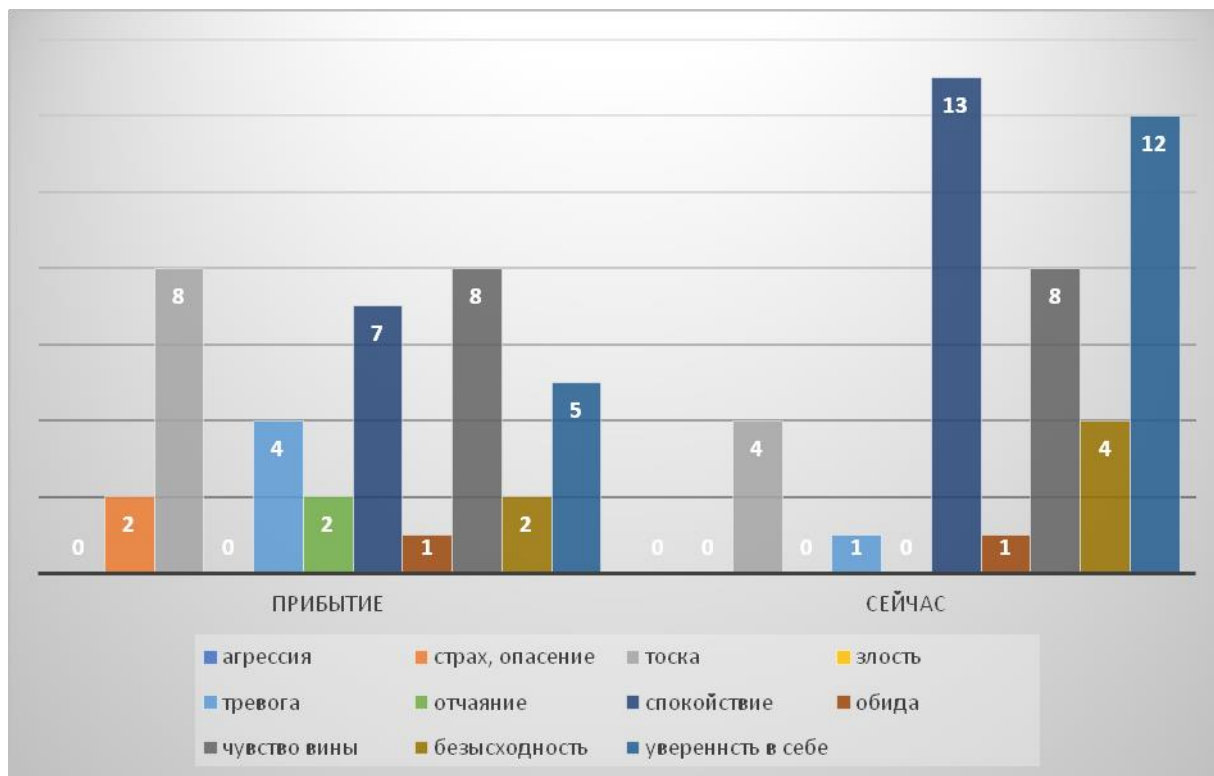


Рис. 1. Сравнение психических состояний во время прибытия в ВК и на данном этапе отбывания наказания

Отметим, что спокойствие и уверенность начинают преобладать у осужденных только после адаптации в воспитательной колонии.

Осужденные, отбывающие наказание в ВК, отмечают следующие ситуации, вызывающие неприятные переживания: плохие вести из дома (50%), плохие оценки в школе (14%), конфликты с другими осужденными (4%), замечания сотрудников ВК (3%), хорошие события (3%), проблемы в профессиональном училище или на производстве (3%). При этом 23% осужденных отмечают, что ситуаций, вызывающих неприятные переживания, не было. Во время индивидуальной беседы и общения с психологами удалось выяснить, что от некоторых ребят отказывались матери, которые не шли на контакты как с подростком, так и с психологами. Такие отказы переживаются подростками тяжело, однако в некоторых случаях становятся дополнительной мотивацией для изменения отношения к жизни и поведения. Вместе с тем интенсивные переживания вызывают плохие оценки в школе; как было указано выше, это может быть связано с влиянием данного аспекта на условно-досрочное освобождение. Также в воспитательной колонии присутствуют подростки, которые до отбывания наказания не посещали общеобразовательные учреждения; таким несовершеннолетним осужденным достаточно трудно адаптироваться к учебному процессу, однако сотрудники учреждения прикладывают усилия для повышения их мотивации.

По результатам проведенных методик («Диагностика самооценки психических состояний», по Г. Айзенку, методика «САН», Методика Тейлора) можно сделать вывод о средних значениях показателей тревожности, фрустрации, агрессивности, ригидности у

осужденных. Усредненное состояние большинства осужденных можно охарактеризовать как благоприятное.

Сравнительный анализ психических состояний несовершеннолетних подозреваемых, обвиняемых, осужденных в процессе судебного разбирательства и отбывания наказания. Можно выделить следующие этапы пребывания в пенитенциарной среде, которые влияют на психическое состояние несовершеннолетних: пребывание в СИЗО, вынесение приговора, адаптация в воспитательной колонии, отбывание наказания в ВК после адаптации; подготовка к освобождению или переводу в исправительную колонию для совершеннолетних осужденных [7].

Изучение особенностей самооценки психических состояний подозреваемыми, обвиняемыми, осужденными позволяет сделать ряд выводов.

У большинства подростков, находящихся в СИЗО, актуальными психическими состояниями являются: тоска, уверенность в себе, чувство вины, тревога. Если сравнивать данный результат с результатами, полученными в колонии по воспоминаниям несовершеннолетних осужденных, становится очевидным, что актуальными выступают практически одинаковые состояния, однако интенсивность переживаний значительно ниже в воспоминаниях, которые отмечают осужденные, находящиеся в ВК (рис. 2).

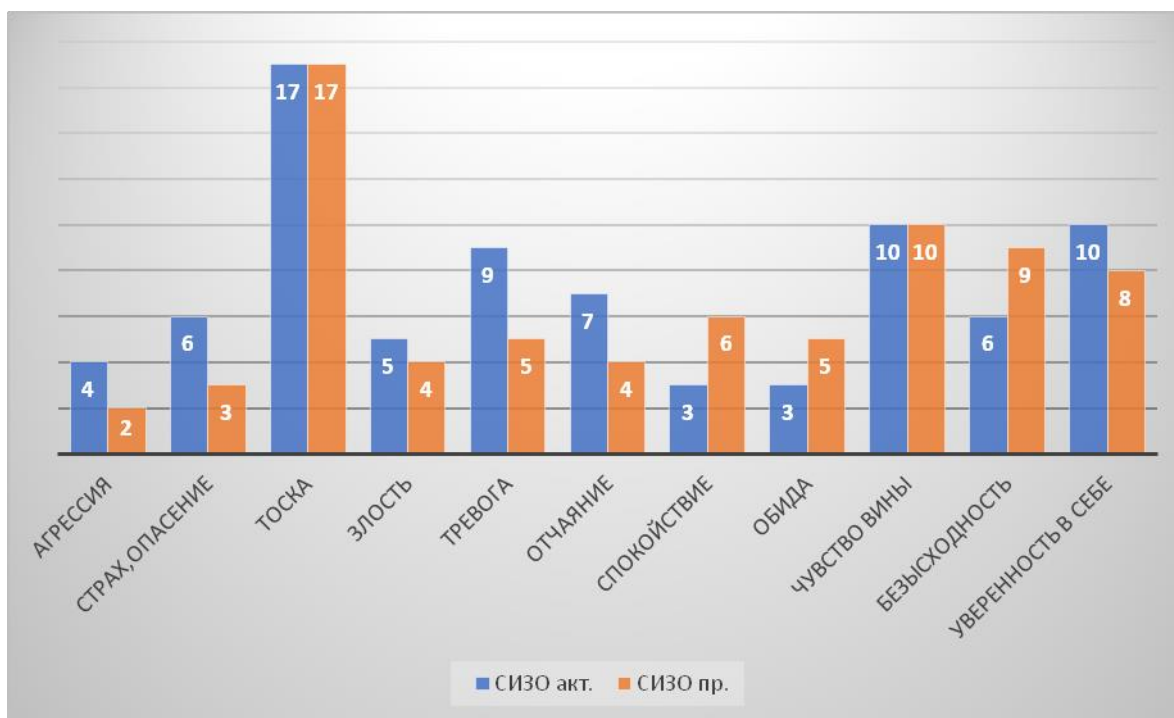


Рис.2. Сравнение психических состояний у несовершеннолетних подозреваемых, обвиняемых, находящихся в СИЗО и воспоминаний о своих состояниях у несовершеннолетних осужденных, находящихся в ВК (данные указаны по количеству людей в двух группах)

Следующей критической точкой переживаний осужденных становится **вынесение приговора**. В этот период обследуемые отмечают у себя страх и тревогу. Подростку в этой

ситуации будущее кажется неопределенным; кроме того, в этот момент некоторые осужденные начинают испытывать чувство вины перед своей семьей. Сравнение психических состояний на этапах нахождения в СИЗО и в момент вынесения приговора приведено на рис.3.

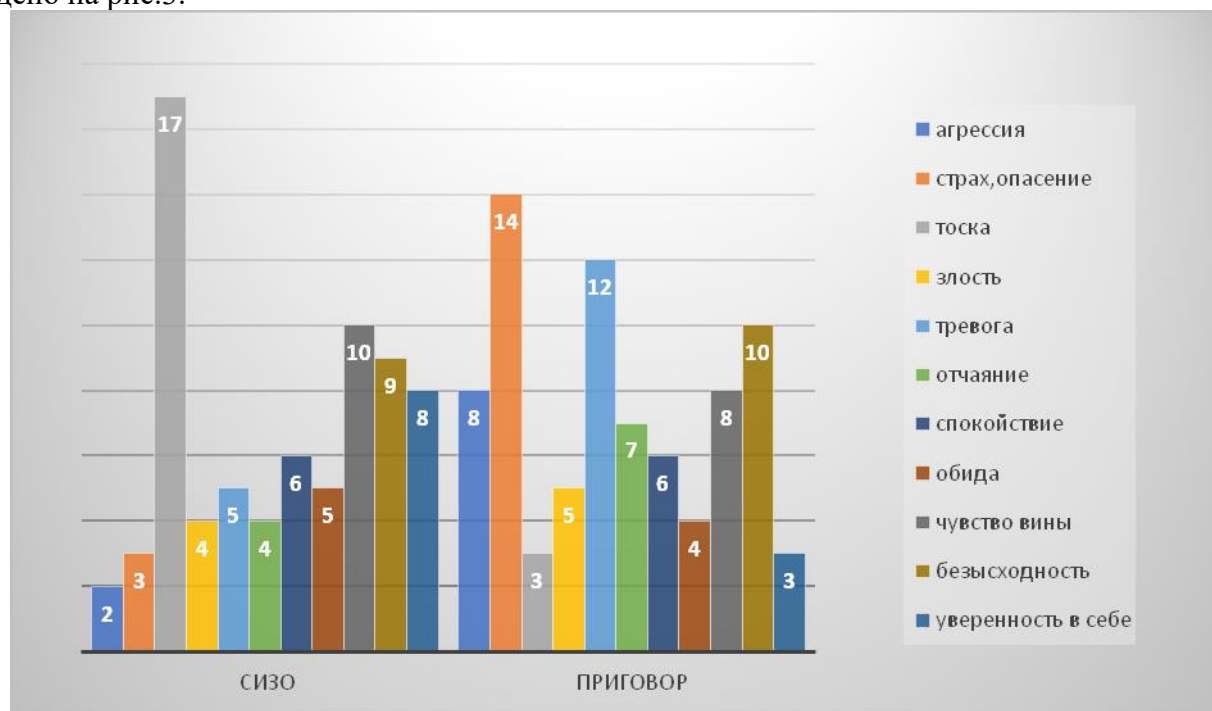


Рис.3. Сравнение психических состояний на этапах нахождения в СИЗО и во время вынесения приговора (по воспоминаниям осужденных)

Следующим этапом становится **прибытие в воспитательную колонию** и сопряженный с этим процесс адаптации. Осужденные отмечали, что по прибытии в колонию преобладали такие психические состояния, как тоска, чувство вины и спокойствие. Шкала безысходности уже стала незначимой, а шкалы злость и агрессия совсем пропали. Можно предположить, что на данном этапе подростки начали понимать ущерб, причиненный пострадавшим. Безысходность оказалась на низком уровне, потому что приговор о лишении свободы уже был озвучен, а несовершеннолетние осужденные были помещены в отдел карантина, где с ними начали работать психологи воспитательной колонии. Сравнение психических состояний на этапах нахождения в СИЗО и в момент прибытия в воспитательную колонию представлен на рис. 4.

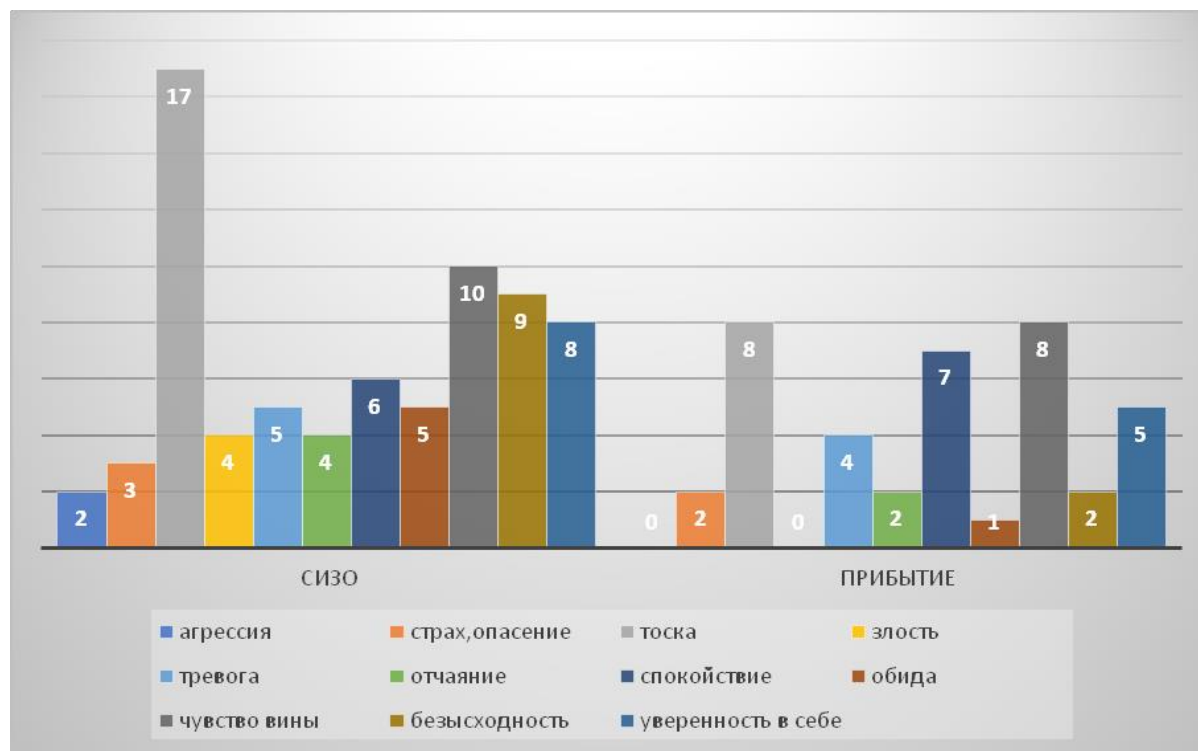


Рис. 4. Сравнение психических состояний на этапах нахождения в СИЗО (по воспоминаниям осужденных) и по прибытию в ВК

Следующим важным этапом становится *период, наступающий после адаптации в воспитательной колонии*. В этот момент, как показала самооценка осужденными своих психических состояний, они не испытывают агрессии, страха, злости, отчаяния, а уверенность в себе находится на высоком уровне. Снижены показатели шкал «тревога» и «обида». Можно предположить, что на уверенность в себе влияют занятия с психологом в форме индивидуальных бесед и тренингов, направленных на повышение уровня коммуникабельности, разрешение конфликтов, умение справляться с агрессией, на развитие волевых способностей и получение профессии. Можно сказать, что в воспитательной колонии условия отбывания наказания мягкие. Подросткам разрешено каждый день звонить родителям, по выходным допускается неограниченное количество встреч с семьей, на окнах нет решеток, в камерах (комнатах) живет по 2—4 человека. Есть живой уголок, комната «релакса», по воскресениям приезжают волонтеры с программами или гости, в том числе студенты МГППУ. Питание в ВК 5 раз в день, учеба в школе, получение профессии, спортивные мероприятия. Сравнение психических состояний на этапе нахождения в СИЗО и на этапе после адаптации в воспитательной колонии представлены на рис. 5.

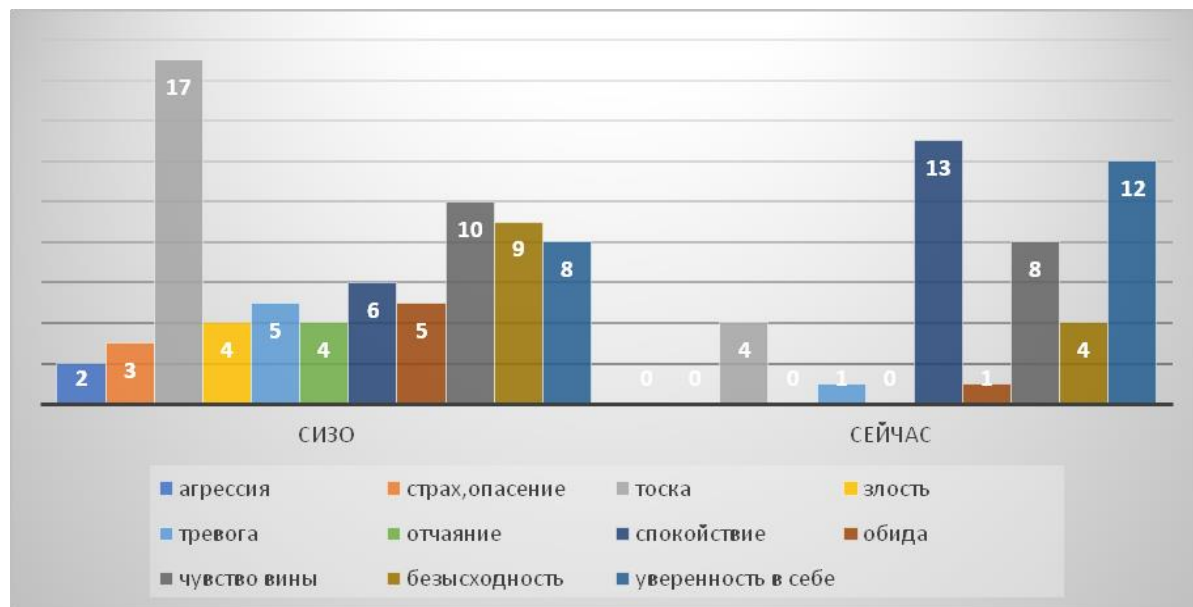


Рис. 5. Сравнение психических состояний на этапах нахождения в СИЗО (по воспоминаниям осужденных) и на данном этапе отбывания наказания

Таким образом, профилактика возможных деструктивных состояний требует от психологической службы СИЗО, воспитательной колонии и сотрудников учреждений в целом подробного исследования психических состояний несовершеннолетних подозреваемых, обвиняемых и осужденных. Для повышения эффективности профилактической работы важно применение методов и методик диагностики, направленных на самооценку психических состояний осужденными, а также методик, не предполагающих самооценку в прямом виде — для снижения уровня социальной желательности и повышения достоверности полученных результатов. Кроме того, важным становится исследование особенностей совладающего поведения. После проведения соответствующей диагностики требуется разработка индивидуальных и групповых программ психологической помощи с учетом особенностей часто встречающихся психических состояний, особенностей влияния пенитенциарной среды и индивидуально-психологических особенностей.

Выводы (на основе результатов эмпирического исследования)

1. Привлечение несовершеннолетних к уголовной ответственности, их пребывание в СИЗО в роли подозреваемых, обвиняемых и отбывание наказания в воспитательной колонии оказывают существенное влияние на их психическое состояние.

2. В период нахождения в СИЗО, по результатам самооценки несовершеннолетних подозреваемых, обвиняемых, для них характерны: тоска (21%), раздражительность (17%), разочарование (17%), чувство вины (12%), тревога (11%), подавленность (11%), отчаяние (9%), безысходность (8%), страх, опасение (7%), злость (6%), упадок духа (6%), агрессия (5%), обида (4%).

3. По данным психодиагностики (методика «Самооценка психических состояний», по Г. Айзенку, методика «САН», методика «Измерение уровня тревожности», по Тейлору), у большинства несовершеннолетних подозреваемых, обвиняемых и осужденных психическое

Дебольский М.Г., Мельникова Д.В., Месниченко А.С.
Выявление психических состояний
несовершеннолетних обвиняемых и осужденных как
предпосылка профилактики их деструктивного
поведения. Психология и право. 2020. Том 10. № 2.
С. 35–50.

Debolsky M.G., Melnikova D.V., Mesnichenko A.S.
Identification of the Mental States of Minors Accused and
Convicted as a Precondition for Preventing Their
Destructive Behavior
Psychology and Law. 2020. Vol. 10, no. 2, pp. 35–50.

состояние в пределах средних значений.

4. Неприятные переживания в следственном изоляторе у несовершеннолетних подозреваемых в основном обусловлены: питанием — 24%, редкими встречами со следователем — 24%, конфликтными отношениями с сокамерниками — 18%. Однако, по воспоминаниям уже осужденных, неприятные переживания в СИЗО в основном были связаны с плохими вестями из дома — 46%.

5. По прибытии в ВК осужденные подростки испытывают тоску — 20%, чувство вины — 21%. Актуальное состояние дополняется также уверенностью в себе — 21%.

6. Неприятные переживания в момент отбывания наказания у половины осужденных связаны с неприятными вестями из дома — 50%.

7. Понимание сущности переживаний подозреваемых, обвиняемых осужденных позволяет целенаправленно осуществлять психопрофилактическую работу с девиантными подростками на различных этапах отбывания наказания и способствовать снижению факторов риска повторных преступлений.

Литература

1. *Василюк Ф.Е.* Психология переживания: анализ преодоления критических ситуаций: монография. М.: Изд-во Московского университета, 1984. 200 с.
2. *Гернет М.Н.* В тюрьме: Очерки тюремной психологии. С иллюстрациями. М.: Право и жизнь, 1925. 150 с.
3. *Глоточкин А.Д.* Исправительно-трудовая психология: учеб. пособие / А.Д. Глоточкин, В.Г. Деев, В.Ф. Пирожков. Рязань: РВШ МВД СССР, 1985. 356 с.
4. *Зинченко В.П.* Большой психологический словарь / Под ред. Б.Г. Мещерякова. СПб.: Прайм-Еврознак, 2003. 409 с.
5. *Левитов Н.Д.* О психических состояниях человека. М.: Просвещение, 1964. 18с.
6. *Мельникова Д.В., Дебольский М.Г.* Пенитенциарный стресс и особенности его проявления у осужденных, подозреваемых, обвиняемых [Электронный ресурс] // Психология и право. 2015. Том 5. № 2. С. 105—116. doi:10.17759/psylaw.2015100208
7. *Месниченко А.С.* (научный руководитель — Дебольский М.Г.) Выпускная квалификационная работа «Особенности психического состояния несовершеннолетних подозреваемых, обвиняемых, осужденных в процессе судебного разбирательства и отбывания наказания в ВК». М.: МГППУ, 2019. 99 с.
8. *Овсянникова М.В., Поздняков В.М.* Психологические проблемы изучения и повышения эмоционального интеллекта осужденных женского пола, отбывающих наказание в исправительных колониях: монография. Рязань: ИП «Коняхин А.В.» (Book Jet), 2020. 182 с.
9. *Пирожков В.Ф.* Криминальная психология. М.: Ось-89, 2001. 414с.
10. Профилактика криминальной субкультуры среди несовершеннолетних осужденных, подозреваемых, обвиняемых: метод. рекомендации / В.М. Поздняков, М.Г. Дебольский, Д.Е. Дикопольцев, М.М. Москвитина, М.П. Чернышкова. М.: НИИ ФСИН России, 2015. 133 с.
11. *Прохоров А.О.* Психология состояний: учеб. пособие / Под ред. А.О. Прохорова. М.: Когито-Центр, 2011. 624 с.

Дебольский М.Г., Мельникова Д.В., Месниченко А.С.
Выявление психических состояний
несовершеннолетних обвиняемых и осужденных как
предпосылка профилактики их деструктивного
поведения. Психология и право. 2020. Том 10. № 2.
С. 35–50.

Debolsky M.G., Melnikova D.V., Mesnichenko A.S.
Identification of the Mental States of Minors Accused and
Convicted as a Precondition for Preventing Their
Destructive Behavior
Psychology and Law. 2020. Vol. 10, no. 2, pp. 35–50.

12. Сосновикова Ю.Е. Психические состояния человека, их классификация и диагностика / Ю.Е. Сосновикова. Горький: Горьковский педагогический институт, 2004. 16 с.
13. Erasmus C.P. The role of emotional intelligence in the adaptation of adolescent boys in private school. University of South Africa, 2007. 264 p.
14. Qualter P. Exploratory and confirmatory factor analysis of the Schutte Self-Report Emotional Intelligence Scale in a sample of male offenders / P. Qualter, J. Ireland, K. Gardner // The British Journal of Forensic Practice. 2010. Vol. 12. № 2. P. 43—51.

References

1. Vasilyuk F.E. Psikhologiya perezhivaniya: analiz preodoleniya kriticheskikh situatsii: monografiya [Psychology of experience: analysis of overcoming critical situations: monograph]. Moscow: Izdatel'ctvo Moskovskogo universiteta [Publishing house of Moscow University], 1984. 200 p.
2. Gernet M.N. V tyur'me: Ocherki tyuremnoi psikhologii. S illyustratsiyami [In prison: Sketches of prison psychology. With illustrations.]. Moscow: Pravo i zhizn' [Law and life], 1925. 150 p.
3. Glotchkin A.D. Ispravitel'no-trudovaya psikhologiya: uchebnoe posobie [Correctional labour psychology: a textbook] / A.D. Glotchkin, V.G. Deev, V.F. Pirozhkov. Ryazan': RVSh MVD SSSR, 1985. 356 p.
4. Zinchenko V.P. Bol'shoi psikhologicheskii slovar' [About mental States of a person]/ Pod red. B.G. Meshcheryakova. Saint-Petersburg: Praim-Evroznak, 2003. 409 p.
5. Levitov N.D. O psikhicheskikh sostoyaniyakh cheloveka [About the mental States of a person]. Moscow: Prosveshchenie [Education], 1964. 18 p.
6. Mel'nikova D.V., Debol'skii M.G. Penitentsiarnyi stress i osobennosti ego proyavleniya u osuzhdennykh, podozrevaemykh, obvinyaemykh [Elektronnyi resurs] [Prison stress and features of its manifestation in convicts, suspects, accused]// Psikhologiya i pravo [Psychology and law]. 2015. Tom 5. № 2. P. 105—116. doi:10.17759/psylaw.2015100208
7. Mesnichenko A.S. (nauchnyi rukovoditel' — Debol'skii M.G.) Vypusknaya kvalifikatsionnaya rabota «Osobennosti psikhicheskogo sostoyaniya nesovershennoletnikh podozrevaemykh, obvinyaemykh, osuzhdennykh v protsesse sudebnogo razbiratel'stva i otbyvaniya nakazaniya v VK» [Final qualifying work " Features of the mental state of juvenile suspects, accused, convicted in the course of trial and serving a sentence in an educational colony»]. Moscow: MGPPU, 2019. 99 p.
8. Ovsyannikova M.V., Pozdnyakov V.M. Psikhologicheskie problemy izucheniya i povysheniya emotsional'nogo intellekta osuzhdennykh zhenskogo pola, otbyvayushchikh nakazanie v ispravitel'nykh koloniyakh: monografiya [Psychological problems of studying and improving the emotional intelligence of female convicts serving sentences in correctional colonies: monograph]. Ryazan': IP Konyakhin A.V. (Book Jet), 2020. 182 p.
9. Pirozhkov V.F. Kriminal'naya psikhologiya [Criminal psychology]. Moscow: "Os'-89", 2001. 414 p.
10. Profilaktika kriminal'noi subkul'tury sredi nesovershennoletnikh osuzhdennykh, podozrevaemykh, obvinyaemykh. Metodicheskie rekomendatsii [Prevention of criminal subculture among minors convicted, suspected, and accused. Methodical recommendation]. / V.M.

Дебольский М.Г., Мельникова Д.В., Месниченко А.С.
Выявление психических состояний
несовершеннолетних обвиняемых и осужденных как
предпосылка профилактики их деструктивного
поведения. Психология и право. 2020. Том 10. № 2.
С. 35–50.

Debolsky M.G., Melnikova D.V., Mesnichenko A.S.
Identification of the Mental States of Minors Accused and
Convicted as a Precondition for Preventing Their
Destructive Behavior
Psychology and Law. 2020. Vol. 10, no. 2, pp. 35–50.

Pozdnyakov, M.G. Debol'skii, D.E. Dikopol'tsev, M.M. Moskvitina, M.P. Chernyshkova. Moscow: NII FSIN Russia, 2015. 133 p.

11. Prokhorov A.O. Psikhologiya sostoyanii: uchebnoe posobie [Psychology of States: textbook] / Pod red. A.O. Prokhorova. Moscow: Kogito-Tsentr, 2011. 624 p.

12. Sosnovikova Yu.E. Psikhicheskie sostoyaniya cheloveka, ikh klassifikatsiya i diagnostika [Mental States of a person, their classification and diagnostics] / Yu.E. Sosnovikova — Gor'kii: Gor'kovskii pedagogicheskii institute, 2004. 16 p.

13. Erasmus C.P. The role of emotional intelligence in the adaptation of adolescent boys in private school. University of South Africa, 2007. 264 p.

14. Qualter P. Exploratory and confirmatory factor analysis of the Schutte Self-Report Emotional Intelligence Scale in a sample of male offenders / P. Qualter, J. Ireland, K. Gardner // The British Journal of Forensic Practice. 2010. V. 12. N 2. P. 43-51.

Информация об авторах

Дебольский Михаил Георгиевич, кандидат психологических наук, ведущий научный сотрудник ФКУ НИИ ФСИН России, профессор кафедры юридической психологии и права факультета юридической психологии, Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2601-0077>, e-mail: mdebolsky@mail.ru

Мельникова Дарья Вячеславовна, аспирант кафедры юридической психологии и права факультета юридической психологии, преподаватель кафедры клинической и судебной психологии факультета юридической психологии, Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ), г. Москва, Российская Федерация ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4501-8207>, e-mail: melnikovadv@mgppu.ru

Месниченко Антонина Сергеевна, специалист по работе с семьей, ГБУ СРЦ «Возрождение», Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9758-0619>, e-mail: antonina.mesnichenko@yandex.ru

Information about the authors

Mihail G. Debolsky, PhD in Psychology, leading researcher, Research Institute of the Federal Penitentiary Service of the Russian Federation, Professor, Faculty of Legal Psychology, Department of Legal Psychology and Law, Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2601-0077>, e-mail: mdebolsky@mail.ru

Daria V. Melnikova, Graduate Student, Faculty of Legal Psychology, Department of Legal Psychology and Law, Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4501-8207>, e-mail: melnikovadv@mgppu.ru

Antonina S. Mesnichenko, psychologist of Social rehabilitation center «Vozrozhdenie», Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9758-0619>, e-mail: antonina.mesnichenko@yandex.ru

ЮВЕНАЛЬНАЯ ЮРИДИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ | JUVENILE LEGAL PSYCHOLOGY

Добровольчество и волонтерство как инструмент профилактики девиантного поведения подростков

Кучеренко П.А.

ФГАОУ ВО «Российский университет дружбы народов», г. Москва, Российская Федерация

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5362-6774>, e-mail: kpete@mail.ru

Коровяковский Д.Г.

г. Москва, Российская Федерация

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6915-0248>, e-mail: sirah13@mail.ru

Антонова Н.В.

ФГНИУ «Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации», г. Москва, Российская Федерация

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7931-8331>, e-mail: natalli_an@mail.ru

Хромова Н.М.

ФГНИУ «Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации», г. Москва, Российская Федерация

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0446-8877>, e-mail: hromova-nm@yandex.ru

Майстрович Е. В.

АННИО «МИИГУ имени П.А.Столыпина», г. Москва, Российская Федерация,
ФГАОУ ВО «Российский университет дружбы народов», г. Москва, Российская Федерация

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1390-4618>, e-mail: elena.maystrovich@yandex.ru

В современной России существует целый ряд проблем социальной жизни детей и подростков: рост числа детей, находящихся в социально опасном положении; ухудшение их физического и психического здоровья; социальное сиротство; ранняя преступность; употребление детьми и подростками алкоголя, наркотических средств. В связи с этим особую актуальность приобретает поиск новых методов работы с детьми и подростками для коррекции их девиантного поведения и повышения уровня и качества их жизни в будущем. Волонтерское движение обладает высоким образовательным потенциалом и может эффективно использоваться для работы с детьми и подростками. Данная статья посвящена рассмотрению профилактики девиантного поведения через волонтерскую деятельность. Авторами рассматривается деятельность конкретных волонтерских организаций по привлечению детей и подростков в волонтерскую среду с целью профилактики девиантного поведения. Анализируются перспективы участия детей и подростков с поведенческими проблемами в волонтерских движениях, а также добровольческих объединениях.

Кучеренко П.А., Коровяковский Д.Г., Антонова Н.В. и др.
Добровольчество и волонтерство как инструмент
профилактики девиантного поведения подростков
Психология и право. 2020. Том 10. № 2. С. 51–63.

Kuherenko P.A., Korovyakovsky D.G., Antonova N.V. et al.
Volunteerism as a Tool for Preventing Deviant Behavior in
Adolescents
Psychology and Law. 2020. Vol. 10, no. 2, pp. 51–63.

Ключевые слова: волонтерство, добровольчество, волонтерская работа, девиантное поведение, профилактика девиантного поведения

Для цитаты: *Кучеренко П.А., Коровяковский Д.Г., Антонова Н.В. и др.* Добровольчество и волонтерство как инструмент профилактики девиантного поведения подростков [Электронный ресурс] // Психология и право. 2020. Том 10. № 2. С. 51–63. DOI:10.17759/psylaw.2020100205

Volunteerism as a Tool for Preventing Deviant Behavior in Adolescents

Petr A. Kucherenko

"Peoples' Friendship University of Russia", Moscow, Russia
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5362-6774>, e-mail: kpete@mail.ru

Denis G. Korovyakovsky

Moscow, Russia
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6915-0248>, e-mail: sirah13@mail.ru

Nataliya V. Antonova

Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7931-8331>, e-mail: natalli_an@mail.ru

Nataliya M. Khromova

Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0446-8877>, e-mail: hromova-nm@yandex.ru

Elena V. Maistrovich

International Institute of Informatization and Public Administration named after P.A. Stolypin, "Peoples' Friendship University of Russia"
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1390-4618>, e-mail: elena.maistrovich@yandex.ru

This article is devoted to the prevention of deviant behavior through volunteer activities. The growing number of children in a socially dangerous situation, the deterioration of their physical and mental health, social orphanhood, early crime, the use of alcohol and drugs by children and adolescents - this is the series of problems that exist in modern Russia and is related to the social life of children and adolescents. In this regard, the search for new methods of working with children and adolescents to correct their deviations and improve the quality of their life becomes especially relevant. The volunteer movement has a high educational potential and can be effectively adapted to work with children and adolescents. The authors consider the activities of specific volunteer organizations to attract children and adolescents to the volunteer environment in order to prevent deviant behavior. The article analyzes the possibilities from participation in volunteer movements, as well as

voluntary associations of children and adolescents with behavioral problems.

Keywords: volunteering, volunteer work, deviant behavior, prevention of deviant behavior.

For citation: Kucherenko P.A., Korovyakovsky D.G., Antonova N.V. et al. Volunteerism as a Tool for Preventing Deviant Behavior in Adolescents. *Psikhologiya i pravo = Psychology and Law*, 2020. Vol. 10, no. 2, pp. 51–63. DOI:10.17759/psylaw.2020100205 (InRuss.).

Согласно Т.В. Дьячковой, Н.В. Зарниченко, девиантное поведение представляет собой действие, отклоняющееся от общепризнанных норм и стандартов в определенный период развития. К девиантному поведению также относят отклонения от социальных, психологических или нравственных норм, выраженные в антисоциальном решении конфликтов, нанесении ущерба себе или другим. Корректировка или устранение девиантного поведения происходит путем создания и применения формальных или неформальных санкций, принятых в конкретном обществе [2].

Исследователями отмечается, что оказавшиеся на улице подростки ищут способ объединиться с какой-либо иной группой подростков, что обусловлено их стремлением к объединению со своими сверстниками для общения и совместной деятельности. Такая потребность в неформальной среде общения является базовой для подросткового периода, частью процесса социализации. Если речь идет о ребенке из «группы риска», то зачастую неформальная группа его сверстников оказывается единственной сферой социализации. В свою очередь, естественная для подросткового возраста тяга к новому и рискованному формирует «почву» для асоциального поведения. В будущем антисоциальная среда окажет негативное влияние на формирование личности и характера подростка. Девиантное поведение отклоняющихся подростковых групп показывает, что данные группы находятся на подступах к противоправной деятельности. В качестве одного из эффективных средств профилактики и коррекции асоциального поведения у подростков является поддержка их социальных инициатив [2]. Для этого может быть использован воспитательный потенциал волонтерской деятельности. Создание условий для успешной социализации молодежи в целом и групп риска, в частности, является одной из приоритетных задач молодежной политики Российской Федерации и ее субъектов [6]. Данная задача может быть успешно реализована благодаря вовлечению молодежи в профилактику девиантного поведения через волонтерскую деятельность, где не только взрослые будут заниматься корректирующей работой с подростками из групп риска, но и их сверстники смогут оказать профилактическую помощь.

Под профилактикой девиантного поведения, согласно А.В. Першиной и А.С. Артюхиной, понимается совокупность профилактических мер: социально-медицинских, общественных и организационных мероприятий, направленных на предотвращение и ликвидацию различных социальных девиаций. Профилактика девиантного поведения у подростков направлена на предотвращение антисоциального поведения у обучающихся и развитие нравственных ценностей. В свою очередь, вовлечение подростков в волонтерскую деятельность может решить следующие задачи по коррекции девиации:

- 1) способствует объединению довольно большой молодежной группы, что важно при недостатке психолого-педагогических кадров;
- 2) способствует развитию устойчивых антинаркотических и антиалкогольных установок у волонтеров и их собеседников, воспитанию чувства ответственности;

3) при помощи добровольного движения позволяет сформировать навыки, в том числе приобрести социальный опыт для будущей профессии [7].

Данная статья посвящена исследованию влияния волонтерской деятельности на коррекцию девиантного поведения в подростковом возрасте. Целью статьи является анализ того, насколько именно вовлечение подростков из групп риска может способствовать предотвращению или коррекции девиантного поведения. В статье изучаются зарубежные и отечественные исследования в сфере преимуществ волонтерской работы для психоэмоционального развития и состояния подростков, в особенности находящихся в группе риска. Проведенный в рамках статьи анализ показывает, что при выполнении волонтерской работы можно извлечь индивидуальные выгоды, которые выходят далеко за рамки самого волонтерского акта и могут корректировать антисоциальное поведение, сохраняя эффект еще долго даже после прекращения волонтерской работы [23].

Подростковый возраст — это период становления, в течение которого происходит серьезное моральное и эмоциональное развитие. В течение этого времени опыт волонтерства может дать чувство социальной ответственности, собственной значимости и счастья, что помогает в нравственном развитии. В дальнейшем эти подростки смогут стать уверенными в себе и ответственными взрослыми, которые не участвуют в преступной деятельности. Другими словами, участие подростков из групп риска в волонтерской деятельности может помочь скорректировать их девиантное поведение благодаря усилению чувства собственного достоинства, что в конечном итоге приводит к повышению устойчивости, просоциальному поведению, социальной ответственности и в целом увеличению благополучия. Таким образом, волонтерство может служить способом развития характера, позволяя подросткам становиться ответственными взрослыми членами общества [1].

Для большинства людей «волонтер» — это тот, кто тратит время на помощь другим, не ожидая платы или какой-либо иной выгоды для себя. Однако это не означает, что работа волонтера не имеет значения для самого волонтера. Действительно, широко распространено мнение, что помощь другим так же выгодна для «донора», как и для «реципиента». Исследования показывают, что большинство людей действительно верят в то, что помогать другим — это хороший способ добиться гармонии и удовлетворения в собственной жизни. Данная статья направлена на изучение влияния волонтерской деятельности на психоэмоциональное состояние волонтеров и на коррекцию девиантного поведения у молодежи. Прежде всего, необходимо рассмотреть вклад добровольчества в социальный капитал общества, в его обеспечение общего доверия и взаимовыручки, которые делают возможной демократическую политику [21].

Справедливо отмечается, что волонтерство формирует характер и помогает уберечь детей от неприятностей и антисоциального поведения. Считается, что волонтерство способствует межличностному доверию, терпимости и сочувствию к другим и уважению к общему благу [20]. Это, в свою очередь, способствует минимизации девиантного поведения, нарушающего общественный порядок, например такого, как вандализм. Эмпирические исследования по этой теме не очень распространены, и их результаты несколько противоречивы, оставляют после себя больше вопросов, чем ответов. Например, Даниэль Хартаунд и Роберт Аткинс, проведя опрос среди молодежи обнаружили, что подростки, участвующие в добровольной службе, вряд ли будут участвовать в анти-социальных мероприятиях в этом же году [16]. При этом данные, полученные в ходе проведенного в Мичигане исследования «Переходные периоды жизни подростков», показывают, что работа

волонтеров может помочь предотвратить преступность среди молодых людей [18]. Проведенное исследование показало, что участие в социальных движениях снижало вероятность рискованного поведения, в то время как участие в командных видах спорта увеличивало его вероятность [18]. Джозеф Аллен, в другом исследовании, сравнивает одну группу старшеклассников, которые участвовали в программе «TeenOutreach», с контрольной группой, которая не участвовала в данной программе. TeenOutreach — это школьная программа, в которой участвуют молодые люди, занимающиеся волонтерской деятельностью в своих общинах и обсуждающие данную работу на групповых дискуссиях. Исследователем было обнаружено, что подростки-волонтеры из программы значительно снизили уровень рискованного поведения, а также его последствий, по сравнению с контрольной группой, спустя год участия в программе [19]. Важно упомянуть, что полученные результаты влияния волонтерской работы на снижение девиантного поведения нельзя назвать абсолютно достоверными. Это связано с тем, что учащиеся сами выбирают участие в программе «TeenOutreach» [19, с. 636]. Стоит отметить, что количество добровольцев не влияло на вероятность вовлечения в проблемное поведение и что единственной волонтерской работой, которая имела этот полезный эффект, была работа, выбранная учащимися самостоятельно и приятная для них, которая заставляла их думать о будущих целях и обучала их новым навыкам. Деятельность добровольцев должна быть тщательно организована и проконтролирована для того, чтобы быть эффективной в аспекте коррекции поведения. Кроме того, следует отметить, что все перечисленные исследования имели очень короткий период анализа (один год) и не дают ответа на вопрос о влиянии волонтерской деятельности на снижение антисоциального поведения в более зрелом возрасте. Однако благодаря им можно проследить положительную динамику по коррекции поведения непосредственно у подростков. Кристофер Угген и Дженнифер Джаникула использовали данные первых восьми лет «Исследования развития молодежи», проводившегося в 1988—1995 гг. в США, чтобы исследовать влияние добровольчества на вероятность быть арестованным в течение более длительного периода [15; 17]. Они использовали ретроспективные самоотчеты с 1991—1995 гг., чтобы зафиксировать время первого ареста у разных респондентов. Половина из респондентов занимались волонтерской деятельностью в старших классах, вторая половина, соответственно, не принимала участия в добровольчестве. Только 3% добровольцев были арестованы в течение четырех лет после окончания школы, по сравнению с 11% недобровольцев [3].

Нельзя выделить одну причину, которая бы лежала в основе позитивного влияния волонтерской деятельности на коррекцию девиантного поведения. Исходя из идеи теории социального контроля, можно ожидать, что волонтерство уменьшает правонарушения, потому что подвергает молодых людей неформальному социальному контролю и надзору. Теория социального обучения, предполагает, что волонтерство снижает риск девиантного поведения по той причине, что препятствует социальным контактам с правонарушителями и учит молодых людей просоциальным ценностям, которые накладывают нормативные ограничения на дальнейшую жизнь [14].

Другим немаловажным терапевтическим аспектом являются образуемые в процессе волонтерства социальные связи. Поскольку добровольчество помогает человеку лучше определить свою социальную роль, оно приносит пользу и психическому здоровью. К сожалению, исследования психологических преимуществ добровольчества нельзя назвать информативными, прежде всего потому, что они основаны на собственных оценках

добровольцев [16]. Исследователи упускают из виду молодежь с более негативным опытом волонтерской работы и тот факт, что самовосприятие волонтеров может быть сильно искажено. Кроме того, они не считают, что «новые навыки и знания» могли бы быть получены другими способами, такими, как просто взросление и получение жизненного опыта. Например, можно рассмотреть исследование, проведенное Нэнси Морроу-Хауэлл для того, чтобы выяснить, какие преимущества в своей жизни получили те, кто занимался волонтерской работой длительное время. Более 90% респондентов сообщили о том, что во время волонтерской работы увеличилось их благосостояние, а также что они смогли найти большое количество новых друзей и сформировать устойчивые взаимоотношения с ними. Более 70% отметили, что считают себя более продуктивными, чем до начала волонтерской работы [21]. Однако данное исследование проводилось без контрольной группы, с которой можно было бы сравнить полученные результаты и определить, насколько волонтерская деятельность способна увеличить социальные контакты, продуктивность и благосостояние по сравнению с теми, кто никогда не занимался волонтерской деятельностью или делал это на протяжении более короткого периода времени [12].

Другой сферой, про которую нельзя не упомянуть, является повышение физического здоровья среди тех, кто занимается волонтерской работой. Последние достижения в области медицинской социологии привлекли внимание к преимуществам социальной интеграции и социальной поддержки для физического здоровья [4]. Помогая другим, люди могут создавать более сильные социальные сети, которые защищают от стресса и снижают риск возникновения заболеваний. Возможно, что связь между волонтерством и здоровьем обусловлена тем, что волонтеры имеют доступ к дополнительной информации о пользе физических упражнений и профилактической медицинской помощи. Ряд недавних исследований дают четкие указания на то, что в добровольчестве есть преимущества для физического здоровья. Поскольку все они используют продольные данные — и некоторые используют смертность в качестве переменной результата, — они позволяют сделать вывод, что именно добровольчество улучшает здоровье, а не то, что здоровые люди больше занимаются добровольчеством. Филлис Моен в своем исследовании использовала данные двух волн, 1956 и 1986 гг., чтобы исследовать влияние волонтерства на начало серьезных заболеваний и функциональную инвалидность. Люди, которые занимались волонтерской работой в перерыве между измерениями в 1986 г., набирали больше функциональных способностей, чем те, которые этого не делали [19; 22].

Существует ряд причин, по которым волонтерство способно оказывать положительное влияние на психическое здоровье. Во-первых, волонтерство — это форма социальной активности или социального участия. Хорошо известно, что социальная интеграция — количество социальных связей или взаимоотношений, которые имеет человек, — приводит к положительным последствиям для психического здоровья [11; 24]. Социальная изоляция — чувство, при котором человек чувствует себя отвергнутым от социальных групп, наоборот, негативно сказывается на формировании психоэмоционального здоровья, особенно в подростковом возрасте. Еще одна причина, по которой существует связь между добровольчеством и психическим здоровьем, заключается в том, что работа добровольцев является формой помогающего поведения. Оказание помощи даже в некой обобщенной форме и обобщенной группе людей, а не конкретным людям, как в формальной волонтерской деятельности, является самоутверждающим опытом. В определенных условиях

это может способствовать укреплению доверия в обществе в целом и в рамках конкретной социальной группы — в частности.[13].

Другим важным исследовательским направлением является изучение эффектов различных видов волонтерской деятельности. Некоторые виды волонтерской работы могут быть очень стрессовыми, в то время как иные могут нести более восстановительный характер [5]. Более положительный эффект на коррекцию девиантного поведения оказывает именно восстановительная волонтерская работа, например, оказание помощи детям и пожилым людям, содержащимся в приютах и домах престарелых. Однако в данном случае необходимо учитывать личные качества волонтера — в некоторых случаях положительный эффект отмечается и от более стрессовой волонтерской работы [24]. Немаловажным аспектом для изучения эффективности волонтерства является жизненный цикл респондентов. Отмечается, что наибольший положительный эффект волонтерская работа оказывает на подростков и пожилых людей, так как именно они зачастую наибольшим образом нуждаются в формировании социальных контактов, поддерживающей социальной группе и общественном признании. В этом возрасте волонтерство является высокоинвестиционной деятельностью, требующей дисциплины, времени и жертв.

В 2016 г. в США было проведено первое исследование, посвященное изучению долгосрочной связи между волонтерской деятельностью подростков (в возрасте 12—18 лет) и распространенностью девиантного поведения, арестов и осуждений во взрослом возрасте (более 18 лет) [23]. Результаты показывают, что те, кто занимался волонтерской деятельностью в подростковом возрасте совершали на 11% меньше антисоциальных действий, имели на 31% меньше арестов и на 39% меньше тюремных сроков в возрасте 18—28 лет; на 28% меньше антисоциальных действий, на 53% меньше арестов и на 36% меньше обвинительных приговоров в возрасте 24—34 лет, по сравнению с теми, кто не принимал участия в добровольческой работе. Результаты проведенного исследования в целом подтверждают результаты предыдущих исследований, но демонстрируют не только влияние волонтерства на коррекцию поведения подростка, но и его влияние на дальнейшее формирование личности и жизнь в более зрелом возрасте

Стоит также отметить фактор непосредственно добровольности, который оказывает огромное влияние на повышение эффективности волонтерской деятельности для коррекции девиантного поведения. В этом же исследовании отмечалось, что волонтеры-подростки, участвовавшие в работе по решению суда, а не по собственному желанию, имели более высокий уровень преступного поведения по сравнению с добровольцами [8]. Эти участники также имели самый высокий средний показатель правонарушений и были отстранены от занятий и исключены из школы чаще, чем любая другая группа на исходном уровне [23]. Выше уже упоминалось, что факт добровольности играет одну из решающих ролей в использовании волонтерства для улучшения жизни подростков из групп риска или демонстрирующих девиантное поведение. Данный факт необходимо учитывать при работе с подростками и не заставлять их насильно быть волонтерами, а показывать положительные стороны и преимущества такой работы с целью их мягкого вовлечения в процесс [25]

Более того, проведенное в 2015 г. исследование в Дании показало, что если правонарушитель, при наличии такой возможности, добровольно выбирал общественные работы вместо штрафа или лишения свободы, то в дальнейшем он демонстрировал более социально-ответственное поведение. При аналитической работе необходимо учитывать различия в опыте каждого из респондентов. Дифференциация может зависеть от качества

или интенсивности опыта волонтерства, включая различия в количестве часов работы, типе волонтерской деятельности и уровне вовлеченности среди добровольцев [9]. Например, волонтеры могут быть мотивированы конкретными причинами для осуществления добровольческой деятельности и могут быть вовлечены в нее с большой интенсивностью, поскольку это может стать для них отличным источником повышения самооценки и социального взаимодействия. Проведенные зарубежные и отечественные исследования показывают эффективность вовлечения молодежи из групп риска в волонтерскую работу с целью предупреждения или коррекции девиантного поведения. Успешность использования добровольчества демонстрируется не только в теоретическом анализе, но и на практике, например, опыт подобной работы отражен в статьях Дьячковой Т.В., Зарниченко Н.В., Першиной А.В. и Артюхиной А.С. [2; 7]. В заключение необходимо признать, что вовлечение подростков в волонтерскую работу при грамотном подходе может стать отличным способом профилактики девиантного поведения [10]. Наш анализ показал, что волонтерская работа в подростковом возрасте оказывает влияние на снижение преступности в подростковом и более позднем возрасте. Волонтерство имеет потенциал для долгосрочной устойчивости среди подростков. При этом стоит отметить, что в России уделяется меньше внимания потенциальным возможностям волонтерской работы и изучению этих возможностей, несмотря на положительный эффект. Проведение исследований, аналогичных зарубежным и направленных на иные аспекты работы, помогут оценить эффективность уже существующих программ добровольчества в предотвращении девиантного поведения.

Литература

1. Данилова Е.В. Международный опыт волонтерской деятельности // Вестник РМАТ. 2015. № 4. С. 10—15.
2. Дьячкова Т.В., Зарниченко Н.В. Вовлечение подростков в волонтерское движение как средство противодействия ассоциальным группировкам // ОБЗОР.НЦПТИ. 2018. № 1. С. 70—79.
3. Калинина Т.В. Профилактика девиантного поведения подростков // Феноменология и профилактика девиантного поведения: Материалы IV Всероссийской с международным участием научно-практической конференции: в 2 т. Т. 2. Краснодар: Краснодарский университет МВД России, 2010. С.61—64.
4. Калинина Т.В. Психопрофилактика отклоняющегося поведения подростков // Профилактическая и коррекционная работа с детьми «группы риска»: опыт, проблемы и перспективы: Материалы Всероссийской заочной научно-практической конференции с международным участием (9—10 декабря 2015 г.) / Под ред. Т.Т. Щелиной, Т.В. Калининой; Арзамасский филиал ННГУ. Арзамас: Арзамасский филиал ННГУ, 2016. С. 363—369.
5. Криминализация и декриминализация как формы преобразования уголовного законодательства: монография / Отв. ред. В.П. Кашепов. М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации: ООО «Юридическая фирма КОНТРАКТ», 2018 280 с. С. 143—158.
6. Психолого-педагогическая коррекция девиантного поведения подростков // Профилактическая и коррекционная работа с детьми «группы риска»: опыт, проблемы и перспективы: Материалы Всероссийской заочной научно-практической конференции с международным участием (9—10 декабря 2015 г.) / Под ред. Т.Т. Щелиной, Т.В.

- Калининой; Арзамасский филиал ННГУ. Арзамас: Арзамасский филиал ННГУ, 2016. С. 152—155.
7. Першина А.В., Артюхина А.С. Волонтерская деятельность как современное средство профилактики девиантного поведения // Форум молодых ученых. 2016. № 1. С. 80—84.
 8. Социология, философия право в системе противодействия преступности: практической конференции (г. Красноярск, 22 ноября 2018 г.) / Отв. ред. В.Е. Шинкевич. Красноярск: СибЮИ МВД России, 2018. 224 с.
 9. Сычева А.В. Социальный портрет добровольца в современном обществе: региональный аспект // Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки. Вып. 2. 2016. С. 93—100.
 10. Хромова Н.М. Влияние семьи на девиантное поведение несовершеннолетних // Социология, философия право в системе противодействия преступности: Материалы Всероссийской научно-практической конференции (г. Красноярск, 22 ноября 2018 г.) / Отв. ред. В.Е. Шинкевич. Красноярск: СибЮИ МВД России, 2018. С. 222—224.
 11. Шнейдерман А.А. Актуальные проблемы волонтерской деятельности на территории Российской Федерации // Аллея науки. 2017. Т. 3. № 13. С. 779—785.
 12. Allen J., Kuperminc G., Philliber S., Herre K. Programmatic prevention of adolescent problem behaviors: The role of autonomy, relatedness, and volunteer service in Teen Outreach program // Am J Commun Psychol. 1994. Vol. 22(5). P. 617—638. doi: 10.1007/BF02506896
 13. Chen P., Chantala K. Guidelines for analyzing Add Health Data. Chapel Hill: Carolina Population Center, University of North Carolina at Chapel Hill, 2014.
 14. Crean H. Youth activity involvement, neighborhood adult support, individual decision making skills, and early adolescent behaviors: Testing a conceptual model // J Appl Dev Psychol. 2012. Vol. 33. P. 175—188. doi: 10.1016/j.appdev.2012.04.003
 15. Uggen C., Jennifer Janikula J. Volunteerism and Arrest in the Transition to Adulthood // SOC. FORCES. 1999. Vol. 331. P. 336—37.
 16. Hart D., Atkins R. Urban America as a Context for the Development of Moral Identity in Adolescence // J. SOC. 1998. Vol. 513.
 17. Greenland S., Daniel R., Pearce N. Outcome modelling strategies in epidemiology: traditional methods and basic alternatives // Int J Epidemiol. 2016. Vol. 45(2). P. 565—575. doi: 10.1093/ije/dyw040
 18. Jacquelynne E., Barber B. Student Council, Volunteering, Basketball and Marching Band: What Kind of Extracurricular Activity Matters? // ADOLESCENT RES. 1999. Vol. 10. P. 13.
 19. Joseph P. Programmatic Prevention of Adolescent Problem Behaviors: The Role of Autonomy, Relatedness, and Volunteer Service in the Teen Outreach Program // COMMUNITY PSYCH. 1994. Vol. 22. P. 617.
 20. Lansford J., Dodge K., Griffith Fontaine R., Bates J., Pettit G. Peer rejection, affiliation with deviant peers, delinquency and risky sexual behavior // J Youth Adolesc. 2014. Vol. 43. P. 1742—1751. doi: 10.1007/s10964-014-0175-y
 21. Morrow-Howell N. The perceived benefits of participation in volunteer and educational activities // GERONTOLOGICAL SOC. WORK. 1999. Vol. 65.
 22. Moen P. Successful Aging: A Life Course Perspective on Women's Multiple Roles and Health // Sociale. 1992. Vol. 2. P. 1612—1628.

23. Ranapurwala S., Casteel C., Peek-Asa C. Volunteering in adolescence and young adulthood crime involvement: a longitudinal analysis from the add health study // *Inj Epidemiol*. 2016. Vol. 3. doi: 10.1186/s40621-016-0091-6
24. Rowhani-Rahbar A, Zatzick D, Wang J, et al. Firearm-related hospitalization and risk for subsequent violent injury, death, or crime perpetration: A cohort study // *Ann Intern Med*. 2015. Vol. 162(7). P. 492—500. doi:10.7326/M14-2362
25. Sweeten G., Piquero A., Steinberg L. Age and the explanation of crime, revisited // *Youth Adolesc*. 2013. Vol. 42. P. 921—938. doi: 10.1007/s10964-013-9926-4

References

1. Danilova E.V. Mezhdunarodnyj opyt volonterskoj deyatel'nosti [International experience of volunteering] // *Vestnik RMAT [Vestnik RMAT]*, 2015, no. 4. pp. 10-15.
2. D'yachkovej T.V., Zarnichenko N.V. Vovlechenie podrostkov v volonterskoe dvizhenie kak sredstvo protivodejsviya associal'nym gruppировкам [Involvement of adolescents in the volunteer movement as a means of counteracting social groups] // *OBZOR.NCPTI [REVIEW. NCCPI]*, no. 1, 2018, pp. 70-79
3. Kalinina T.V. Profilaktika deviantnogo povedeniya podrostkov [Prevention of the deviant behavior of adolescents] / T.V.Kalinina// *Fenomenologiya i profilaktika deviantnogo povedeniya: Materialy IV Vserossijskoj s mezhdunarodnym uchastiem nauchno-prakticheskoy konferencii: V 2 t. —Krasnodar: Krasnodarskij universitet MVD Rossii*, 2010.
4. Kalinina T.V. Psihoprofilaktika otklonyayushchegosya povedeniya podrostkov [Psychoprophylaxis of deviant behavior of adolescents] / T.V.Kalinina/ *Profilakticheskaya i korrekcionnaya rabota s det'mi «gruppy riska»: opyt, problemy i perspektivy: materialy Vserossijskoj zaочноj nauchno-prakticheskoy konferencii s mezhdunarodnym uchastiem (9-10 dekabrya 2015 g.) / Pod red. T.T.SHCHelinoj, T.V.Kalininoj; Arzamasskij filial NNGU —Arzamas: Arzamasskij filial NNGU*, 2016, 407 p.
5. Kriminalizaciya i dekriminalizaciya kak formy preobrazovaniya ugolovnog zakonodatel'stva: monografiya [Criminalization and decriminalization as a form of transformation of criminal law: monograph] / *otv. red. V.P. Kashepov. M.: Institut zakonodatel'stva i sravnitel'nogo pravovedeniya pri Pravitel'stve Rossijskoj Federacii: OOO «YUridicheskaya firma KONTRAKT»*, 2018, 280 p.
6. Miruk A.V. Psihologo-pedagogicheskaya korrekciya deviantnogo povedeniya podrostkov [Psychological and pedagogical correction of the deviant behavior of adolescents] // *Profilakticheskaya i korrekcionnaya rabota s det'mi «gruppy riska»: opyt, problemy i perspektivy: materialy Vserossijskoj zaочноj nauchno-prakticheskoy konferencii s mezhdunarodnym uchastiem (9-10 dekabrya 2015 g.) / Pod red. T.T.SHCHelinoj, T.V.Kalininoj; Arzamasskij filial NNGU —Arzamas: Arzamasskij filial NNGU*, 2016, pp. 152-155
7. Pershinoj A.V., Artyuhinoj A.S. Volonterskaya deyatel'nost' kak sovremennoe sredstvo profilaktiki deviantnogo povedeniya [Volunteering as a modern means of preventing deviant behavior] // *Forum molodyh uchenyh [Forum of young scientists]*, no. 1, 2016, pp. 80-84
8. [8] Sociologiya, filosofiya pravo v sisteme protivodejstviya prestupnosti : prakticheskoy konferencii [Sociology, philosophy of law in the system of combating crime: a practical conference] (g. Krasnoyarsk, 22 noyabrya 2018 g.) / *otv. red. V.E. SHinkevich. Krasnoyarsk : SibYUI MVD Rossii*, 2018, 224 p.

9. Sycheva A. V. Social'nyj portret dobrovol'ca v sovremennom obshchestve: regional'nyj aspekt [Social portrait of a volunteer in modern society: a regional aspect] // Izvestiya Tul'skogo gosudarstvennogo universiteta. Gumanitarnye nauki [Bulletin of Tula State University. Humanitarian sciences], no. 2, 2016, pp. 93 -100.
10. Hromova N.M. Vliyanie sem'i na deviantnoe povedenie nesovershennoletnih [The influence of the family on the deviant behavior of minors] // v sbornike: Sociologiya, filosofiya pravo v sisteme protivodejstviya prestupnosti: materialy Vserossijskoj nauchno-prakticheskoj konferencii [Sociology, philosophy of law in the system of combating crime: materials of the All-Russian scientific and practical conference] (g. Krasnoyarsk, 22 noyabrya 2018 g.) / otv. red. V.E. SHinkevich. Krasnoyarsk: SibYUI MVD Rossii, 2018, 224 p.
11. Shnejderman A.A. Aktual'nye problemy volonterskoj deyatel'nosti na territorii Rossijskoj Federacii [Actual problems of volunteer activities in the Russian Federation] // Alleya nauki [Alley of Science], 2017, no. 13, pp. 779 -785.
12. Allen J., Kuperminc G., Philliber S., Herre K. (1994) Programmatic prevention of adolescent problem behaviors: The role of autonomy, relatedness, and volunteer service in Teen Outreach program // Am J Commun Psychol, no. 22(5), pp. 617—638. doi: 10.1007/BF02506896.
13. Chen P., Chantala K. (2014) Guidelines for analyzing Add Health Data. Chapel Hill: Carolina Population Center, University of North Carolina at Chapel Hill.
14. Crean H. (2012) Youth activity involvement, neighborhood adult support, individual decision making skills, and early adolescent behaviors: Testing a conceptual model // J Appl Dev Psychol, no. 33, pp. 175—188. doi: 10.1016/j.appdev.2012.04.003.
15. Uggen C., Janikula J. (1999) Volunteerism and Arrest in the Transition to Adulthood // SOC. FORCES, no. 331, pp. 336-337
16. Hart D., Atkins R. (1998) Urban America as a Context for the Development of Moral Identity in Adolescence // J. SOC, no. 513
17. Greenland S., Daniel R., Pearce N. (2016) Outcome modelling strategies in epidemiology: traditional methods and basic alternatives // Int J Epidemiol, no. 45(2), pp. 565—575. doi: 10.1093/ije/dyw040.
18. Jacquelynne E. Barber B. (1999) Student Council, Volunteering, Basketball and Marching Band: What Kind of Extracurricular Activity Matters? // ADOLESCENT RES, no. 10, pp. 13
19. Joseph P. (1994) Programmatic Prevention of Adolescent Problem Behaviors: The Role of Autonomy, Relatedness, and Volunteer Service in the Teen Outreach Program // COMMUNITY PSYCH, no. 22, p. 617
20. Lansford J., Dodge K., Griffith Fontaine R., Bates J., Pettit G. (2014) Peer rejection, affiliation with deviant peers, delinquency and risky sexual behavior // J Youth Adolesc, no. 43, pp. 1742—1751. doi: 10.1007/s10964-014-0175-y.
21. Morrow-Howell N. (1999) The perceived benefits of participation in volunteer and educational activities // GERONTOLOGICAL SOC. WORK, no. 65
22. Moen P. (1992) Successful Aging: A Life Course Perspective on Women's Multiple Roles and Health // Sociale, no. 2, pp. 1612 - 1628.
23. Ranapurwala S., Casteel C., Peek-Asa C. (2016) Volunteering in adolescence and young adulthood crime involvement: a longitudinal analysis from the add health study // Inj Epidemiol, no. 3. doi: 10.1186/s40621-016-0091-6

Кучеренко П.А., Коровяковский Д.Г., Антонова Н.В. и др.
Добровольчество и волонтерство как инструмент
профилактики девиантного поведения подростков
Психология и право. 2020. Том 10. № 2. С. 51–63.

Kuherenko P.A., Korovyakovsky D.G., Antonova N.V. et al.
Volunteerism as a Tool for Preventing Deviant Behavior in
Adolescents
Psychology and Law. 2020. Vol. 10, no. 2, pp. 51–63.

24. Rowhani-Rahbar A., Zatzick D., Wang J. (2015) Firearm-related hospitalization and risk for subsequent violent injury, death, or crime perpetration: A cohort study // *Ann Intern Med.* no. 162(7), pp. 492—500. doi: 10.7326/M14-2362.
25. Sweeten G., Piquero A., Steinberg L. (2013) Age and the explanation of crime, revisited // *Youth Adolesc.* no. 42, pp. 921—938. doi: 10.1007/s10964-013-9926-4.

Информация об авторах

Кучеренко Петр Александрович, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры муниципального права, ФГАОУ ВО «Российский университет дружбы народов», г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5362-6774>, e-mail: kpete@mail.ru

Коровяковский Денис Геннадьевич, доктор педагогических наук, кандидат юридических наук, доцент, докторант кафедры психологии и педагогики, г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6915-0248>, e-mail: sirah13@mail.ru

Антонова Наталья Владимировна, кандидат юридических наук, старший научный сотрудник отдела социального законодательства, ФГНИУ «Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации», г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7931-8331>, e-mail: natalli_an@mail.ru

Хромова Наталья Михайловна, научный сотрудник отдела социального законодательства, ФГНИУ «Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации», г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0446-8877>, e-mail: hromova-nm@yandex.ru

Майстрович Елена Витальевна, доцент кафедры культуры и искусств, АНННО «МИИГУ имени П.А.Столыпина»; научный сотрудник, ФГАОУ ВО «Российский университет дружбы народов», г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1390-4618>, e-mail: elena.maystrovich@yandex.ru

Information about the authors

Petr A. Kucherenko, Doctor of Law, Professor, Professor of Department of Municipal Law "Peoples' Friendship University of Russia", Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5362-6774>, e-mail: kpete@mail.ru

Denis G. Korovyakovsky, Doctor of Pedagogical Sciences, Candidate of Juridical Sciences, Associate Professor, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6915-0248>, e-mail: sirah13@mail.ru

Nataliya V. Antonova, Candidate of Law, Senior Researcher, Department of Social Legislation, Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation", Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7931-8331>, e-mail: natalli_an@mail.ru

Nataliya M. Khromova, Researcher, Department of Social Legislation, Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation", Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0446-8877>, e-mail: hromova-nm@yandex.ru

Кучеренко П.А., Коровяковский Д.Г., Антонова Н.В. и др.
Добровольчество и волонтерство как инструмент
профилактики девиантного поведения подростков
Психология и право. 2020. Том 10. № 2. С. 51–63.

Kuherenko P.A., Korovyakovsky D.G., Antonova N.V. et al.
Volunteerism as a Tool for Preventing Deviant Behavior in
Adolescents
Psychology and Law. 2020. Vol. 10, no. 2, pp. 51–63.

Elena V. Maistrovich, Associate Professor, Department of Culture and Arts, International
Institute of Informatization and Public Administration named after P.A. Stolypin,
Researcher "Peoples' Friendship University of Russia", Moscow, Russia, ORCID:
<https://orcid.org/0000-0003-1390-4618>, e-mail: elena.maistrovich@yandex.ru

Проблемы внедрения фольклорной игровой практики как коррекционно-профилактического ресурса (результаты и перспективы экспериментальной работы)

Теплова А.Б.

ФГБНУ «Институт изучения детства, семьи и воспитания РАО», г. Москва, Российская Федерация

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1363-251X>, e-mail: abteplova@mail.ru

Чернушевич В. А.

Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ), г. Москва, Российская Федерация

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1401-5070>, e-mail: vasiha@mail.ru

Чупракова Н. Н.

Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ), г. Москва, Российская Федерация

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4717-0133>, e-mail: chuprakovan@mail.ru

Фольклорная игровая практика предлагается как вариант реализации идеи замещающего социогенеза. Игровые ситуации создают условия интенсивного взаимодействия, общения и позволяют решать задачу коррекции и профилактики девиантного поведения через социально-коммуникативное развитие детей. В формирующем эксперименте при апробации игровой программы показано влияние игровой практики на улучшение социометрического статуса детей, на их способность распознавать, принимать и соблюдать разнообразные правила, регламентирующие взаимодействие и общение. Проблемой внедрения игровой практики признается отсутствие субъектов-носителей игры. Наличие игр, представленных в текстовых описаниях, и рекомендаций по организацию игры не достаточно для успешной организации живых игровых ситуаций. Опыт внедрения, распространения игровой практики показал, что дети легко и радостно берут предлагаемый игровой опыт, однако для его воспроизводства недостает пространства и времени, а также носителей живого игрового опыта, которые бы его предлагали детям. Необходима игровая подготовка специалистов. Это основные трудности внедрения игровой практики как средства профилактики и коррекции девиантного поведения.

Ключевые слова: фольклор, игра, профилактика девиантного поведения, социально-коммуникативное развитие, замещающий социогенез, формирующий эксперимент, игровая подготовка

Теплова А.Б., Чернушевич В.А., Чупракова Н.Н.
Проблемы внедрения фольклорной игровой практики
как коррекционно-профилактического ресурса
(результаты и перспективы экспериментальной
работы)
Психология и право. 2020. Том 10. № 2. С. 64–77.

Тeplova A.B., Chernushevich V.A., Chuprakova N.N.
Implementation Issues of Folklore Game Practice as a
Corrective and Preventive Resource (Results and Potential of
Experimental Work)
Psychology and Law. 2020. Vol. 10, no. 2, pp. 64–77.

Благодарности: Авторы благодарны сотрудникам и студентам факультета юридической, принявшим активное участие в проведении экспериментальной работы (особенно: психолог Куприянова Е.А., психолог Ступина В.Н., психолог Щербакова Т.Н., студенты Валеви́ч А.А., Тюмина Н. С.), большая помощь в статистической обработке материалов оказана авторам студентом Чеботаревым И.В.

Для цитаты: *Теплова А.Б., Чернушевич В.А., Чупракова Н.Н.* Проблемы внедрения фольклорной игровой практики как коррекционно-профилактического ресурса (результаты и перспективы экспериментальной работы) [Электронный ресурс] // Психология и право. 2020. Том 10. № 2. С. 64–77. DOI:10.17759/psylaw.2020100206

Implementation Issues of Folklore Game Practice as a Corrective and Preventive Resource (Results and Potential of Experimental Work)

Anna B. Teplova

Institute for the Study of Childhood, Family and Parenting Russian Academy of Education,
Moscow, Russia

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1363-251X>, e-mail: abteplova@mail.ru

Vladimir A. Chernushevich

Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1401-5070>, e-mail: vasiha@mail.ru

Nina N. Chuprakova

Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0777-1122>, e-mail: chuprakovan@mail.ru

The folk game practice is proposed as a variant of execution of the idea of substituting sociogenesis. Game situations create conditions for intensive interaction, communication and allow solving the problem of correction and prevention of deviant behavior through the social and communicative development of children. In the context of the formative experiment when testing the game program, the influence of game practice on improving the sociometric status of children, on their ability to recognize, accept and comply with various rules, regulatory interaction and communication is demonstrated. The implementation issue of the game practice is the lack of game specialists. The presence of games presented in text descriptions and recommendations for organizing the game is not enough for the successful organization of real game situations. The experience of implementation and distribution of the game practice has shown that children easily and joyfully accept the game experience, but there is not enough space and time for its sustainability, as well as specialists of real game experience that would offer it to children. Game training of specialists is required. These are the main difficulties in implementing game practice as a tool of preventing and correcting deviant behavior.

Теплова А.Б., Чернушевич В.А., Чупракова Н.Н.
Проблемы внедрения фольклорной игровой практики
как коррекционно-профилактического ресурса
(результаты и перспективы экспериментальной
работы)
Психология и право. 2020. Том 10. № 2. С. 64–77.

Teplova A.B., Chernushevich V.A., Chuprakova N.N.
Implementation Issues of Folklore Game Practice as a
Corrective and Preventive Resource (Results and Potential of
Experimental Work)
Psychology and Law. 2020. Vol. 10, no. 2, pp. 64–77.

Keywords: folklore, game, prevention of deviant behavior, social and communicative development, replacing sociogenesis, forming experiment, game training.

Acknowledgements: The authors are grateful to the staff and students of the faculty of legal psychology, who took an active part in conducting experimental work (especially: psychologist Kupriyanova E. A., psychologist Stupina V. N., psychologist Shcherbakova T. N., students Valevich A. A., Tyumina N. S.), great help in statistical processing of materials provided to the authors by the student Chebotarev V. I.

For citation: Teplova A.B., Chernushevich V.A., Chuprakova N.N. Implementation Issues of Folklore Game Practice as a Corrective and Preventive Resource (Results and Potential of Experimental Work). *Psikhologiya i pravo = Psychology and Law*, 2020. Vol. 10, no. 2, pp. 64–77. DOI:10.17759/psylaw.2020100206 (In Russ.).

Предыстория экспериментальной разработки

Для обеспечения раннего вовлечения студентов в профессиональную деятельность, непосредственно мотивирующую к учебе на новой специальности «Педагогика и психология девиантного поведения», в 2011 г. был введен специальный курс «Организация досуга детей и подростков». В рамках этого курса студенты могли получить практику ранней профилактики девиантного поведения при организации игрового досуга детей и подростков. Изучение собственного игрового опыта первокурсников показало, что из богатейшего игрового наследия России в опыте современных подростков осталось, за редким исключением, 5—7 общих подвижных игр. Такое положение потребовало введения в учебный курс специальной игровой подготовки, основанной на народных играх, обладающих, как показали наши предварительные наблюдения, хорошими коррекционно-профилактическими ресурсами. Таким образом, в дисциплину для практического освоения вошли около 50 народных игр для разных возрастов [6; 12]. Народные игры в детском саду не являются чем-то новым [5], различные игры используются в психологической работе [13]. Однако нас заинтересовала возможность профессионального использования народной игры в коррекционно-профилактической работе с девиантным поведением.

Первое специальное систематическое, хотя и неструктурированное, наблюдение студентов, воспитателей и школьных психологов за игровой практикой подтвердило, что даже небольшой игровой опыт (4—6 часов игрового времени в семестр) заметно влияет на эмоционально-волевые проявления детей, на характер их общения в группе [12].

Проведенный концептуальный анализ фольклорной игры показал ее характерные особенности, обеспечивающие эффективность игр как коррекционно-профилактического ресурса, и поставил задачу экспериментального психологического исследования их эффективности [9, с. 769—781].

В 2019 г. специальное экспериментальное психологическое исследование, посвященное эффективности игровой практики, было поддержано Департаментом образования г. Москвы и спланировано на базе нескольких школ г. Москвы [10]. Это был один из важных этапов фольклорно-игрового направления нашей многолетней работы.

До этого за 9 лет проведения специального курса «Организация досуга детей и подростков» в рамках учебного плана специальности «Педагогика и психология девиантного

Теплова А.Б., Чернушевич В.А., Чупракова Н.Н.
Проблемы внедрения фольклорной игровой практики
как коррекционно-профилактического ресурса
(результаты и перспективы экспериментальной
работы)
Психология и право. 2020. Том 10. № 2. С. 64–77.

Teplova A.B., Chernushevich V.A., Chuprakova N.N.
Implementation Issues of Folklore Game Practice as a
Corrective and Preventive Resource (Results and Potential of
Experimental Work)
Psychology and Law. 2020. Vol. 10, no. 2, pp. 64–77.

поведения» с игровой практикой познакомились около 1800 детей старшего дошкольного и младшего школьного возраста в составе 72 детских групп девяти образовательных комплексов пяти округов г. Москвы. Накопленный игровой опыт позволил выделить оптимальный состав игровых ресурсов, так определить длительность игрового цикла, чтобы результаты воздействия игровой среды на поведение детей были заметными. При общем положительном отношении и администрации, и воспитателей к игровому фольклору за эти годы нам не удалось встретить сколько-нибудь регулярной игровой практики такого рода. Таким образом, задача внедрения игрового фольклора оказалась полномасштабной, такой как создание в образовательных учреждениях новой не свойственной им практики. И решить эту задачу разработкой и рассылкой методических рекомендаций с описанием игр, звуковыми и видео файлами вряд ли удастся. Нам не раз демонстрировали библиотеку сборников с играми, в том числе и народными, Интернет полон видеоматериалами, но это не делает фольклорную игру доступной детям в ОУ и ДОУ. Необходимость экспериментального исследования эффективности фольклорно-игровой практики и одновременно изучения особенностей ее внедрения стала очевидной.

Результаты экспериментального исследования

В рамках исследования для доказательства эффективности авторской игровой практики на основе русских народных игр, как инструмента психопрофилактической и психокоррекционной работы с детьми старшего дошкольного возраста, было проведено два диагностических исследования: до начала реализации данного проекта и по завершении игровой программы. Игровая сессия состояла из 7 народных игр и проводилась в течение 10 недель по полчаса в неделю подгруппами студентов первого курса (5—6 человек), прошедших игровую подготовку [8].

Описание выборки

Всего в исследовании приняли участие 197 детей, из которых 115 вошли в экспериментальную группу, 82 — в контрольную. В экспериментальную и контрольную группы входили дети подготовительных групп (средний возраст — 6 лет). Соотношение мальчиков и девочек в группах (в процентах): в экспериментальной — 46:54, в контрольной — 45:55.

В качестве *показателя эффективности игровой программы в целом* мы приняли уровень социально коммуникативного развития детей. Ниже представлены параметры, по которым этот уровень оценивается, и диагностические методики для измерения этих параметров.

1. Способность следовать правилам (не могут соблюдать правила) — методика «Бусы» (А.Л. Венгер), Тест школьной зрелости Керна—Йирасека.
2. Способность к взаимодействию (не могут взаимодействовать) — методика «Рукавички» (Г.А. Цукерман).
3. Психоэмоциональная устойчивость (не справляются с эмоциями) — «Лесенка» Дембо-Рубинштейн (неадекватная самооценка), Тест тревожности (Р. Теммл, М. Дорки, В. Амен).
4. Дружественные взаимоотношения в группе (враждуют) — методика «Капитан

Теплова А.Б., Чернушевич В.А., Чупракова Н.Н.
Проблемы внедрения фольклорной игровой практики
как коррекционно-профилактического ресурса
(результаты и перспективы экспериментальной
работы)
Психология и право. 2020. Том 10. № 2. С. 64–77.

Teplova A.B., Chernushevich V.A., Chuprakova N.N.
Implementation Issues of Folklore Game Practice as a
Corrective and Preventive Resource (Results and Potential of
Experimental Work)
Psychology and Law. 2020. Vol. 10, no. 2, pp. 64–77.

корабля» (О.Е. Смирнова, В.М. Холмогорова).

Дополнительно используется сокращенная русскоязычная версия методики «Опросник поведения дошкольников» Л. Бехар (агрессия, тревожность, гиперактивность — опросник родителей и воспитателей) [4].

Основанием для выбора пакета диагностического инструментария послужило теоретическое обоснование игровой фольклорной практики как модельного структурированного пространства, в котором предположительно формируются основы социального взаимодействия, развивается произвольность и коммуникативно-эмоциональная сфера детей дошкольного возраста. Такой метод использования игровой модельной среды мы называем методом замещающего социогенеза.

Предпосылками практически всех видов девиаций можно считать отклоняющееся (не соответствующее возрастной норме) поведение в дошкольном возрасте. Мы полагаем, что отклонение поведения дошкольника от нормы вызвано, прежде всего, низким уровнем социально-коммуникативного развития. А именно, способности устанавливать отношения со сверстниками и совместно действовать в социальной ситуации, регламентированной правилами, способности проявления личной инициативы и самостоятельности, а также ответственности в отношениях с окружающими (дети, взрослые).

Таким образом, *объектом* экспериментального исследования явилась традиционная игра, представленная игровой программой, анализ которой с разной степенью глубины проводился ранее. *Предметом* исследования выступают коррекционно-профилактические ресурсы игры (игровой программы). В качестве *основной гипотезы* выступает утверждение, что практика, заданная игровой программой, может благоприятным образом влиять на социально-коммуникативное развитие ребенка-дошкольника, снижая при этом показатели риска девиантного поведения.

Результаты исследования подтвердили справедливость основной гипотезы. Общая динамика числа детей с различными трудностями в социально-коммуникативном развитии в экспериментальных и контрольных группах по всем показателям представлена на рисунке.

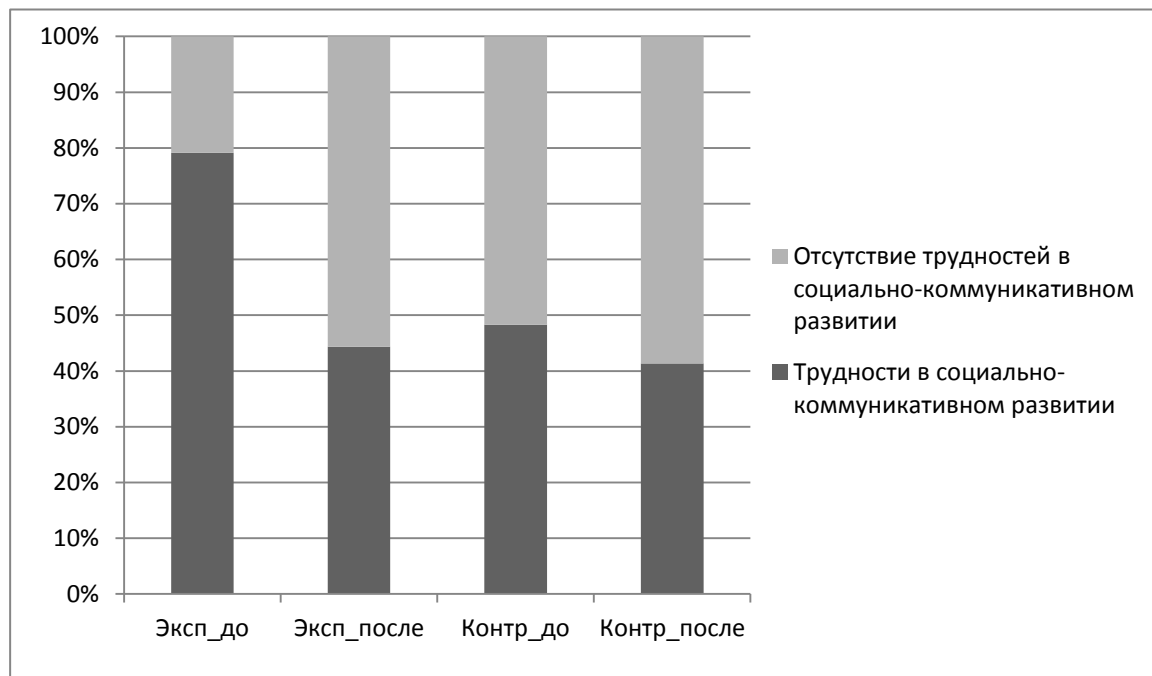


Рис. Общая динамика числа детей с различными трудностями в социально-коммуникативном развитии в экспериментальных и контрольных группах по всем показателям

Очевидны различия в динамике состояния детей в контрольных и экспериментальных группах.

Наибольшие различия в динамике социально-коммуникативного развития детей экспериментальных и контрольных групп показали следующие методики.

Методика «Капитан корабля» (О.Е.Смирнова, В.М. Холмогорова) (параметр — способность поддерживать дружественные отношения со сверстниками). Количество детей с неблагоприятным социометрическим статусом снизилось на 41% (с 33 до 19 человек на выборке 115 человек) В то же время в контрольных группах число детей с неблагоприятным статусом существенно не изменилось (с 9 до 11 человек на выборке 57 человек).

Диагностические результаты по этому показателю подтверждаются результатами наблюдений за изменением поведения детей со стороны воспитателей и волонтеров, ведущих игровую программу и фиксирующих динамику изменения в поведении детей в рамках предложенного им структурированного наблюдения.

Методика «Бусы» (А.Л. Венгер). Параметр — способность следовать правилам. На момент начала программы по методике «Бусы» было выявлено 45 детей (39% от числа экспериментальной группы), имеющих трудности в соблюдении норм и правил. По окончании проекта трудности в соблюдении норм и правил были отмечены только у 10 детей. В контрольной группе было выявлено 10 детей с трудностями соблюдения норм и правил, после проекта трудности сохранились у 4 детей. Из-за малого процента детей с трудностями соблюдения правил в контрольной группе сделать какие-то статистически значимые сравнительные выводы между экспериментальной и контрольной группой

Теплова А.Б., Чернушевич В.А., Чупракова Н.Н.
Проблемы внедрения фольклорной игровой практики
как коррекционно-профилактического ресурса
(результаты и перспективы экспериментальной
работы)
Психология и право. 2020. Том 10. № 2. С. 64–77.

Teplova A.B., Chernushevich V.A., Chuprakova N.N.
Implementation Issues of Folklore Game Practice as a
Corrective and Preventive Resource (Results and Potential of
Experimental Work)
Psychology and Law. 2020. Vol. 10, no. 2, pp. 64–77.

затруднительно.

Русскоязычная версия методики «Опросник поведения дошкольников» Л. Бехар (агрессия, тревожность, гиперактивность).

Изначально в экспериментальных группах высокая агрессивность была диагностирована у 26 детей (22%), после проекта высокая агрессивность была диагностирована только у одного ребенка. Поскольку в контрольных группах детей с высокой агрессивностью было выявлено всего четверо, хотя их число не изменилось при повторной диагностике, сделать сравнительные значимые выводы затруднительно.

Такие затруднения в сравнительном анализе по отдельным показателям обусловлены особенностями контрольной и экспериментальной групп. В контрольной группе, в отличие от экспериментальной, изначально показатели уровня социально-коммуникативного развития были выше, было мало сочетанных недостатков развития, поэтому по каждому из показателей выявлено мало детей с низкими их значениями. Ввиду этого статистически значимые различия в динамике состояния контрольных и экспериментальных групп детей можно получить при общей оценке уровня социально-коммуникативного развития группы, что было представлено выше.

Результаты, полученные по другим использованным методикам, не показали столь определенных статистически значимых различий в динамике состояния детей экспериментальных и контрольных групп. Причины этого требуют дополнительного анализа.

Тем не менее, можно сделать общий вывод об успешности апробации игровой программы, о ее эффективности и целесообразности использования в ДОУ как средства ранней профилактики проблем социально-коммуникативного развития дошкольников.

Проблемы внедрения игровой практики

Многолетний опыт попыток распространения (внедрения) игровой практики в дошкольных образовательных организациях выявил ряд проблем, имеющих разную природу. Первый блок проблем связан со спецификой организации образовательной среды в современном дошкольном образовании. Сегодня образовательная среда понимается как важнейший ресурс, который объединяет в себе основные содержательные понятия, разнообразные условия развития, осмысленные скоординированные педагогические усилия воспитывающих взрослых, управленческий ресурс и активную деятельность самих воспитанников. В создание образовательной среды дошкольной организации включены все участники образовательного процесса:

- педагоги, включая методистов, авторов образовательной программы, помогающих специалистов, воспитателей и их помощников;
- управленцы;
- родители и законные представители детей;
- сами обучающиеся.

К сожалению, в современном дошкольном образовании все еще превалирует среда, организованная по принципу единообразия, в которой доминируют административно-целевые связи и отношения, определяющиеся единственным субъектом, обладающим властью.

Теплова А.Б., Чернушевич В.А., Чупракова Н.Н.
Проблемы внедрения фольклорной игровой практики
как коррекционно-профилактического ресурса
(результаты и перспективы экспериментальной
работы)
Психология и право. 2020. Том 10. № 2. С. 64–77.

Teplova A.B., Chernushevich V.A., Chuprakova N.N.
Implementation Issues of Folklore Game Practice as a
Corrective and Preventive Resource (Results and Potential of
Experimental Work)
Psychology and Law. 2020. Vol. 10, no. 2, pp. 64–77.

Открытая поддержка всех руководителей образовательных организаций была нашим главным ресурсом, однако в содержание процесса управленцы не углублялись, поэтому многие важные ресурсы были не задействованы. Прежде всего, это касалось организации профессионального развития педагогов, участвующих в эксперименте. С позиции руководителя организации педагоги обязаны повышать свою квалификацию в определенные временные интервалы на традиционных курсах повышения квалификации. Однако именно такая традиционная форма курсов повышения квалификации, показала свою неэффективность в передаче и освоении технологии традиционной игры. Для решения этой задачи нами была разработана и апробирована форма сочетания традиционной проблемной лекции и цикла мастер-классов, рефлексивных семинаров и игровых практикумов. Каждая практика внедрения игрового опыта выявляла два типа проблем, связанных с педагогами. Во-первых, это проблема понимания профессиональной деятельности. В антропологическом подходе были выделены четыре профессиональные позиции по способам организации профессиональной деятельности: «исполнитель», «специалист», «профессионал», «субъект инновационной деятельности».

Профессиональная позиция «исполнитель» реализуется по схеме, определенной П.Я. Гальпериним — «ориентировка—исполнение—контроль». Специалист реализуется согласно гегелевской схеме «цель—средство—результат». Профессионал движется от замысла к реализации через рефлексию, под ее постоянным контролем [1, с. 104—125]. И наконец, субъект инновационной деятельности, согласно модели, выстроенной В.И. Слободчиковым и В.К. Рябцевым, отталкивается от смысла и через спроектированную систему трансляции движется к ожидаемым культурным последствиям [2, с. 65]. Очевидно, что позиции «исполнителя» и «специалиста» не влияют на изменение образовательной системы, в то время как позиции «профессионала» и «инноватора» формируют ресурс и во многом определяют характер изменений системы. Большинство педагогов, принимавших игровую практику, являются прекрасными специалистами, но не были готовы к инновационной деятельности. Определенную роль сыграла и актуальная сегодня система отношений в образовательных организациях, в которой педагог ощущает себя скорее исполнителем, чем субъектом собственной деятельности. Отсюда и поверхностное отношение к инновационной работе. Для «профессионала» и «инноватора» характерно стремление к расширению знаний в самых разных областях, связанных с образованием — философии, психологии, педагогических технологий и практик. У современного воспитателя для такой работы нет ни личного, ни профессионального ресурса, так как их день занят в основном рутинной работой.

Во-вторых, это проблема понимания традиционной игры. Кроме технических проблем, таких как пение, подвижность и владение своим телом, важна и способность принятия правил игры. Для педагогов определенную сложность представляет движение и пение, но существеннее оказывается проблема, которую можно обозначить как «привычка руководить». Поведение детей в процессе игры кажется педагогам неверным, слишком свободным. Дети в игровых ситуациях шумят, кричат и не способны быстро вернуться в нейтрально-спокойное состояние. Это раздражает педагогов и провоцирует их к руководству игрой. Они совершенно естественно начинают назначать водящего, указывают, кому и кого выбирать, определяют последовательность выборов и пр. Все это противоречит самой природе игры, а главное, снижает ее коррекционный ресурс.

Теплова А.Б., Чернушевич В.А., Чупракова Н.Н.
Проблемы внедрения фольклорной игровой практики
как коррекционно-профилактического ресурса
(результаты и перспективы экспериментальной
работы)
Психология и право. 2020. Том 10. № 2. С. 64–77.

Teplova A.B., Chernushevich V.A., Chuprakova N.N.
Implementation Issues of Folklore Game Practice as a
Corrective and Preventive Resource (Results and Potential of
Experimental Work)
Psychology and Law. 2020. Vol. 10, no. 2, pp. 64–77.

Для решения этой задачи обычно использовался рефлексивный семинар с воспитателями, на котором они самостоятельно восстановили главные требования и условия традиционной игры. А это — добровольность участия, паритетность, иерархичность, коллективность и подчиненность правилам всех участников игры. Стало очевидным, что воспитателю сложно войти в игру на паритетных началах и сохранить свой статус воспитывающего взрослого. Решением этой проблемы может стать выращивание внутри детского играющего сообщества игрового лидера. О необходимости такого детского лидера в игре писал В.С. Григорьев [3]. Однако для дошкольной организации это пока остается нерешаемой проблемой.

И все же мы можем констатировать, что, несмотря на объективные и профессиональные трудности, педагоги заинтересованы игровой программой и внедрением игровой практики (традиционных народных игр) в обыденную жизнь дошкольной образовательной организации.

Существенной проблемой при проведении игровой практики в дошкольных образовательных организациях оказалась сама образовательная среда. Мы писали о сложившейся в отечественном дошкольном образовании традиционной учебной модели организации образовательного процесса, которая отражается на всех процессах в детском саду. Жесткая регламентация жизни детей, наличие строгого расписания, серьезный акцент на знаниевый компонент и подготовку к школе практически свели на нет свободную самостоятельную деятельность детей и, прежде всего, игру. Несмотря на требования Федерального стандарта о предоставлении детям трех с половиной часов в день на свободную деятельность — игру, труд, другие культурные практики, жизнь детей определена организованными занятиями. Даже наша игровая практика была введена в расписание жизни детей. А для того, чтобы педагоги смогли продолжить самостоятельно игровые программы дополнительно к тем, которые обычно ведут студенты, ввести их в обыденную жизнь детей, необходимо пересмотреть расписание и выделить для этого время. Это оказывается невозможным ни для управленцев, ни для воспитателей.

И здесь проявилась еще одна важная проблема современного дошкольного образования. Отсутствие свободного времени, личного пространства, возможности проявления инициативы и ответственности привело к тому, что большинство современных дошкольников не проявляют никакой инициативы, когда им предоставляется свобода действий в открытой ситуации. Эксперименты, проведенные группой Е.О. Смирновой, показали, что дети «постоянно чувствуют себя в ситуации выполнения заданий взрослого и без таких заданий и инструкций не могут придумать себе занятия или создать свой игровой замысел [7, с. 33—40]. Они постоянно ждут указаний от взрослого, поэтому в присутствии педагога дети и не могут проявить свободу в игре. Они приучены к другому алгоритму поведения. Войти в предложенную им игровую программу им оказалось достаточно сложно.

Обычно программа реализовывалась один раз в неделю тридцать минут. Дети приходят строем под присмотром педагога и также возвращаются в группу. Детям приходится перестраиваться под правила свободной игры и затем возвращаться в свою обычную обстановку. Первые несколько занятий дети не могут поверить, что правила поведения меняются. Затем они осваиваются и к завершению игрового цикла начинают опробовать эту систему отношений на прочность. Что, кстати, нашло отражение в

Теплова А.Б., Чернушевич В.А., Чупракова Н.Н.
Проблемы внедрения фольклорной игровой практики
как коррекционно-профилактического ресурса
(результаты и перспективы экспериментальной
работы)
Психология и право. 2020. Том 10. № 2. С. 64–77.

Teplova A.B., Chernushevich V.A., Chuprakova N.N.
Implementation Issues of Folklore Game Practice as a
Corrective and Preventive Resource (Results and Potential of
Experimental Work)
Psychology and Law. 2020. Vol. 10, no. 2, pp. 64–77.

наблюдениях, когда у некоторых детей снижались показатели следования правилам игры.

Остановимся еще на одном важном моменте. Многолетний опыт внедрения игровой практики в образовательное пространство детского сада, как профилактики отклоняющегося поведения детей и коррекции социально-коммуникативных проблем, показал очень низкий процент включенности родителей. Несмотря на то, что большинство родителей одобрительно относились к игровым занятиям детей, всего лишь единицы приходили на программу и знакомились с тем, чем занимаются их дети. Мы считаем, что поддержка родителей должна выражаться не только в одобрении, но и в изучении игровой программы, поддержке игровой практики детей в домашней среде. Необходимо разработать программы включения родителей в игровую практику.

Итак, мы можем сказать, что для того, чтобы реализовать шаг развития образовательной организации в сторону освоения современных моделей воспитания и социализации, необходимо специально проектировать совместную деятельность педагогов, управленцев и родителей. Для того, чтобы образовательная среда в дошкольных организациях стала насыщенной, более богатой и культуросообразной, необходима смена профессиональной управленческой позиции и переход на вариативный способ ее организации.

Очевидно, что с точки зрения проектирования целостной педагогической системы, позиции «исполнителя» и «специалиста», характерные для большинства воспитателей, представляют собой определенный фактор сопротивления инновационным изменениям. Построение жизнеспособной образовательной практики предполагает осмысленные усилия всех участников образовательного процесса. Для этого педагогам и всем воспитывающим взрослым необходимо подняться на этот смысловой уровень. Необходима новая модель программы профессионального развития, позволяющая реализовать его основные процессы — рефлексивную коммуникацию, анализ, проблематизацию, моделирование и проектно-программное движение. Стратегия учебного курса, сопровождающего внедрение игровой практики, должна быть выстроена в соответствии с этапами построения базовой программы профессионального развития педагога по нисходящей от онтологического уровня через методологический и технологический уровни к практике, и обратно — по восходящей к онтологическому уровню. Такое построение курса позволяет педагогам увидеть и предмет, и технологию более глубоко, инициировать рефлексивные процессы, обозначить личностную и субъектную позиции. Результатом программы становится педагогический проект психолого-педагогической поддержки, коррекции и/или развития детско-взрослой общности средствами традиционной игры. Методология построения такой программы, включающая и апробируемые программы профессионального развития педагогов, разрабатывается в ФГБНУ «Институт изучения детства, семьи и воспитания РАО» в рамках госзадания № 073-00032-20-00.

Выводы

Целью экспериментальной работы была проверка эффективности игровой практики как таковой. Практику представляли и инициировали специально подготовленные ведущие. Практика в экспериментальном режиме доказала свою эффективность. Однако задача внедрения, распространения ее в ДОУ требует учета описанных выше факторов

Теплова А.Б., Чернушевич В.А., Чупракова Н.Н.
Проблемы внедрения фольклорной игровой практики
как коррекционно-профилактического ресурса
(результаты и перспективы экспериментальной
работы)
Психология и право. 2020. Том 10. № 2. С. 64–77.

Teplova A.B., Chernushevich V.A., Chuprakova N.N.
Implementation Issues of Folklore Game Practice as a
Corrective and Preventive Resource (Results and Potential of
Experimental Work)
Psychology and Law. 2020. Vol. 10, no. 2, pp. 64–77.

инновационной деятельности в организации, в частности, решения проблемы передачи практики из рук экспериментаторов, ее носителей, в руки детей и воспитателей. Нам видится решение этой проблемы в переструктурировании пилотных (внедренческих) игровых занятий так, чтобы роль субъекта игры (инициатора игры) передать детям.

Перспективы развития проекта по внедрению игровой практики

На следующем этапе работы по внедрению игровой практик в ДОУ предполагается изменить схему передачи игрового репертуара, приблизив ее к опыту живого, свободного обмена игровым опытом в мире детей. Предполагается также провести экспериментальную игровую программу с диагностикой в группах, бывших на первом этапе проекта контрольными. В экспериментальных группах предполагается, спустя три месяца после игровой практики, провести контрольную диагностику для проверки сохранности полученных в экспериментальной работе результатов. Планируется также оценить сравнительную степень школьной дезадаптации детей, прошедших игровую подготовку, когда они пойдут в первый класс, а также оценить возможности игровой практики по коррекции психоэмоционального состояния младших школьников. Накопленный в работе опыт позволяет надеяться на успешное выполнение намеченных планов.

Литература

1. *Алексеев Н.Г.* Методологические принципы анализа концептуальных схем деятельности в психологии: Труды ВНИИТЭ. Серия Эргономика. М., 1979. Вып. 17.
2. Антропологический подход в развитии воспитания и социализации детей и молодежи: монография / Под ред. В.К. Рябцева. М.: ФГБНУ «ИИДЦВ РАО». 2019. 487 с.
3. *Григорьев В.М.* Этнопедагогика игры. М.: Спутник+, 2008. 225 с.
4. *Казанцева О.А., Сычев О.А., Тютерева Т.А.* Русскоязычная версия методики «Опросник поведения дошкольников» [Электронный ресурс] // Клиническая и специальная психология. 2016. Том 5. № 4. С. 128—142. doi:10.17759/cpse.2016050410
5. *Качанова И.А., Лялина Л.А.* Традиционные игры в детском саду. М.: ТЦ Сфера, 2011. 112 с. (Новый детский сад с любовью).
6. *Покровский Е.А.* Русские детские подвижные игры. СПб.: Речь, Образовательные проекты; М.: Сфера, 2009. 184 с.
7. *Смирнова Е.О.* Специфика современного дошкольного детства // Национальный психологический журнал. 2019. № 2(34). С. 33—40. doi: 10.11621/npj.2019.0207
8. *Стельмах О.Д., Ступина В.Н., Чернушевич В.А.* О возможностях игровой практики в детском саду // Эксперимент и инновации в школе. 2014. № 2. С. 49—55.
9. *Теплова А.Б., Чернушевич В.А.* Ресурсы народной игры как социокультурного средства профилактики девиантного поведения // Культурно-историческая психология. 2017. Том 13. № 3. С. 51—59. doi:10.17759/chp.2017130307
10. *Теплова А.Б., Чернушевич В.А.* Коррекционно-профилактический потенциал традиционной игры (планирование экспериментального исследования) [Электронный ресурс] // Психология и право. 2019. Том 9. № 3. С. 296—309. doi:10.17759/psylaw.2019090321
11. *Чернушевич В.А.* Экспериментальное исследование психоэмоциональных ресурсов

Теплова А.Б., Чернушевич В.А., Чупракова Н.Н.
Проблемы внедрения фольклорной игровой практики
как коррекционно-профилактического ресурса
(результаты и перспективы экспериментальной
работы)
Психология и право. 2020. Том 10. № 2. С. 64–77.

Teplova A.B., Chernushevich V.A., Chuprakova N.N.
Implementation Issues of Folklore Game Practice as a
Corrective and Preventive Resource (Results and Potential of
Experimental Work)
Psychology and Law. 2020. Vol. 10, no. 2, pp. 64–77.

народных игр (фольклора) [Электронный ресурс] // Психология и право. 2014. № 1. URL: <http://psyjournals.ru/psyandlaw/2014/n1/68310.shtml> (дата обращения: 07.02.2020).

12. Чернушевич В.А., Куприянова Е.А., Бобрышова Е.И. Народная игровая культура как средство формирования норм общения в детском возрасте [Электронный ресурс] // Психология и право. 2016. Том 6. № 2. С. 93—106. doi:10.17759/psylaw.2016060207 (дата обращения: 02.02.2020).

13. Чупракова Н.Н. Играя, преодолеваем! Технология преодоления или как не стать жертвой и уметь противостоять насилию (профилактика насилия в образовательной среде) [Электронный ресурс] // Основные вопросы теории и практики педагогики и психологии. Омск: ИЦРОН, 2016. С. 192—193. URL: https://elibrary.ru/item.asp?id=26078707&_ (дата обращения: 07.06.2019).

References

1. Alekseev N.G. Metodologicheskie printsipy analiza kontseptual'nykh skhem deyatel'nosti v psikhologii [Tekst] [Methodological principles of the analysis of conceptual schemes of activity in psychology [Text]]. Trudy VNIITE. Seriya Ergonomika. Moscow, 1979. Vyp.17. (In Russ.).
2. Antropologicheskii podkhod v razvitii vospitaniya i sotsializatsii detei i molodezhi: Monografiya [Anthropological approach in the development of education and socialization of children and youth]. In Ryabtseva V.K. (ed). Moscow: FGBNU «IISV RAO», 2019. 487 p. (In Russ.).
3. Grigor'ev V.M. Etnopedagogika igry [Ethnopedagogy of game]. Moscow: Sputnik+, 2008. 225 p.
4. Kazantseva O.A., Sychev O.A., Tyutereva T.A. Russkoyazychnaya versiya metodiki «Oprosnik povedeniya doshkol'nikov» [Russian-Language version of the methodology "questionnaire of behavior of preschool children"] [Elektronnyi resurs]. *Klinicheskaya i spetsial'naya psikhologiya [Clinical and special psychology]* 2016. Tom 5. № 4. Pp. 128—142. doi:10.17759/cpse.2016050410
5. Kachanova I.A., Lyalina L.A. Traditsionnye igry v detskom sadu [Traditional games in kindergarten]. Moscow: TTs Sfera, 2011. 112 p.
6. Pokrovskii E.A. Russkie detskie podvizhnye igry [Russian children mobile games]. Saint-Petersburg: Rech', Obrazovatel'nye proekty; Moscow: Sfera, 2009. 184 p.
7. Smirnova E.O. Spetsifika sovremennogo doshkol'nogo detstva [Specifics of modern preschool childhood]. *Natsional'nyi psikhologicheskii zhurnal [national psychological journal]*, 2019, no 2(34), pp. 33-40. doi: 10.11621/npj.2019.0207
8. Stel'mah O.D., Stupina V.N., Chernushevich V.A. O vozmozhnostyah igrovoj praktiki v detskom sadu [On the possibilities of match practice in kindergarten]. *Jeksperiment I innovatsii v shkole [Experiment and innovation at school]*, 2014, no 2, pp. 49-55. (In Russ., abstr. in Engl.).
9. Teplova A.B., Chernushevich V.A. Resursy narodnoi igry kak sotsiokul'turnogo sredstva profilaktiki deviantnogo povedeniya [Folk Game as Sociocultural Means of Preventing Deviant Behaviour]. *Kul'turno-istoricheskayapsikhologiya [Cultural-Historical Psychology]*, 2017, Tom 13, no. 3, pp. 51—59. doi:10.17759/chp.2017130307
10. Teplova A.B., Chernushevich V.A. Traditional game's correctional and preventive potential (experiential research planning) [Elektronnyi resurs] *Psikhologiya I pravo [Psychological and law*

Теплова А.Б., Чернушевич В.А., Чупракова Н.Н.
Проблемы внедрения фольклорной игровой практики
как коррекционно-профилактического ресурса
(результаты и перспективы экспериментальной
работы)
Психология и право. 2020. Том 10. № 2. С. 64–77.

Teplova A.B., Chernushevich V.A., Chuprakova N.N.
Implementation Issues of Folklore Game Practice as a
Corrective and Preventive Resource (Results and Potential of
Experimental Work)
Psychology and Law. 2020. Vol. 10, no. 2, pp. 64–77.

Psyjournals.ru], 2019. Vol. 9, no 3, pp. 296—309. doi:10.17759/psylaw.2019090321. (In Russ.,
abstr. in Engl.).

11. Chernushevich V.A. Jeksperimental'noe issledovanie psihojemotsional'nyh resursov narodnih igr (fol'klora) [Elektronnyiresurs] [An experimental study of psycho-emotional resources of folk games (folklore)]. *Psihologiya I pravo* [*Psychological and law Psyjournals.ru*], 2014, no 1. Available at: <http://psyjournals.ru/psyandlaw/2014/n1/68310.shtml> (Accessed 10.03.2020). (In Russ., abstr. in Engl.).

12. Chernushevich V.A., Kupriyanova E.A., Bobryshova E.I. Folk national culture as a means of forming norms of communication in childhood [Elektronnyi resurs]. *Psikhologiya I pravo* [*Psychology and Law PSYEDU.ru*], 2016, no. 2, pp.93—106. doi: 10.17759/psylaw.2016060207 (In Russ., abstr. in Engl.).

13. Chuprakova N.N. Igraya, preodolevaem! Tekhnologiya preodoleniya ili kak ne stat' zhertvoiuemet' protivostoyat' nasiliyu (profilaktikanasiliya v obrazovatel'noisrede) [Elektronnyiresurs] [Playing, overcome! Technology to overcome or how not to become a victim and be able to resist violence (prevention of violence in the educational environment)]. *Osnovnye voprosy teori i ipraktiki pedagogiki i psikhologii* [*Basic questions of the theory and practice of pedagogy and psychology*]. Omsk: Publ. ITsRON, 2016, pp. 192-193. URL:<https://elibrary.ru/item.asp?id=26078707> (Accessed: 07.11.2019). (In Russ.).

Информация об авторах

Теплова Анна Борисовна, кандидат педагогических наук, ведущий научный сотрудник, ФГБНУ «Институт изучения детства, семьи и воспитания РАО», г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1363-251X>, e-mail: abteplova@mail.ru

Чернушевич Владимир Анатольевич, доцент кафедры юридической психологии и права, заведующий учебно-производственной лабораторией факультета юридической психологии, Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1401-5070>, e-mail: vasiha@mail.ru

Чупракова Нина Николаевна, старший преподаватель кафедры юридической психологии и права факультета юридической психологии, Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4717-0133>, e-mail: chuprakovan@mail.ru

Information about the authors

Anna B. Teplova, Candidate of Pedagogical Sciences, Leading Researcher, Institute for the Study of Childhood, Family and Parenting Russian Academy of Education, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1363-251X>, e-mail: abteplova@mail.ru

Vladimir A. Chernushevich, Docent of the Department of Legal Psychology and Law of Legal Psychology Faculty, Head of the Training and Production Laboratory of the Faculty of Legal Psychology, Moscow State University of Psychology and Education, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1401-5070>, e-mail: vasiha@mail.ru

Теплова А.Б., Чернушевич В.А., Чупракова Н.Н.
Проблемы внедрения фольклорной игровой практики
как коррекционно-профилактического ресурса
(результаты и перспективы экспериментальной
работы)
Психология и право. 2020. Том 10. № 2. С. 64–77.

Teplova A.B., Chernushevich V.A., Chuprakova N.N.
Implementation Issues of Folklore Game Practice as a
Corrective and Preventive Resource (Results and Potential of
Experimental Work)
Psychology and Law. 2020. Vol. 10, no. 2, pp. 64–77.

Nina N. Chuprakova, Senior Lecturer Department of Legal Psychology and Law of Legal Psychology Faculty, Moscow State University of Psychology and Education, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4717-0133>, e-mail: chuprakovan@mail.ru

Нормативные основания и условия организации первичной профилактики девиантного поведения детей и подростков в системе общего образования

Умняшова И.Б.

Общероссийская общественная организация «Федерация психологов образования России», г. Москва, Российская Федерация

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4132-3362>, e-mail: mofpor@gmail.com

В статье представлен обзор нормативных правовых документов, регламентирующих деятельность педагогических работников общего образования в области профилактики и коррекции девиантного поведения детей и подростков. Раскрывается содержание Федерального закона № 120-ФЗ, регламентирующего организацию профилактики безнадзорности и правонарушений в РФ. Описываются условия организации первичной профилактики девиантного поведения детей и подростков в системе общего образования: создание воспитательной и воспитывающей среды образовательной организации; соблюдение прав несовершеннолетних; проведение социально-психолого-педагогической диагностики; организация деятельности психолого-педагогического консилиума образовательной организации; взаимодействие с территориальной психолого-медико-педагогической комиссией и центром психолого-медико-социальной помощи; развитие правосознания всех субъектов образовательных отношений; развитии психолого-педагогической компетентности родителей (законных представителей) обучающихся; применение восстановительного подхода и медиации в ситуации возникновения конфликтов.

Ключевые слова: девиантное (отклоняющееся) поведение, нормативные правовые документы, первичная профилактика, профилактика девиантного поведения в системе общего образования.

Для цитаты: Умняшова И.Б. Нормативные основания и условия организации первичной профилактики девиантного поведения детей и подростков в системе общего образования [Электронный ресурс] // Психология и право. 2020. Том 10. № 2. С. 78–96. DOI:10.17759/psylaw.2020100207

Normative Bases and Conditions for Organization of Primary Prevention of Deviant Behavior of Children and Adolescents in Education System

Irina B. Umnyashova

The All-Russian Public Organization «Federation of Educational Psychologists of Russia»

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4132-3362>, e-mail: mofpor@gmail.com

The article presents an overview of normative legal documents regulating the activities of teachers of the education system in the field of prevention and correction of deviant behavior of children and adolescents. The content of Federal law No. 120 regulating the organization of prevention of neglect and offenses in the Russian Federation is explained. The article describes the conditions for the arrangements of primary prevention of deviant behavior of children and adolescents in the education system: creation of an educational and nurturing environment of an educational organization; respect of the rights of minors; conducting socio-pedagogical and psychological diagnostics; organization of activity of psycho-pedagogical Council of the educational institution; interaction with territorial psychological-medical-pedagogical Commission and the center psychological-medical-social help; development of legal awareness of all subjects of educational system; the development of psycho-pedagogical competence of parents (legal representatives) of students; following the restorative justice and mediation practice in conflict situations.

Keywords: deviant behavior, regulatory legal documents, primary prevention, prevention of deviant behavior in the education system.

For citation: Umnyashova I.B. Normative Bases and Conditions for Organization of Primary Prevention of Deviant Behavior of Children and Adolescents in Education System. *Psikhologiya i pravo = Psychology and Law*, 2020. Vol. 10, no. 2, pp. 78–96. DOI:10.17759/psylaw.2020100207 (In Russ.).

Проблема девиантного (отклоняющегося) поведения в детском и подростковом возрасте является темой большого количества исследований уже не одно десятилетие и при этом не теряет своей актуальности. В последние годы наиболее обострился интерес к данной теме в связи с участвовавшими случаями нападения школьников и студентов на сверстников и педагогов. Только в 2018 г. было зафиксировано 5 случаев в Перми, Стерлитамаке, Улан-Удэ, Вольске и Саратове [1]. Любой громкий инцидент с участием детей и подростков вызывает бурное обсуждение в средствах массовой информации и социальных сетях, и всегда одной из лидирующих тем обсуждения является вопрос «Куда же смотрит школа?» «Почему педагоги и школьные психологи опять бездействуют?» и т. д. и т. п. Безусловно, административные и педагогические работники могут и чаще всего влияют на ситуацию проявления отклоняющегося поведения обучающихся: взаимодействуют с родителями учеников и представителями комиссии по делам несовершеннолетних, ведут просветительско-развивающую и коррекционную работу, включают ребенка в различные виды просоциальной деятельности, т. е. выполняют с разной степенью качества обязанности в рамках своих должностных инструкций и с учетом уровня развития у них профессиональных компетенций. Но не всегда работа по профилактике девиантного (отклоняющегося) поведения детей и подростков носит системный и комплексный характер и, к сожалению, не всегда начинается именно как превентивная работа, способная предупредить яркие проявления девиации, наносящие ущерб жизни и здоровью всех субъектов образовательных отношений.

Общеизвестно, что 2018—2027 годы объявлены указом Президента РФ «Десятилетием детства» [22]. «Десятилетие детства» является продолжением реализации Национальной стратегии действий в интересах детей на 2012—2017 годы [21]. Несмотря на объективно огромное количество позитивных изменений в сфере государственной политики в сфере

защиты детства и на положительную динамику по большинству исследуемых в рамках мониторинга параметров, некоторые результаты не были достигнуты и, к сожалению, все еще имеют отрицательные показатели. Так, например, число больных наркоманией несовершеннолетних увеличилось с 2012 по 2016 гг. в 1,9 раза (с 297 до 567) [2, с. 210], а число преступлений, совершенных несовершеннолетними в состоянии наркотического опьянения увеличилось в 2 раза с 236 в 2011 г. до 535 в 2016 г. [3, с. 20]. И даже позитивные результаты, отражающие положительную динамику изменений, указывают на актуальность профилактики и коррекции девиантного поведения у детей и подростков. Так, в 2016 г. количество преступлений, совершенных несовершеннолетними или при их соучастии — 53,7 тыс.; число преступлений, совершенными несовершеннолетними в состоянии алкогольного опьянения — 6,7 тыс.; в органы внутренних дел доставлено свыше 314 тыс. несовершеннолетних правонарушителей; выявлено 61,1 тыс. детей, требующих помощи со стороны государства, из которых 41,5 тыс. были помещены в учреждения системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних; к административной ответственности привлечены более 176 тыс. подростков [3, с. 19—21]. Масштабность проблематики еще раз подчеркивает необходимость комплексной деятельности всех институтов социализации в вопросах профилактики и коррекции девиантного поведения детей и подростков, в том числе актуальность профилактической работы в образовательных организациях общего образования. Статистика участия детей и подростков в различных видах девиантного поведения указывает на необходимость поиска новых актуальных форм и методов профилактики и коррекции отклоняющегося поведения в детском и подростковом возрасте, необходимость реформы системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних, что и отражено в плане «Десятилетия детства» на 2018—2020 годы [18, п. 94]. В плане на первые 3 года «Десятилетия детства» отражена реализация Концепции развития системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних (утверждена распоряжением Правительства РФ от 22.03.2017 № 520-р) [18, п. 112], а также разработка и внедрение программы профилактической работы с родителями, имеющими несовершеннолетних правонарушителей, подвергшихся наказанию, не связанному с изоляцией от общества (штраф, обязательные, исправительные или принудительные работы и т. д.) [18, п. 120]. Основные ожидаемые результаты реализации данных направлений: снижение числа беспризорных и безнадзорных детей; увеличение числа несовершеннолетних, приступивших к обучению в общеобразовательных организациях; снижение доли несовершеннолетних, совершивших преступления; увеличение количества родителей несовершеннолетних осужденных, состоящих на учете в уголовно-исполнительных инспекциях, участвующих в мероприятиях Национальной родительской ассоциации [там же].

Профилактика безнадзорности и правонарушений в РФ

Организацию профилактики безнадзорности и правонарушений в РФ регулируется Федеральный закон от 24.06.1999 № 120-ФЗ «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних» (далее — 120-ФЗ). Закон определяет профилактику безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних как «систему социальных, правовых, педагогических и иных мер, направленных на выявление и устранение причин и условий, способствующих безнадзорности, беспризорности, правонарушениям и антиобщественным действиям несовершеннолетних, осуществляемых в совокупности с индивидуальной профилактической работой с несовершеннолетними и семьями,

находящимися в социально опасном положении» [25, ст. 1].

Основными задачами деятельности по профилактике безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних являются:

« - предупреждение безнадзорности, беспризорности, правонарушений и антиобщественных действий несовершеннолетних, выявление и устранение причин и условий, способствующих этому;

- обеспечение защиты прав и законных интересов несовершеннолетних;

- социально-педагогическая реабилитация несовершеннолетних, находящихся в социально опасном положении;

- выявление и пресечение случаев вовлечения несовершеннолетних в совершение преступлений, других противоправных и (или) антиобщественных действий, а также случаев склонения их к суицидальным действиям» [25, ст. 2].

Статья 5 120-ФЗ определяет категории лиц, в отношении которых должна проводиться индивидуальная профилактическая работа — «...деятельность по своевременному выявлению несовершеннолетних и семей, находящихся в социально опасном положении, а также по их социально-педагогической реабилитации и (или) предупреждению совершения ими правонарушений и антиобщественных действий» [25, ст. 1]. Содержание главы I 120-ФЗ раскрывает основания и сроки проведения индивидуальной профилактической работы, а также устанавливает гарантии соблюдения прав несовершеннолетних (статья 8). В главе II 120-ФЗ определены полномочия, обязанности и направления деятельности различных организаций и учреждений, в деятельность которых входит профилактика и коррекция девиантного поведения, а также защита прав несовершеннолетних (комиссии по делам несовершеннолетних, органы опеки, учреждения социального обслуживания и т. д.). Также в документе (глава III) определены принципы производства по материалам о помещении несовершеннолетних, не подлежащих уголовной ответственности, в специальные учебно-воспитательные учреждения закрытого типа.

Согласно 120-ФЗ, индивидуальная профилактическая работа должна проводиться в отношении следующих категорий несовершеннолетних и их семей: безнадзорные или беспризорные, занимающиеся бродяжничеством и попрошайничеством; содержащиеся в социально-реабилитационных центрах и приютах; употребляющие наркотические средства, психотропные и одурманивающие вещества, алкогольную и спиртосодержащую продукцию; обвиняемые, подозреваемые или отбывающие наказание за совершение административных/уголовных правонарушений или общественные опасные деяния [25, ст. 5]. Это указывает на то, что 120-ФЗ в большей степени определяет систему вторичной и третичной профилактической работы с несовершеннолетними, чье поведение требует коррекции и исправления и которым нужна психолого-медико-социально-педагогическая поддержка в период реабилитации (после проведения лечения или отбывания наказания в специализированных учреждениях). При этом задачи профилактической деятельности в сфере общего образования значительно шире, чем только работа с несовершеннолетними, которые уже проявили признаки отклоняющегося поведения. Во многих научных исследованиях подчеркивается неоспоримая роль первичной профилактики девиантного поведения, направленной на раннее выявление и предотвращения различных видов отклоняющегося поведения детей и подростков. Именно первичная профилактика девиантного поведения является одной из приоритетных задач любой образовательной организации, осуществляющей

обучение и воспитание детей и подростков.

Первичная профилактика девиантного поведения в системе общего образования.

Как указывает В.А. Пимонов, в российском законодательстве термин «девиантное поведение» является синонимом «общественно опасное поведение» [10], требующее коррекционного воздействия и создания условий для изменения поведения детей и подростков. В научной литературе термин «девиантное поведение» имеет более широкую трактовку, но при этом нет единого определения данного понятия и однозначного согласия ученых о степени его патологичности (Шемякина О.В., 2011). Исходя из разного понимания нормы, существуют социологический, биологический и психологический подходы к формулировке определения «девиантное (отклоняющееся) поведение» [29].

Девиантное (отклоняющееся) поведение определяется учеными как:

- «... поведение, отклоняющееся от установленных обществом норм и стандартов, будь то нормы психического здоровья, права, культуры, морали, а также поведение, не удовлетворяющее социальным ожиданиям данного общества в конкретный период времени» [29];

- «... устойчивое поведение личности, отклоняющееся от наиболее важных социальных норм, не соответствующее распространенным в обществе ценностям, правилам, стереотипам поведения, ожиданиям, установкам, причиняющее реальный ущерб обществу или самой личности, непосредственно угрожающее благополучию межличностных отношений, а также сопровождающееся ее социальной и социально-психологической дезадаптацией» [8].

Ученые выделяют следующие виды девиантного поведения:

- раннее проблемное (отклоняющееся) поведение (нарушение правил, школьные прогулы, частые случаи обмана, побеги из дома и т. п.);
- рискованное поведение (зацепинг, диггерство, сталкеринг и т. п.);
- суицидальное (самоповреждающее) поведение;
- аддиктивное (зависимое) поведение (наркомания, алкоголизм, токсикомания и т. п.);
- агрессивное поведение (систематические драки, повреждение имущества, травля, ксенофобия и т. п.);
- делинквентное поведение (воровство, вандализм, мошенничество, кражи и другие виды противоправного поведения) [7].

Миссия любой образовательной организации общего образования — создание условий, обеспечивающих развитие всех видов образовательных результатов: личностных, метапредметных и предметных. В образовательной организации должна быть создана психологически безопасная развивающая среда, способствующая формированию и развитию когнитивных и личностных ресурсов обучающихся, что является важным условием для полноценного развития детей и подростков, их социальной ситуацией развития. Профилактическая деятельность, направленная на предупреждение возникновения факторов риска, провоцирующих отклоняющееся (девиантное) поведение, является одной из приоритетных задач образовательной организации общего образования. Одним из условий, способствующих профилактике девиантного поведения, является создание воспитательной и воспитывающей среды образовательной организации. Еще в процессе реализации Национальной стратегии действий в интересах детей Правительством РФ была разработана и утверждена «Стратегия развития воспитания в Российской Федерации на период до 2025 года», основная цель которой — способствовать созданию условий «...для формирования и

реализации комплекса мер, учитывающих особенности современных детей, социальный и психологический контекст их развития» и формированию предпосылок «...для консолидации усилий семьи, общества и государства, направленных на воспитание подрастающего и будущих поколений» [19]. Документ определил 2 основных направления развития системы воспитания.

1. Развитие социальных институтов воспитания: поддержка семейного воспитания, развитие воспитания в системе образования, развитие воспитательных возможностей информационных ресурсов, поддержка общественных объединений в сфере воспитания.

2. Обновление воспитательного процесса с учетом современных достижений науки и на основе отечественных традиций по направлениям: гражданское воспитание, патриотическое воспитание и формирование российской идентичности, духовное и нравственное воспитание детей на основе российских традиционных ценностей, приобщение детей к культурному наследию, популяризация научных знаний среди детей, физическое воспитание и формирование культуры здоровья, трудовое воспитание и профессиональное самоопределение, экологическое воспитание [там же].

О потенциале воспитательного воздействия в сфере профилактики девиантного поведения говорится в Письме Минобрнауки России от 25.06.2014 № 09-1169 «О направлении рекомендаций» (вместе с «Методическими рекомендациями по созданию условий для развития деятельности молодежных и детских общественных объединений в целях расширения участия детей в общественной жизни и принятия решений, затрагивающих их интересы»), где описан опыт включения детей и подростков в просоциальную деятельность в составе общественных объединений как способ профилактики отклоняющегося поведения. В документе подчеркивается, что молодежные и детские общественные объединения «... моделируют систему самоорганизации подростка, актуализируют его лидерские способности с целью активного построения своей собственной жизни в современном обществе, развивают его социальные компетентности, навыки поведения в повседневной жизни, формируют установки на самостоятельное решение социальных проблемных ситуаций» [13]. Содействие деятельности общественных объединений обучающихся, родителей (законных представителей) несовершеннолетних обучающихся, осуществляемой в образовательной организации и не запрещенной законодательством Российской Федерации, входит в число обязанностей образовательной организации [26, ст. 28, п. 3]. Образовательные организации общего и дополнительного образования должны создавать условия для развития деятельности детских и молодежных общественных объединений: стимулировать участие детей и подростков в деятельности общественных объединений, организовывать их системную психолого-педагогическую и методическую поддержку, привлекать участников общественных объединений к решению актуальных для образовательной организации задач и направлений деятельности.

Не менее важным вопросом для профилактики девиантного поведения является соблюдение прав несовершеннолетних обучающихся в системе образования. Права детей и подростков регламентируются следующими международными и российскими правовыми документами и актами:

- «Конвенция о правах ребенка» (одобрена Генеральной Ассамблеей ООН 20.11.1989) (вступила в силу для СССР 15.09.1990);
- «Декларация прав ребенка» (принята 20.11.1959 Резолюцией 1386 (XIV) на 841-ом

пленарном заседании Генеральной Ассамблеи ООН);

- «Семейный кодекс Российской Федерации» от 29.12.1995 № 223-ФЗ (ред. от 29.05.2019), глава 11. Права несовершеннолетних детей;

- «Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая)» от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 18.07.2019) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.10.2019), статья 26. Дееспособность несовершеннолетних детей в возрасте от 14 до 18 лет;

- Федеральный закон от 24.07.1998 № 124-ФЗ «Об основных гарантиях прав ребенка в Российской Федерации»;

- Указ Президента РФ от 26.03.2008 № 404 «О создании фонда поддержки детей, находящихся в трудной жизненной ситуации»;

- Федеральный закон от 27.07.2006 № 152-ФЗ «О персональных данных»;

- Федеральный закон от 29.12.2012 № 436-ФЗ «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию».

Еще одна из обязанностей образовательной организации — «... создавать безопасные условия обучения, воспитания обучающихся, присмотра и ухода за обучающимися, их содержания в соответствии с установленными нормами, обеспечивающими жизнь и здоровье обучающихся, работников образовательной организации» [26, п. 6]. Созданию условий для профилактики самовольных уходов несовершеннолетних посвящено Письмо Минобрнауки России от 26.02.2016 № 07-834 «О направлении методических рекомендаций» (вместе с «Методическими рекомендациями по работе с детьми, самовольно ушедшими из семей и государственных организаций, и профилактике таких уходов»). Документ разработан как рекомендации к реализации дополнительных профессиональных программ для классных руководителей, педагогов-психологов, социальных педагогов и иных педагогических работников образовательных организаций, но, тем не менее, любой педагогический работник может найти в нем полезную для своей практической деятельности информацию о примерном порядке взаимодействия органов и учреждений системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних, а также иных организаций по вопросам осуществления профилактики самовольных уходов детей из семей и государственных организаций, содействия их розыску, а также проведения индивидуальной профилактической работы (приложение 2 документа) и перечень учебно-методического обеспечения, включающий список литературы и диагностических методик (приложение 4 документа) [14].

Одно из важнейших направлений профилактики девиантного поведения и правонарушений среди несовершеннолетних — социально-психолого-педагогическая диагностика, позволяющая определить факторы, способствующие совершению детьми и подростками отклоняющихся форм поведения, а также личностные и социальные детерминанты, которые могут влиять на готовность к различным видам девиантного поведения [8]. Целью диагностического обследования является определение степени социально-психологической адаптации/дезадаптации и выявление факторов, влияющих на психологическое здоровье обучающегося. Социально-психолого-педагогическая диагностика позволяет провести анализ актуального состояния ребенка/подростка, определить сохранность и нарушения когнитивного и личностного развития, определить наличие/отсутствие неблагоприятной социальной ситуации развития у обучающегося [там же]. Диагностическое обследование может проводиться в форме экспресс-диагностики в рамках ежегодного мониторинга психологического здоровья обучающихся. В случаях,

требующих более глубокого анализа состояния ребенка, возможно проведение углубленного обследования. Данное обследование возможно при наличии заявления или согласия от родителей (законных представителей) несовершеннолетнего [26, ст. 42].

Для обсуждения стратегии психолого-педагогического сопровождения обучающихся, требующих повышенного внимания со стороны семьи и педагогических работников, необходимо создание в образовательной организации психолого-педагогического консилиума, целью деятельности которого является «... создание оптимальных условий обучения, развития, социализации и адаптации обучающихся посредством психолого-педагогического сопровождения» [17]. Психолого-педагогический консилиум образовательной организации представляет собой междисциплинарную команду специалистов, в задачи которой входит:

- анализ причин и факторов, снижающих уровень социально-психологической адаптации обучающихся;
- разработка психолого-педагогических рекомендаций для педагогов и родителей (законных представителей) обучающихся, направленных на создание благоприятных условий развития ребенка/подростка;
- консультирование педагогов и родителей (законных представителей) обучающихся о формах и методах поддержки ребенка/подростка;
- отслеживание выполнения рекомендаций педагогами и законными представителями обучающихся, анализ эффективности и результативности психолого-педагогического сопровождения [6; 20; 24].

Одна из задач психолого-педагогического консилиума образовательной организации — разработка программы индивидуальной профилактической работы с несовершеннолетними обучающимися с девиантным поведением. В Письме Минобрнауки России от 28.04.2016 № АК-923/07 «О направлении методических рекомендаций» (вместе с «Методическими рекомендациями по вопросам совершенствования индивидуальной профилактической работы с обучающимися с девиантным поведением») указано, что «... индивидуальная профилактическая работа может проводиться с несовершеннолетними, допускающими неисполнение или нарушение устава организации, осуществляющей образовательную деятельность, правил внутреннего распорядка, правил проживания в общежитиях и интернатах и иных локальных нормативных актов по вопросам организации и осуществления образовательной деятельности, а также с несовершеннолетними обучающимися, имеющими риски отчуждения от образовательной деятельности в связи с неуспеваемостью по учебным предметам, не посещающими или систематически пропускающими занятия без уважительных причин» [15].

В случае затруднений/невозможности анализа причин отклоняющегося поведения детей/подростков и/или констатации факта неэффективности программы психолого-педагогического сопровождения образовательной организации, психолого-педагогический консилиум может рекомендовать родителям (законным представителям) обращение в региональную психолого-медико-педагогическую комиссию (ПМПК), деятельность которой регулируется Приказом Минобрнауки России от 20 сентября 2013 г. № 1082 «Об утверждении Положения о психолого-медико-педагогической комиссии». Основными направлениями деятельности ПМПК являются:

- «а) проведение обследования детей в возрасте от 0 до 18 лет в целях своевременного

выявления особенностей в физическом и (или) психическом развитии и (или) отклонений в поведении детей;

б) подготовка по результатам обследования рекомендаций по оказанию детям психолого-медико-педагогической помощи и организации их обучения и воспитания, подтверждение, уточнение или изменение ранее данных комиссией рекомендаций;

в) оказание консультативной помощи родителям (законным представителям) детей, работникам образовательных организаций, организаций, осуществляющих социальное обслуживание, медицинских организаций, других организаций по вопросам воспитания, обучения и коррекции нарушений развития детей с ограниченными возможностями здоровья и (или) девиантным (общественно опасным) поведением» [16, п. 10].

В зависимости от категории детей и подростков с отклоняющимся поведением ПМПК проводит два вида обследования: «несовершеннолетних с девиантным поведением (1) и несовершеннолетних с делинквентным поведением, т. е. находящихся в конфликте с законом (2)» [28, с. 79]. Цель деятельности ПМПК, проводящих обследование детей и подростков, демонстрирующих признаки отклоняющегося поведения: «... обследование несовершеннолетних с девиантным поведением, нуждающихся в специальном педагогическом подходе (1); обследование несовершеннолетних, в отношении которых решается вопрос о направлении в специальные учебно-воспитательные учреждения закрытого типа (2)» [11, с. 97—98]. В обследовании несовершеннолетних, демонстрирующих признаки отклоняющегося поведения, должны принимать участие клинический психолог, социальный педагог, психиатр (психоневролог), дефектолог и логопед. Задача специалистов — провести анализ диагностических признаков отклоняющегося поведения и разработать индивидуальную программу помощи несовершеннолетнему [28], реализация которой может проходить, в том числе, в образовательных организациях общего образования (при наличии кадровых, материально-технических и других условий). Заключение и рекомендации ПМПК по итогам комплексного обследования детей и подростков, находящихся в конфликте с законом, «... могут быть использованы в процессе решения юридически значимых ситуаций с участием несовершеннолетних на досудебном, судебном и постсудебном этапе в уголовном процессе» [11, с. 97].

В соответствии со статьёй 42 Федерального закона от 29.12.2012 № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации», функции ПМПК могут быть возложены на центр психолого-педагогической, медицинской и социальной помощи (ЦППМП). ЦППМП «...оказывает помощь организациям, осуществляющим образовательную деятельность, по вопросам реализации основных общеобразовательных программ, обучения и воспитания обучающихся, в том числе осуществляет психолого-педагогическое сопровождение реализации основных общеобразовательных программ, оказывает методическую помощь организациям, осуществляющим образовательную деятельность, включая помощь в разработке образовательных программ, индивидуальных учебных планов, выборе оптимальных методов обучения и воспитания обучающихся, испытывающих трудности в освоении основных общеобразовательных программ, выявлении и устранении потенциальных препятствий к обучению, а также осуществляет мониторинг эффективности оказываемой организациями, осуществляющими образовательную деятельность, психолого-педагогической, медицинской и социальной помощи детям, испытывающим трудности в

освоении основных общеобразовательных программ, развитии и социальной адаптации» [26, ст. 42].

С целью научно-методической поддержки деятельности ЦППМП Министерство образования и науки РФ выпустило в 2015 г. Письмо «О совершенствовании деятельности центров психолого-педагогической, медицинской и социальной помощи», содержание которого может быть полезно и специалистам психолого-педагогических консилиумов образовательных организаций. В приложения данного документа находится типовой проект программы психолого-педагогического сопровождения (приложение 5 документа); краткая характеристика программ «Психолого-педагогическое сопровождение обучающихся, попавших в трудную жизненную ситуацию, переживших насилие, в том числе сексуальное», «Профилактика употребления ПАВ подростками и подростками с девиантным поведением», «Психолого-педагогическое сопровождение несовершеннолетних обучающихся в уголовном и гражданском процессе на этапах следствия, дознания, судопроизводства и исполнительного производства», «Психолого-педагогическое сопровождение детей, оставшихся без попечения родителей, и детей-сирот, в том числе в приемных семьях» (приложение 4 документа; примерный перечень психодиагностических методик ЦППМСП (приложение 6 документа); перечень критериев оценки качества психологических услуг (приложение 9 документа) [12].

Представляется важным отметить еще одно условие, способствующее профилактике отклоняющегося поведения в детском и подростковом возрасте — развитие правосознания всех субъектов образовательных отношений. Как отмечают исследователи (И.А. Егоров, Ф.С. Сафуанов, 2014), низкий уровень правовой грамотности повышает риск неправомерного поведения [4]. В документе «Основы государственной политики Российской Федерации в сфере развития правовой грамотности и правосознания граждан» [9] развитие правового образования и воспитания подрастающего поколения в образовательных учреждениях различного уровня определяется как одно из приоритетных направлений государственной политики. Развитие правовой грамотности должно осуществляться посредством внедрения в образовательный процесс учебных курсов, программ, учебно-методических материалов, обеспечивающих получение знаний в области права [9, п. 15].

Наряду с просветительской деятельностью, важным компонентом формирования правосознания школьников является «... правовое регулирование деятельности образовательных организаций, в том числе уровень качества локальных нормативных правовых актов, уровень их соответствия реально складывающейся деятельности и степень их соблюдения всеми участниками образовательных отношений» [5, с. 18]. При соблюдении данного условия можно говорить о том, что в образовательной организации будет создана ситуация для развития правосознания как вида сознания, формируемого в деятельности и в ней проявляющегося [там же].

Продолжая тему просвещения субъектов образовательных отношений, стоит отменить важную роль образовательной организации в развитии психолого-педагогической компетентности родителей (законных представителей) обучающихся, что является одним из условий реализации ФГОС общего образования и входит в перечень трудовых функций педагогических работников [23]. Развитие психолого-педагогической компетентности родителей (законных представителей) детей и подростков может проходить в форме интерактивных развивающих занятий (тренинг, практикум, мастер-класс и т. д.), индивидуальных и групповых консультаций, распространения информационно-

просветительских материалов в печатном и электронном виде, взаимодействия на дискуссионных площадках и во время детско-родительских мероприятий. Повышение психолого-педагогической компетентности родителей будет проявляться в повышении их способностей к эффективному применению психолого-педагогических знаний в процессе реализации моделей родительского воспитания и взаимодействия с их детьми [23], что также является одним из условий снижения потребности детей проявлять отклоняющиеся формы поведения. Приведем нормативные документы, в которых содержатся методические рекомендации по организации психолого-педагогического просвещения родителей (законных представителей) обучающихся.

1. Письмо Минобрнауки России от 18.11.2013 № ВК-843/07 «О направлении методических рекомендаций по организации обучения» (вместе с «Рекомендациями по организации обучения педагогических работников, работающих с детьми, находящимися в трудной жизненной ситуации, а также родителей (законных представителей) детей по вопросам профилактики суицидального поведения обучающихся, употребления психоактивных веществ, распространения вич-инфекции и жестокого обращения с детьми»).

2. Письмо Минобрнауки России от 31.03.2017 № ВК-1065/07 «О направлении методических материалов «Сценарии Всероссийского родительского собрания/педагогического совета «Профилактика интернет-рисков и угроз жизни детей и подростков»».

Один из мощнейших ресурсов профилактики девиантного (отклоняющегося) поведения в системе образования — это применение восстановительного подхода и медиации в ситуации возникновения конфликта, которое может быть организовано в следующих формах:

- школьная и/или территориальная служба примирения;
- волонтерские группы/клубы примирения;
- объединение педагогов, осваивающих восстановительные программы как основу воспитательного процесса;
- специалисты, прошедшие специальное обучение, распространяющие и применяющие методы восстановительного подхода и медиации в конфликтной ситуации [цит. по: 27].

Нормативные правовые документы, регламентирующие организацию школьных служб примирения/медиации:

3. Распоряжение Правительства РФ от 30.07.2014 № 1430-р (ред. от 01.09.2018) «Об утверждении Концепции развития до 2020 года сети служб медиации в целях реализации восстановительного правосудия в отношении детей, в том числе совершивших общественно опасные деяния, но не достигших возраста, с которого наступает уголовная ответственность».

4. Письмо Минобрнауки России от 18.11.2013 № ВК-844/07 «О направлении методических рекомендаций по организации служб школьной медиации» (вместе с «Рекомендациями по организации служб школьной медиации в образовательных организациях»).

5. Письмо Минобрнауки России от 18.12.2015 № 07-4317 «О направлении методических рекомендаций». Методические рекомендации по созданию и развитию служб школьной медиации в образовательных организациях.

6. Письмо Минобрнауки России от 26.12.2017 № 07-7657 «О направлении методических рекомендаций» (вместе с «Методическими рекомендациями по внедрению

восстановительных технологий (в том числе медиации) в воспитательную деятельность образовательных организаций»).

Подводя итоги вышесказанному, перечислим еще раз основные условия организации первичной профилактики девиантного поведения детей и подростков в системе общего образования:

- создание воспитательной и воспитывающей среды образовательной организации;
- соблюдение прав несовершеннолетних, учет положений нормативных правовых документов при организации профилактической работы в образовательной организации;
- проведение социально-психолого-педагогической диагностики с целью раннего выявления склонности и проявлений отклоняющегося поведения у детей и подростков;
- организация деятельности психолого-педагогического консилиума образовательной организации;
- организация эффективного междисциплинарного и межведомственного сотрудничества, в том числе взаимодействия с территориальной психолого-медико-педагогической комиссией и центром психолого-медико-социальной помощи;
- развитие правосознания всех субъектов образовательных отношений;
- развитие психолого-педагогической компетентности родителей (законных представителей) обучающихся;
- применение восстановительного подхода и медиации в ситуации возникновения конфликтов.

Литература

1. В Кирове предотвратили массовое убийство в школе [Электронный ресурс] // МИА «Россия сегодня». 24.09.2019. URL: https://ria.ru/20190924/1559036689.html?utm_source=yxnews&utm_medium=desktop&utm_referrer=https%3A%2F%2Fyandex.ru%2Fnews (дата обращения: 24.09.2019).
2. Доклад по итогам мониторинга эффективности реализации Национальной стратегии действий в интересах детей на 2012—2017 годы. Т. I / Сост. Г.В. Семья, И.Е. Калабихина, А.М. Спивак, Е.И. Цымбал, А.В. Кучмаева, Н.Г. Зайцева, А.А. Шведовская; под науч.ред. В.В. Рубцова, Г.В. Семья. М.: Издание Совета Федерации, 2018. 272 с.
3. Доклад по итогам мониторинга эффективности реализации Национальной стратегии действий в интересах детей на 2012—2017 годы Т. II / Сост. Г.В. Семья, И.Е. Калабихина, А.М. Спивак, Е.И. Цымбал, А.В. Кучмаева, Н.Г. Зайцева, А.А. Шведовская; под науч.ред. В.В. Рубцова, Г.В. Семья. М.: Издание Совета Федерации, 2018. 192 с.
4. *Егоров И.А., Сафуанов Ф.С.* Образовательный процесс как фактор формирования правосознания [Электронный ресурс] // Психолого-педагогические исследования. 2014. Том 6. № 3. С. 61—69. doi:10.17759/psyedu.2014060307
5. *Егоров И.А., Умняшова И.Б.* Проблема формирования правосознания обучающихся в условиях децентрализации нормативного регулирования деятельности образовательных организаций // Культурно-историческая психология. 2017. Том 13. № 3. С. 16—22. doi:10.17759/chp.2017130303
6. *Кузнецова А.А., Ларин М.М., Ларина Н.С., Макунина Е.Б.* Опыт разработки Положения о психолого-педагогическом консилиуме образовательной организации // Вестник практической психологии образования. 2017. № 3(52). С. 8—18.

7. Методические материалы по признакам девиаций, действиям специалистов системы образования в ситуациях социальных рисков и профилактике девиантного поведения обучающихся. М: МГППУ, 2018.
8. Организация просветительской работы с родителями по вопросам профилактики девиантного поведения: метод. рекомендации для руководителей образовательных организаций / Н.В. Дворянчиков, В.В. Делибалт, А.О. Казина, Н.В. Лаврешкин, О.В. Вихристюк, Л.А. Гаязова, Н.В. Власова, Н.В. Богданович, В.А. Чернушевич, Р.В. Чиркина, Г.С. Банников. М.: ФГБОУ ВО МГППУ, 2018. 112 с.
9. Основы государственной политики Российской Федерации в сфере развития правовой грамотности и правосознания граждан (утв. Президентом РФ 28.04.2011 № Пр-1168) // Российская газета. 14.07.2011, № 151.
10. Пимонов В.А. О некоторых аспектах профилактики девиантного поведения [Электронный ресурс] // Психолого-педагогические исследования. 2011. № 2. URL: http://psyjournals.ru/psyedu_ru/2011/n2/41678.shtml (дата обращения: 05.01.2020).
11. Пимонов В.А., Делибалт В.В., Дворянчиков Н.В., Малкин Д.А. К вопросу о нормативно-правовом регулировании организации деятельности психолого-медико-педагогических комиссий в контексте профилактики правонарушений несовершеннолетних [Электронный ресурс] // Психология и право. 2018. Том 8. № 1. С. 95—109. doi:10.17759/psylaw.2018080107
12. Письмо Минобрнауки России от 10.02.2015 № ВК-268/07 «О совершенствовании деятельности центров психолого-педагогической, медицинской и социальной помощи» (вместе с «Рекомендациями Министерства образования и науки РФ органам государственной власти субъектов Российской Федерации в сфере образования по совершенствованию деятельности центров психолого-педагогической, медицинской и социальной помощи») // Администратор образования. 2016. № 9, май.
13. Письмо Минобрнауки России от 25.06.2014 № 09-1169 «О направлении рекомендаций» (вместе с «Методическими рекомендациями по созданию условий для развития деятельности молодежных и детских общественных объединений в целях расширения участия детей в общественной жизни и принятия решений, затрагивающих их интересы») [Электронный ресурс] // Правовой Сервер КонсультантПлюс. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_194160/ (дата обращения: 05.01.2020).
14. Письмо Минобрнауки России от 26.02.2016 № 07-834 «О направлении методических рекомендаций» (вместе с «Методическими рекомендациями по работе с детьми, самовольно ушедшими из семей и государственных организаций, и профилактике таких уходов») [Электронный ресурс] // Правовой Сервер КонсультантПлюс. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_256474/ (дата обращения: 05.01.2020).
15. Письмо Минобрнауки России от 28.04.2016 № АК-923/07 «О направлении методических рекомендаций» (вместе с «Методическими рекомендациями по вопросам совершенствования индивидуальной профилактической работы с обучающимися с девиантным поведением») // Администратор образования. 2016. № 12, июнь.
16. Приказ Минобрнауки России от 20 сентября 2013 г. № 1082 «Об утверждении Положения о психолого-медико-педагогической комиссии» // Российская газета. 2013. 01.11. № 247
17. Распоряжение Минпросвещения России от 09.09.2019 № Р-93 «Об утверждении примерного Положения о психолого-педагогическом консилиуме образовательной

Умняшова И.Б.
Нормативные основания и условия организации
первичной профилактики девиантного поведения
детей и подростков в системе общего образования
Психология и право. 2020. Том 10. № 2. С. 78–96.

Umnyashova I.B.
Normative Bases and Conditions for Organization of
Primary Prevention of Deviant Behavior of Children and
Adolescents in Education System
Psychology and Law. 2020. Vol. 10, no. 2, pp. 78–96.

организации» [Электронный ресурс] // Официальный сайт Министерства просвещения. URL: <https://docs.edu.gov.ru/document/6f205375c5b33320e8416ddb5a5704e3/> (дата обращения: 05.01.2020).

18. Распоряжение Правительства РФ от 06.07.2018 № 1375-р «Об утверждении плана основных мероприятий до 2020 года, проводимых в рамках Десятилетия детства» // Собрание законодательства Российской Федерации от 10 декабря 2018 г. № 50 ст. 7843.

19. Распоряжение Правительства РФ от 29.05.2015 № 996-р «Стратегия развития воспитания в Российской Федерации на период до 2025 года» // Российская газета. 2015. 08.06. № 122.

20. Технологии психолого-педагогического сопровождения, обеспечивающие преемственность организации образовательного процесса в условиях реализации современных ФГОС общего образования: метод. пособие для педагогических работников образовательных организаций общего образования / Под ред. С.В. Алёхиной. М.: ФГБОУ ВО МГППУ, 2017.

21. Указ Президента РФ от 01.06.2012 № 761 «О Национальной стратегии действий в интересах детей на 2012—2017 годы» // Собрание законодательства Российской Федерации от 4 июня 2012 г. № 23 ст. 2994.

22. Указ Президента РФ от 29.05.2017 № 240 «Об объявлении в Российской Федерации Десятилетия детства» // Российская газета. 2017. 30.05. № 115.

23. Умняшова И.Б. Организационно-правовые и этические аспекты деятельности педагогических работников по развитию психолого-педагогических компетенций родителей обучающихся // Развитие психолого-педагогической компетентности родителей обучающихся: сб. научных трудов / Под ред. Г.В. Новикова, И.Б. Умняшова. М.: ФГБОУ ВО МГППУ; МГУ; ФГБОУ ВО РГАУ-МСХА; ФПО России, 2017. С. 45—54.

24. Умняшова И.Б., Егоров И.А. Междисциплинарный консилиум образовательной организации как вид психолого-педагогической экспертизы в системе образования // Вестник практической психологии образования. 2016. № 3(48). С. 11—17.

25. Федеральный закон от 24.06.1999 № 120-ФЗ «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних» // Собрание законодательства Российской Федерации от 28 июня 1999 г. № 26 ст. 3177.

26. Федеральный закон от 29.12.2012 № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» (ред. от 06.03.2019) // Российская газета. 2012. 31.12. № 303.

27. Чиркина Р.В. Развитие системы защиты и обеспечения прав и интересов детей и дружественного к ребенку правосудия: модели анализа, научные подходы и успешные практики // Психологическая наука и образование. 2016. Том 21. № 1. С. 156—167. doi:10.17759/pse.2016210114

28. Чиркина Р.В., Делибалт В.В., Дозорцева Е.Г., Дегтярев А.В., Дебольский М.Г., Воронина А.В. К вопросу обоснования диагностических признаков различных категорий несовершеннолетних с противоправным поведением в контексте деятельности ПМПК [Электронный ресурс] // Психология и право. 2018. Том 8. № 1. С. 77—94. doi:10.17759/psylaw.2018080106

Умняшова И.Б.
Нормативные основания и условия организации
первичной профилактики девиантного поведения
детей и подростков в системе общего образования
Психология и право. 2020. Том 10. № 2. С. 78–96.

Umnyashova I.B.
Normative Bases and Conditions for Organization of
Primary Prevention of Deviant Behavior of Children and
Adolescents in Education System
Psychology and Law. 2020. Vol. 10, no. 2, pp. 78–96.

29. Шемякина О.О. Психолого-педагогическая деятельность по профилактике девиантного поведения подростков [Электронный ресурс] // Психология и право. 2011. № 4. URL: <http://psyjournals.ru/psyandlaw/2011/n4/49305.shtml> (дата обращения: 05.01.2020).

References

1. V Kirove predotvratili massovoe ubijstvo v shkole [Elektronnyj resurs] [In Kirov prevented mass murder at school]. *MIA «Rossija segodnja» [Russia today]*. 24.09.2019. URL: https://ria.ru/20190924/1559036689.html?utm_source=yxnews&utm_medium=desktop&utm_referrer=https%3A%2F%2Fyandex.ru%2Fnews (Accessed: 24.09.2019).
2. Doklad po itogam monitoringa jeffektivnosti realizacii Nacional'noj strategii dejstvuj v interesah detej na 2012-2017 gody. T.I [Report on monitoring the effectiveness of the implementation of the National Strategy for Children 2012-2017. Vol. I]. In Sem'ja G.V. (eds.). Moscow: Publ. Izdanie Soveta Federacii, 2018. 272 p.
3. Doklad po itogam monitoringa jeffektivnosti realizacii Nacional'noj strategii dejstvuj v interesah detej na 2012-2017 gody T.II [Report on monitoring the effectiveness of the implementation of the National Strategy for Children 2012-2017. Vol. II] In Sem'ja G.V. (eds.). Moscow: Publ. Izdanie Soveta Federacii, 2018. 192 p.
4. Egorov I.A., Safuanov F.S. Obrazovatel'nyj process kak faktor formirovanija pravosoznanija [Elektronnyj resurs]. [Educational process as a factor in the formation of Legal Consciousness]. *Psihologo-pedagogicheskie issledovanija [Psychological Science and Education psyedu.ru]*, 2014. Vol. 6, no. 3. pp. 61—69. doi:10.17759/psyedu.2014060307. (In Russ., abstr. in Engl.).
5. Egorov I.A., Umnyashova I.B. Problema formirovanija pravosoznanija obuchajushhihsja v uslovijah decentralizacii normativnogo regulirovanija dejatel'nosti obrazovatel'nyh organizacij [Formation of Legal Consciousness in Children in the Context of Decentralization of Normative Regulation of Educational Organizations]. *Kul'turno-istoricheskaja psihologija [Cultural-Historical Psychology]*, 2017, Vol. 13, no. 3. pp. 16—22. doi:10.17759/chp.2017130303. (In Russ., abstr. in Engl.).
6. Kuznecova A.A., Larin M.M., Larina N.S., Makunina E.B. Opyt razrabotki Polozhenija o psihologo-pedagogicheskom konsiliume obrazovatel'noj organizacii [Experience of the development of the Regulation on Psychological and Pedagogical Consultation of the Educational Organization]. *Vestnik prakticheskoj psihologii obrazovanija [Bulletin of Practical Psychology of Education]*, 2017. no. 3 (52). pp.8-18.
7. Metodicheskie materialy po priznakam deviacij, dejstvujam specialistov sistemy obrazovanija v situacijah social'nyh riskov i profilaktike deviantnogo povedenija obuchajushhihsja [Methodical materials on signs of deviations, actions of experts of an education system in situations of social risks and prevention of deviant behavior of students]. Moscow: Publ. MGPPU, 2018.
8. Organizacija prosvetitel'skoj raboty s roditeljami po voprosam profilaktiki deviantnogo povedenija. Metodicheskie rekomendacii dlja rukovoditelej obrazovatel'nyh organizacij [Educational work with parents on prevention of deviant behavior. Methodological recommendations for heads of educational organizations]. In Dvorjanchikov N.V. (eds.). Moscow: Publ. FGBOU VO MGPPU, 2018. 112 p.
9. Osnovy gosudarstvennoj politiki Rossijskoj Federacii v sfere razvitija pravovoj gramotnosti i pravosoznanija grazhdan (utv. Prezidentom RF 28.04.2011 no Pr-1168) [Foundations of the state policy of the Russian Federation in the sphere of development of legal literacy and legal awareness of citizens]. *Rossijskaja gazeta [Russian newspaper]*. 14.07.2011, no. 151.

10. Pimonov V.A. O nekotoryh aspektah profilaktiki deviantnogo povedeniya [Elektronnyj resurs] [On some aspects of deviant behavior prevention in educational facilities]. *Psichologo-pedagogicheskie issledovaniya* [Psychological Science and Education psyedu.ru], 2011. Vol. 3, no. 2. URL: http://psyjournals.ru/psyedu_ru/2011/n2/41678.shtml (Accessed: 05.01.2020). (In Russ., abstr. in Engl.)
11. Pimonov V.A., Delibalt V.V., Dvorjanchikov N.V., Malkin D.A. K voprosu o normativno-pravovom regulirovanii organizacii dejatel'nosti psichologo-mediko-pedagogicheskikh komissij v kontekste profilaktiki pravonarushenij nesovershennoletnih [Elektronnyj resurs] [On legal regulation of activities of psychological, medical and educational committees in the context of crime prevention among minors]. *Psichologija i pravo* [Psychology and Law], 2018 Vol. 8. no. 1. pp. 95—109. doi:10.17759/psylaw.2018080107. (In Russ., abstr. in Engl.).
12. Pis'mo Minobrnauki Rossii ot 10.02.2015 № VK-268/07 «O sovershenstvovanii dejatel'nosti centrov psichologo-pedagogicheskoy, medicinskoj i social'noj pomoshhi» (vmeste s «Rekomendacijami Ministerstva obrazovaniya i nauki RF organam gosudarstvennoj vlasti sub'ektov Rossijskoj Federacii v sfere obrazovaniya po sovershenstvovaniju dejatel'nosti centrov psichologo-pedagogicheskoy, medicinskoj i social'noj pomoshhi») [Letter from the Ministry of Education and Science of the Russian Federation of 10.02.2015 number BK-268/07 "On Improving the Activities of Centres for Psychological, Pedagogical, Medical and Social Assistance" (together with "Recommendations of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation to the State authorities of the constituent entities of the Russian Federation on improving the activities of centres for psychological, pedagogical, medical and social care")]. *Administrator obrazovaniya* [Administrator of education], no.9, maj, 2016.
13. Pis'mo Minobrnauki Rossii ot 25.06.2014 № 09-1169 «O napravlenii rekomendacij» (vmeste s «Metodicheskimi rekomendacijami po sozdaniyu uslovij dlja razvitija dejatel'nosti molodezhnyh i detskih obshhestvennyh ob#edinenij v celjah rasshireniya uchastija detej v obshhestvennoj zhizni i prinjatija reshenij, zatragivajushhh ih interesy») [Elektronnyj resurs] [The letter of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation of 25.06.2014 number 09-1169 "About the direction of recommendations" (together with "Methodical recommendations about creation of conditions for development of activity of youth and children's public associations for expansion of participation of children in public life and the decision-making infringing on their interests") their public associations for expansion of participation of children in public life and the decision-making infringing on their interests)]. *Pravovoj Server Konsul'tanPljus* [Legal Server Consulting Plus]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_194160/ (Accessed: 05.01.2020).
14. Pis'mo Minobrnauki Rossii ot 26.02.2016 № 07-834 «O napravlenii metodicheskikh rekomendacij» (vmeste s «Metodicheskimi rekomendacijami po rabote s det'mi, samovol'no ushedshimi iz semej i gosudarstvennyh organizacij, i profilaktike takih uhodov») [Letter of 26.02.2016 from the Ministry of Education and Science of the Russian Federation number 07-834 "On sending methodological recommendations" (together with "Methodological recommendations on working with children who have left families and State organizations without permission")]. *Pravovoj Server Konsul'tanPljus* [Legal Server Consulting Plus]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_256474/ (Accessed: 05.01.2020).
15. Pis'mo Minobrnauki Rossii ot 28.04.2016 № AK-923/07 «O napravlenii metodicheskikh rekomendacij» (vmeste s «Metodicheskimi rekomendacijami po voprosam sovershenstvovanija individual'noj profilakticheskoy raboty s obuchajushhimisja s deviantnym povedeniem») [Letter of

Умняшова И.Б.
Нормативные основания и условия организации
первичной профилактики девиантного поведения
детей и подростков в системе общего образования
Психология и право. 2020. Том 10. № 2. С. 78–96.

Umnyashova I.B.
Normative Bases and Conditions for Organization of
Primary Prevention of Deviant Behavior of Children and
Adolescents in Education System
Psychology and Law. 2020. Vol. 10, no. 2, pp. 78–96.

28.04.2016 from the Ministry of Education and Science number AK-923/07 "On sending methodological recommendations" (together with "Methodological recommendations on improving individual preventive work with students with deviant behavior"). *Administrator obrazovanija* [Administrator of education], no. 12, ijun', 2016.

16. Prikaz Minobrnauki Rossii ot 20 sentjabrja 2013 g. № 1082 «Ob utverzhdenii Polozhenija o psihologo-mediko-pedagogicheskoj komissii» [Order of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation number 1082 of 20 September 2013 "On Approval of the Regulation on the Psycho-Medical-Pedagogical Commission"]. *Rossijskaja gazeta* [Russian Newspaper], no.247. 01.11.2013.

17. Rasporjazhenie Minprosveshhenija Rossii ot 09.09.2019 № R-93 «Ob utverzhdenii primernogo Polozhenija o psihologo-pedagogicheskom konsiliume obrazovatel'noj organizacii» [Elektronnyj resurs] [Order of the Ministry of Education of Russia of 09.09.2019 number R-93 "About the adoption of the approximate Provision on a psychology and pedagogical consultation of the educational organization"]. *Oficial'nyj sajt Ministerstva prosveshhenija* [Official website of the Ministry of Education]. URL: <https://docs.edu.gov.ru/document/6f205375c5b33320e8416ddb5a5704e3/> (Accessed: 05.01.2020).

18. Rasporjazhenie Pravitel'stva RF ot 06.07.2018 № 1375-r «Ob utverzhdenii plana osnovnyh meroprijatij do 2020 goda, provodimyh v ramkah Desjatiletija detstva» [Order of the Government of the Russian Federation of 06.07.2018 number 1375-r "On Approval of the Plan of Main Measures till 2020, carried out within the Framework of the Decade of Childhood"]. *Sobranie zakonodatel'stva Rossijskoj Federacii* [Collection of Legislation of the Russian Federation], no. 50, st. 7843, 10.12.2018.

19. Rasporjazhenie Pravitel'stva RF ot 29.05.2015 № 996-r «Strategija razvitija vospitanija v Rossijskoj Federacii na period do 2025 goda» [Order of the Government of the Russian Federation number 996-r of 29.05.2015 "Strategy for the development of education in the Russian Federation for the period up to 2025"]. *Rossijskaja gazeta* [Russian Newspaper]. 08.06.2015, no. 122.

20. Tehnologii psihologo-pedagogicheskogo soprovozhdenija, obespechivajushhie preemstvennost' organizacii obrazovatel'nogo processa v uslovijah realizacii sovremennyh FGOS obshhego obrazovanija. Metodicheskoe posobie dlja pedagogicheskikh rabotnikov obrazovatel'nyh organizacij obshhego obrazovanija [Technologies of psychological and pedagogical support, ensuring continuity of organization of educational process in conditions of implementation of modern standards of general education. Methodological manual for teachers of educational organizations of general education]. In Aljohina S.V. (ed). Moscow: Publ. FGBOU VO MGPPU, 2017.

21. Ukaz Prezidenta RF ot 01.06.2012 № 761 «O Nacional'noj strategii dejstvij v interesah detej na 2012 - 2017 gody» [Decree of the Russian President of 01.06.2012 number 761 "About the National strategy of actions for the benefit of children for 2012 - 2017"]. *Sobranie zakonodatel'stva Rossijskoj Federacii* [Collection of Legislation of the Russian Federation], no. 23, st. 2994, 04.06.2012.

22. Ukaz Prezidenta RF ot 29.05.2017 № 240 «Ob ob'javlenii v Rossijskoj Federacii Desjatiletija detstva» [Decree of the Russian President of 29.05.2017 number 240 "About the announcement in the Russian Federation Decades of the childhood"]. *Rossijskaja gazeta* [Russian Newspaper]. 30.05.2017. no.115.

23. Umnyashova I.B. Organizacionno-pravovye i jeticheskie aspekty dejatel'nosti pedagogicheskikh rabotnikov po razvitiyu psihologo-pedagogicheskikh kompetencij roditel'nej obuchajushhihsja [Organizational and legal and ethical aspects of activities of pedagogical workers for development of psychology and pedagogical competences of parents of students]. *Razvitie psihologo-pedagogicheskoi kompetentnosti roditel'nej obuchajushhihsja : sbornik nauchnykh trudov* [Development of psychological and pedagogical competence of parents of students]. In Novikova G.V. (eds). Moscow: Publ. FGBOU VO MGPPU, MGU, FGBOU VO RGAU- MSHA, FPO Rossii. 2017. pp.45-54.
24. Umnyashova I.B., Egorov I.A. Mezhdistsiplinarnyi konsilium obrazovatel'noi organizatsii kak vid psihologo—pedagogicheskoi ekspertizy v sisteme obrazovaniya [An Interdisciplinary Consultation of the Educational Organization as a Form of Psycho—Pedagogical Expertise in the Educational System]. *Vestnik prakticheskoi psihologii obrazovaniya* [Bulletin of Practical Psychology of Education], 2016, no. 3 (48), pp.11—17.
25. Federal'nyj zakon ot 24.06.1999 № 120-FZ «Ob osnovah sistemy profilaktiki beznadzornosti i pravonarushenij nesovershennoletnih» [Federal law of 24.06.1999 number 120-FZ "About bases of a system of prevention of neglect and offenses of minors"]. *Sobranie zakonodatel'stva Rossijskoj Federacii* [Collection of Legislation of the Russian Federation], no. 26, st. 3177, ot 28.06.1999.
26. Federal'nyi zakon ot 29.12.2012 № 273—FZ «Ob obrazovanii v Rossiiskoi Federatsii» (v red. ot 01.05.2017) [Federal Law of 29.12.2012 number 273—FZ “On Education in the Russian Federation” (in redaction of 01.05.2017)]. *Rossiiskaya gazeta* [Russian Newspaper]. 2012, no. 303.
27. Chirkina R.V. Razvitie sistemy zashhity i obespecheniya prav i interesov detej i druzhestvennogo k rebenku pravosudija: modeli analiza, nauchnye podhody i uspeshnye praktiki [Developing the System of Child Protection and Child-friendly Justice: Models of Analysis, Research Approaches and Successful Practices]. *Psihologicheskaja nauka i obrazovanie* [Psychological Science and Education], 2016. Vol. 21, no. 1, pp. 156—167. doi:10.17759/pse.2016210114. (In Russ., abstr. in Engl.).
28. Chirkina R.V., Delibalt V.V., Dozorčeva E.G., Degtjarev A.V., Debol'skij M.G., Voronina A.V. K voprosu obosnovaniya diagnosticheskikh priznakov razlichnykh kategorij nesovershennoletnih s protivopravnym povedeniem v kontekste dejatel'nosti PMPK [Elektronnyj resurs] [About the substantiation of diagnostic indices in different categories of juveniles with delinquent behavior within the authority of the psychological, medical and educational committee]. *Psihologija i pravo* [Psychology and Law], 2018. Vol. 8. no. 1. pp. 77—94. doi:10.17759/psylaw.2018080106. (In Russ., abstr. in Engl.).
29. Shemjakina O.O. Psihologo-pedagogicheskaja dejatel'nost' po profilaktike deviantnogo povedenija podrostkov [Elektronnyj resurs] [Psychological educational activity aimed at prevention of deviant behavior of adolescents]. *Psihologija i pravo* [Psychology and Law], 2011. Vol. 1, no. 4. URL: <http://psyjournals.ru/psyandlaw/2011/n4/49305.shtml> (Accessed: 05.01.2020). (In Russ., abstr. in Engl.).

Информация об авторе

Умняшова Ирина Борисовна, кандидат психологических наук, председатель регионального отделения г. Москвы, Общероссийская общественная организация «Федерация психологов образования России», г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4132-3362>, e-mail: mofpor@gmail.com

Умняшова И.Б.

Нормативные основания и условия организации
первичной профилактики девиантного поведения
детей и подростков в системе общего образования
Психология и право. 2020. Том 10. № 2. С. 78–96.

Umnyashova I.B.

Normative Bases and Conditions for Organization of
Primary Prevention of Deviant Behavior of Children and
Adolescents in Education System
Psychology and Law. 2020. Vol. 10, no. 2, pp. 78–96.

Information about the author

Irina B. Umnyashova, PhD in Psychology, Chairman of the Moscow Regional Department of the All-Russian Public Organization «Federation of Educational Psychologists of Russia», Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4132-3362>, e-mail: mofpor@gmail.com

ДИСТАНЦИОННЫЕ ТЕХНОЛОГИИ РАБОТЫ ПО ПРОФИЛАКТИКЕ ДЕВИАНТНОГО И
ОБЩЕСТВЕННО-ОПАСНОГО ПОВЕДЕНИЯ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ СЕТИ ИНТЕРНЕТ | INTERNET
TECHNOLOGIES TO PREVENT DEVIANT AND SOCIALLY DANGEROUS BEHAVIOR

Психологические, социальные и информационные аспекты нападений несовершеннолетних на учебные заведения

Дозорцева Е.Г.

ФГБУ «Национальный медицинский исследовательский центр психиатрии и наркологии имени В.П. Сербского» Минздрава России, Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ), г. Москва, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1309-0485>, e-mail: edozortseva@mail.ru

Ошевский Д.С.

ФГБУ «Национальный медицинский исследовательский центр психиатрии и наркологии имени В.П. Сербского» Минздрава России, Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ), г. Москва, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3465-6302>, e-mail: oshevsky@serbsky.ru

Сыроквашина К.В.

ФГБУ «Национальный медицинский исследовательский центр психиатрии и наркологии имени В.П. Сербского» Минздрава России, г. Москва, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3172-6130>, e-mail: syrokvashina@mail.ru

В статье рассматриваются факторы, повлиявшие на совершение несовершеннолетними нападений на учебные заведения. Проведен анализ публикаций, предлагающих объяснения и теоретические модели такого рода преступлений. Авторы представляют результаты собственного качественного анализа данных эмпирического исследования 9 подростков, совершивших нападения на школы, и материалов уголовных дел, выполненного в рамках комплексной судебной психолого-психиатрической экспертизы. Полученные данные свидетельствуют о специфической личностной структуре подростков и имеющихся у них психических расстройствах, а также об их особом социально-психологическом статусе отверженных и изолированных в классе. Описан компенсаторный механизм развития идентичности с ориентацией на ролевую модель подростков, совершивших нападение на школу «Колумбайн» в США, и подражание их действиям. Оценивается роль сети Интернет в этом процессе. Делается вывод о необходимости многоаспектного анализа подобных действий и соответствующей профилактической работы.

Ключевые слова: нападения в школах, несовершеннолетние, агрессивное поведение, аутоагрессивное поведение, суицид, сеть Интернет.

Для цитаты: Дозорцева Е.Г., Ошевский Д.С., Сыроквашина К.В. Психологические, социальные и информационные аспекты нападений несовершеннолетних на учебные заведения [Электронный ресурс] // Психология и право. 2020. Том 10. № 2. С. 97–110. DOI:10.17759/psylaw.2020100208

Дозорцева Е.Г., Ошевский Д.С., Сыроквашина К.В.
Психологические, социальные и информационные
аспекты нападений несовершеннолетних на учебные
заведения
Психология и право. 2020. Том 10. № 2. С. 97–110.

Dozortseva E.G., Oshevsky D.S., Syrokvashina K.V.
Psychological, Social and Informational Aspects of
Attacks by Minors on Educational Institutions
Psychology and Law. 2020. Vol. 10, no. 2, pp. 97–110.

Psychological, Social and Informational Aspects of Attacks by Minors on Educational Institutions

Elena G. Dozortseva

FSBI «National Medical Research Center of Psychiatry and Narcology named after V.P. Serbsky» of the Ministry of Health of Russia, Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia,

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1309-0485>, e-mail: edozortseva@mail.ru

Dmitry S. Oshevsky

FSBI «National Medical Research Center of Psychiatry and Narcology named after V.P. Serbsky» of the Ministry of Health of Russia, Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia,

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3465-6302>, e-mail: oshevsky@serbsky.ru

Kseniya V. Syrokvashina

FSBI «National Medical Research Center of Psychiatry and Narcology named after V.P. Serbsky» of the Ministry of Health of Russia, Moscow, Russia

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3172-6130>, e-mail: syrokvashina@mail.ru

The article examines the factors influencing the attacks by minors on educational institutions. The analysis of publications offering explanations and theoretical models of such crimes is performed. The authors present the results of their own qualitative analysis of data from an empirical study of 9 teenagers who attacked schools, and materials of criminal cases. The analysis is performed as part of a comprehensive forensic psychological and psychiatric examination. The data indicate the specific personality structure of adolescents and their existing mental disorders, as well as their special socio-psychological status in the classroom as outcasts and isolated. A compensatory mechanism of identity development is described with a focus on the role model of teenagers who attacked the Columbine school in the United States, and who imitated their actions. The role of the Internet in this process is evaluated. It is concluded that there is a need for a multidimensional analysis of such actions and appropriate preventive work.

Keywords: attacks in schools, minors, aggressive behavior, auto-aggressive behavior, suicide, the Internet.

For citation: Dozortseva E.G., Oshevsky D.S., Syrokvashina K.V. Psychological, Social and Informational Aspects of Attacks by Minors on Educational Institutions. *Psikhologiya i pravo = Psychology and Law*, 2020. Vol. 10, no. 2, pp. 97–110. DOI:10.17759/psylaw.2020100208 (In Russ.).

В последнее время проблема нападений на школы со стороны учеников вызывает повышенную озабоченность сотрудников правоохранительных органов, образования и здравоохранения. Подобные явления происходили не только в России, но и в других странах

Дозорцева Е.Г., Ошевский Д.С., Сыроквашина К.В.
Психологические, социальные и информационные
аспекты нападений несовершеннолетних на учебные
заведения
Психология и право. 2020. Том 10. № 2. С. 97–110.

Dozortseva E.G., Oshevsky D.S., Syrokvashina K.V.
Psychological, Social and Informational Aspects of
Attacks by Minors on Educational Institutions
Psychology and Law. 2020. Vol. 10, no. 2, pp. 97–110.

— США, Германии, Финляндии, причем часто эти акты агрессии имеют сходные черты, а их причины интересуют многих исследователей.

Проведенные ранее литературные обзоры позволяют составить примерную картину психологических механизмов и факторов риска формирования поведения, результатом которого являются нападения несовершеннолетних на учебные заведения [3; 7]. Отдельные отечественные теоретические исследования заставляют задуматься о терминологических разночтениях и подходах к школьным нападениям с различных методологических позиций [4]. Опираясь на опыт исследований, проведенных на материале комплексных судебных психолого-психиатрических экспертиз, мы проанализировали случаи школьных нападений, прошедших детальную клинико-психологическую оценку. Фактически в каждом случае выстраивалась схема формирования поведения несовершеннолетнего, включавшая в себя историю жизни, имевшиеся факторы риска, анализ основных механизмов нападения и оценку степени способности к осознанно-волевой регуляции в ходе нападения. В данной работе мы хотели бы провести обобщение этих случаев с обозначением перспективы дальнейших исследований.

Анализируя исследования, проведенные с целью определения причин школьных нападений, можно выделить несколько групп факторов, относящихся к индивидуальным особенностям нападавших, их непосредственному окружению и характеру их взаимодействия.

Наиболее часто в качестве социально-психологической характеристики общения несовершеннолетнего со сверстниками выступают проблемы коммуникации с другими обучающимися, отвержение со стороны сверстников или буллинг. Лишь в отдельных случаях подобных проблем взаимодействия с микросоциумом не отмечается. Незавершенные конфликты в школьной среде становятся источником постоянного стресса и фокусом переживаний подростков, а также субъективным поводом для формирования агрессивных намерений [8; 13; 17; 19]. Вместе с тем ряд исследователей предостерегают от объяснения проблемы школьных нападений лишь влиянием буллинга и обращают внимание на их многофакторную природу [16].

Значительное внимание со стороны специалистов уделяется психическому здоровью несовершеннолетних агрессоров. В описываемых в публикациях случаях у многих нападавших выявлялись психические расстройства. Преобладающим при этом был диагноз депрессии; отмечалось, что у подростков длительное время было сниженное настроение [9; 13]. В тесной связи с формированием у них психических аномалий рассматривался определенный спектр личностных особенностей инициаторов нападений. На основе доминирующих нарушений и уровня психического функционирования предлагалась типология нападавших (травмированный, психотический и психопатический типы) [10].

В структуре формирования идей нападений и их реализации в большинстве случаев отмечались суицидальные намерения. Инициаторы школьных нападений, как правило, оставляли предсмертные записки, объясняя, в частности, причины своих действий, а после атаки предпринимали попытки покончить с собой, которые отличались подготовленностью и продуманностью [11]. Отмечается также, что число убитых при атаке имеет прямую корреляцию с вероятностью суицида нападавшего [18].

Среди выделяемых семейных проблем несовершеннолетних отмечается отсутствие внимания со стороны родителей, слабый контроль с их стороны, а также конфликтные семейные отношения. Кроме того, в качестве фактора, усиливающего напряжение

Дозорцева Е.Г., Ошевский Д.С., Сыроквашина К.В.
Психологические, социальные и информационные
аспекты нападений несовершеннолетних на учебные
заведения
Психология и право. 2020. Том 10. № 2. С. 97–110.

Dozortseva E.G., Oshevsky D.S., Syrokvashina K.V.
Psychological, Social and Informational Aspects of
Attacks by Minors on Educational Institutions
Psychology and Law. 2020. Vol. 10, no. 2, pp. 97–110.

непосредственно перед нападением, могли выступать родительские дисциплинарные меры [19].

Одним из важных вопросов, которые стояли перед исследователями, был вопрос о том, какую роль в формировании идеи нападения на школу или стимулировании подобных намерений подростков играли источники информации, в том числе Интернет. Участие в сообществах, ориентированных на обсуждение идей ненависти к другим, акцентированных на превосходстве над окружающими, может способствовать росту убежденности в правомерности размышлений о мести, а нападения — как предпочитаемого выхода из субъективно сложной ситуации [12].

Распространение информации через СМИ и социальные сети, а также проблема самопредъявления рассматривалась через теорию информационного «заражения». Была обнаружена связь между ростом популярности социальных сетей и числом школьных нападений [15]. Вероятность того, что подверженные стрессу или уязвимые индивидуумы могут, сознательно или неосознанно, вдохновляться описанием сценариев и деталей подобных событий, была проверена в исследовании с использованием математической модели «заражения». Авторами было показано, что эффект заражения после массовых нападений проявляется в случае гибели трех и более жертв и не характерен для менее летальных событий [18].

Одной из успешных попыток разработки методологической базы исследования школьных нападений можно считать модель Дж. Левин (J. Levin) и Е. Мэдфис (E. Madfis). На основе нескольких криминологических теорий (теории напряжения, теории управления и теории рутинных действий) они разработали пятиступенчатую «последовательную» модель, описывающую пять этапов: хроническое напряжение, неконтролируемое напряжение, острое напряжение, этап планирования и нападение. Хроническое напряжение, переживаемое несовершеннолетним, включает в себя долгосрочные фрустрации на основе пережитого в детском или подростковом возрасте, приводящие к социальной изоляции, что в условиях дефицита систем просоциальной поддержки приводит к неконтролируемому напряжению. Далее, как правило, краткосрочным негативным событием провоцируется острое напряжение, в свою очередь стимулирующее переход к стадии планирования, в сценарии которого контроль над ситуацией воплощается в массовом убийстве, а финалом становится само нападение [15].

Несмотря на то, что в имеющихся публикациях уже проводился анализ феномена нападений подростков на школы, его трактовка в различных психологических аспектах с привлечением конкретного материала эмпирического психологического исследования, в том числе отражающего субъективные переживания несовершеннолетних и характер влияния на них сети Интернет, до сих пор отсутствовала. В связи с этим *целью* настоящего исследования стало описание психологических, социально-психологических и информационных аспектов нападений несовершеннолетних на учебные заведения.

Материал и методы исследования

Исследование проведено в ФГБУ «НМИЦ ПН имени В.П. Сербского» Минздрава России. Материалом послужили результаты обследования 9 несовершеннолетних мужского пола, обвиняемых в нападениях на учебные заведения. Данные были получены в рамках

Дозорцева Е.Г., Ошевский Д.С., Сыроквашина К.В.
 Психологические, социальные и информационные
 аспекты нападений несовершеннолетних на учебные
 заведения
 Психология и право. 2020. Том 10. № 2. С. 97–110.

Dozortseva E.G., Oshevsky D.S., Syrokvashina K.V.
 Psychological, Social and Informational Aspects of
 Attacks by Minors on Educational Institutions
 Psychology and Law. 2020. Vol. 10, no. 2, pp. 97–110.

производства комплексной судебной психолого-психиатрической экспертизы (КСППЭ). Клинические и экспертные параметры представлены в табл. 1 и 2.

Таблица 1

Клинические характеристики подэкспертных

Клиническая характеристика	Число наблюдений (абс.)
Психически здоровый	1
Расстройство адаптации (F43.25 по МКБ-10)	1
Органические психические расстройства (F07.08 по МКБ-10)	2
Формирующаяся личностная патология (F61.03 по МКБ-10)	2
Расстройства шизофренического спектра (F20.3, F23.1, F25.2 по МКБ-10)	3

Таблица 2

Экспертные характеристики подэкспертных

Рекомендованное экспертное решение КСППЭ	Число наблюдений (абс.)
Вменяемые без ограничений	3
Ограниченно вменяемые (ст. 22 УК РФ)	2
Невменяемые (ст. 21 УК РФ)	4

Подростки обвинялись по ст. 30 ч. 2 ст.105 УК РФ (попытка убийства, убийство двух и более лиц). Кроме того, троим из них инкриминировали ст. 206 УК РФ (захват заложника), двоим ст. 223 (изготовление оружия). Двое несовершеннолетних состояли на внутришкольном учете, в КДН и ЗП, однако никто ранее к уголовной ответственности не привлекался. Среди пострадавших были в основном дети, три нападения закончились смертельными исходами. Средний возраст обвиняемых подростков на момент нападения составил $16,1 \pm 1,1$ лет, на момент обследования $16,4 \pm 1,2$ лет.

При оценке различных сфер психической деятельности и индивидуально-психологических особенностей подростков в соответствии с рекомендуемыми стандартами [3] проводилось экспериментально-психологическое исследование. Осуществлялся психологический анализ анамнестических сведений и материалов уголовного дела.

Сведения заносились в формализованную карту исследования, включающую 89 параметров. Проводился качественный анализ высказываний несовершеннолетних, продуцируемых в ходе клинической беседы.

Результаты исследования

Учитывая то, что врачи-психиатры экспертных комиссий диагностировали психические расстройства у 8 из 9 несовершеннолетних, были проанализированы факты, которые могли указывать на психическое неблагополучие подростков в истории их жизни.

Наследственная отягощенность по психическим заболеваниям была отмечена только в одном случае. Ранняя (пре- и постнатальная) органическая патология выявлена примерно в половине случаев (5 наблюдений), что могло выступать предиспозицией проблем дальнейшего психического развития. Вместе с тем практически все обследованные адаптировались в детских дошкольных учреждениях, своевременно поступили в школу и в начальных классах демонстрировали среднюю, а некоторые высокую успеваемость. Только у троих подростков отмечались академические трудности в средней школе. В то же время данные клинической беседы свидетельствуют о том, что к началу подросткового периода внутренний дискомфорт был присущ всем без исключения несовершеннолетним. Он проявлялся в субъективном ощущении непонимания и даже отторжения со стороны окружающих. Весьма иллюстративными являются высказывания подростков. Среди их определений того, кем они себя чувствовали, — «изгой общества», «параноик», «недочеловек», «лишний в этом мире» и т. п. В этот период большинство несовершеннолетних (7 наблюдений) отмечали у себя суицидальные мысли и намерения, о которых они, как правило, ни родителям, ни учителям не сообщали. Подобные тенденции и связанное с ними психическое напряжение приводили к повышенной агрессивности и враждебности. Однако открытое агрессивное поведение для обследованных подростков было в основном не характерно. Следует подчеркнуть, что, несмотря на интенсивные субъективные переживания, которые экспертные комиссии квалифицировали как патологические признаки психического расстройства, сведения об обращениях к профильным специалистам (неврологу, психиатру, клиническому психологу) и ранее выставленных психиатрических диагнозах были только в двух случаях. Лишь один подросток находился под наблюдением психиатра. Из сказанного следует, что клинические факторы в формировании аутоагрессивного и агрессивного поведения несовершеннолетних окружающими были явно недоучтены.

Исследование индивидуально-психологических особенностей в рамках КСППЭ позволило выделить у несовершеннолетних обвиняемых в нападениях на учебные заведения ряд дисгармоничных свойств. Для всех без исключения обследованных была характерна неустойчивая самооценка с пессимистическим восприятием будущего, ее существенная зависимость от внешних обстоятельств. Это сочеталось с ожиданием негативного и враждебного отношения со стороны окружающих, подозрительностью, неуверенностью в себе, ранимостью и обидчивостью. Усредненные данные, по методике «Тест руки» Э. Вагнера (показатель $(Ag+Dir)/n=0,31$) свидетельствовали о повышенной агрессивности. При исследовании с помощью личностного опросника Басса—Перри обнаружено, что в структуре агрессивных тенденций ведущую роль играл параметр «Враждебность» (усредненный показатель — 26,88 баллов). По данным теста Розенцвейга, подростки были склонны фиксироваться на неприятных переживаниях (индекс $OD=39,5\%$), у них преобладали эгозащитные тенденции (индекс $ED=42,4\%$). Повышенная сензитивность сочеталась со склонностью к накоплению психического напряжения. При этом стратегии разрешения проблемных ситуаций отличались не только узким репертуаром, но и инертностью, ригидностью. Наряду с чертами зависимости обнаруживалась склонность к избегающим моделям поведения. Для всех обследованных несовершеннолетних были характерны повышенный уровень личностной тревожности и депрессивные тенденции. Выявляемая интровертивная направленность, склонность не делиться своими переживаниями существенно затрудняли использование внешней помощи и поддержки.

Анализ семейного контекста показывает, что несовершеннолетние, обвиняемые в нападениях на учебные заведения, воспитывались во внешне благополучных, в основном полных семьях. Из школьных характеристик следует, что родители уделяли должное внимание воспитанию детей, постоянно взаимодействовали с педагогическим коллективом и администрацией. Родители также описывали отношения в семье как благополучные. Вместе с тем из самоотчетов самих подростков следует, что они, как правило, не ощущали семейной поддержки (данные семи наблюдений), а отношения с родственниками характеризовали как плохие и дистанцированные. Нарративы, полученные в ходе клинической беседы и касающиеся взаимоотношений с родителями, содержат вариации описаний отношений с родителями от «непонимания» до «они относились ко мне, как к мусору». Обследуемые с обидой указывали на то, что при возникновении проблем они предпочитали не говорить о них близким. Даже в тех редких случаях, когда подростки сообщали родителям о конфликтах с учителями и одноклассниками, своих внутренних переживаниях по этому поводу, активно искали помощи у родителей, те не воспринимали их серьезно. В итоге у подростков формировалось чувство субъективной безвыходности из создавшегося положения.

Анализ конфликтов, связанных с образовательными учреждениями, показал, что в характеризующих несовершеннолетних материалах менее чем в половине случаев (4 наблюдения) содержатся сведения, касающиеся проблем подростка с учениками и учителями. Вместе с тем, по данным, полученным в ходе клинической беседы, все несовершеннолетние негативно воспринимали отношения, складывающиеся в школе. Об уровне психического напряжения и ощущении безвыходности красноречиво свидетельствуют их высказывания. Так, один из нападавших заявлял: «Год жил только мечтой поскорей закончить 9 классов и уйти куда-нибудь учиться в другое место». Он сообщал родителям о своих конфликтах с одноклассниками, просил их перевести его в другую школу. Однако ему отвечали, что от этого «лучше не станет» и нужно продолжать учебу на прежнем месте. Подросток отмечал, что у него нарушился сон, «все мысли были только о том, что придется идти в школу и терпеть». Другой несовершеннолетний утверждал, что негативные мысли о школьных конфликтах «начинали мелькать еще в субботу, в воскресенье было до трясучки, до тошноты, представлял себе, как это опять будет в понедельник». В подавляющем большинстве случаев подростки указывали на возникавшие суицидальные мысли и намерения, а двое ранее предпринимали попытки самоубийства.

Одним из основных способов частичного снятия психического напряжения являлось ведение дневниковых записей и общение в социальных сетях, где подростки описывали свои переживания. Причем это было характерно даже для несовершеннолетних с относительно невысоким интеллектуальным уровнем и недостаточно развитой рефлексией. В материалах уголовных дел представлены рукописные записи и скриншоты из соцсетей, где подростки подробно описывали свои переживания, составляли списки обидчиков, разрабатывали способы расправы над ними, в деталях излагали свои агрессивные фантазии. Следует подчеркнуть, что подобная деятельность начиналась задолго (от полугода до полутора—двух лет) до нападения на учебное заведение. Психическое напряжение, не имевшее адекватного выхода, приводило к поиску возможных причин создавшегося положения и путей выхода из него. Это, в свою очередь, формировало у подростков своеобразные увлечения. Большинство из них проводили много времени за компьютерными играми с агрессивным сюжетом (8 наблюдений). Более чем в половине случаев (5 наблюдений) несовершеннолетние проявляли

Дозорцева Е.Г., Ошевский Д.С., Сыроквашина К.В.
Психологические, социальные и информационные
аспекты нападений несовершеннолетних на учебные
заведения
Психология и право. 2020. Том 10. № 2. С. 97–110.

Dozortseva E.G., Oshevsky D.S., Syrokvashina K.V.
Psychological, Social and Informational Aspects of
Attacks by Minors on Educational Institutions
Psychology and Law. 2020. Vol. 10, no. 2, pp. 97–110.

интерес к националистической и расистской идеологии. Однако наибольшую притягательность для них имела деструктивная молодежная субкультура «Колумбайн», основанная на почитании и идеализации подростков, совершивших нападение на одноименную школу в США в 1999 г. В 8 случаях подростки не только целенаправленно искали сведения в Интернете, посещали ресурсы, касающиеся этой тематики, но и активно включались во взаимодействие с другими несовершеннолетними, разделяющими подобные взгляды. Некоторые для общения в группах в качестве никнеймов брали себе имена подростков, осуществивших нападение на школу «Колумбайн».

Восприятие себя слабым, беспомощным, не способным противостоять внешним обстоятельствам, решать каким-то образом школьные проблемы требовало определенной компенсации. Она происходила за счет формирования идеализированных деструктивных образов, в которых подросток представлял себя сильным. Этот механизм хорошо иллюстрирует запись одного из несовершеннолетних: «Я всегда ненавидел себя, презирал, со мной никто не общался, гнобили часто, чувствую себя неполноценным. И как мне быть. Попытаться завоевать авторитет и внимание — пустая трата времени и нервов. Люди — куски поганого... меня всего трясет, я так не нервничал с тех пор, как придумал эту хрень. ...осталось немного ...мы умрем, как и все, мы беспощадно всех убьем, всех!!!! Остаться в теле человека, думать о ближайшей смерти, о том, что собираешься убить... заводит». Другой подросток, который полагал, что «все люди» недооценивают его, убийствами и последующим суицидом хотел показать, что ему «надоела несправедливость в этом мире». Ранее отмечалось, что для большинства несовершеннолетних была характерна интровертированность. Внутренняя изолированность, неумение строить адекватные социальные связи приводили к поискам социальной поддержки среди подростков со схожими проблемами. Она осуществлялась в процессе виртуального общения с соответствующим гипермаскулинным позиционированием себя в социальных сетях. Следует отметить, что действия подростков, ранее совершивших нападения на учебные заведения, в таких сообществах идеализировались, романтизировались и выступали для участников моделью для подражания. Например, один из несовершеннолетних отмечал, что оформлял дневник так же, как у «Эрика и Дилана», а в качестве «пособия» использовал сюжеты многократно пересмотренных фильмов «Нулевой день» и «Класс», повествующих о нападениях на учебные заведения в США и Эстонии.

О высокой значимости этих интересов и включенности в подобную деятельность свидетельствуют изменения в поведении подростков. Так, у троих появилось увлечение оружием и взрывчатыми веществами, которое было несвойственно им ранее. Четверо несовершеннолетних начали подражать в стиле одежды подросткам, совершившим нападение на школу «Колумбайн». В целом ряде материалов уголовных дел содержатся сведения от родителей и учителей, которые отмечали происходившие с подростками трансформации, однако не придавали им серьезного значения. Так, мать одного из подростков сообщала, что сын попросил ее купить черный плащ и высокие ботинки «берцы». Она указывала, что ему нравился стиль «милитари», и предполагала, что камуфляж придавал сыну уверенности. Отец этого несовершеннолетнего подарил сыну на день рождения пневматическое ружье, которое тот использовал при нападении на школу. По-видимому, активное взаимодействие в Интернете и социальных сетях в сообществе единомышленников на темы, связанные с нападением на учебные заведения и последующим суицидом, подпитывали, оформляли и закрепляли уже имевшиеся агрессивно-деструктивные тенденции подростков.

Во многих случаях анализ высказываний несовершеннолетних позволяет проследить динамику и роль получаемой в сети Интернет информации в принятии решения о нападении на школу. Так, один из обвиняемых сообщил, что в группах «Колумбайн» и аналогичных им он состоял примерно два года. Однако если вначале он «просто знакомился» с содержанием ресурсов, то в последующем, чем больше информации получал, тем больше находил общего между тем, что происходило в жизни ранее напавших на учебные заведения, и «своим плохим, депрессивным состоянием». Подчеркивал, что стал уже «нарочно» просматривать данный контент, смотреть видеоролики, общаться в чатах с заинтересованными несовершеннолетними из разных городов, которые также страдали от школьного буллинга.

О стойкости сочетанных суицидально-агрессивных намерений свидетельствует то, что в двух третях случаев подростки предполагали завершить нападение самоубийством, причем четверо предприняли суицидальную попытку, а трое из них были госпитализированы в связи с нанесенными самоповреждениями.

Следует отметить, что, несмотря на разработанный план и внешнюю целенаправленность действий, у многих несовершеннолетних агрессивные криминальные действия носили во многом ситуационный и хаотичный характер. Обращает на себя внимание также тот факт, что среди пострадавших учеников и учителей не оказалось ни одного непосредственного участника конфликтов, или того, кого подростки воспринимали как своих обидчиков.

Обсуждение результатов

Проведенный качественный анализ данных эмпирического исследования личностных особенностей и психического состояния несовершеннолетних, совершивших нападения на учебные заведения, характеристик их взаимодействия с непосредственным окружением в школе и семье, а также использования ими информации в сети Интернет, позволяет заключить, что формирование агрессивного и аутоагрессивного поведения таких подростков началось задолго до совершения ими противоправных действий, однако оставалось незамеченным окружающими.

Имевшиеся у большинства обследованных психические нарушения повышали их уязвимость и трудности регуляции поведения, однако сами по себе, чаще всего, изначально к серьезным школьным проблемам не приводили. Вместе с тем взаимодействие с одноклассниками уже на относительно ранних этапах их не удовлетворяло, а в подростковом периоде вызывало выраженное напряжение и дистресс. Отсутствие у большинства таких несовершеннолетних явных внешних признаков дезадаптации создавало у учителей и родителей иллюзию их относительного благополучия. Они не откликались на потребности несовершеннолетних, и те не получали необходимой поддержки, в то время как ситуацию в школе ощущали как угрожающую и крайне дискомфортную. Такие индивидуальные свойства, как повышенная чувствительность, склонность к накоплению отрицательных переживаний, эмоциональная ригидность, способствовали подобному восприятию ситуации. При этом не всегда речь могла идти о школьном буллинге, скорее подросток оказывался изолированным, изгоем, мишенью эпизодических шуток и насмешек со стороны одноклассников, что также субъективно тяжело им переживалось. Следует отметить, что феномен отвержения, социальной изоляции, или социального остракизма, лишь в последнее время становится предметом исследования в отечественной психологии [1; 2], и можно предположить, что его значение для психологического здоровья пока недооценивается.

Вступая в период формирования самосознания, такой подросток сталкивается с тем, что основной его характеристикой и ролью в группе становится роль изолированного, не уважаемого, не принимаемого и не понимаемого сверстниками. Отчуждение в семейной сфере также не дает ему адекватной и привлекательной для него ролевой модели. Формирование образа Я, идентичности, в подобных условиях сопряжено с серьезными трудностями. Выходом для незрелого подростка становится идентификация с теми, кто дает ему возможность почувствовать свою силу и получить новый статус; на этой основе строится его собственная идентичность. Подобный феномен наблюдался, например, одним из авторов у несовершеннолетних, совершивших агрессивно-насильственные преступления на почве националистической идеологии [5]. В случае подростков, совершивших нападения на образовательные учреждения, образцом для подражания стали те, кто в аналогичной ситуации изменили ее насильственным способом и совершили самоубийство, выразив, таким образом, свой протест и став «героями» в глазах некоторых. Именно они представляли для подростков идеальную ролевую модель, идентификация с которой протекала у них в течение достаточно длительного периода. Этот процесс включал в себя также формирование мотивации для совершения нападения и его подготовку.

Интернет, социальные сети, специальные сайты служили для несовершеннолетних источником информации и эмоционального подкрепления и в этом смысле — фактором влияния. Однако сами несовершеннолетние уже были готовы к поиску такого рода информации, а их собственная активность на соответствующих сайтах поддерживала их устремления и оказывала влияние на других участников обсуждений, таких же подростков. То обстоятельство, что при совершении нападения подростки старались объяснить свой поступок в предсмертных письмах, а также что объектом нападения были не те, кто мог считаться их обидчиками, свидетельствует об их стремлении не отомстить конкретным людям, а выразить протест против воспринимаемой ими несправедливости. Совершение же самоубийства позволяло им выйти из сложной ситуации и закрепить за собой статус «героев» в глазах их единомышленников.

Следует заключить, что поиск причин и факторов совершения подростками нападений на школы не должен ограничиваться их индивидуальными особенностями и внешними характеристиками их положения в школе. Необходим глубокий анализ динамики их развития, характера отношений в школьном коллективе, в семье и интернет-среде, субъективного восприятия несовершеннолетним этих отношений и самого себя, с учетом возрастных особенностей подросткового периода и, в особенности, процесса формирования самосознания и идентичности.

Заключение

Проведенное исследование позволяет получить более детальное представление о психологических факторах, повлиявших на совершение подростками нападений на образовательные учреждения. Рассмотрение клинико-психологических, социально-психологических, возрастных аспектов дает возможность правильно оценить вклад каждого из них в развитие личности и формирование противоправного поведения несовершеннолетнего.

Приведенные данные также свидетельствуют о том, что роль сети Интернет в жизни школьника тесно связана с его потребностями, мотивацией, интересами и общением в реальной жизни, которые Интернет в значительной степени опосредует, создавая новые

Дозорцева Е.Г., Ошевский Д.С., Сыроквашина К.В.
Психологические, социальные и информационные
аспекты нападений несовершеннолетних на учебные
заведения
Психология и право. 2020. Том 10. № 2. С. 97–110.

Dozortseva E.G., Oshevsky D.S., Syrokvashina K.V.
Psychological, Social and Informational Aspects of
Attacks by Minors on Educational Institutions
Psychology and Law. 2020. Vol. 10, no. 2, pp. 97–110.

возможности и компенсируя дефициты, при этом усиливая как позитивные моменты, так и возникающие риски. Во многом характер воздействия интернет-среды определяется самими подростками, их активностью в поиске той или иной информации, а также продуцированием их собственного контента и особенностями общения. Регуляция этого процесса со стороны взрослых не должна сводиться лишь к запретам. Диалог с подростками и внимание к их проблемам, совместная с ними деятельность в онлайн и офлайн режиме могут принести значительно большую пользу.

Полученные сведения могут быть учтены при проведении в дальнейшем профилактической работы. Внимание учителей, школьных психологов, родителей должны привлекать не только подростки с явными признаками поведенческих девиаций, но и те, кто находится в стороне от класса, не уважается и не принимается другими учениками, даже если они кажутся внешне благополучными в других отношениях. Субъективная удовлетворенность ученика различными аспектами школьной жизни и собственной ролью в ней, как и активная включенность в коллективную деятельность, должны быть важными критериями школьной адаптации и качества жизни школьника.

Литература

1. Бойкина Е.Э. Агрессия сквозь призму социального остракизма [Электронный ресурс] // Современная зарубежная психология. 2019. Том 8. № 3. С. 60—67. doi: 10.17759/jmfp
2. Бойкина Е.Э., Чиркина Р.В. Социальный остракизм: современное состояние проблемы, методология и методы исследования // Психология и право 2020. Том 10. № 1. С. 152–170. doi: 10.17759/psylaw.2020100114
3. Давыдов Д.Г., Хломов К.Д. Массовые убийства в образовательных учреждениях: механизмы, причины, профилактика // Национальный психологический журнал. 2018. № 4(32). С. 62—76. doi: 10.11621/prj.2018.0406
4. Книжникова С.В. Амок: актуальность изучения нападений в школах, причины, возможности первичной профилактики // Социальная психология и общество. 2019. Т.10. № 1. С. 152—168. doi: 10.17759/sps.2019100109
5. Ошевский Д.С. Негативные социальные установки и смысловые конструкты у подростков, совершивших агрессивные противоправные деяния на национальной почве // Юридическая психология. 2012. № 3. С. 30—34.
6. Стандарты судебно-психиатрических экспертных исследований Государственного научного центра социальной и судебной психиатрии имени В.П. Сербского (извлечения) // Медицинская и судебная психология / Под ред. Т.Б.Дмитриевой, Ф.С. Сафуанова. М.: Генезис, 2016. С. 599—604.
7. Сыроквашина К.В. Нападения в школах: агрессивные и аутоагрессивные действия несовершеннолетних [Электронный ресурс] // Современная зарубежная психология. 2019. Т. 8. № 3. С. 37—44. doi:10.17759/jmfp.2019080304
8. Agnich L.E. A Comparative Analysis of Attempted and Completed School-Based Mass Murder Attacks // American Journal of Criminal Justice. 2015. Vol. 40. № 1. P. 1—22. doi:10.1007/s12103-014-9239-5
9. Gerard F.J. et al. Offender and offence characteristics of school shooting incidents // Journal of Investigative Psychology and Offender Profiling. 2016. Vol. 13(1). P. 22—38. <https://doi.org/10.1002/jip.1439>

Дозорцева Е.Г., Ошевский Д.С., Сыроквашина К.В.
Психологические, социальные и информационные
аспекты нападений несовершеннолетних на учебные
заведения
Психология и право. 2020. Том 10. № 2. С. 97–110.

Dozortseva E.G., Oshevsky D.S., Syrokvashina K.V.
Psychological, Social and Informational Aspects of
Attacks by Minors on Educational Institutions
Psychology and Law. 2020. Vol. 10, no. 2, pp. 97–110.

10. Langman P. Rampage School Shooters: A Typology // *Aggression and Violent Behavior*. 2009. Vol. 14. P. 79—86
11. Lankford A. A comparative analysis of suicide terrorists and rampage, workplace, and school shooters in the United States from 1990 to 2010 // *Homicide Studies*. 2012. Vol. 17. P. 255—274. doi:10.1177/1088767912462033
12. Larkin R.W. Learning to Be a Rampage Shooter: The Case of Elliot Rodger. *The Wiley Handbook on Violence in Education: Forms, Factors, and Preventions* / Eds H. Shapiro. Wiley, 2018. P. 69—84.
13. Leary M.R. et al. Teasing, rejection, and violence: case studies of the school shootings // *Aggressive Behavior*. 2003. Vol. 29. P. 202—214. doi:10.1002/ab.10061
14. Lee K. Mass Shootings and Media Contagion Theory: Social Media's Influence on Frequency of Incidents // *Elon Journal of Undergraduate Research in Communications*. 2018. Vol. 9(2). P. 27—35
15. Levin J., Madfis E. Mass Murder at School and Cumulative Strain: A Sequential Model // *American Behavioral Scientist*. 2009. Vol. 52. № 9. P. 1227—1245. doi:10.1177/0002764209332543
16. Mears D.P., Moon M., Thielo A.J. Columbine Revisited: Myths and Realities about the Bullying-School Shootings Connection // *Victims and Offenders*. 2017. Vol. 12. № 6. P. 939—955
17. O'Toole M.E. The school shooter: A threat assessment perspective. Quantico, VA: National Center for the Analysis of Violent Crime, Federal Bureau of Investigation, 2000. 46 p.
18. Towers S. et al. Contagion in Mass Killings and School Shootings // *PLoS ONE*. 2015. Vol. 10(7): e0117259. doi:10.1371/journal.pone.0117259
19. Verlinden S., Hersen M., Thomas J. Risk factors in school shootings // *Clinical Psychology Review*. 2000. Vol. 20. № 1. P. 3—56. doi:10.1016/S0272-7358(99)00055-0

References

1. Boikina E.E. Agressiya skvoz' prizmu sotsial'nogo ostrakizma [Aggression through the prism of social ostracism] [Elektronnyi resurs]. *Sovremennaya zarubezhnaya psikhologiya* [Journal of Modern Foreign Psychology]. 2019. Vol. 8. № 3. P. 60—67. doi: 10.17759/jmfp.2019080307 (In Russ., Abstr. in Engl.).
2. Boikina E.E., Chirkina R.V. Sotsial'nyi ostrakizm: sovremennoe sostoyanie problemy, metodologiya i metody issledovaniya [Social ostracism: current state of the problem, methodology and research methods]. *Psikhologiya i pravo* [Psychology and Law] 2020. Vol. 10. № 1. P. 152—170. doi: 10.17759/psylaw.2020100114. (In Russ., Abstr. in Engl.).
3. Davydov D.G., Khlomov K.D. Massovye ubiistva v obrazovatel'nykh uchrezhdeniyakh: mekhanizmy, prichiny, profilaktika [Massacres in educational institutions: mechanisms, causes, prevention]. *Natsional'nyi psikhologicheskii zhurnal* [National Psychological Journal]. 2018. № 4(32). P. 62—76. doi: 10.11621/npj.2018.0406. (In Russ., Abstr. in Engl.).
4. Knizhnikova S.V. Amok: aktual'nost' izucheniya napadenii v shkolakh, prichiny, vozmozhnosti pervichnoi profilaktiki [Amok: Relevance of School Attacks Exploring, Causes, and Primary Prevention Possibilities]. *Sotsial'naya psikhologiya i obshchestvo* [Social Psychology and Society]. 2019. Vol.10. № 1. P. 152—168. doi: 10.17759/sps.2019100109 (In Russ., Abstr. in Engl.).
5. Oshevskii D.S. Negativnye sotsial'nye ustanovki i smyslovye konstrukty u podrostkov, sovershivshikh agressivnye protivopravnye deyaniya na natsional'noi pochve [Negative social

Дозорцева Е.Г., Ошевский Д.С., Сыроквашина К.В.
Психологические, социальные и информационные
аспекты нападений несовершеннолетних на учебные
заведения
Психология и право. 2020. Том 10. № 2. С. 97–110.

Dozortseva E.G., Oshevsky D.S., Syrokvashina K.V.
Psychological, Social and Informational Aspects of
Attacks by Minors on Educational Institutions
Psychology and Law. 2020. Vol. 10, no. 2, pp. 97–110.

- attitudes and meaning constructs in juveniles, conducted aggressive criminal acts based on nationalism] . *Yuridicheskaya psikhologiya* [Juridical Psychology]. 2012. № 3. P. 30—34. (In Russ.).
6. Standarty sudebno-psikhiatricheskikh ekspertnykh issledovaniy Gosudarstvennogo nauchnogo tsentra sotsial'noi i sudebnoi psikhiatrii im. V.P. Serbskogo (izvlecheniya) [Standards of forensic psychiatric expert research of the V.P. Serbsky State Scientific Center for Social and Forensic Psychiatry (extraction)]. *Meditsinskaya i sudebnaya psikhologiya. Pod redaktsiei T.B.Dmitrievoi, F.S. Safuanova*. M.: «Genezis», 2016. P 599—604. (In Russ.).
 7. Syrokvashina K.V. Napadeniya v shkolakh: agressivnye i autoagressivnye deistviya nesovershennoletnikh [Elektronnyi resurs]. *Sovremennaya zarubezhnaya psikhologiya* [Journal of Modern Foreign Psychology]. 2019. Vol. 8. № 3. P. 37—44. doi:10.17759/jmfp.2019080304 (In Russ., Abstr. in Engl.).
 8. Agnich L.E. A Comparative Analysis of Attempted and Completed School-Based Mass Murder Attacks. *American Journal of Criminal Justice*. 2015. Vol. 40. № 1. P. 1—22. doi:10.1007/s12103-014-9239-5
 9. Gerard F.J. et al. Offender and offence characteristics of school shooting incidents. *Journal of Investigative Psychology and Offender Profiling*. 2016. Vol. 13 (1). P. 22-38. <https://doi.org/10.1002/jip.1439>
 10. Langman P. Rampage School Shooters: A Typology. *Aggression and Violent Behavior*. 2009. Vol. 14. P. 79—86.
 11. Lankford A. A comparative analysis of suicide terrorists and rampage, workplace, and school shooters in the United States from 1990 to 2010. *Homicide Studies*. 2012. Vol.17. P. 255-274. doi:10.1177/1088767912462033
 12. Larkin R.W. Learning to Be a Rampage Shooter: The Case of Elliot Rodger. *The Wiley Handbook on Violence in Education: Forms, Factors, and Preventions*. Eds H.Shapiro. Wiley, 2018, pp.69—84.
 13. Leary M.R. et al. Teasing, rejection, and violence: case studies of the school shootings. *Aggressive Behavior*. 2003. Vol. 29. P. 202—214. doi:10.1002/ab.10061
 14. Lee K. Mass Shootings and Media Contagion Theory: Social Media's Influence on Frequency of Incidents. *Elon Journal of Undergraduate Research in Communications*. 2018. Vol. 9 (2). P. 27—35.
 15. Levin J., Madfis E. Mass Murder at School and Cumulative Strain: A Sequential Model. *American Behavioral Scientist*. 2009. Vol. 52. № 9. P. 1227—1245. doi:10.1177/0002764209332543
 16. Mears D.P., Moon M., Thielo A.J. Columbine Revisited: Myths and Realities about the Bullying-School Shootings Connection. *Victims and Offenders*. 2017. Vol.12. № 6. P. 939—955.
 17. O'Toole M.E. The school shooter: A threat assessment perspective. Quantico, VA: National Center for the Analysis of Violent Crime, Federal Bureau of Investigation, 2000. 46 p.
 18. Towers S. et al. Contagion in Mass Killings and School Shootings. *PLoS ONE*. 2015. Vol. 10 (7): e0117259. doi:10.1371/journal.pone.0117259
 19. Verlinden S., Hersen M., Thomas J. Risk factors in school shootings. *Clinical Psychology Review*. 2000. Vol. 20. № 1. P. 3—56. doi:10.1016/S0272-7358(99)00055-0

Информация об авторах

Дозорцева Елена Георгиевна, доктор психологических наук, профессор, заведующая лабораторией психологии детского и подросткового возраста, ФГБУ «Национальный

Дозорцева Е.Г., Ошевский Д.С., Сыроквашина К.В.
Психологические, социальные и информационные
аспекты нападений несовершеннолетних на учебные
заведения
Психология и право. 2020. Том 10. № 2. С. 97–110.

Dozortseva E.G., Oshevsky D.S., Syrokvashina K.V.
Psychological, Social and Informational Aspects of
Attacks by Minors on Educational Institutions
Psychology and Law. 2020. Vol. 10, no. 2, pp. 97–110.

медицинский исследовательский центр психиатрии и наркологии имени В.П. Сербского» Минздрава России; профессор кафедры юридической психологии и права, Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1309-0485>, e-mail: edozortseva@mail.ru

Ошевский Дмитрий Станиславович, кандидат психологических наук, доцент, старший научный сотрудник лаборатории психологии детского и подросткового возраста, ФГБУ «Национальный медицинский исследовательский центр психиатрии и наркологии имени В.П. Сербского» Минздрава России; доцент кафедры юридической психологии и права, Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3465-6302>, e-mail: oshevsky@serbsky.ru

Сыроквашина Ксения Валерьевна, кандидат психологических наук, доцент, старший научный сотрудник лаборатории психологии детского и подросткового возраста, ФГБУ «Национальный медицинский исследовательский центр психиатрии и наркологии имени В.П. Сербского» Минздрава России, г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3172-6130>, e-mail: syrovkashina@mail.ru

Information about the authors

Elena G. Dozortseva, Doctor in Psychology, Professor, Chief Researcher, The Serbsky Federal Medical Research Center for Psychiatry and Narcology; Professor, Chair of Legal Psychology, Faculty of Legal and Forensic Psychology, Moscow State University of Psychology and Education, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1309-0485>, e-mail: edozortseva@mail.ru

Dmitry S. Oshevsky, PhD in Psychology, Associate Professor, Senior Researcher, The Serbsky Federal Medical Research Center for Psychiatry and Narcology, Associate Professor, Faculty of Legal and Forensic Psychology, Moscow State University of Psychology and Education, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3465-6302>, e-mail: oshevsky@serbsky.ru

Kseniya V. Syrokvashina, Ph.D. in Psychology, Associate Professor, Senior Researcher, The Serbsky Federal Medical Research Center for Psychiatry and Narcology, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3172-6130>, e-mail: syrovkashina@mail.ru

ДИСТАНЦИОННЫЕ ТЕХНОЛОГИИ РАБОТЫ ПО ПРОФИЛАКТИКЕ ДЕВИАНТНОГО И
ОБЩЕСТВЕННО-ОПАСНОГО ПОВЕДЕНИЯ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ СЕТИ ИНТЕРНЕТ | INTERNET
TECHNOLOGIES TO PREVENT DEVIANT AND SOCIALLY DANGEROUS BEHAVIOR

**Специфика стратегий психологического воздействия у
лиц, совершающих преступления сексуальной
направленности против несовершеннолетних с
использованием телекоммуникационной сети Интернет**

Корчагин Н.Ю.

ГБОУ ВО МО «Московский государственный областной университет», Москва, Российская
Федерация

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1765-1187>, e-mail: ctulhuthresholdofmadness@gmail.com

Дворянчиков Н.В.

Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО
МГППУ), г. Москва, Российская Федерация

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1462-5469>, e-mail: dvorian@gmail.com

Антонов О.Ю.

Юридический институт, ФГКОУ ВО «Московская академия Следственного комитета
Российской Федерации», г. Москва, Российская Федерация

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1284-7378>, e-mail: antonov@udm.ru

Шульга Т.И.

ГБОУ ВО МО «Московский государственный областной университет», г. Москва,
Российская Федерация

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3584-6087>, e-mail: shulgatatiana@gmail.com

В рамках статьи рассматривается исследование стратегий психологического воздействия, применяемых лицами в ходе совершения преступлений сексуальной направленности против несовершеннолетних, с использованием телекоммуникационной сети Интернет. Материалом исследования послужили 34 обвинительных заключения, составленные в соответствии со ст. 132, 133, 134, 135, ч.1 241, 242 УК РФ, включающие в себя фабулу уголовного дела, материалы переписок обвиняемого с потерпевшими, заключения судебных экспертов психологов, психиатров, сексологов. При помощи статистических и качественных методов анализа выделяются типы лиц, совершающих преступления сексуальной направленности против несовершеннолетних с использованием сети Интернет, и предикторы отнесения к выделенным типам. Обнаруживается специфика в преступной деятельности, в зависимости от диагностированного психического расстройства и использованной стратегии психологического воздействия. Предлагаются направления для дальнейшей разработки данной проблематики.

*Дворянчиков Н.В., Антонов О.Ю., Шульга Т.И.,
Корчагин Н.Ю.*
Специфика стратегий психологического воздействия у
лиц, совершающих преступления сексуальной
направленности против несовершеннолетних с
использованием телекоммуникационной сети
Интернет
Психология и право. 2020. Том 10. № 2. С. 111–126.

*Dvoryanchikov N.V., Antonov O.Yu., Shulga T.I.,
Korchagin N.Yu.*
Specifics of Psychological Impact Strategies for Persons
Committing Sexual Crimes Against Minors through the Internet
Psychology and Law. 2020. Vol. 10, no. 2, pp. 111–126.

Ключевые слова: сексуальное злоупотребление, типологические особенности, преступления против половой свободы и половой неприкосновенности несовершеннолетних, стратегии психологического воздействия, секстинг, онлайн груминг, Интернет.

Для цитаты: Корчагин Н.Ю., Дворянчиков Н.В., Антонов О.Ю., Шульга Т.И. Специфика стратегий психологического воздействия у лиц, совершающих преступления сексуальной направленности против несовершеннолетних с использованием телекоммуникационной сети Интернет [Электронный ресурс] // Психология и право. 2020. Том 10. № 2. С. 111–126. DOI:10.17759/psylaw.2020100209

Specifics of Psychological Impact Strategies for Persons Committing Sexual Crimes Against Minors through the Internet

Nikita Yu. Korchagin

Moscow State Region University, Moscow, Russia
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1765-1187>, e-mail: ctulhuthresholdofmadness@gmail.com

Nikolay V. Dvoryanchikov

Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1462-5469>, e-mail: dvorian@gmail.com

Oleg Yu. Antonov

Moscow Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation, Moscow, Russia
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1462-5469>, e-mail: antonov@udm.ru

Tatjana I. Shulga

Moscow State Region University, Moscow, Russia
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3584-6087>, e-mail: shulgatiana@gmail.com

The article deals with the study of psychological impact strategies adapted by individuals in the course of sexual crimes against minors through the Internet. The research materials: 34 indictments drawn up in accordance with articles 132, 133, 134, 135, part 1 241, 242 of the criminal code of the Russian Federation), including the plot of the criminal case, materials of correspondence between the accused and victims, conclusions of forensic experts psychologists, psychiatrists, sexologists. By means of statistical and qualitative methods of analysis, the types of persons committing sexual crimes against minors through the Internet and predictors of attribution to the selected types are identified. The specificity of criminal activity, depending on the diagnosed mental disorder and the used strategy of psychological influence is revealed. The paper suggests directions for further development of this problem.

Дворянчиков Н.В., Антонов О.Ю., Шульга Т.И.,
Корчагин Н.Ю.
Специфика стратегий психологического воздействия у
лиц, совершающих преступления сексуальной
направленности против несовершеннолетних с
использованием телекоммуникационной сети
Интернет
Психология и право. 2020. Том 10. № 2. С. 111–126.

Dvoryanchikov N.V., Antonov O.Yu., Shulga T.I.,
Korchagin N.Yu.
Specifics of Psychological Impact Strategies for Persons
Committing Sexual Crimes Against Minors through the Internet
Psychology and Law. 2020. Vol. 10, no. 2, pp. 111–126.

Keywords: sexual abuse, typological features, crimes against sexual freedom and sexual untouchability of minors, psychological impact strategies, sexting, online grooming, Internet.

For citation: Korchagin N.Yu, Dvoryanchikov N.V., Antonov O.Yu., Shulga T.I. Specifics of Psychological Impact Strategies for Persons Committing Sexual Crimes Against Minors through the Internet. *Psikhologiya i pravo = Psychology and Law*, 2020. Vol. 10, no. 2, pp. 111–126. DOI:10.17759/psylaw.2020100209 (In Russ.).

Введение

Разработка типологии лиц, совершающих преступления сексуальной направленности против несовершеннолетних с использованием сети Интернет, имеет важное теоретическое и прикладное значение.

На текущий момент времени, существуют отечественные и зарубежные исследования, посвященные проблематике преступлений сексуальной направленности против несовершеннолетних с использованием телекоммуникационной сети Интернет [4; 8; 17; 18; 19]. Вместе с этим также существует значительная группа исследований, посвященных рассмотрению контактных преступлений сексуальной направленности, совершаемых против несовершеннолетних [6; 7; 13; 15; 21; 22]. Однако в данных работах не обозначаются особенности криминальной активности в сети Интернет лиц, совершающих подобные преступления, имеющих различные психические расстройства, не лишаящие их способности осознавать общественную опасность и фактический характер своих действий, не рассматривается специфика используемых при совершении подобных преступлений стратегий и методов психологического воздействия. В связи с этим данное исследование обогащает существующие в юридической психологии представления о преступлениях сексуальной направленности против несовершеннолетних, совершенных с использованием телекоммуникационной сети Интернет.

Вместе с этим материалы данной работы могут быть использованы в целях установления неизвестного лица, совершившего преступления сексуальной направленности против несовершеннолетних при помощи телекоммуникационной сети Интернет, а также в случае проведения комплексных судебных психолого-сексолого-психиатрических экспертиз, психолого-лингвистических экспертиз, определяя, таким образом, практическую значимость данного исследования.

Теоретические основы исследования

При анализе взаимодействия между преступником и потерпевшим в телекоммуникационной сети Интернет в рамках данного исследования за теоретическую основу был принят труд коллектива авторов, посвященный криминальному психологическому воздействию [10; 11]. Однако в контексте данной работы был использован ряд уточняющих теоретических допущений. Так, для удобства практического применения в рамках данного исследования «императивная стратегия психологического воздействия» подразумевала общую направленность поведенческих и коммуникативных актов преступника, в рамках которой не наблюдается утаивание от потерпевшего

заинтересованности в нем как в объекте сексуального влечения. В тех случаях, когда преступник применяет императивную стратегию психологического воздействия, взаимодействие с потерпевшим основывается на психологическом, физическом или социальном превосходстве преступника над потерпевшим. Частным примером подобного превосходства могут послужить криминальные ситуации, рассматриваемые в данном исследовании, при которых преступник располагает большим жизненным опытом и осведомленностью в вопросах половых отношений, по сравнению с потерпевшим. В противовес этому при использовании преступником «манипулятивной стратегии психологического воздействия» последний утаивает от потерпевшего сексуальную детерминацию своих действий, маскируя ее иным мотивом для подобного взаимодействия, при котором криминальная ситуация воспринимается потерпевшим с положительной эмоциональной окраской.

Вместе с этим при проведении данного исследования было осуществлено расширение элементов частных методов психологического воздействия, выделяемого коллективом авторов, обусловленное опосредованием взаимодействия преступника и потерпевшего через телекоммуникационную сеть Интернет. Так, согласно точке зрения авторов [11], частные методы психологического воздействия подразумевают исключительно речевую коммуникацию, в том числе и тексты. Однако, согласно ряду работ, [9; 12] изображение и видеозапись также могут выступать в качестве инструмента психологического воздействия и, соответственно, могут являться составной частью метода психологического воздействия. Мы разделяем данную точку зрения, и в связи с этим при анализе материалов исследования изображения и видеозаписи, используемые преступником, были отнесены нами к вспомогательным элементам, используемым в рамках соответствующего метода психологического воздействия.

На текущий момент, к наиболее часто выделяемым в психологии методам психологического воздействия относятся: информирование, убеждение, внушение, принуждение [9; 10; 11; 16].

1. Информирование заключается в предоставлении объекту психологического воздействия информации или же, наоборот, утаивании части информации.

2. Внушение подразумевает психологическое воздействие на эмоциональную сферу объекта воздействия, часто проявляется в виде безапелляционных суждений, призванных снизить критичность акцептора психологического воздействия.

3. Убеждение базируется на построении логических умозаключений, призвании объекта осмыслить информацию и прийти к схожим выводам.

4. Принуждение чаще всего реализуется в рамках императивной стратегии, и имеет вид приказов, указаний, распоряжений, но также может принимать вид угроз и шантажа.

Методы и материалы

В выборку данного исследования вошли материалы 34 обвинительных заключений, составленных в отношении лиц, обвиняемых в совершении преступлений, предусмотренных ст. 132, 133, 134, 135, ч.1 241, 242 УК РФ. Общей переменной для всех обвинительных заключений, являлось наличие обвинения в преступлениях, предусмотренных ст. 135 УК РФ. Использованные в данном исследовании обвинительные заключения включали в себя: фабулы обвинения, протоколы осмотра переписки обвиняемого и потерпевшего, заключения судебных экспертов, психиатров, сексологов, психологов. Возраст потерпевших варьировался от 7 до 15 лет, возраст обвиняемых находился в пределах от 18 до 56 лет; также обвиняемые имели образование не ниже среднего. Все обвиняемые были признаны виновными. Основным методом исследования в данной работе выступил психологический анализ материалов уголовных дел. В дополнение к психологическому анализу были использованы следующие методы статистической обработки данных: корреляционное отношение Пирсона, двухэтапный кластерный анализ, кластерный анализ К-средних. Данные методы математической статистики были использованы как для обнаружения общих тенденций, выявляемых во всей выборке, так и для обнаружения частных закономерностей.

При выделении значимых переменных в ходе психологического анализа материалов уголовных дел была использована выделенная в рамках преступной деятельности, связанной с изготовлением и оборотом порнографических материалов с использованием телекоммуникационных сетей, криминалистическая модель сексуально-преступной деятельности, осуществляемая одним лицом, страдающим психическими расстройствами, в том числе, не исключающими виновность, в ходе которой лицо не только реализует поиск, распространение и получение порнографических материалов, но также использует их в качестве инструментов развращения других лиц, в том числе несовершеннолетних [2]. Кроме того, учитывались выявленные ранее две группы субъектов преступной деятельности рассматриваемого вида: развратники и педофилы, а также варианты их действий [3].

В соответствии с этим, в качестве значимых переменных были выделены сведения, характеризующие личность преступника с точки зрения социальной адаптации и выявленных психических аномалий.

Вместе с этим при рассмотрении самой криминальной ситуации, согласно выделяемым в криминалистике фазам преступной деятельности [1], были определены переменные, входящие в состав фазы реализации преступного умысла (или с традиционной точки зрения — в состав подготовки, совершения и сокрытия преступления).

Результаты исследования

По результатам качественного анализа были выделены две группы переменных: характеризующие личность преступника и характеризующие специфику совершения рассматриваемого вида преступлений.

Дворянчиков Н.В., Антонов О.Ю., Шулга Т.И.,
Корчагин Н.Ю.
Специфика стратегий психологического воздействия у
лиц, совершающих преступления сексуальной
направленности против несовершеннолетних с
использованием телекоммуникационной сети
Интернет
Психология и право. 2020. Том 10. № 2. С. 111–126.

*Dvoryanchikov N.V., Antonov O.Yu., Shulga T.I.,
Korchagin N.Yu.*
Specifics of Psychological Impact Strategies for Persons
Committing Sexual Crimes Against Minors through the Internet
Psychology and Law. 2020. Vol. 10, no. 2, pp. 111–126.

Таблица 1

Переменные, характеризующие личность преступника

	Название переменной
	Образование среднее общее
	Образование средне-специальное
	Образование высшее
	Состоял или состоит в браке
	Имеет несовершеннолетних детей
	Диагностирована педофилия
	Выявлен органический симптомокомплекс
	Выявлен аномально личностный симптомокомплекс по шизоидному типу
	Серийность преступлений

Приведенные в табл. 1 переменные отражают степень адаптированности преступника к построению долгосрочных интимно-личностных отношений («состоял или состоит в браке»), вероятный опыт долгосрочного взаимодействия с несовершеннолетними («имеет несовершеннолетних детей»), наличие аномалий в психосексуальной сфере («диагностирована педофилия»), наличие психических нарушений («выявлен органический симптомокомплекс», «выявлен аномально-личностный симптомокомплекс по шизоидному типу»), способность преступника к освоению образовательных программ, что может служить косвенным признаком уровня интеллекта («образование среднее», «образование средне-специальное», «образование высшее»), закрепленность паттернов криминальной деятельности («серийность преступлений», т. е. совершение дополнительных преступлений одним способом в отношении различных потерпевших).

Таблица 2

Переменные, характеризующие преступную деятельность

	Название переменной
	Возраст потерпевших менее 12 лет
	Возраст потерпевших более 12 лет, но менее 14 лет
	Возраст потерпевших более 14 лет, но менее 16 лет
	Использовался псевдоним
	Утаивался истинный возраст
	Контакт с потерпевшим инициирован при помощи порнографического материала
	Порнографические материалы использовались в ходе психологического воздействия
	Склонял потерпевшего к изготовлению порнографических материалов
	Интересовался степенью выраженности вторичных половых признаков потерпевшего
	Интересовался одеждой потерпевшего

Дворянчиков Н.В., Антонов О.Ю., Шульга Т.И.,
Корчагин Н.Ю.
Специфика стратегий психологического воздействия у
лиц, совершающих преступления сексуальной
направленности против несовершеннолетних с
использованием телекоммуникационной сети
Интернет
Психология и право. 2020. Том 10. № 2. С. 111–126.

*Dvoryanchikov N.V., Antonov O.Yu., Shulga T.I.,
Korchagin N.Yu.*
Specifics of Psychological Impact Strategies for Persons
Committing Sexual Crimes Against Minors through the Internet
Psychology and Law. 2020. Vol. 10, no. 2, pp. 111–126.

0	
1	Склонял потерпевшего к аутоэротической стимуляции
2	Использована манипулятивная стратегия психологического воздействия
3	Использована императивная стратегия психологического воздействия
4	Использован метод психологического воздействия «информирование»
5	Использован метод психологического воздействия «убеждение»
6	Использован метод психологического воздействия «внушение»
7	Использован метод психологического воздействия «принуждение»
8	Цель взаимодействия с потерпевшим — получение порнографических материалов
9	Цель взаимодействия с потерпевшим — вступление в половую связь
0	Характер коммуникации с потерпевшим приближен к формально-деловому общению
1	Характер коммуникации с потерпевшим приближен к интимно-личностному общению
2	Потерпевшие женского пола
3	Потерпевшие мужского пола

В табл. 2 приведены переменные, отражающие: предпочитаемую возрастную группы жертв злоумышленника («возраст потерпевших менее 12 лет», «возраст потерпевших более 12 лет, но менее 14 лет», «возраст потерпевших более 14 лет, но менее 16 лет»); использование приемов, затрудняющих идентификацию («использовался псевдоним», «утаивался истинный возраст»); использованные методы и стратегий психологического воздействия; цель взаимодействия с потерпевшим; характер коммуникации; пол потерпевшего; дезадаптивные и аномальные аспекты взаимодействия с несовершеннолетним потерпевшим («контакт с потерпевшим инициирован при помощи порнографического материала», «порнографические материалы использовались в ходе психологического воздействия», «склонял потерпевшего к изготовлению порнографических материалов», «интересовался степенью выраженности вторичных половых признаков потерпевшего», «интересовался одеждой потерпевшего», «склонял потерпевшего к аутоэротической стимуляции»).

Дворянчиков Н.В., Антонов О.Ю., Шульга Т.И.,
Корчагин Н.Ю.
Специфика стратегий психологического воздействия у
лиц, совершающих преступления сексуальной
направленности против несовершеннолетних с
использованием телекоммуникационной сети
Интернет
Психология и право. 2020. Том 10. № 2. С. 111–126.

*Dvoryanchikov N.V., Antonov O.Yu., Shulga T.I.,
Korchagin N.Yu.*
Specifics of Psychological Impact Strategies for Persons
Committing Sexual Crimes Against Minors through the Internet
Psychology and Law. 2020. Vol. 10, no. 2, pp. 111–126.

Таблица 3

Связь психических аномалий с выделенными переменными

Выявленн ая психическая аномалия	Коррелирующие переменные	Сила двусторонн ей связи	
Педофилия	Возраст потерпевших менее 12 лет	0,597	,01
	Возраст потерпевших более 14 лет, но менее 16 лет	-0,342	,05
	Цель взаимодействия с потерпевшим — изготовление порнографических материалов	0,340	,05
	Серийность преступлений	0,340	,05
	Интересовался степенью выраженности вторичных половых признаков потерпевшего	0,595	,01
Аномально -личностный симптомокомплекс с по шизоидному типу	Серийность преступлений	0,354	,05
	Инициация контакта порнографическим материалом	0,491	,01
Органичес кий симптомокомплекс	Возраст потерпевших менее 12 лет	0,417	,05
	Склонял потерпевшего к аутоэротической стимуляции	0,417	,05
	Интересовался степенью выраженности вторичных половых признаков потерпевшего	0,540	,01
	Серийность преступлений	0,361	,05

Как следует из табл. 3, в результате применения корреляционного отношения Пирсона были выявлены наиболее значимые корреляции между диагностированными психическими аномалиями и переменными, характеризующими как личность преступника, так и его преступную деятельность. Всего в выборке представлены 10 обвиняемых с тем или иным видом психической аномалии.

По результатам кластерного анализа К-средних и двухэтапного кластерного анализа выделяются два кластера, со средней силуэтной мерой связанности и разделенности кластеров. Центром первого кластера выступают следующие переменные: «использована манипулятивная стратегия психологического воздействия», «использован метод психологического воздействия “убеждение”». Центром второго кластера выступают

переменные «использована императивная стратегия психологического воздействия», «использован метод психологического воздействия “внушение”». Таким образом, на основании кластерного анализа были выявлены общие для всей выборки, вне зависимости от наличия психической аномалии, основания для разделения по типам. К первому кластеру было отнесено 4 обвиняемых, ко второму 30 обвиняемых.

Таблица 4

Связь центров кластеров с выделенными переменными

№ кластера	Коррелирующие переменные	Сила двусторонней связи	
1	Утаивал истинный возраст	0,365	,05
	Цель взаимодействия с потерпевшим — изготовление порнографических материалов	0,528	,01
	Характер коммуникации с потерпевшим приближен к формально-деловому общению	0,491	,01
2	Утаивал истинный возраст	-0,365	,05
	Цель взаимодействия с потерпевшим — вступление в половую связь	0,528	,01
	Характер коммуникации с потерпевшим приближен к интимно-личностному общению	0,491	,01

В табл. 4 приведены связанные с выделенными центрами кластеров переменные, характеризующие преступную деятельность. При помощи корреляционного отношения были выявлены переменные, наиболее тесно связанные с центрами кластеров.

Обсуждение результатов исследования

По результатам статистической и качественной обработки данных, были выделены 2 группы признаков, послуживших основой для типологии: наличие у обвиняемого психической аномалии и использованные стратегия и метод психологического воздействия. Стоит отметить, что данные группы признаков не являются взаимоисключающими. Характерные для данных групп признаки объединяются и находят свое отражение в преступной деятельности. Таким образом, было выделено 4 типа лиц, совершающих преступления сексуальной направленности против несовершеннолетних с использованием телекоммуникационной сети Интернет:

- 1) манипуляторы с психическими аномалиями — 2 обвиняемых;
- 2) растлители с психическими аномалиями — 8 обвиняемых;
- 3) манипуляторы — 2 обвиняемых;
- 4) растлители — 22 обвиняемых.

Среди выделенных типов, типы с психическими аномалиями имеют наибольшую вариативность, сопряженную со структурой психического отклонения. В случае наличия в структуре психического отклонения педофилии или же изолированного наличия данной

парафилии, на первый план выступает предпочтение потерпевших, находящихся в возрасте до 12 лет, что может быть обусловлено нахождением последних на латентной стадии психосексуального развития [5] и, как следствие, неспособностью распознать сексуальный подтекст в действиях преступника [14], что позволяет злоумышленнику избегать предусмотренного законодательством наказания. Данное предположение подтверждается тем, что лица с диагностированной педофилией не склонны выбирать в качестве жертв своих преступных посягательств лиц, находящихся в конце полового созревания, что соответствует возрасту от 14 до 16 лет, так как последние способны распознать сексуальную направленность действий преступника. Также данные лица склонны в ходе взаимодействия с потерпевшим интересоваться степенью выраженности вторичных половых признаков последнего, а целью взаимодействия видеть получение материалов порнографического характера с потерпевшим, что может быть детерминировано как задержкой психосексуального развития [5], уровнем интеллекта, позволяющим соотнести риск личной встречи с потерпевшим с вероятностью поимки правоохранительными органами, так и территориальной удаленностью от потерпевшего. Лица с диагностированным аномально-личностным симптомокомплексом по шизоидному типу склонны инициировать взаимодействие с потерпевшим посредством отправления последнему при помощи телекоммуникационной сети Интернет изображений порнографического характера, что может свидетельствовать о дезадаптации в сфере половых отношений [15]. У лиц, имеющих психические отклонения органической природы, наблюдается тенденция склонять потерпевших к аутоэротической стимуляции и проявлять интерес к степени выраженности вторичных половых признаков потерпевшего, что может быть обусловлено сексуальной расторможенностью, в ряде случаев присущей данному патопсихологическому синдрому [13]. Вместе с этим, вне зависимости от структуры психического отклонения, отмечается склонность лиц с психической аномалией к серийным преступлениям сексуальной направленности против несовершеннолетних с использованием телекоммуникационной сети Интернет.

С другой стороны, разделение в данной типологии по признаку манипулятор/растлитель опирается на общую направленность преступных действий злоумышленника и не зависит от наличия у последнего психической аномалии, а опирается на использованную стратегию психологического воздействия.

В рамках данного исследования было выявлено, что лица использующие манипулятивную стратегию психологического воздействия и получившие впоследствии название манипуляторы, склонны использовать метод психологического воздействия «убеждение», и в большинстве случаев психологическое воздействие призвано обеспечить успешность единичного контакта с потерпевшим. Вместе с этим манипуляторы с психическими аномалиями склонны использовать психологическое воздействие сразу же после установления контакта с потерпевшим. Для лиц, отнесенных к манипуляторам и психически аномальным манипуляторам, характерна маскировка сексуальной направленности своих действий под видом обмена услугами, что соответствует манипулятивной стратегии психологического воздействия. Так, в ходе коммуникации с потерпевшим манипуляторы, склонны всячески избегать тем, затрагивающих отношения

полов. Вместе с этим для данного типа характерно склонение потерпевших к изготовлению порнографических материалов в обмен на различные материальные ценности и социальные блага. В процессе подобного обмена манипуляторы склонны мотивировать свои запросы логическими построениями, доступными для понимания несовершеннолетним. Данный тип лиц старается любым способом избежать личной встречи с потерпевшим. Также манипуляторы склонны использовать псевдонимы и утаивать свой истинный возраст, формируя таким способом образ в социальных сетях, способный вызвать доверие у несовершеннолетнего.

В противоположность этому, для лиц, отнесенных к растлителям, характерно использование императивной стратегии психологического воздействия и применения метода психологического воздействия «внушение». Психологическое воздействие растлителей рассчитано на формирование у потерпевшего устойчивой установки на поддержание контакта со злоумышленником, а началу психологического воздействия предшествует период коммуникации на отвлеченные темы, без признаков последнего. Лица, отнесенные к типу растлителей и психически аномальных растлителей, характеризуются открыто демонстрируемой нацеленностью на вступление с потерпевшим в половую связь. В связи с этим они склонны выстраивать коммуникацию с потерпевшим как с потенциальным половым партнером, что включает в себя: комплименты относительно внешности потерпевшего; изъявление желания вступить в половую связь с потерпевшим; безапелляционные высказывания, призванные нивелировать предубеждение потерпевшего относительно разницы в возрасте с преступником; подчеркивают свою опытность и просвещенность в вопросе половых отношений. В ряде случаев подобные коммуникативные акты дополняются отправлением потерпевшему изображений и видеозаписей порнографического характера, а также призывами к изготовлению подобных материалов самим потерпевшим и последующей положительной их оценкой с целью возбуждения полового влечения у последнего. Растлители не склонны скрывать свой истинный возраст и всячески склоняют потерпевшего к личной встрече для последующего вступления в половую связь. Также для растлителей, вероятно, характерны затруднения в формировании и поддержании интимных отношений с партнером из своей возрастной группы, в результате чего они выбирают в качестве потенциального партнера более «доступного» несовершеннолетнего.

Заключение

Выделенные типы лиц, совершающих преступления сексуальной направленности против несовершеннолетних с использованием телекоммуникационной сети Интернет, отражают тенденции, существующие среди генеральной совокупности лиц, совершающих подобные преступления. Обнаруживаются закономерности в преступной деятельности злоумышленника в зависимости от структуры психической аномалии, а также использованной стратегии психологического воздействия. Выявляются критерии, характерные для той или иной психической аномалии, а также отличительные черты психологического воздействия, реализуемые в рамках манипулятивной и императивной стратегий психологического воздействия. Вместе с этим, с точки зрения авторов, данная типология нуждается в дополнении. Так, авторам данной работы видится перспективным

*Дворянчиков Н.В., Антонов О.Ю., Шулга Т.И.,
Корчагин Н.Ю.*
Специфика стратегий психологического воздействия у
лиц, совершающих преступления сексуальной
направленности против несовершеннолетних с
использованием телекоммуникационной сети
Интернет
Психология и право. 2020. Том 10. № 2. С. 111–126.

*Dvoryanchikov N.V., Antonov O.Yu., Shulga T.I.,
Korchagin N.Yu.*
Specifics of Psychological Impact Strategies for Persons
Committing Sexual Crimes Against Minors through the Internet
Psychology and Law. 2020. Vol. 10, no. 2, pp. 111–126.

изучение полоролевого самосознания лиц, совершающих подобные преступления, но не имеющих психических отклонений. Наряду с этим стоит отметить актуальность направления изучения факторов, препятствующих успешности психологического воздействия на несовершеннолетних, а также факторов, способствующих успешности использованной преступником стратегии психологического воздействия.

Литература

1. *Антонов О.Ю.* К вопросу о понятиях механизма и криминалистической характеристики (модели) преступлений и преступной деятельности [Электронный ресурс] // Вестник Удмуртского университета. Серия «Экономика и право». 2011. № 2. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=16335092>
2. *Антонов О.Ю.* Криминалистическая модель преступной деятельности, связанной с изготовлением и оборотом порнографических материалов с использованием информационно-телекоммуникационных сетей [Электронный ресурс] // Вестник Удмуртского университета. Серия «Экономика и право». 2017. № 1. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=28377037>
3. *Антонов О.Ю.* Выявление дополнительных эпизодов и новых видов порно-сексуальной преступной деятельности, совершаемой с использованием информационно-телекоммуникационных сетей [Электронный ресурс] // Расследование преступлений: проблемы и пути их решения. 2017. № 3 (17). С. 169—177 URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=30711074>
4. *Бельская Н.С.* Речевой жанр секстинга в судебной лингвистической экспертизе интернет-коммуникации при расследовании преступлений против половой неприкосновенности и половой свободы личности // Вестник Кемеровского государственного университета. 2015. № 1(61). Т. 2. С. 170—176.
5. *Васильченко Г.С., Агаркова Т.Е., Агарков С.Т.* Сексопатология: справочник. М: Медицина, 1990. 576 с.
6. *Демидова Л.Ю.* Роль понимания эмоциональных состояний в регуляции криминальных действий сексуального характера, направленных против детей: дисс. канд. психол. наук. М., 2018. 176 с.
7. *Дворянчиков Н.В., Макарова Т.Е., Юшина Н.Н.* Особенности восприятия объекта сексуального предпочтения у лиц с педофилией в зависимости от отношения к сексуальному влечению [Электронный ресурс] // Психология и право. 2016. Том 6. № 1. С. 120—131. doi:10.17759/psylaw.2016060110
8. *Дозорцева Е.Г., Медведева А.С.* Сексуальный онлайн груминг как объект психологического исследования [Электронный ресурс] // Психология и право. 2019. Том 9. № 2. С. 250—263. doi:10.17759/psylaw.2019090217
9. *Кабаченко Т.С.* Методы психологического воздействия. М.: Педагогическое общество России, 2000. 544 с.
10. *Ковалев Г.А.* Три парадигмы в психологии — три стратегии психологического воздействия // Вопросы психологии. 2008. № 7. С. 43—55.

Дворянчиков Н.В., Антонов О.Ю., Шульга Т.И.,
Корчагин Н.Ю.
Специфика стратегий психологического воздействия у
лиц, совершающих преступления сексуальной
направленности против несовершеннолетних с
использованием телекоммуникационной сети
Интернет
Психология и право. 2020. Том 10. № 2. С. 111–126.

*Dvoryanchikov N.V., Antonov O.Yu., Shulga T.I.,
Korchagin N.Yu.*
Specifics of Psychological Impact Strategies for Persons
Committing Sexual Crimes Against Minors through the Internet
Psychology and Law. 2020. Vol. 10, no. 2, pp. 111–126.

11. Кроз М.В., Ратинова Н.А., Онищенко О.Р. Криминальное психологическое воздействие. М.: Юрлитинформ, 2008. 200 с.
12. Терских М.В., Зайцева О.А. Приемы воздействия в социальной рекламе [Электронный ресурс] // Коммуникативные исследования. 2015. № 3(5). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/priemy-vozdeystviya-v-sotsialnoy-reklame> (дата обращения: 24.09.2019).
13. Ткаченко А.А., Введенский Г.Е. Аномальное сексуальное поведение. — СПб.: Юридический центр пресс, 2003. 657 с.
14. Ткаченко А.А., Догадина М.А., Дворянчиков Н.В. Онтогенетические механизмы формирования способности к восприятию гендерных качеств у несовершеннолетних жертв сексуального насилия // Российский психиатрический журнал. 1999. № 2. С. 12—18.
15. Ткаченко А.А., Введенский Г.Е., Дворянчиков Н.В. Судебная сексология — М.: БИНОМ, 2014. 648 с.
16. Чернышева Е.В., Злоказов К.В. Полицейская психология: учеб. Пособие. Екатеринбург: Урал. юрид. ин-т МВД России, 2016. 185 с.
17. Craven, S., Brown, S., & Gilchrist, E. Sexual grooming of children: Review of literature and theoretical considerations // Journal of Sexual Aggression. 2006. Vol. 12/ P. 287—299. doi.org/10.1080/13552600601069414
18. Finkelhor, D. Child sexual abuse new theory and research. New York, USA: The Free Press, 1984.
19. Hirschtritt M.E., Tucker D., Blinder R.L. Risk assessment of online child sexual exploitation offenders // The journal of American Academy of Psychiatry and the Law. 2019. Vol. 47, .P. 155—164
20. Holmes R.M., Holmes S.T. Pedophilia and psychological profiling // Profiling violent crimes: an investigative tool / R.M. Holmes, S.T. Holmes. Thousand Oaks, CA: Sage, 2002. P. 158—171.
21. Knight R.A. A taxonomic analysis of child molesters // Human Sexual Aggression: Current Perspectives / R.A. Prentky, V.L. Quinsey (Eds.). New York, NY: New York Academy of Sciences, 1988. P. 2—20
22. Knight R.A., Carter D., Prentky R.A. A system for classification of child molesters // Journal of interpersonal violence. 1989. Vol. 4(1). P. 2—23.

References

1. Antonov O.Yu. K voprosu o ponyatiyakh mekhanizma i kriminalisticheskoi kharakteristiki (modeli) prestuplenii i prestupnoi deyatel'nosti [Elektronnyi resurs] [To the question of the concepts of the mechanism and forensic characteristics (models) of crimes and criminal activity] // Vestnik Udmurtskogo universiteta. Seriya «Ekonomika i pravo» [Bulletin of Udmurtian University. «Economy and Law» series] 2011. no. 2. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=16335092> (In Russ. abstr. in Engl.)
2. Antonov O.Yu. Kriminalisticheskaya model' prestupnoi deyatel'nosti, svyazannoi s izgotovleniem i oborotom pornograficheskikh materialov s ispol'zovaniem informatsionno-telekommunikatsionnykh setei [Elektronnyi resurs] [Forensic model of criminal activity related to the production and trafficking of pornographic materials using information and telecommunication

Дворянчиков Н.В., Антонов О.Ю., Шульга Т.И.,
Корчагин Н.Ю.
Специфика стратегий психологического воздействия у
лиц, совершающих преступления сексуальной
направленности против несовершеннолетних с
использованием телекоммуникационной сети
Интернет
Психология и право. 2020. Том 10. № 2. С. 111–126.

Dvoryanchikov N.V., Antonov O.Yu., Shulga T.I.,
Korchagin N.Yu.
Specifics of Psychological Impact Strategies for Persons
Committing Sexual Crimes Against Minors through the Internet
Psychology and Law. 2020. Vol. 10, no. 2, pp. 111–126.

networks] // *Vestnik Udmurtskogo universiteta. Seriya «Ekonomika i pravo» [Bulletin of Udmurtian University. «Economy and Law» series]*. 2017. no. 1. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=28377037> (In Russ. abstr. in Engl.)

3. Antonov O.Yu. Vyyavlenie dopolnitel'nykh epizodov i novykh vidov porno-seksual'noi prestupnoi deyatelnosti, sovershaemoi s ispol'zovaniem informatsionno-telekommunikatsionnykh setei [Detection new episodesporn sexy criminal activities committed using information and telecommunication networks] [Elektronnyi resurs] // *Rassledovanie prestuplenii: problemy i puti ikh resheniya*[Crime Investigation: Problems and Solutions]. 2017. no. 3 (17). pp. 169-177 Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=30711074>

4. Bel'skaya N.S. Rechevoj zhanr sekstinga v sudebnoj lingvisticheskoy ehkspertize internet-kommunikatsii pri rassledovanii prestuplenij protiv polovoj neprikosnovennosti i polovoj svobody lichnosti [Speech genre of sexting in forensic linguistic expertise of Internet communication in the investigation of crimes against sexual integrity and sexual freedom of the individual] // *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of the Kemerovo State University], 2015, no. 1 (61), pp.170-176. (In Russ. abstr. in Engl.)

5. Vasil'chenko G.S., Agarkova T.E., Agarkov S.T. Seksopatologiya: Spravochnik.[Sexopathology. Directory] Moscow: Medicine Publ., 1990. p.576.

6. Demidova L.Yu. Rol' ponimaniya emotsional'nykh sostoyanii v regulyatsii kriminal'nykh deistvii seksual'nogo kharaktera, napravlennykh protiv detei [The role of understanding emotional states in the regulation of criminal acts of a sexual nature directed against children Ph.D. (Psychology) Thesis] Moscow.:2018.176 p.

7. Dvoryanchikov N.V., Makarova T.E., Yushina N.N. Osobennosti vospriyatiya ob"ekta seksual'nogo predpochteniya u lits s pedofiliei v zavisimosti ot otnosheniya k seksual'nomu vlecheniyu [Elektronnyi resurs] [Peculiarities of perception of the object of sexual preference in people with pedophilia depending on their attitude to sexual desire] // *Psikhologiya i parvo*[Psychology and Law]. 2016. Vol. 6. no 1. pp. 120—131. doi:10.17759/psylaw.2016060110 (Acseessed: 24.09.2019)(In Russ. abstr. in Engl.)

8. Dozortseva E.G., Medvedeva A.S. Seksual'nyi onlain gruming kak ob"ekt psikhologicheskogo issledovaniya [Elektronnyi resurs] [Sexual online grooming as an object of psychological research] // *Psikhologiya i parvo* [Psychology and Law]. 2019. Volume 9. № 2. pp. 250—263 doi:10.17759/psylaw.2019090217 (Acseessed: 24.09.2019)(In Russ. abstr. in Engl.).

9. Kabachenko T.S. Metody psikhologicheskogo vozdeistviya [Methods of psychological pressure]. Moscow: Society of Education of Russian Federation Publ. 2000. 544 p.

10. Kovalev, G.A. Tri paradigmy v psikhologii — tri strategii psikhologicheskogo vozdeistviya [Three paradigms in psychology - three strategies of psychological pressure] // *Voprosy psikhologii* [Questions of psychology]. 2008. № 7. pp. 43-55.

11. Kroz M.V., Ratinova N.A., Onishchenko O.R. Kriminal'noe psikhologicheskoe vozdeistvie [Criminal psychological pressure] Moscow: Yurlitinform Publ. 2008.p.200.

12. Terskikh M.V., Zaitseva O.A. Priemy vozdeistviya v sotsial'noi reklame [Elektronnyi resurs] [Impact techniques in social advertising] // *Kommunikativnye issledovaniya* [Communications researches] 2015. No.3(5). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/priemy-vozdeystviya-v-sotsialnoy-reklame> (Acseessed: 24.09.2019) (In Russ. abstr. in Engl.)

Дворянчиков Н.В., Антонов О.Ю., Шульга Т.И.,
Корчагин Н.Ю.
Специфика стратегий психологического воздействия у
лиц, совершающих преступления сексуальной
направленности против несовершеннолетних с
использованием телекоммуникационной сети
Интернет
Психология и право. 2020. Том 10. № 2. С. 111–126.

*Dvoryanchikov N.V., Antonov O.Yu., Shulga T.I.,
Korchagin N.Yu.*
Specifics of Psychological Impact Strategies for Persons
Committing Sexual Crimes Against Minors through the Internet
Psychology and Law. 2020. Vol. 10, no. 2, pp. 111–126.

13. Tkachenko A.A., Vvedenskii G.E. Anomal'noe seksual'noe povedenie [Abnormal sexual behavior]. St. Petersburg: Yuridicheskii tsentr press Publ. 2003. p.657.
14. Tkachenko A.A., Dogadina M.A, Dvoryanchikov N.V. Ontogeneticheskie mekhanizmy formirovaniya sposobnosti k vospriyatiyu gendernykh kachestv u nesovershennoletnikh zhertv seksual'nogo nasiliya [Ontogenetic mechanisms of the formation of the ability to perceive gender qualities of underaged victims of sexual violence] // *Rossiiskii psikhiatricheskii zhurnal [The journal of Russian psychiatry]* 1999. no2 pp. 12-18
15. Tkachenko A.A., Vvedenskii G.E., Dvoryanchikov N.V. Sudebnaya seksologiya [The Forensic Sexology] Moscow: BINOM Publ. 2014. p.648
16. Chernysheva E.V., Zlokazov K.V. Politseiskaya psikhologiya: Ucheb. posobie [Police Psychology: Study guide] / Ural. yurid. in-t MVD Rossii [Ural's legal university of the Ministry of Internal Affairs of Russia Federation] Ekaterinburg. 2016.p.185
17. Craven S., Brown S., & Gilchrist E. Sexual grooming of children: Review of literature and theoretical considerations. *Journal of Sexual Aggression*. Volume 12, 2006, pp. 287—299. doi.org/10.1080/13552600601069414
18. Finkelhor D. Child sexual abuse new theory and research. New York, USA: The Free Press, 1984.
19. Hirschtritt M.E., Tucker D., Blinder R.L. Risk assessment of online child sexual exploitation offenders // *The journal of American Academy of Psychiatry and the Law*. Vol. 47, 2019 p. 155 - 164
20. Holmes R.M., Holmes S.T. Pedophilia and psychological profiling // In R.M. Holmes, S.T. Holmes. *Profiling violent crimes: an investigative tool*. Thousand Oaks, CA: Sage, 2002. P. 158-171.
21. Knight R.A. A taxonomic analysis of child molesters // In RA Prentky, V.L Quinsey (Eds.). *Human Sexual Aggression: Current Perspectives*. New York, NY: New York Academy of Sciences, 1988. P. 2-20
22. Knight R.A., Carter D., Prentky R.A. A system for classification of child molesters // *Journal of interpersonal violence*. 1989. Vol. 4(1). P. 2-23.

Информация об авторах

Корчагин Никита Юрьевич, аспирант кафедры социальной психологии факультета психологии, ГБОУ ВО МО «Московский государственный областной университет», Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1765-1187>, e-mail: ctulhuthresholdofmadness@gmail.com

Дворянчиков Николай Викторович, кандидат психологических наук, доцент, декан факультета юридической психологии, Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1462-5469>, e-mail: dvorian@gmail.com

Антонов Олег Юрьевич, доктор юридических наук, доцент, декан факультета подготовки криминалистов, Юридический институт, ФГКОУ ВО «Московская академия Следственного комитета Российской Федерации», Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1284-7378>, e-mail: antonov@udm.ru

*Дворянчиков Н.В., Антонов О.Ю., Шульга Т.И.,
Корчагин Н.Ю.*
Специфика стратегий психологического воздействия у
лиц, совершающих преступления сексуальной
направленности против несовершеннолетних с
использованием телекоммуникационной сети
Интернет
Психология и право. 2020. Том 10. № 2. С. 111–126.

*Dvoryanchikov N.V., Antonov O.Yu., Shulga T.I.,
Korchagin N.Yu.*
Specifics of Psychological Impact Strategies for Persons
Committing Sexual Crimes Against Minors through the Internet
Psychology and Law. 2020. Vol. 10, no. 2, pp. 111–126.

Шульга Татьяна Ивановна, доктор психологических наук, профессор кафедры социальной психологии факультета психологии, ГБОУ ВО МО «Московский государственный областной университет», Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3584-6087>, e-mail: shulgatiana@gmail.com

Information about the authors

Nikita Yu. Korchagin, Graduate Student, Department of Social Psychology, Faculty of Psychology, Moscow State Region University, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1765-1187>, e-mail: ctulhuthresholdofmadness@gmail.com

Nikolay V. Dvoryanchikov, PhD in Psychology, Associate Professor, Dean of the Department of Clinical and Forensic Psychology, Faculty of Legal Psychology, Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1462-5469>, e-mail: dvorian@gmail.com

Oleg Yu. Antonov, Doctor of Law, Associate Professor, Dean, Faculty of Forensics Training, Law Institute, Moscow Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1462-5469>, e-mail: antonov@udm.ru

Tatjana I. Shulga, Doctor of Psychology, Professor, Department of Social Psychology, Faculty of Psychology, Moscow State Region University, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3584-6087>, e-mail: shulgatiana@gmail.com

ДИСТАНЦИОННЫЕ ТЕХНОЛОГИИ РАБОТЫ ПО ПРОФИЛАКТИКЕ ДЕВИАНТНОГО И
ОБЩЕСТВЕННО-ОПАСНОГО ПОВЕДЕНИЯ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ СЕТИ ИНТЕРНЕТ | INTERNET
TECHNOLOGIES TO PREVENT DEVIANT AND SOCIALLY DANGEROUS BEHAVIOR

Опыт психологического сопровождения проекта «помощники спасателей»

Лаврешкин Н.В.

Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ), г. Москва, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5556-2057>, e-mail: lavreshkinnv@mgppu.ru

Подушкина Т.Г.

Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ), г. Москва, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5966-8342>, e-mail: poduschkina@mail.ru

Газарян А.А.

Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ), г. Москва, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-09498-5757>, e-mail: zhivoy@ya.ru

В статье описан опыт проведения пилотного проекта «Помощники спасателей», реализованного в июне—августе 2019 г. ГБУ «Моя карьера» при методической поддержке Московского государственного психолого-педагогического университета. Проект направлен на работу с подростками от 14 до 17 лет, отнесенных к категории «социально опасное положение» и «трудная жизненная ситуация». Участниками проекта стали молодые люди, по разным причинам обратившиеся за помощью в Центры поддержки семьи и детства города Москвы (ЦПСиД). Всего в проекте приняли участие 500 подростков. Психологическое и социально-педагогическое сопровождение осуществлялось выпускниками и студентами МГППУ, а методическое сопровождение проекта — сектором «Центр доказательного социального проектирования» и факультетом юридической психологии МГППУ. В данной статье изложен опыт реализации и анализ результатов проекта. Описаны психологические механизмы, используемые в реабилитационных целях в работе с подростками (в том числе с применением дистанционных технологий, социальных сетей). Изложены статистические данные опроса подростков-участников, делаются выводы, разработаны рекомендации.

Ключевые слова: трудная жизненная ситуация, социально опасное положение, подросток, профориентация, социальные сети.

Для цитаты: Лаврешкин Н.В., Подушкина Т.Г., Газарян А.А. Опыт психологического сопровождения проекта «помощники спасателей» [Электронный ресурс] // Психология и право. 2020. Том 10. № 2. С. 127–139. DOI:10.17759/psylaw.2020100210

Experience of Psychological Support of the Project «Rescue Assistants»

Nikita V. Lavreshkin

Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia,
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5556-2057>, e-mail: lavreshkinnv@mgppu.ru

Tatyana G. Podushkina

Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia,
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5966-8342>, e-mail: poduschkina@mail.ru

Alexey A. Gazaryan

Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia,
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-09498-5757>, e-mail: zhivoy@ya.ru

The article describes the experience of the pilot project "rescuers' Assistants", implemented in June-August 2019 by the state educational institution "My career" with the methodological support of the Moscow State University of Psychology and Education (MSUPE). The project focuses on working with teenagers from 14 to 17 years old, identified as "socially dangerous" and "difficult life situations". Project participants: adolescents who for various reasons have applied for help in the centers for family and childhood support in Moscow. Total number of projects participants - 500. The psychological and socio-pedagogical support was provided by graduates and students of MSUPE; the methodological support of the project was provided by the sector "Center for Evidence-based Social Design" and the faculty of Legal psychology of MSUPE. This article describes the experience of implementation and project analysis. The paper includes the description of psychological mechanisms used for rehabilitation purposes in working with adolescents, statistical data of the survey of adolescent participants, conclusions and recommendations.

Keywords: difficult life situation, socially dangerous situation, adolescent, career guidance

For citation: Lavreshkin N.V., Podushkina T.G., Gazaryan A.A. Experience of Psychological Support of the Project «Rescue Assistants». *Psikhologiya i pravo = Psychology and Law*, 2020. Vol. 10, no. 2, pp. 127–139. DOI:10.17759/psylaw.2020100210 (In Russ.).

Проект «Помощники спасателей» был реализован ГБУ «Моя карьера» совместно с Департаментом по делам гражданской обороны, чрезвычайным ситуациям и пожарной безопасности города Москвы (ГО ЧС и ПБ) и Всероссийской общественной молодежной организацией «Всероссийский студенческий корпус спасателей» (ВСКС).

Как уже отмечалось выше, целевой группой проекта стали молодые люди в возрасте от 14 до 18 лет, чьи представители обратились за помощью в Центры поддержки семьи и детства города Москвы (далее — ЦПСИД), а также подростки, официально отнесенные к категориям «социально опасное положение» (далее СОП) и «трудная жизненная ситуация» (далее ТЖС). Подростки и молодые люди, находящиеся в СОП и ТЖС, как правило, оказываются исключенными из нормативной социальной траектории большинства своих сверстников в

силу различных причин: сложные отношения в семьях и школе приводят к тому, что подростки получают особый «маргинальный» статус в школе, часто запускают учебу и теряют к ней мотивацию, имеют конфликтные отношения со взрослыми. Кроме того, многие семьи не могут позволить себе обеспечить систему дополнительного образования для детей в силу стесненных материальных условий.

Все это мешает социализации подростков и решению рядовых задач возрастного развития: личностного и профессионального самоопределения, коммуникативной компетентности в отношениях со сверстниками, получению поддержки со стороны значимых взрослых. В связи с этим упускается важное время, когда подростки еще готовы к контакту и могут выбрать для себя социально приемлемые жизненные сценарии, а не пойти по пути маргинализации и криминализации.

Проект предоставил возможность подросткам и юношам, находящимся в СОП и ТЖС, познакомиться с простой и уважаемой профессией спасателя, развить базовые коммуникативные и жизненные навыки, уровень правосознания, получить поддержку от позитивно настроенных взрослых на пути к нормативной социализации и выбору профессии.

В качестве цели проекта рассматривалось вовлечение московских подростков в активную социально развивающую деятельность в летний период. В рамках проекта предполагалось обучить пятьсот несовершеннолетних 14—17 лет навыкам оказания первой помощи, пожаротушения и спасания на воде, а также основам толерантного и социально ответственного поведения. В проекте предполагалось три направления работы с подростками: знакомство с работой спасателя; модуль по развитию личностных навыков, необходимых для эффективной самореализации в современном обществе; а также курс, направленный на привитие основ бесконфликтной коммуникации в многонациональном и многоконфессиональном российском обществе.

По замыслу, основные направления деятельности должны были обеспечить мягкую социализацию участников проекта, так как подростки в СОП особенно остро нуждаются в дополнительной поддержке в процессе выбора профессии и самоопределения. По итогам обучения участникам, успешно прошедшим курс, выдавались сертификаты о дополнительном образовании, в том числе позволяющие получить дополнительные преимущества при поступлении в вузы МЧС. Всего в проекте было задействовано 500 подростков в возрасте 14—17 лет (по 250 подростков на каждом потоке).

На этапе подготовки пилотного запуска проекта администрация ГБУ «Моя карьера» обратилась в Московский государственный психолого-педагогический университет за методическим сопровождением работы с целевой группой проекта. Экспертное сопровождение проекта взяли на себя факультет юридической психологии МГППУ (занимающийся проблемами подростков со склонностью к отклоняющемуся поведению) и Центр доказательного социального проектирования МГППУ (отвечающий в университете за развитие подходов к исследованию эффективности социальных практик).

В качестве одного из важнейших условий успешной реализации проекта рассматривалась организация системы педагогического и психологического сопровождения подростков в ходе его реализации. Чтобы обеспечить психолого-педагогическое сопровождение подростков в рамках проекта, была разработана система наставничества, где в роли психологов-наставников выступили студенты и выпускники МГППУ (большинство наставников обучались по направлению подготовки «Педагогика и психология девиантного поведения», что является профильным направлением для работы с подростками,

находящимися в СОП и ТЖС; однако также в проект были включены студенты и выпускники таких направлений, как «Психология служебной деятельности», «Психология», «Клиническая психология»).

Для студентов университета опыт участия в проекте соответствовал модели подготовки по их профессиональным направлениям, в том числе способствовал развитию различных профессионально важных качеств психолога [4,5]. Основными видами психологической деятельности, реализовавшимися наставниками на протяжении проекта, являлись: психодиагностическая деятельность, развивающая деятельность, психологическое консультирование и психологическая коррекция [1; 2]. Так как студенты выполняли данную деятельность на волонтерских началах, участие в проекте соответствовало одним из ведущих жизненных смыслов студента-психолога, а именно — альтруистическим смыслам [3].

Критически важно было организовать методическую поддержку студентов и начинающих специалистов психолого-педагогических направлений в работе с подростками. В течение всего срока реализации проекта этому уделялось серьезное внимание со стороны организаторов и экспертной группы от университета. После первичных мотивационных собеседований будущие наставники проходили цикл обучающих семинаров по подготовке к работе с подростками в СОП/ТЖС по восстановительной модели, разработанной в Центре психолого-педагогической адаптации и развития подростков МГППУ «Перекресток» в 2008 г. Такая предварительная работа позволила ключевым специалистам проекта опираться в работе с подростками на общие методологические и ценностные основания.

Согласно восстановительной, модели работа с несовершеннолетними обязательным образом включает в себя понимание ценностных оснований, теоретической концепции и их практической реализации, т. е., важна постоянная взаимосвязь этих трех компонентов: рефлексия и переосмысление теории через анализ практики, оценка практики на соответствие ценностным основаниям.

Принципиальными, ценностными основаниями восстановительной модели являются: ценность активной ответственности, субъектность, партнерские отношения с подростком, понимание социальных связей как важнейшего ресурса развития подростка.

Теоретическая концепция работы по восстановительной модели отталкивается от понимания явления «социально-психологической дезадаптации» как механизма вытеснения из «нормотипичной» социальной среды подростка, демонстрирующего симптомы девиантного поведения в ответ на неблагоприятные внешние условия, усиливая тем самым как внутриличностное, так и межличностное напряжение. Находясь, таким образом, в «напряженных» отношениях с окружающим его обществом, ребенок не обращается за помощью к взрослым и специалистам, а, наоборот, стремится спрятаться и защититься.

Понимая так явление «социально-психологической дезадаптации», в качестве первой задачи взрослых мы можем рассматривать осознанное сотрудничество с подростком — специалист сам должен найти способы устанавливать контакт и партнерские отношения с несовершеннолетними. Практическая деятельность в рамках восстановительной модели строится по принципу нахождения «точек входа» в социальную ситуацию подростка. Социальная и психологическая работа с подростком и его ближайшим социальным окружением в любой «точке входа» строится на принципах восстановительного подхода: подразумевает работу в зоне ближайшего развития подростка, постепенную передачу ему ответственности за изменение собственной жизни, учет семейного контекста и вовлечение в работу его ближайшего социального окружения. Таким образом, сутью работы с подростком

становится переструктурирование его социальной ситуации развития из ситуации социально-психологической дезадаптации в ситуацию, ресурсную для его дальнейшего развития, в которой он сам занимает активную и ответственную позицию [6].

В отечественной психологии «значимый взрослый» играет ключевую роль в социальной ситуации развития подростка и оказывает существенное влияние на формирование системы его смыслообразующих ценностей и жизненно важных выборов. Другой важнейшей областью, где формируются самоотношение и самооценка подростка, является сфера отношений со сверстниками — система групповых норм и ценностей, опыт дружественной коммуникации, вера в возможность конструктивного разрешения конфликтов.

Исходя из вышеизложенного, в качестве первоочередных задач наставничества были определены: индивидуальная психологическая поддержка подростков, формирование команды и развитие навыков межличностных отношений между участниками проекта. Для этого за каждой группой подростков (состоящей из 12—18 человек), была закреплена пара специалистов: «наставник» — студент МГППУ, обучающийся в рамках одного из психологических направлений подготовки, и один выпускник МГППУ — «старший наставник». Таким образом, с каждой группой подростков на протяжении всего проекта работал специалист с уже сформированными компетенциями и студент, чьи компетенции психологической и педагогической работы с подростками находились в процессе формирования.

Для супервизии и разбора сложных случаев, а также в целях профилактики эмоционального выгорания и психологической поддержки молодых специалистов были организованы еженедельные интервизорские группы (по желанию у каждого наставника была возможность посещать такую группу 2 раза в неделю, а также по запросу обращаться за индивидуальной консультацией и супервизией работы в паре к методистам проекта — сотрудуникам кафедры юридической психологии и права МГППУ).

На встречах интервизорской группы наставники имели возможность поделиться текущими трудностями в работе с подростками, с группой и в паре (как личного, так и профессионального характера), попробовать различные форматы психологической работы (упражнения, игры, дискуссии), актуализировать и восполнить дефициты теоретических знаний. Регулярные встречи играли также важную интегрирующую роль в работе проекта как единого целостного механизма: на каждом этапе реализации специалисты проекта (и наставники, и преподаватели, и организаторы) имели возможность скоординировать свои действия и направления сопровождения с учетом актуальной ситуации, вносить новый контент и смыслы в реализацию проекта, вовремя получать психологическую и профессиональную поддержку. Это позитивно сказывалось на эмоциональной стабильности наставников, их личной продуктивности и креативности в работе с подростковыми группами.

Несмотря на то, что на протяжении проекта для наставников были организованы интервизорские группы и супервизия, методы и траекторию психологической работы с группой подростков они выбирали самостоятельно, тем самым активизируя субъектную позицию относительно собственной деятельности. Старшие наставники (выпускники) получали постдипломный практический опыт, подобный опыту подготовки в ординатуре в медицинских вузах.

Важную роль в реализации проекта сыграло использование наставниками социальных сетей и других способов дистанционной коммуникации с подростками. Для этого были задействованы различные социальные сети и мессенджеры (vk, whatsapp, askfm, google формы

и т.д.). Помимо решения организационных вопросов, это давало возможность подросткам для групповой рефлексии и взаимодействия в любое время (включая период после окончания проекта). С помощью специальных интернет-сервисов участники некоторых групп могли выразить анонимно свои мысли и чувства, а также задать вопрос наставникам и организаторам. Для самих же наставников тоже была создана специальная анонимная форма, куда они могли писать любые мысли, давать обратную связь главным организаторам, в том числе выражать недовольство. В случае форс-мажоров (например, болезни одного из участников), подростки записывали для него видео со словами поддержки, могли поддерживать контакт и передавать необходимую информацию. Также в начале реализации проекта, используя возможность отправлять друг другу аудиозаписи, видео и картинки, подростки искали общие интересы, что положительно сказывалось на взаимоотношениях в группах. Несмотря на это, в групповых чатах встречались ситуации, близкие к кибербуллингу среди подростков. Такие ситуации прорабатывались на интервизорских группах, разрабатывались стратегии решения данных проблем. Кроме того, благодаря дистанционными технологиям у наставников была возможность вести просветительскую работу с родителями подростков и их кураторами из ЦПСИД [6]

По итогам проекта был проведен анкетный опрос среди 127 участников проекта «Помощники спасателей», который был подкреплен данными полуструктурированных интервью с подростками и наставниками (анкетирование и интервью проводились в период июня–августа 2019 г.).

Во время опроса часть респондентов указали на тот факт, что участие в проекте не было для них полностью добровольным и их заставили родители (23,62%). Это сказывалось на их интересе на входе в проект, а также, по мнению наставников, могло служить причиной преждевременного завершения участия и низкой вовлеченности некоторых ребят в течение занятий.

Стоит отметить, что в случаях, когда решение об участии принималось под давлением родителей, для некоторых участников программа в итоге оказывалась интересной и они втягивались в нее по ходу. Подобные примеры приводили в интервью участники из числа детей и наставники.

Наибольший эмоциональный отклик и самые высокие оценки получили практические занятия, которые проводили для участников сами спасатели. Данные опроса и интервью полностью совпадают и демонстрируют, что этот компонент программы стал самым интересным и востребованным (одним из самых популярных пожеланий на будущее от участников было «больше практики» — 31 ответ).

Участники и наставники в интервью отмечали следующие сильные стороны практических занятий:

- прикладной характер и польза для жизни;
- диалогичный подход преподавателей;
- юмор и неформальный стиль общения;
- наглядность и возможность попробовать самому;
- интересное содержание;
- дружелюбная атмосфера;
- знакомство с представителями профессий и их работой.

Как уже отмечалось выше, особенностью реализации проекта было наличие у групп наставников, которые помогали в организации общения детей, в рефлексии полученного

опыта, сопровождали участников по ходу программы, решали различного рода текущие вопросы. Много слов благодарности получили наставники по итогам сбора обратной связи. Некоторые из них рассказали, что после завершения проекта они поддерживают связь с частью подростков — и не только переписываются, но по возможности встречаются.

Групповая работа, потребность в соблюдении общих правил и норм, обсуждение действий и мнений, согласно интервью наставников и участников, способствовали проявлению и формированию навыков ответственности и дисциплины у участников. Для некоторых из них этот опыт стал первой в жизни практикой психологической работы в группе.

Значимость командной работы, позитивное влияние коммуникативного опыта, приобретенного участниками, подтверждаются их ответами на вопрос о том, чем помогло им участие в проекте (рис. 1).



Рис. 1. Распределение ответов участников на вопрос «Чем помогло участие в проекте»

Можно выделить четыре уровня изменений, которые отмечали респонденты опроса и интервью (табл. 1).

Таблица 1

Уровень	Содержание изменений
Расширение кругозора	Новые знания о жизни и деятельности спасателей, множестве аспектов службы в МЧС.
Профессиональный выбор и профориентация	Укрепление в позиции относительно выбора профессии спасателя как своей — за или против

<p>Навыки спасательных работ</p>	<p>Приобретение умений действовать в различного рода экстремальных ситуациях, требующих применения навыков спасения. Рост приверженности к необходимости их применения и готовность осуществить на практике</p>
<p>Личностные характеристики</p>	<p>Изменение поведения и отношения к различным сторонам жизни. Снижение конфликтности и агрессивности. Новые контакты и дружеские отношения</p>

Так, на вопрос «Что нового узнал о профессии спасателя?» получился следующий перечень наиболее популярных ответов (рис. 2).



Рис. 2. Распределение ответов участников на вопрос «Что нового узнал о профессии спасателя?»

На вопрос о приобретенных навыках ответы распределились в порядке, представленном на рис. 3.



Рис. 3. Распределение ответов участников на вопрос «Какие навыки спасателя удалось получить?»

Стоит отметить, что, по свидетельству некоторых респондентов в интервью, уже после проекта они применяли полученные навыки спасения в жизни — помогали останавливать кровь и вызывали скорую помощь.

Участники опроса отметили влияние проекта на формирование определенных качеств характера (рис. 4).



Рис. 4. Распределение ответов участников на вопрос «На какие качества характера повлиял проект?»

В интервью участники также акцентировали внимание на том, что стали считать более важным помогать другим и видят теперь в этом один из приоритетов в жизни. В качестве

социально-психологического результата стоит указать, что участники в позитивном ключе отмечают появление новых друзей и знакомств.

Распределение результатов и их значимость для самих участников позволяет представить портрет целевых групп проекта с точки зрения ценности для них участия в проекте (табл. 2).

Таблица 2

Целевая группа	Ценность участия
Молодые люди, желающие стать спасателем	Возможность побывать в реально работающих службах помощи и попробовать себя в роли спасателя, почувствовать профессию. Возможность получить профессиональную поддержку и преимущества при поступлении в случае выбора профессии спасателя
Молодые люди, не думающие о профессии спасателя, но открытые к получению нового опыта и общению	Расширение кругозора, польза навыков спасения для обычной жизни. Опыт общения со сверстниками, спасателями, наставниками. Групповая и командная работа
Молодые люди, не имеющие исходного желания участвовать, однако вовлекающиеся в проект по ходу реализации	Опыт позитивного участия в подобных проектах и преодоления негативной установки. Расширение кругозора, польза навыков спасения для обычной жизни. Опыт общения со сверстниками, спасателями, наставниками. Групповая и командная работа
Молодые люди, не имеющие желания участвовать и имеющие стойкое негативное отношение к идее проекта	Ценность подобного участия сомнительна, количество таких ребят было невелико, некоторые приняли решение отказаться от участия

Проведенный анализ позволяет сделать следующие **выводы** и рекомендации относительно дальнейшего развития проекта.

1. В целом, проект нашел позитивный отклик у участников, есть основания продолжать и развивать его в будущем.

2. Можно говорить о разноуровневых социальных результатах профориентационного и социально-психологического плана; каждое из направлений можно усиливать, осознанно закладывая их в модель изменений и социальных результатов проекта.

3. Практические занятия в организациях служб спасения были крайне интересны участникам и, на их взгляд, были наиболее значимы в проекте (их объем предлагается увеличивать в случае продолжения программы).

4. Практика наставников и менеджеров показала свою актуальность и положительный эффект, ее можно дальше развивать, в том числе выделяя больше времени на групповую работу в течение недели.

5. В начале проекта целесообразно проводить собеседования с участниками и родителями, а также командообразующий интенсив для запуска групповой динамики.

6. Рекомендуется продумать механизм отсева незаинтересованных и мотивирования участников на этапе набора за счет более активной коммуникации с использованием материалов, роликов, презентаций. Возможно предоставление времени на самоопределение, когда участники могут решить, участвуют они или нет.

7. Предусмотреть в программе различные профессиональные траектории и возможности выбирать содержание программы согласно своим предпочтениям.

Летом 2020 в связи с ситуацией пандемии аналогичный проект будет проведен исключительно в онлайн-формате под названием «Про героев». В данный момент ведется дистанционная подготовка студентов-наставников. Планируемый охват – 1000 подростков.

Литература

1. *Богданович Н.В., Делибалт В.В., Дегтярев А.В.* К вопросу обоснования модели профессиональной деятельности [Электронный ресурс] // Психологическая наука и образование psyedu.ru. 2012. Том 4. № 2. URL: https://psyjournals.ru/psyedu_ru/2012/n2/53517.shtml (дата обращения: 15.02.2020).
2. *Богданович Н.В., Чернушевич В.А.* Деятельностная модель юридического психолога [Электронный ресурс] // Психологическая наука и образование psyedu.ru. 2013. Том 5. № 4. URL: https://psyjournals.ru/psyedu_ru/2013/n4/65728.shtml (дата обращения: 15.02.2020).
3. *Богданович Н.В., Щеткина Е.И., Борисова А.А., Шевцова Н.А., Моисеева Л.П.* Особенности ценностно-смысловой сферы у студентов в период обучения в вузе [Электронный ресурс] // Психология и право. 2019. Том 9. № 2. С. 232—249. doi:10.17759/psylaw.2019090216
4. *Дегтярев А.В., Дегтярева Д.И.* Развитие эмоционального интеллекта, психологической границы личности и самоотношения у будущих специалистов-психологов (на примере студентов факультета юридической психологии МГППУ) [Электронный ресурс] // Психология и право. 2019. Том 9. № 3. С. 57—71. doi:10.17759/psylaw.2019090305

5. Лаврешкин Н.В. Групповой тренинг как метод развития профессионально важных качеств юридического психолога [Электронный ресурс] // Психология и право. 2017. Том 7. № 1. С. 250—263. doi:10.17759/psylaw.2017070120
6. Организация просветительской работы по вопросам профилактики девиантного поведения. Методические рекомендации для руководителей образовательных организаций / Дворянчиков Н.В., Делибалт В.В., Казина А.О., Лаврешкин Н.В., Вихристюк О.В., Гаязова Л.А., Власова Н.В., Богданович Н.В., Чернушевич В.А., Чиркина Р.В., Банников Г.С. – Москва: ФГБОУ ВО МГППУ, 2018. – 112 с.
7. Cushman F.A., Young L., Greene J. Our multi-system moral psychology: Towards a consensus view [Электронный ресурс] The Oxford Handbook of Moral Psychology, ed. John Doris et al, Oxford University Press 2010. URL: <http://dx.doi.org/10.1093/acprof:oso/9780199582143.003.0003> (дата обращения: 15.02.2020).

References

1. Bogdanovich N.V., Delibalt V.V., Degtyarev A.V. K voprosu obosnovaniya modeli professional'noj deyatel'nosti [Elektronnyj resurs][To the question of justification of the model of the professional activity of legal psychologist] // Psihologicheskaya nauka i obrazovanie psyedu.ru [Psychological Science and Education PSYEDU.ru], 2012, Tom 4. № 2. Available at: https://psyjournals.ru/psyedu_ru/2012/n2/53517.shtml.
2. Bogdanovich N.V., Chernushevich V.A. Deyatel'nostnaya model' yuridicheskogo psihologa [Elektronnyj resurs] [The activity model of legal psychologist] // Psihologicheskaya nauka i obrazovanie psyedu.ru. [Psychological Science and Education PSYEDU.ru], 2013, Tom 5. № 4. Available at: https://psyjournals.ru/psyedu_ru/2013/n4/65728.shtml.
3. Bogdanovich N.V., SHCHetkina E.I., Borisova A.A., Shevcova N.A., Moiseeva L.P. Osobennosti cennostno-smyslovoj sfery u studentov v period obucheniya v vuze [Elektronnyj resurs] [Features of the value-semantic sphere of students in the period of study at the university] // Psihologiya i pravo [Psychology and law], 2019, Tom 9. № 2. S. 232—249. doi:10.17759/psylaw.2019090216.
4. Degtyarev A.V., Degtyareva D.I. Razvitie emocional'nogo intellekta, psihologicheskoy granicy lichnosti i samootnosheniya u budushchih specialistov-psihologov (na primere studentov fakul'teta yuridicheskoy psihologii MGPPU) [Elektronnyj resurs] [The development of emotional intelligence, psychological boundaries of the personality and self-attitude among future psychologists (on the example of students of the faculty of legal psychology, MSUPE)] // Psihologiya i pravo [Psychology and law], 2019. Tom 9. № 3. S. 57—71. doi:10.17759/psylaw.2019090305.
5. Lavreshkin N.V. Gruppovoj trening kak metod razvitiya professional'no vazhnyh kachestv yuridicheskogo psihologa [Elektronnyj resurs] [Group training as a method of development of professionally important qualities] // Psihologiya i pravo [Psychology and law], 2017, Tom 7. № 1. S. 250—263. doi:10.17759/psylaw.2017070120.
6. Organizaciya prosvetitel'skoj raboty po voprosam profilaktiki deviantnogo povedeniya. Metodicheskie rekomendacii dlya rukovoditelej obrazovatel'nyh organizacij / Dvoryanchikov N.V., Delibalt V.V., Kazina A.O., Lavreshkin N.V., Vihristyuk O.V., Gayazova L.A., Vlasova N.V., Bogdanovich N.V., Chernushevich V.A., CHirкина R.V., Bannikov G.S. – Moskva: FGBOU VO MGPPU, [Organization of educational work on the prevention of deviant behavior. Guidelines for the leaders of educational organizations], 2018. – 112 s.

Лаврешкин Н.В., Подушкина Т.Г., Газарян А.А.
Опыт психологического сопровождения проекта
«помощники спасателей»
Психология и право. 2020. Том 10. № 2. С. 127–139.

Lavreshkin N.V., Podushkina T.G., Gazaryan A.A.
Experience of Psychological Support of the Project
«Rescue Assistants»
Psychology and Law. 2020. Vol. 10, no. 2, pp. 127–139.

7. Cushman, F.A., Young, L., Greene, J. Our multi-system moral psychology: Towards a consensus view // *The Oxford Handbook of Moral Psychology*, ed. John Doris et al, Oxford University Press 2010. Available at: <http://dx.doi.org/10.1093/acprof:oso/9780199582143.003.0003>.

Информация об авторах

Лаврешкин Никита Владимирович, аспирант, заместитель декана факультета юридической психологии по внеучебной работе, преподаватель кафедры юридической психологии и права, Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5556-2057>, e-mail: lavreshkinnv@mgppu.ru

Подушкина Татьяна Геннадьевна, психолог, руководитель сектора «Центр доказательного социального проектирования», Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5966-8342>, e-mail: poduschkina@mail.ru

Газарян Алексей Артурович, методолог сектора «Центр доказательного социального проектирования», Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9498-5757>, e-mail: zhivoy@ya.ru

Information about the authors

Nikita V. Lavreshkin, Aspirant, Deputy Dean of the Faculty of Legal Psychology for Extracurricular Activities, Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5556-2057>, e-mail: lavreshkinnv@mgppu.ru

Tatyana G. Podushkina, Psychologist, Head of the Sector «Center for Evidence-Based Social Design», Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5966-8342>, e-mail: poduschkina@mail.ru

Alexey A. Gazaryan, sector methodologist «Center for Evidence-Based Social Design», Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9498-5757>, e-mail: zhivoy@ya.ru

ДИСТАНЦИОННЫЕ ТЕХНОЛОГИИ РАБОТЫ ПО ПРОФИЛАКТИКЕ ДЕВИАНТНОГО И
ОБЩЕСТВЕННО-ОПАСНОГО ПОВЕДЕНИЯ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ СЕТИ ИНТЕРНЕТ | INTERNET
TECHNOLOGIES TO PREVENT DEVIANT AND SOCIALLY DANGEROUS BEHAVIOR

**Экспериментальное исследование влияния в
условиях вузовского образования самореализации
личности обучающихся в спортивной деятельности на
склонность к киберзависимости**

Симакова Т.А.

ФГБОУ ВО «Академия ФСИН России», Рязань, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5715-0291>, e-mail: simakovatanea@yandex.ru

Жарких А.А.

ФГБОУ ВО «Академия ФСИН России», Рязань, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1239-9894>, e-mail: fonya_02@mail.ru

Анкудинов Н.В.

ФГБОУ ВО «Академия ФСИН России», Рязань, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6420-5310>, e-mail: ankudinov.nik@list.ru

В последние десятилетия проблема интернет-зависимости молодежи приобретает глобальный характер. Пребывание в кибер-пространстве влечет за собой серию рисков: электронных, контентных, коммуникационных, потребительских и рисков интернет-зависимости, — ввиду чего актуализируется потребность общества в обеспечении профилактических мероприятий по защите от рисков интернет-среды. В проведенном на базе Академии ФСИН России исследовании рассматривается влияние задействованности в группах спортивного совершенствования на выраженность интернет-зависимости у обучающихся. Занятие спортом мотивирует на достижения, предъявляет особые требования к соблюдению режима дня, выполнению тренировочных планов и устойчивому психическому состоянию занимающихся. Результаты исследования подтверждают позитивное влияние спортивной деятельности на снижение риска интернет-зависимости. У курсантов-спортсменов наблюдаются: более низкие показатели в предпочтении виртуального онлайн общения; уменьшение мотивации выхода в Сеть, как средства улучшения эмоционального состояния; снижение неконтролируемого регулярного мысленного возвращения в онлайн пространство; уменьшение сложностей с планированием пребывания в Сети и снижение общего показателя интернет-зависимости.

Ключевые слова: киберзависимость, кибер-риски, киберсоциализация в условиях вузовского образования, влияние самореализации личности в спорте на склонность к киберзависимости, группы спортивного совершенствования, единоборства, индивидуально-типологические особенности.

Симакова Т.А., Жарких А.А., Анкудинов Н.В.
Экспериментальное исследование влияния в
условиях вузовского образования самореализации
личности обучающихся в спортивной деятельности
на склонность к киберзависимости.
Психология и право. 2020. Том 10. № 2. С. 140–150.

Simakova T.A., Zharkikh A.A., Ankudinov N.V.
Experimental Study of the Influence of Self-realization
of Students in Sports Activities on the Tendency to
Cyber Dependence in University Education Context.
Psychology and Law. 2020. Vol. 10, no. 2, pp. 140–150.

Для цитаты: *Симакова Т.А., Жарких А.А., Анкудинов Н.В.* Экспериментальное исследование влияния в условиях вузовского образования самореализации личности обучающихся в спортивной деятельности на склонность к киберзависимости [Электронный ресурс] // Психология и право. 2020. Том 10. № 2. С. 140–150. DOI:10.17759/psylaw.2020100211

Experimental Study of the Influence of Self-realization of Students in Sports Activities on the Tendency to Cyber Dependence in University Education Context

Tatyana A. Simakova

Academy of the Federal Penitentiary Service of Russia, Ryazan, Russia
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5715-0291>, e-mail: simakovatanea@yandex.ru

Alexandra A. Zharkikh

Academy of the Federal Penitentiary Service of Russia, Ryazan, Russia
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1239-9894>, e-mail: fonya_02@mail.ru

Nikolay V. Ankudinov

Academy of the Federal Penitentiary Service of Russia, Ryazan, Russia
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6420-5310>, e-mail: ankudinov.nik@list.ru

Recently the problem of Internet addiction among young people has become global. Staying in cyberspace entails a series of risks: electronic, content, communication, consumer and Internet addiction risks. In this view the society's need to provide preventive measures to protect the Internet environment from risks is being updated. The study on the severity of Internet addiction in students (conducted on the basis of the Academy of the Federal penitentiary service of Russia) examines the impact of involvement in groups of sports improvement. Sport activity motivates for achievement, demands to respect the daily routine, the execution of training plans and the stable mental state of those involved. The results of the study confirm the positive impact of sports activities on reducing the risk of Internet addiction. The following indicators were identified in cadets-athletes: lower indicators in the preference for virtual online communication; a decrease in motivation to go online as a means of improving emotional state; a decrease in uncontrolled regular mental return to the online space; the decrease of difficulties with the planning of stay in the network and reduce overall performance of Internet addiction.

Keywords: cyber dependence, cyber risks, cyber socialization in the context of university education, the influence of personal self-realization in sports on the tendency to cyber dependence, sports development groups, martial arts, individual typological features.

Симакова Т.А., Жарких А.А., Анкудинов Н.В.
Экспериментальное исследование влияния в
условиях вузовского образования самореализации
личности обучающихся в спортивной деятельности
на склонность к киберзависимости.
Психология и право. 2020. Том 10. № 2. С. 140–150.

Simakova T.A., Zharkikh A.A., Ankudinov N.V.
Experimental Study of the Influence of Self-realization
of Students in Sports Activities on the Tendency to
Cyber Dependence in University Education Context.
Psychology and Law. 2020. Vol. 10, no. 2, pp. 140–150.

For citation: Simakova T.A., Zharkikh A.A., Ankudinov N.V. Experimental Study of the Influence of Self-realization of Students in Sports Activities on the Tendency to Cyber Dependence in University Education Context. *Psikhologiya i pravo = Psychology and Law*, 2020. Vol. 10, no. 2, pp. 140–150. DOI:10.17759/psylaw.2020100211 (In Russ.).

В настоящее время в условиях нарастающих темпов цифровизации общества проблема интернет-зависимости личности приобретает междисциплинарный характер, затрагивая области знаний медицины, образования, психологии, психофизиологии, управленческих наук. При этом следует отметить расширение возрастного диапазона субъектов-пользователей интернет ресурсов. В связи с этим перед современным образованием стоит системная задача поиска надежных инструментов профилактики возникновения киберзависимого поведения у обучающихся на всех этапах социализации, которая в последнее время включает киберсоциализацию в качестве неотъемлемой компоненты.

Учитывая префигуративный характер взаимоотношений современной молодежи со старшим поколением, как в образовательном процессе, так и в социуме в контексте цифровизации современного общества (первые часто более осведомлены о возможностях интернет-среды) в жизни молодого поколения приобретают обостренный характер следующие противоречия:

- между безграничным расширением своих возможностей и отсутствием устойчивых механизмов контроля собственного поведения в киберсреде. Это противоречие усугубляется тем, что жизненное пространство современного молодого человека приобретает гибридный характер, поскольку стирается грань между онлайн и офлайн средами;

- между расширением возможностей установления межличностных контактов (неограниченный поиск друзей по интересам) и снижением возможности качественного построения отношений с возрастающим количеством участников общения, проявление киберзависимости как ухода от сложностей реальных отношений;

- между открытой возможностью образования и самообразования (получение дополнительных знаний, умений, навыков, онлайн обучение, открытый доступ к информационным базам данных) и отсутствием целесообразных векторов саморазвития, ростом интеллектуального потребительства и иждивенчества.

Кроме того, поскольку интернет-пространство позволяет не только удовлетворять потребности человека, но и актуализирует потребность в самовыражении и самореализации, то закономерно существует риск нанесения себе вреда посредством неадекватной самоактуализации, вплоть до саморазрушения.

Отсутствие целенаправленных и содержательно наполненных системных программ формирования культуры пользования интернет-ресурсами у подростков и молодежи в условиях изменившейся жизнедеятельности за счет ассимиляции интернет-пространства способствует стихийному возникновению поведенческого феномена «гуляй поле», «в интернете можно все». Проведенные пилотажные исследования последних трех лет устойчиво показывают ярко выраженный дефицит осознанных норм поведения в интернет среде [3; 7; 8; 10].

К настоящему времени наиболее распространенными рисками кибер-среды являются:

Электронные кибер-риски — предполагают возможность утраты конфиденциальности персональной информации, хищение персональных данных, поражение персональных

Симакова Т.А., Жарких А.А., Анкудинов Н.В.
Экспериментальное исследование влияния в
условиях вузовского образования самореализации
личности обучающихся в спортивной деятельности
на склонность к киберзависимости.
Психология и право. 2020. Том 10. № 2. С. 140–150.

Simakova T.A., Zharkikh A.A., Ankudinov N.V.
Experimental Study of the Influence of Self-realization
of Students in Sports Activities on the Tendency to
Cyber Dependence in University Education Context.
Psychology and Law. 2020. Vol. 10, no. 2, pp. 140–150.

компьютеров вредоносным программным обеспечением. Результатом действия вредоносных программ являются снижение скорости интернет-связи, утечка и потеря персональной информации.

Контентные риски — связаны с распространением материала, имеющего выраженный деструктивный характер. Распространители негативного контента заражают персональный компьютер, что в дальнейшем позволяет им управлять действиями пораженного компьютера, использовать персональную информацию с целью манипулирования сознанием пользователей.

Коммуникационные риски — связаны с межличностным общением интернет-пользователей. Это возможность нападков, оскорблений и всевозможных притеснений, получаемых в онлайн-среде при посещении пользователями различного рода форумов, блогов, сайтов знакомств, онлайн-мессенджеров. Наиболее яркими примерами коммуникационных рисков являются груминг, кибербуллинг, киберпреследования.

Потребительские риски — связаны с приобретением товаров несоответствующего качества, различных подделок и фальсифицированной продукции, с материальными потерями без приобретения товаров и получения услуг. Потребительские риски актуализируются в результате проявления кибермошенничества как умышленного обмана или злоупотребления доверием с целью получения какой-либо выгоды.

Риски интернет-зависимости связаны с нарастанием черт зависимого от интернет-пространства поведения, проявляющегося, по мнению М. Гриффитса (1997), в увеличении сверхценности интернет-пространства; модификации настроения при нахождении в Сети; в увеличении толерантности к использованию сети Интернет; в появлении симптомов отмены; в нарастании конфликтности с окружающими и самим собой и рецидивами при попытках воздержания от нахождения в интернет-пространстве [6; 12].

Особенно подверженной рискам интернет-пространства становится молодежь. Это происходит как в силу большей пластичности и незрелости их психики, так и в силу наличия большего временного ресурса в связи с необремененностью «проблемами взрослых».

Таким образом, в отношении лиц, начиная от детского до юношеского возраста, актуализируется необходимость обеспечения профилактических мероприятий в целях защиты от рисков интернет-пространства.

Гипотезой нашего исследования является предположение о том, что задействованность в спортивной деятельности способствует уменьшению рисков интернет-зависимости у обучающихся в высших учебных заведениях.

В целях подтверждения гипотезы в 2019 г. было проведено исследование на базе научно-исследовательской лаборатории диагностических и оздоровительных технологий Академии ФСИН России. В исследовании приняли участие 40 курсантов-спортсменов, специализирующихся в различных видах единоборств, и 40 курсантов, не задействованных в группах спортивного совершенствования — по 10 девушек и 30 юношей в каждой из двух групп соответственно, в возрастной категории от 19 до 22 лет.

В качестве методов исследования использовались: анализ и обобщение специальной научной литературы; психодиагностическое тестирование; методы математической статистики — использование U-критерия Манна—Уитни для подтверждения значимых различий между обследуемыми группами и корреляционного анализа (коэффициент

Симакова Т.А., Жарких А.А., Анкудинов Н.В.
 Экспериментальное исследование влияния в
 условиях вузовского образования самореализации
 личности обучающихся в спортивной деятельности
 на склонность к киберзависимости.
 Психология и право. 2020. Том 10. № 2. С. 140–150.

Simakova T.A., Zharkikh A.A., Ankudinov N.V.
 Experimental Study of the Influence of Self-realization
 of Students in Sports Activities on the Tendency to
 Cyber Dependence in University Education Context.
 Psychology and Law. 2020. Vol. 10, no. 2, pp. 140–150.

корреляции Спирмена) для выявления взаимосвязи индивидуально-типологических особенностей личности обучающихся и степени выраженности интернет-зависимости. Психодиагностическое тестирование осуществлялось посредством методик: «Тест интернет-зависимости» (ТИЗ) Кимберли Янг в адаптации В.А. Буровой; «Общая шкала проблемного использования интернета-3» (GPIUS3) С.Каплан, в адаптации А.А. Герасимовой и А.Б. Холмогоровой; «Индивидуально-типологический опросник» (ИТО) Л.Н. Собчик.

«Тест интернет-зависимости» (ТИЗ) Кимберли Янг в адаптации В.А. Буровой применялся нами для выявления степени выраженности интернет-зависимости.

Методика «Общая шкала проблемного использования интернета-3» (GPIUS3) С. Каплан, в адаптации А.А. Герасимовой и А.Б. Холмогоровой использовалась нами для выявления пяти факторов проблемного использования Интернета: предпочтение онлайн-общения традиционным коммуникациям; использование Интернета в качестве средства регуляции эмоционального состояния; когнитивная поглощенность как неконтролируемое мысленное возвращение в онлайн-пространство; компульсивное использование Интернета, выражающееся в трудностях ограничения пребывания в Сети; негативные последствия использования Интернета на повседневную жизнь [5].

«Индивидуально-типологический опросник» (ИТО) Л.Н. Собчик использовался нами для выявления степени выраженности индивидуально-типологических свойств обучающихся — экстраверсии, интроверсии, сензитивности, спонтанности, тревожности, агрессивности, ригидности и лабильности, в целях выявления их влияния на развитие интернет-зависимости у курсантов, задействованных и не задействованных в группах спортивного совершенствования [9].

В результате проведенного исследования по методике «Общая шкала проблемного использования Интернета-3» (GPIUS3) С. Каплан, в адаптации А.А. Герасимовой и А.Б. Холмогоровой, выявлены значимые различия между курсантами и курсантами-спортсменами, специализирующимися в различных видах единоборств (таблица).

Так, по шкале «предпочтение онлайн-общения», курсанты, в отличие от курсантов-спортсменов, в большей степени предпочитают виртуальное онлайн-общение коммуникациям в реальной жизни ($M_{курс}=3,8$; $M_{спорт}=2,1$, при $p \leq 0,05$). Данная зависимость, по всей видимости, объясняется тем, что курсанты-спортсмены за счет задействованности в спортивных видах деятельности имеют большую реализованность в социуме, что снижает востребованность онлайн-общения.

Таблица

Средние значения по шкалам методик GPIUS3, ТИЗ, ИТО курсантов и курсантов-спортсменов, задействованных в группах спортивного совершенствования

Название теста	Название шкалы	Среднее значение в сырых баллах (курсанты)	Среднее значение в сырых баллах (курсанты-спортсмены)
GPIUS3	«Предпочтение онлайн-общения»;	3,8*	2,1*
	«Регуляция настроения»;	6,8**	3,2**
	«Когнитивная поглощенность»;	4,1**	1,6**

Симакова Т.А., Жарких А.А., Анкудинов Н.В.
 Экспериментальное исследование влияния в
 условиях вузовского образования самореализации
 личности обучающихся в спортивной деятельности
 на склонность к киберзависимости.
 Психология и право. 2020. Том 10. № 2. С. 140–150.

Simakova T.A., Zharkikh A.A., Ankudinov N.V.
 Experimental Study of the Influence of Self-realization
 of Students in Sports Activities on the Tendency to
 Cyber Dependence in University Education Context.
 Psychology and Law. 2020. Vol. 10, no. 2, pp. 140–150.

	«Компульсивное использование»;	4,9**	2,1**
	«Негативные последствия»	2,0**	0,6**
ТИЗ	Интернет-зависимость	34,9***	19,1**
ИТО	Тревожность	5,1**	3,2**

Примечание: «*» — $p \leq 0,05$; «**» — $p \leq 0,01$.

Значимые различия между курсантами и курсантами-спортсменами выявляются по шкале «Регуляция настроения», описывающей соответствующую мотивацию выхода в Сеть. У курсантов в большей степени, чем у курсантов-спортсменов, мотивом выхода в Сеть является улучшение эмоционального состояния ($M_{\text{курс}}=6,8$; $M_{\text{спорт}}=3,2$, при $p \leq 0,01$). Подобная картина, по всей видимости, объясняется тем, что занятия спортом способствуют усиленной выработке эндорфинов [4], что положительно сказывается на психоэмоциональном состоянии спортсменов, в результате чего использование Интернета как средства регуляции психоэмоционального состояния теряет свою ценность.

По результатам проведенного исследования у курсантов в большей степени, чем у курсантов-спортсменов, выражена «когнитивная поглощенность», отражающая неконтролируемое регулярное мысленное возвращение в онлайн-пространство ($M_{\text{курс}}=4,1$; $M_{\text{спорт}}=1,6$, при $p \leq 0,01$), являющаяся отражением интернет-зависимости. Данная закономерность, видимо, объясняется тем фактом, что у курсантов-спортсменов занятия спортом занимают значительную часть времени и способствуют направлению психической энергии в объективный мир, а также способствуют большей связи с реальностью, а также приводят к уменьшению тревоги ($M_{\text{курс}}=5,1$; $M_{\text{спорт}}=3,2$, при $p \leq 0,01$ (шкала тревожности по методике ИТО)) за счет самореализации и включенности в социум и, следовательно, препятствуют уходу в виртуальную среду (психологическому эскапизму), которая в том числе является способом совладания с тревогой [2].

По шкале «Компульсивное использование» также наблюдаются значимые отличия между курсантами и курсантами-спортсменами ($M_{\text{курс}}=4,9$; $M_{\text{спорт}}=2,1$, при $p \leq 0,01$), свидетельствующие в пользу того, что курсанты имеют больше трудностей в планировании своего пребывания в сети, чем курсанты-спортсмены. Подобная зависимость, на наш взгляд, объясняется более жестким режимом дня курсантов-спортсменов, их задействованностью в различного рода тренировках и спортивных мероприятиях, что объективно «вырывает» их из интернет-среды. Жесткая распланированность времени также объясняет и значимые различия между курсантами и курсантами-спортсменами, выявленные по шкале «Негативные последствия» ($M_{\text{курс}}=2,0$; $M_{\text{спорт}}=0,6$, при $p \leq 0,01$), отражающей негативное влияние интернета на повседневную жизнь.

По методике «Тест интернет-зависимости» Кимберли Янг в адаптации В.А. Буровой получены значимые различия между курсантами и курсантами-спортсменами ($M_{\text{курс}}=34,9$; $M_{\text{спорт}}=19,1$, при $p \leq 0,01$) по интернет-зависимости, которая в значительной степени более выражена у курсантов не задействованных в спорте, что дополняет полученные данные по указанной выше методике.

Изучение индивидуально-типологической predisпозиции курсантов и курсантов-спортсменов к интернет-зависимости посредством использования метода корреляционного анализа показало, что присутствует статистически значимая положительная связь между

Симакова Т.А., Жарких А.А., Анкудинов Н.В.
Экспериментальное исследование влияния в
условиях вузовского образования самореализации
личности обучающихся в спортивной деятельности
на склонность к киберзависимости.
Психология и право. 2020. Том 10. № 2. С. 140–150.

Simakova T.A., Zharkikh A.A., Ankudinov N.V.
Experimental Study of the Influence of Self-realization
of Students in Sports Activities on the Tendency to
Cyber Dependence in University Education Context.
Psychology and Law. 2020. Vol. 10, no. 2, pp. 140–150.

выраженностью тревожности и такими сторонами интернет-зависимости, как: использование Интернета в качестве средства регуляции психоэмоционального состояния ($k=0,28^*$); компульсивное использование Интернета ($k=0,24^*$); негативные последствия использования Интернета в повседневной жизни ($k=0,42^{***}$); интернет-зависимость в целом ($k=0,26^*$) (Рис.1). Взаимосвязь интернет-зависимости с уровнем тревожности находит подтверждение и в работах А.Е. Айвазовой, А.Б. Холмогоровой [1; 11]. Данная зависимость, вероятно, имеет место быть в силу того, что повышенная тревожность является формой невротического отреагирования на отсутствие самореализации в социальном окружении. В свою очередь, интернет-зависимость возникает на основе низкой реализованности индивида в социуме.

Кроме того, результаты корреляционного анализа показали взаимосвязь лабильности и когнитивной поглощенности ($k=0,26^*$). Подобная картина, по нашему мнению, наблюдается, с одной стороны, в силу того, что с ростом лабильности, как показателя подвижности нервных процессов, происходит рост отвлекаемости от целенаправленных действий, что способствует «затягиванию» в хаотичное исследование интернет-контента. С другой стороны, повышение лабильности влечет за собой тенденцию к неустойчивости мотивационной направленности, к поиску ярких эмоциональных ощущений, что легко реализуется в интернет-пространстве.

Также выявлена взаимосвязь интроверсии и тенденции регулировать психоэмоциональное состояние в интернет-пространстве ($k=0,23^*$). Указанная взаимосвязь, по всей видимости, объясняется тем, что с ростом интроверсии более органичным становится отделение от объективной реальности и уход в виртуальный мир, где интровертированная личность с меньшими энергетическими затратами способна восстановить психоэмоциональное состояние.

Симакова Т.А., Жарких А.А., Анкудинов Н.В.
Экспериментальное исследование влияния в
условиях вузовского образования самореализации
личности обучающихся в спортивной деятельности
на склонность к киберзависимости.
Психология и право. 2020. Том 10. № 2. С. 140–150.

Simakova T.A., Zharkikh A.A., Ankudinov N.V.
Experimental Study of the Influence of Self-realization
of Students in Sports Activities on the Tendency to
Cyber Dependence in University Education Context.
Psychology and Law. 2020. Vol. 10, no. 2, pp. 140–150.



Рис. 1. Взаимосвязь индивидуально-типологических особенностей обучающихся в ведомственных вузах с чертами интернет-зависимости (линиями обозначены положительные значимые связи)

Таким образом, по результатам проведенного исследования можно резюмировать, что задействованность в спортивной деятельности, а именно в группах спортивного совершенствования по единоборствам, способствует снижению рисков негативного влияния киберсреды, а именно снижает степень интернет-зависимости.

С одной стороны, данная закономерность может объясняться снижением уровня тревожности у обучающихся, занимающихся спортом. С другой стороны, вероятно, связана с характером самой спортивной деятельности. Занятия спортом оказывают мощное воздействие на физическое и психологическое состояние спортсменов. В первую очередь, речь идет о мотивационной сфере. Для спортсменов характерна направленность интересов на достижение высокого результата, высокая степень устойчивости к сбивающим факторам. Концентрация мыслей и целеполагание ориентированы на поступательное и поэтапное развитие спортивного мастерства. В итоге подобная актуализация мотивов достижения в спорте значительно снижает ценность мотивов пребывания в интернет-пространстве. Кроме того, физическая и функциональная подготовка осуществляется посредством интенсивной тренировочной и соревновательной деятельности и предъявляет особые требования к соблюдению режима дня,

Симакова Т.А., Жарких А.А., Анкудинов Н.В.
Экспериментальное исследование влияния в
условиях вузовского образования самореализации
личности обучающихся в спортивной деятельности
на склонность к киберзависимости.
Психология и право. 2020. Том 10. № 2. С. 140–150.

Simakova T.A., Zharkikh A.A., Ankudinov N.V.
Experimental Study of the Influence of Self-realization
of Students in Sports Activities on the Tendency to
Cyber Dependence in University Education Context.
Psychology and Law. 2020. Vol. 10, no. 2, pp. 140–150.

выполнению тренировочных планов и устойчивому психическому состоянию занимающихся, что является мощным фактором профилактики интернет-зависимости.

Литература

1. Айвазова А.Е. Психологические аспекты зависимости. СПб.: Речь, 2008. 120 с.
2. Белов В.И. Эскапизм: причины, функции и границы / Инновационная наука 2017. № 03-1. С. 270—276.
3. Богданович Н.В., Щеткина Е.И., Борисова А.А., Шевцова Н.А., Мусеева Л.П. Особенности ценностно-смысловой сферы у студентов в период обучения в вузе [Электронный ресурс] // Психология и право. 2019. Том 9. № 2. С. 232–249. doi:10.17759/psylaw.2019090216
4. Виру А.А., Кырге П.К. Гормоны и спортивная работоспособность. М.: Физкультура и спорт, 1983. 159 с.
5. Герасимова А.А., Холмогорова А.Б. Общая шкала проблемного использования интернета: апробация и валидизация в российской выборке третьей версии опросника / Консультативная психология и психотерапия 2018. Т. 26. № 3. С. 56—79.
6. Зарецкая О.В. компьютерная и интернет-зависимость: анализ и систематизация подходов к проблеме / Психолого-педагогические исследования. 2017. Том 9. № 2. С. 145—165.
7. Симакова Т.А. Анализ прикладных аспектов проблемы развития профессионализма пенитенциарных психологов в условиях киберсоциализации / Современные тенденции развития образования: компетенции, технологии, кадры : сб. материалов науч.-метод. конф. (Рязань, 21–22 марта 2019 г.). – Рязань : Академия ФСИН России, 2019. – 295 с. С. 105—107.
8. Симакова Т.А. Развитие киберустойчивости личности обучающихся в условиях цифровизации образования / Психология XXI века: вызовы, поиски, векторы развития: сб. материалов Всероссийского симпозиума психологов / Под общ. ред. Д.В. Сочивко. 2019. С. 574—578.
9. Собчик Л.Н. Психология индивидуальности. Теория и практика психодиагностики. СПб., 2008. С. 64—71.
10. Столяренко А.М., Сердюк Н.В., Вахнина В.В., Боева О.М., Грищенко Л.Л. Психологические аспекты деструктивного информационно-психологического воздействия / Психология и право. 2019. Том 9. № 4. С. 75—89.
11. Холмогорова А.Б., Авакян Т.В., Клименкова Е.Н., Малюкова Д.А. Общение в интернете и социальная тревожность у подростков из разных социальных групп // Консультативная психология и психотерапия. 2015. Том 24. № 4. С. 102—129.
12. Griffiths M.D. Internet addiction: Does it really exist? // Psychology and the Internet: Intrapersonal, Interpersonal and Transpersonal Applications / J. Gackenbach (Ed.). New York: Academic Press, 1998 P. 61—75.

References

1. Ajvazova A.E. Psichologicheskie aspekty zavisimosti [Psychological aspects of addiction]. SPb.: Publ. Rech', 2008. 120 p.
2. Belov V.I. Jeskapizm: prichiny, funkcii i granicy [Eskapism: reasons, functions and borders] // Innovacionnaja nauka [Innovative science]. 2017. no. 03-1. P. 270—276.

Симакова Т.А., Жарких А.А., Анкудинов Н.В.
Экспериментальное исследование влияния в
условиях вузовского образования самореализации
личности обучающихся в спортивной деятельности
на склонность к киберзависимости.
Психология и право. 2020. Том 10. № 2. С. 140–150.

Simakova T.A., Zharkikh A.A., Ankudinov N.V.
Experimental Study of the Influence of Self-realization
of Students in Sports Activities on the Tendency to
Cyber Dependence in University Education Context.
Psychology and Law. 2020. Vol. 10, no. 2, pp. 140–150.

3. Bogdanovich N.V., Shetkina E.I., Borisova A.A., Shevtsova N.A., Moiseeva L.P. Features of the Value-Semantic Sphere of Students in the Period of Study at the University [Elektronnyi resurs]. *Psikhologiya i pravo = Psychology and Law*, 2019. Vol. 9, no. 2, pp. 232–249. doi:10.17759/psylaw.2019090216. (In Russ., abstr. in Engl.)
4. Viru A.A., Kyrge P.K. Gormony i sportivnaja rabotosposobnost' [Hormones and sports performance]. Moscow: Publ. Fizkul'tura i sport, 1983. 159 p.
5. Gerasimova A.A., Kholmogorova A.B. The Generalized Problematic Internet Use Scale 3 Modified Version: Approbation and Validation on the Russian Sample. *Konsul'tativnaya psikhologiya i psikhoterapiya = Counseling Psychology and Psychotherapy*, 2018. Vol. 26, no. 3, pp. 56–79. doi:10.17759/cpp.2018260304. (In Russ., abstr. in Engl.)
6. Zaretskaya O.V. Computer and Internet Addiction: Analysis and Classification of Approaches [Elektronnyi resurs]. *Psychological-Educational Studies*, 2017. Vol. 9, no. 2, pp. 145–165. doi:10.17759/psyedu.2017090213. (In Russ., abstr. in Engl.)
7. Simakova T.A. Analiz prikladnykh aspektov problemy razvitija professionalizma penitentsiarnykh psihologov v usloviyah kibersotsializatsii [Analysis of applied aspects of the problem of professional development of penitentiary psychologists in the conditions of cybersocialization] / *Sovremennye tendentsii razvitija obrazovaniya: kompetentsii, tehnologii, kadry : sb. materialov nauch.-metod. konf. (Rjazan', 21–22 marta 2019 g.) [modern trends in the development of education: competence, technology, personnel: collection of scientific Tr. materials scientific-method. Conf. (Ryazan, March 21-22, 2019)]. Rjazan' : Akademija FSIN Rossii, 2019. P. 105—107.*
8. Simakova T.A. Razvitie kiberustojchivosti lichnosti obuchajushhihsja v usloviyah cifrovizatsii obrazovaniya [Development of cyber-stability of the personality of students in the conditions of cybrovization of education] / *Psihologija XXI veka: vyzovy, poiski, vektory razvitija: sb. materialov Vserossijskogo simpoziuma psihologov [psychology of the XXI century: lyrics, searches, vectors of development: SB. nauch. Tr. materials of the all-Russian Symposium of psychologists] / In red. D.V. Sochivko. 2019. P. 574—578.*
9. Sobchik L.N. Psihologija individual'nosti. Teorija i praktika psihodiagnostiki [Psychology of individuality. Theory and practice of psychodiagnosics]. SPb., 2008. P. 64—71.
10. Stolyarenko A.M., Serdyuk N.V., Vakhnina V.V., Boeva O.M. Psychological Aspects of Destructive Information-Psychological Influence [Elektronnyi resurs]. *Psikhologiya i pravo = Psychology and Law*, 2019. Vol. 9, no. 4, pp. 75–89. doi:10.17759/psylaw.2019090406. (In Russ., abstr. in Engl.)
11. Kholmogorova A.B., Avakyan T.V., Klimenkova E.N., Malyukova D.A. Internet communication and social anxiety among different social groups of adolescents. *Konsul'tativnaya psikhologiya i psikhoterapiya = Counseling Psychology and Psychotherapy*, 2015. Vol. 23, no. 4, pp. 102–129. doi:10.17759/cpp.2015230407. (In Russ., abstr. in Engl.)
12. Griffiths M.D. Internet addiction: Does it really exist? // *Psychology and the Internet: Intrapersonal, Interpersonal and Transpersonal Applications / J. Gackenbach (Ed.). New York: Academic Press, 1998 R. 61—75.*

Информация об авторах

Симакова Татьяна Александровна, кандидат психологических наук, доцент, ведущий научный сотрудник научно-исследовательского отдела научного центра Академии ФСИН России,

Симакова Т.А., Жарких А.А., Анкудинов Н.В.
Экспериментальное исследование влияния в
условиях вузовского образования самореализации
личности обучающихся в спортивной деятельности
на склонность к киберзависимости.
Психология и право. 2020. Том 10. № 2. С. 140–150.

Simakova T.A., Zharkikh A.A., Ankudinov N.V.
Experimental Study of the Influence of Self-realization
of Students in Sports Activities on the Tendency to
Cyber Dependence in University Education Context.
Psychology and Law. 2020. Vol. 10, no. 2, pp. 140–150.

Рязань, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5715-0291>, e-mail: simakovatanea@yandex.ru

Жарких Александра Анатольевна, кандидат психологических наук, доцент, доцент кафедры общей психологии психологического факультета Академии ФСИН России, Рязань, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1239-9894>, e-mail: fonya_02@mail.ru

Анкудинов Николай Викторович, кандидат педагогических наук, профессор, начальник психологического факультета Академии ФСИН России, Рязань, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6420-5310>, e-mail: ankudinov.nik@list.ru

Information about the authors

Tatyana A. Simakova, Candidate of Psychological Sciences, Associate Professor, Leading Researcher, Research Department, Scientific Center, Academy of the Federal Penitentiary Service of Russia, Ryazan, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5715-0291>, e-mail: simakovatanea@yandex.ru

Alexandra A. Zharkikh, Candidate of Psychological Sciences, Associate Professor, Associate Professor, Department of General Psychology, Psychological Faculty, Academy of the Federal Penitentiary Service of Russia, Ryazan, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1239-9894>, e-mail: fonya_02@mail.ru

Nikolay V. Ankudinov, Candidate of Pedagogical Sciences, Professor, Head of the Psychological Department of the Academy of the Federal Penitentiary Service of Russia, Ryazan, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6420-5310>, e-mail: ankudinov.nik@list.ru

Особенности эмоционального реагирования на аффективно окрашенные фотоизображения о коррупции: половозрастной аспект

Васильева И.В.

Тюменский государственный университет (ФГАОУ ВО ТюмГУ), г.Тюмень, Российская Федерация; Тюменский институт повышения квалификации кадров сотрудников органов внутренних дел (ФГКУ ДПО ТИПК МВД), г. Тюмень, Российская Федерация
ORCID: <http://orcid.org/:0000-0003-0740-7260>, e-mail: i.v.vasileva@utmn.ru

Григорьев П.Е.

Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского (ФГАОУ ВО КФУ имени В.И. Вернадского), г. Симферополь, Российская Федерация; Тюменский государственный университет (ФГАОУ ВО ТюмГУ), г. Тюмень, Российская Федерация
ORCID: <http://orcid.org/:0000-0001-7390-9109>, e-mail: grigorievpe@cfuv.ru

Чуманов Ю.В.

Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя (МосУ МВД имени В.Я. Кикотя), г.Москва, Российская Федерация
ORCID: <http://orcid.org/:0000-0003-4705-4463>, e-mail: yvc90@mail.ru

Описаны половозрастные особенности реагирования на аффективные визуальные стимулы (всего 101 фотоизображение), связанные с коррупцией. Тематически фотоизображения связаны с такими смысловыми категориями, как форма взятки, процесс передачи взятки, наказание за взятку, социальные коррупциогенные ситуации, связанные с государственными органами, органами внутренних дел, судом, образовательными и медицинскими организациями. Проведен процесс оценивания изображений по трем ключевым параметрам: валентность, возбуждение, доминантность —аналогично конструктивному содержанию параметров, как в Международной базе аффективных изображений (International Affective Picture System—IAPS). Выборка участников из 103 человек была стратифицирована по полу и возрасту. В результате обработки данных исследования установлены специфические особенности эмоционального реагирования по параметрам валентности, возбуждения, доминантности для представителей разного пола и возраста. Из общих тенденций можно выделить большие уровни валентности, силы возбуждения и доминантности у мужчин. Хотя мужчины оценивают ситуации, связанные с коррупцией, более благосклонно, они же воспринимают их как ситуации, которые можно контролировать, потенциально извлекать из них пользу. В отношении показателя возбуждения и мужчины, и женщины

Васильева И.В., Григорьев П.Е., Чуманов Ю.В.
Особенности эмоционального реагирования на
аффективно окрашенные фотоизображения о
коррупции: половозрастной аспект
Психология и право. 2020. Том 10. № 2. С. 151–166.

Vasileva I.V., Grigoriev P.E., Chumanov Yu.V.
Features of Emotional Response to Affectively Colored
Pictures of Corruption: Gender and Age Aspect
Psychology and Law. 2020. Vol. 10, no. 2, pp. 151–166.

демонстрируют сходные тенденции в юном и зрелом возрасте. В пожилом возрасте мужчины наращивают активацию относительно коррупциогенных ситуаций, тогда как женщины перестают испытывать к ним интерес. По показателям валентности и возбуждения мужчины и женщины среднего возраста близки в своих эмоциональных оценках ситуаций, связанных с коррупцией.

Ключевые слова: аффективно окрашенные фотоизображения, коррупция, IAPS, половозрастные особенности эмоционального реагирования.

Благодарности: Авторы благодарят за помощь в сборе данных исследования студентов направления «Психология» Тюменского государственного университета И.В. Петелину, О.В. Петелину, О.А. Панфилову.

Для цитаты: *Васильева И.В., Григорьев П.Е., Чуманов Ю.В.* Особенности эмоционального реагирования на аффективно окрашенные фотоизображения о коррупции: половозрастной аспект [Электронный ресурс] // Психология и право. 2020. Том 10. № 2. С. 151–166. DOI:10.17759/psylaw.2020100212

Features of Emotional Response to Affectively Colored Pictures of Corruption: Gender and Age Aspect

Inna V. Vasileva

Tyumen State University, Tyumen, Russia; Tyumen Advanced Training Institute of the Russian Ministry of Internal Affairs, Tyumen, Russia,
ORCID ID: 0000-0003-0740-7260, e-mail: i.v.vasileva@utmn.ru

Pavel E. Grigoriev

V.I. Vernadsky Crimean Federal University, Simferopol, Russia; Tyumen State University, Tyumen, Russia,
ORCID ID: 0000-0001-7390-9109, e-mail: grigorievpe@cfuv.ru

Yury V. Chumanov

Moscow University of the MIA of Russia named after V. Ya. Kikot, Moscow, Russia,
ORCID ID: 0000-0003-4705-4463, e-mail: yvc90@mail.ru

The article describes the gender and age features of the response to affective visual stimuli (a total of 101 photos) associated with corruption. All photos, images are thematically related to such semantic categories as the form of bribe, the process of bribe transfer, the punishment for bribe, social corruption situations occurred in state bodies, internal affairs bodies, the court, educational and medical organizations. Three key parameters of the picture evaluation process are: valence, arousal, and dominance, - similar to the constructive content of parameters of the international database of affective images (International Affective Picture System – IAPS). The sample of 103 participants was stratified by gender and age. As a result of processing

the research data, specific features of emotional response in the parameters of valence, arousal, and dominance for representatives of different genders and ages were defined. The large levels of valence, arousal strength, and dominance in men are distinguished from general trends. Although men evaluate corruption situations more favorably, they also perceive them as situations that can be controlled, potentially benefiting from them. In terms of arousal, both men and women show similar trends in a young and mature age. In an old age, men increase their activation of corruption-related situations, while women no longer show interest in them. In terms of valence and arousal, middle-aged men and women are similar in their emotional assessments of situations involving corruption.

Keywords: affectively colored images, corruption, IAPS, gender and age aspects of emotional response.

For citation: Vasileva I.V., Grigoriev P.E., Chumanov Y. V. Features of Emotional Response to Affectively Colored Pictures of Corruption: Gender and Age Aspect. *Psikhologiya i pravo = Psychology and Law*, 2020. Vol. 10, no. 2, pp. 151–166. DOI:10.17759/psylaw.2020100212 (In Russ.).

Введение

Эмоционально заряженные стимулы разных модальностей (слуховые, лексические и визуальные) широко используются в исследованиях поведения, а также в лабораторных экспериментах с фиксацией физиологических показателей [10;12]. Наибольшее внимание уделяется созданию баз данных именно изображений (чаще всего — фотографий).

При создании стандартизированных баз эмоционально окрашенных стимулов появляется задача их стандартизации по некоторым фундаментальным измерениям [9]. Как правило, такими измерениями являются валентность/*valence* (от крайне отрицательного до крайне положительного отношения к стимулу), возбуждение/*arousal* (от максимально расслабленного до максимально возбужденного впечатления от стимула; это своего рода степень активации). Также используются такие измерения, как доминантность/*dominance*, отражающая степень контроля своих эмоций при восприятии стимула, а также приближение/избегание *approach/avoid* (выраженность направления мотивации на приближение или избегание данного стимула).

На сегодняшний день существует несколько баз эмоционально окрашенных стимульных материалов, в частности это: база данных эмоционально окрашенных фотоизображений IAPS и эмоциональных оцифрованных звуков (IADS)[7], Польская система аффективных изображений (NAPS)[8], Женевская база данных аффективных изображений (GAPED)[6]. Это далеко не полный перечень баз данных с эмоционально окрашенными стимулами. На самом деле их довольно много, присутствуют и базы с «национальным» контентом — канадским, португальским, китайским, бразильским и т.п., однако они не претендуют на универсальность, как, в частности, перечисленные выше. Так, при сопоставлении результатов нормирования IAPS, полученных в США и в Бразилии, выявлены существенные различия по шкале возбуждения/*arousal*[11]. Наиболее известные базы данных аффективных стимулов содержат лишь нормативные данные для мужчин и женщин взрослого возраста, при этом часто выборки, на которых происходит нормирование, представляются нерепрезентативными или слишком узкими, специфичными (студенты

колледжа). Так, в Женевской базе GAPED[6] охват тематик фотоизображений данной базы разнообразен — от опасных представителей фауны до различных эмоций человека. В Польской базе аффективных изображений (NAPS) [8] содержатся преимущественно фотографии негативного содержания. Наиболее часто используемой остается база данных IAPS[7], поскольку она наиболее широка по тематике и контенту для исследователей. Однако здесь существуют определенные методические недостатки, в частности, оценки давали студенты колледжа, 50 юношей и 50 девушек, что затрудняет распространение нормативных данных, полученных на этой выборке, на другие когорты. Следует отметить особенность оценивания в этой базе данных — по 9-балльной шкале, где использовались в качестве континуума изображения меняющих свое «настроение» фигурок, так называемых манекенов, по шкалам валентности, возбуждения и валентности. К сожалению, база IAPS не подходит для отечественной популяции частью фотоизображений по контексту, содержанию и частично по качеству. При этом очень многие фотографии IAPS очевидно морально устарели, отражая образ жизни другой популяции, по отзывам испытуемых, минимум на 15—20 лет назад.

Анализируя наличное состояние дел относительно баз аффективных изображений, исследователя могут интересовать особенности реагирования для некоторых возрастных, профессиональных или иных специфических групп на аффективные изображения. Конечно же, такие выборки существуют, например, в криминалистике, а также с изображениями или фотографиями лиц с различными эмоциями. Однако они не являются, с одной стороны, нормированными по показателям, с другой стороны, либо слишком специфичными для применения в широком пласте психологических исследований, либо же, наоборот, знакомыми многим испытуемым (как, например, тесты Сонди, Экмана).

Что касается нашей страны, то в исследованиях [1] показано, что, несмотря на заявляемую универсальность в отношении кросскультурных особенностей, реагирование на эмоционально окрашенные фотоизображения не адаптированы для российской выборки. Это послужило основанием необходимости создания российской базы эмоционально окрашенных фотоизображений[2;5].

Подытоживая вышесказанное, следует отметить, что использование эмоционально окрашенных фотоизображений в экспериментальных исследованиях предъявляет ряд требований к стимульному материалу: содержательная гомогенность, близость к социальному контексту испытуемого, однородность оценочных характеристик самих фотоизображений, количественная достаточность фотоизображений с близкими по тематике характеристиками. Чаще всего для проведения повторного/контрольного исследования требуется гомологичный ряд стимулов, что вызывает необходимость у исследователей либо проводить дополнительные процедуры по отбору и стандартизации таких стимулов (что нередко выходит за рамки запланированного исследования), либо редуцировать экспериментальный дизайн, что, как правило, вызывает появление ограничений в использовании статистических методов обработки, экстраполяции выводов исследования.

Исследования, связанные с коррупцией, как правило, сталкиваются с трудностями организации такого экспериментального дизайна, который позволил бы оценить не, сколько декларируемые заявления в отношении феномена коррупции, сколько объективное реагирование. В этом аспекте исследования, проводимые посредством аффективных изображений, ориентированы именно на получение мало контролируемых эмоциональных

реакций от испытуемых в отношении контента визуального стимула. Отсутствие прямых вопросов относительно контента визуальных стимулов снижает осознаваемость их отнесения к теме «коррупции».

Цель настоящей работы:

- 1) отработка и обоснование интеллектуальной простоты процедуры оценивания изображений для отечественной популяции, на примере фотографий, связанных с коррупционной составляющей как актуальной для российской действительности;
- 2) описание особенностей эмоционального реагирования на аффективные фотоизображения, связанные с коррупцией, в соответствии со спецификой пола и возраста.

Методы исследования

Характеристика участников эксперимента. В исследовании приняли участие 103 человека, из них 52 женщины (18—63 лет) и 51 мужчина (18—70 лет). Стратификация испытуемых по возрасту и полу производилось согласно схеме периодизации индивидуального развития (В.В. Бунак, 1965)[3]: весь период онтогенеза разделен на три стадии: прогрессивную, стабильную и регрессивную. Они разграничены следующим образом: прогрессивная стадия— младенческий, детский, подростковый и юношеский периоды; стабильная стадия— взрослый и зрелый периоды; регрессивная стадия — пожилой и поздне-старческий периоды (табл.1).

Таблица 1

Стратифицированная характеристика выборки

Стадия	Подстадия	Период	Мужчины (количество, возраст)	Женщины (количество, возраст)
Первая	Прогрессивная	Юношеский	8(18—21)	10(18—20)
Вторая	Стабильная, взрослый период	Первый возраст	8 (22—28)	7 (21—26)
		Второй возраст	7 (29—35)	7 (27—32)
	Стабильная, зрелый период	Первый возраст	7 (36—45)	7 (33—40)
		Второй возраст	7 (46—55)	7 (41—50)
Третья	Регрессивная	Первый возраст	7 (56—63 г.)	7 (51—57)
	Пожилой период	Второй возраст	7 (64—70)	7 (58—63)

Процедура формирования выборки. В рамках данного исследования, учитывая трудоемкость процедуры, участвовали испытуемые не моложе 18 и не старше 70 лет. Участие испытуемых в исследовании было добровольным и не финансировалось. Испытуемые тестировались индивидуально и в группе, всегда в присутствии экспериментатора. Программное обеспечение, реализующее сбор экспериментальных данных, содержит текст информированного согласия для испытуемого, с которым тот знакомится, запуская программу. Только при условии активации функции «Я принимаю условия» в тексте информированного согласия запускается экспериментальная процедура. Таким образом, в проводимой процедуре учитывались этические нормы и требования.

Индикаторы и независимые переменные. Исследование особенностей эмоционального реагирования на фотоизображения было организовано с помощью авторского программного обеспечения «SortImg» (авторы П.Е. Григорьев, И.В. Васильева, программист А.А. Таратухин).

Методом сбора данных является технология оценки эмоционального реагирования на изображения посредством шкал валентности, силы (возбуждения) и доминантности, состоящих из последовательных рядов графических человечков, схематически выражающих разные характеристики эмоций. Эти шкалы были разработаны специально для базы данных IAPS (International Affective Picture System) и носят название «модели для самооценки» (Self-Assessment-Manikin, SAM) [2]. Шкалы SAM базы данных IAPS являются 9-балльными и 21-балльными. В данной работе шкалы SAM для оценивания валентности, силы (возбуждения) и доминантности приняты 5-балльными.

Схема проведения исследования. После регистрации в программе «SortImg» (авторы П.Е. Григорьев, И.В. Васильева, программист А.А. Таратухин) и подтверждения информированного согласия испытуемый переходил к ознакомлению с инструкцией.

После полученной инструкции каждый участник исследования переходит к оценке набора фотоизображений, тематически связанных с коррупцией: форма взятки (денежные знаки, предметы роскоши, слитки золота), процесс передачи взятки, наказание за взятку и социальные коррупциогенные ситуации (в образовании, в медицине, в государственных услугах).

Программа поочередно выводит на экран каждое из 101 фотоизображения. Одновременно с появлением на экране фотографии, появляется первая шкала SAM для оценивания валентности: необходимо отметить градиент приятной/неприятной эмоции при просмотре фотоизображения. После того как испытуемый оценит валентность, сразу же появляется шкала SAM для оценки возбуждения, затем доминантности. Во втором случае необходимо оценить, сильной или слабой является эта эмоция. Для получения оценок по шкале «доминантность» испытуемого просят оценить, насколько он может или не может контролировать эмоцию, вызываемую предъявленным фотоизображением. После того как испытуемый оценил фотоизображение по всем трем шкалам, на экран выводится серый фон и принудительно демонстрируется в течение 5 секунд. Невозможно, минуя данный этап, перейти к оценке следующего изображения. Этот временной интервал необходим для того, чтобы испытуемый был эмоционально независим от предыдущего снимка, согласно представлениям Д.И. Дубровского [4] о «текущем настоящем», реализующемся в диапазоне от 50 мсек до 5—6 секунд. Завершение экспериментальной процедуры обозначалось благодарностью за участие в исследовании.

В отличие от программы оценивания IAPS, изображения не исчезали после демонстрации, и испытуемым не приходилось по памяти воспроизводить свои впечатления; фотографии продолжали демонстрироваться в течение всего периода оценивания. С нашей точки зрения, такое представление стимульного материала способствовало более точной и когнитивно простой процедуре оценивания испытуемыми изображений, поскольку не было необходимости сохранять изображение в оперативной памяти и обращаться к ней в ходе оценивания.

Сбор данных проводился в течение 2016—2017 гг. В качестве математико-статистических методов обработки информации использовали описательные статистики,

статистические критерии с двусторонней критической областью: критерий Стьюдента для несвязанных выборок с учетом неравенства дисперсий; двухфакторный дисперсионный анализ с последующими апостериорными сравнениями по критерию Тьюки, поскольку он дает точную оценку вероятности альфа при большом числе наблюдений.

Результаты исследования и их обсуждение

Отбор испытуемых. Аналогичные исследования [7;8;6] показали существование половых различий в оценке эмоционально окрашенных изображений. Поэтому результаты были проанализированы не только в целом по выборке, но и в соответствии с половыми и возрастными различиями.

Статистика и анализ данных. Прежде всего, были проведены сопоставления значений валентности, силы возбуждения и доминантности в целом по подвыборкам мужчин и женщин (табл. 2). Проверка данных на нормальность распределения проводилась с помощью критерия Шапиро—Уилка, который является наиболее мощным и применяется для небольших по размеру выборок.

Таблица 2

Результаты применения критерия Стьюдента для сравнения переменных оценивания аффективных изображений к общим выборкам испытуемых мужского и женского пола

Показатель и эмоционального реагирования	Среднее: мужской	Среднее: женский	Значение t-критерия	p уровень значимости	Стандартное отклонение: мужской	Стандартное отклонение: женский
Валентность	3,22	2,99	7,89	$<10^{-5}$	1,51	1,47
Возбуждение	3,48	3,24	8,56	$<10^{-5}$	1,42	1,39
Доминантность	3,19	3,12	2,63	0,0086	1,50	1,43

Полученные различия статистически очень высоко значимы; для мужчин изображения являются более привлекательными, сильными по уровню возбуждения, но при этом они больше их контролируют.

Далее был применен многофакторный дисперсионный анализ отдельно для трех возрастных стадий и представителей разных полов (рис.1).

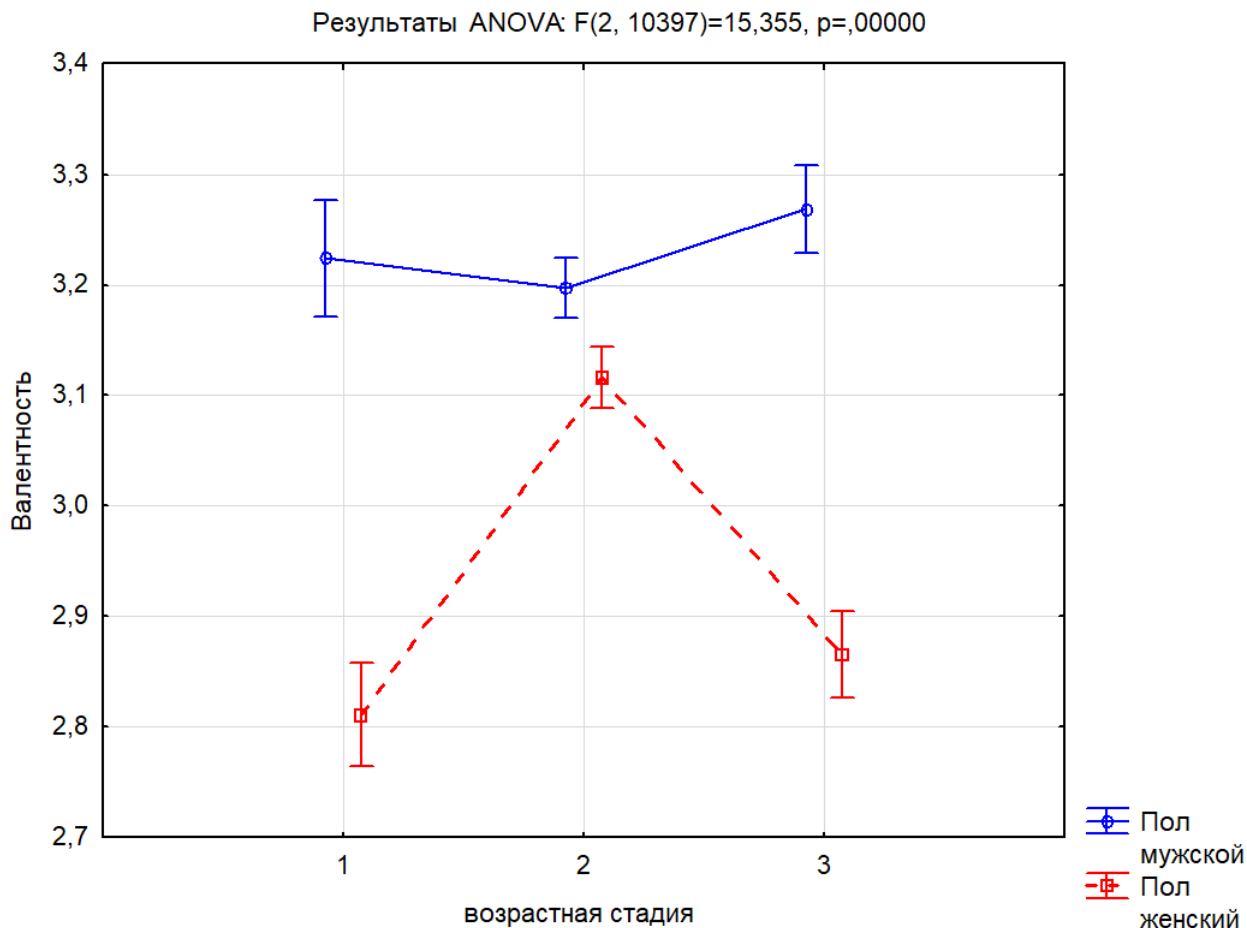


Рис. 1. Результаты двухфакторного дисперсионного анализа применительно к валентности стимулов отдельно для мужчин и женщин, а также для представителей разных возрастных стадий. Отмечены средние арифметические и стандартные ошибки

В целом, представители мужского пола независимо от возраста оценивают стимулы благосклоннее, чем женщины, особенно в периоде юности и в пожилом возрасте. Женщины в периоде зрелости приближаются к оценкам мужчин этого же возраста.

Различия являются высоко значимыми по критерию Фишера ($p < 10^{-5}$). При этом апостериорные сравнения (табл. 3) уточняют попарные различия. Женщины и мужчины в периоде юности и в пожилом периоде значимо отличаются по показателю валентности в оценке изображений, связанных с коррупцией. Возможно, это связано с тем, что мужчины, выполняя социальную функцию добытчика, видят в данных изображениях символику ресурсов, несмотря на потенциальный риск; тогда как женщины скорее воспринимают эти изображения как источник риска для стабильности и благополучия. В периоде юности перед женщинами еще не стоит остро задача поиска ресурсов для обеспечения своей жизнедеятельности, как правило, обеспечением занимаются родители; в пожилом возрасте снижаются социальные запросы, снижается потребность социальной репрезентации, часть потребностей покрывает пенсионное обеспечение и взрослые дети.

Таблица 3

Апостериорные сравнения групп по валентности с помощью критерия Тьюки

№	Пол	Возраст-ная стадия	{1} — 3,2240	{2} — 3,1973	{3} — 3,2687	{4} — 2,8109	{5} — 3,1163	{6} — 2,8656
1	М	1		1,00	0,98	0,00002*	0,46	0,00002*
2	М	2	1,00		0,68	0,00002*	0,31	0,00002*
3	М	3	0,98	0,68		0,00002*	0,02087*	0,00002*
4	Ж	1	0,00002*	0,00002*	0,00002*		0,00002*	0,95
5	Ж	2	0,46	0,31	0,02087*	0,00002*		0,00002*
6	Ж	3	0,00002*	0,00002*	0,00002*	0,95	0,00002*	

Сближение показателей валентности у мужчин и женщин зрелого возраста, означает возрастание у женщин привлекательности изображений, связанных с коррупцией. Это может указывать на то, что они воспринимаются равно и мужчинами и женщинами как источник ресурсов, поскольку в этом возрастном периоде перед обоими полами стоит социальная задача —обеспечение жизнедеятельности, реализация собственных социальных проектов (обучение детей, поддержание собственного социального статуса и т.п.).

Что касается силы возбуждения, вызываемого просмотром стимульных изображений, то здесь картина несколько иная по сравнению с валентностью (рис.2).

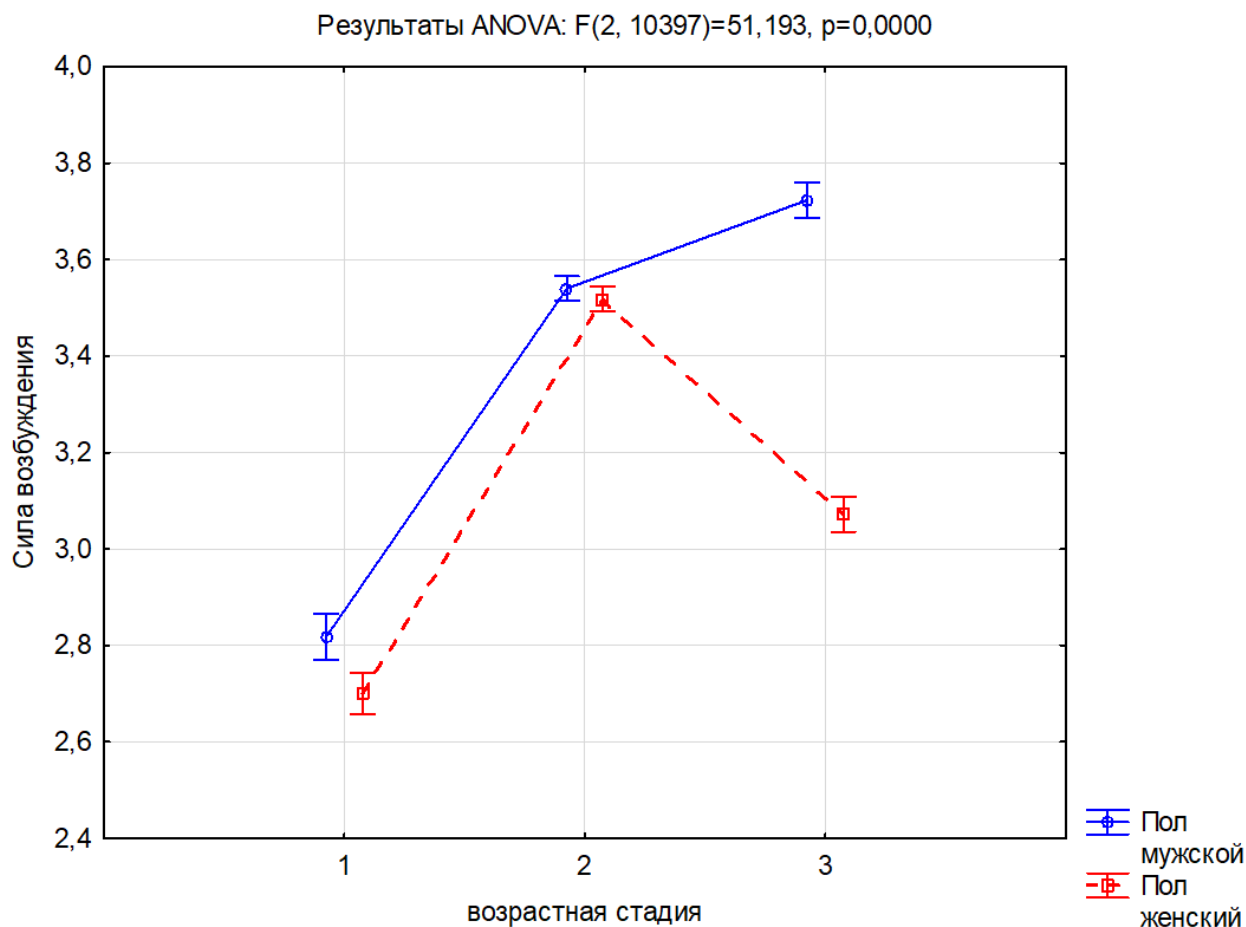


Рис. 2. Результаты двухфакторного дисперсионного анализа применительно к силе возбуждения стимулов отдельно для мужчин и женщин, а также для представителей разных возрастных стадий. Отмечены средние арифметические и стандартные ошибки

Оказывается, что у более молодых испытуемых возбуждение от просмотра изображений меньше: а ко второй стадии оно достигает максимальных значений у обеих полов. Для первой и второй стадии мужчины и женщины одинаково оценивают возбуждение стимулов, тогда как на третьей стадии у мужчин возбуждение продолжает нарастать, а у женщин уменьшается.

Возможно, это означает следующее: мужчины и женщины в юности еще не имеют готовых поведенческих схем, ассоциированных с изображениями коррупциогенных ситуаций. В зрелом возрасте эти схемы нарабатываются и соответственно активируют возбуждение, а в пожилом возрасте снова наблюдается расхождение социальных задач. Мужчины достаточно долго готовы нести на себе функцию добытчика и защитника, тогда как женщины чаще снижают свою социальную активность. Апостериорные сравнения (табл. 4) демонстрируют эти зависимости.

Васильева И.В., Григорьев П.Е., Чуманов Ю.В.
 Особенности эмоционального реагирования на
 аффективно окрашенные фотоизображения о
 коррупции: половозрастной аспект
 Психология и право. 2020. Том 10. № 2. С. 151–166.

Vasileva I.V., Grigoriev P.E., Chumanov Yu.V.
 Features of Emotional Response to Affectively Colored
 Pictures of Corruption: Gender and Age Aspect
 Psychology and Law. 2020. Vol. 10, no. 2, pp. 151–166.

Таблица 4

**Апостериорные сравнения групп по силе возбуждения с помощью критерия
 Тьюки**

№	Пол	Возрастная стадия	{1} — 2,8181	{2} — 3,5401	{3} — 3,7235	{4} — 2,7000	{5} — 3,5177	{6} — 3,0721
1	М	1		0,00002*	0,00002*	0,448739	0,00002*	0,000386*
2	М	2	0,00002*		0,000522*	0,00002*	0,989513	0,00002*
3	М	3	0,00002*	0,000522*		0,00002*	0,000075*	0,00002*
4	Ж	1	0,448739	0,00002*	0,00002*		0,00002*	0,00002*
5	Ж	2	0,00002*	0,989513	0,000075*	0,00002*		0,00002*
6	Ж	3	0,000386*	0,00002*	0,00002*	0,00002*	0,00002*	

В отношении показателя доминантности (рис. 3) половые различия выражены сильнее всего в первой возрастной стадии. Молодые мужчины полагают, что лучше контролируют ситуации, связанные с коррупцией. Молодые женщины же, наоборот, гораздо менее уверены в своих возможностях контроля над такими ситуациями. Этот показатель у мужчин резко снижается к зрелому возрасту, тогда как зрелые женщины, напротив, накапливают жизненный опыт и воспринимают эти ситуации как более подконтрольные, нежели как было в юности. К пожилому возрасту эти представления у мужчин и женщин уравниваются.

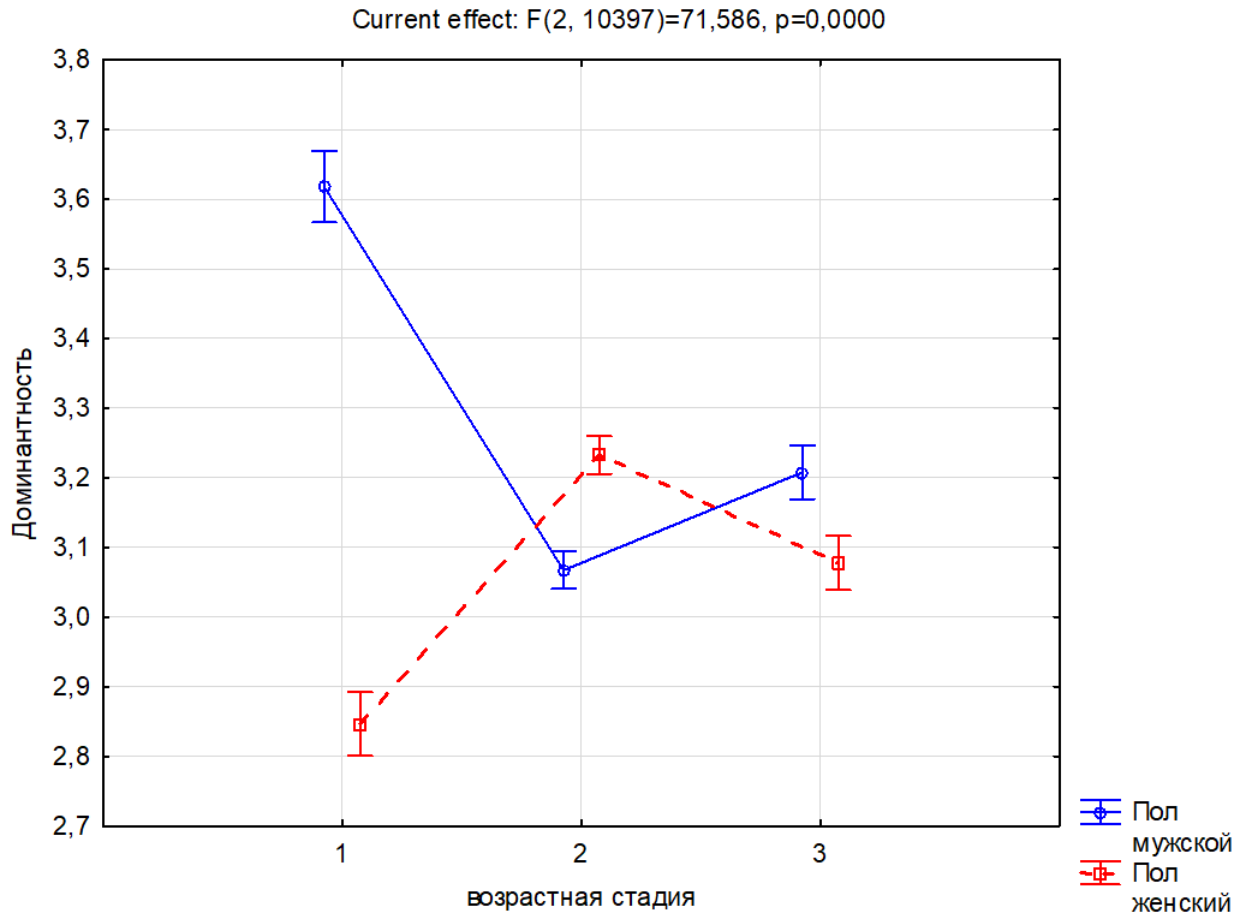


Рис. 3. Результаты двухфакторного дисперсионного анализа применительно к доминантности стимулов отдельно для мужчин и женщин, а также для представителей разных возрастных стадий. Отмечены средние арифметические и стандартные ошибки

Апостериорные сравнения выпукло демонстрируют эти закономерности (табл. 6).

Таблица 6

Апостериорные сравнения групп по доминантности с помощью критерия Тьюки

№	Пол	Возрастная стадия	{1} — 3,6176	{2} — 3,0673	{3} — 3,2079	{4} — 2,8465	{5} — 3,2327	{6} — 3,0778
1	М	1		0,00002*	0,00002*	0,00002*	0,00002*	0,00002*
2	М	2	0,00002*		0,03356*	0,00047*	0,000245*	1,00
3	М	3	0,00002*	0,033*		0,00002*	1,00	0,16
4	Ж	1	0,00002*	0,00046*	0,00002*		0,00002*	0,00159*
5	Ж	2	0,00002*	0,00025*	1,00	0,00002*		0,01374*
6	Ж	3	0,00002*	1,00	0,16	0,00159*	0,01374*	

Заключение

Нами представлена процедура оценивания изображений для отечественной популяции на примере фотографий, связанных с коррупционной составляющей как актуальной для российской действительности. Интуитивная понятность обеспечивается наглядностью процедуры оценки, где за основу нами взята таковая из IAPS, но с упрощением шкалы и улучшением зрительного понимания самой процедуры выставления баллов по каждой из шкал. В качестве трех шкал выбраны валентность, сила возбуждения и доминантность.

Из общих тенденций можно выделить большие уровни валентности, силы возбуждения и доминантности у мужчин. Хотя мужчины оценивают ситуации, связанные с коррупцией, более благосклонно, они же воспринимают их как ситуации, которые возможно контролировать, потенциально извлекать из них пользу.

В отношении показателя возбуждения и мужчины и женщины демонстрируют сходные тенденции в юном и зрелом возрасте. В пожилом возрасте мужчины наращивают активацию относительно коррупциогенных ситуаций, тогда как женщины перестают испытывать к ним интерес.

По показателям валентности и возбуждения мужчины и женщины среднего возраста близки в своих эмоциональных оценках ситуаций, связанных с коррупцией.

Для представителей пожилого возраста наиболее существенные различия наблюдаются по показателям валентности и возбуждения.

Для представителей молодого возраста наиболее существенные различия приходятся на показатели валентности и доминантности.

По показателю доминантности среди изученных выборок были получены статистически и содержательно высоко значимые различия, что косвенно подтверждает правильность включения этого показателя, помимо валентности и возбуждения, в процедуру оценивания.

Литература

1. *Васанов А.Ю., Марченко О.П., Машанло А.С.* Проверка стандартных показателей эмоционально окрашенных фотоизображений IAPS на русской выборке // Экспериментальная психология. 2011. Т. 4. № 3. С. 126—132.
2. *Васанов А.Ю., Марченко О.П., Севостьянова М.С.* Подбор культурноспецифичных эмоционально окрашенных фотоизображений для экспериментальных исследований // Экспериментальная психология. 2013. Т. 6. № 4. С. 105—114.
3. *Гамезо М.В., Петрова Е.А., Орлова Л.М.* Возрастная и педагогическая психология: учеб. пособие для студ. всех специальностей педагогических вузов. М.: Педагогическое общество России, 2003. 512 с.
4. *Дубровский Д.И.* Психические явления и мозг. Философский анализ проблемы в связи с некоторыми актуальными задачами нейрофизиологии, психологии и кибернетики. М.: Наука, 1971. 387 с.
5. *Марченко О.П., Васанов А.Ю.* Адаптация и дополнение международной базы данных эмоционально окрашенных фотоизображений IAPS на российской выборке // Шестая международная конференция по когнитивной науке: тезисы докладов. Калининград, 2014. С. 413—415.
6. *Dan-Glauser E.S., Scherer K.R.* The Geneva affective picture database (GAPED): a new 730-picture database focusing on valence and normative significance // Behav. Res. 2011. № 43. P. 468—477. doi:10.3758/s13428-011-0064-1

Васильева И.В., Григорьев П.Е., Чуманов Ю.В.
Особенности эмоционального реагирования на
аффективно окрашенные фотоизображения о
коррупции: половозрастной аспект
Психология и право. 2020. Том 10. № 2. С. 151–166.

Vasileva I.V., Grigoriev P.E., Chumanov Yu.V.
Features of Emotional Response to Affectively Colored
Pictures of Corruption: Gender and Age Aspect
Psychology and Law. 2020. Vol. 10, no. 2, pp. 151–166.

7. Lang P.J., Bradley M.M., Cuthbert B.N. International Affective Picture System (IAPS): Affective ratings of pictures and instruction manual (Technical Report No. A-8). Gainesville, FL: University of Florida, Center for Research in Psychophysiology, 2008.
8. Marchewka A., Żurawski Ł., Jednoróg K., Grabowska A. The Nencki Affective Picture System (NAPS): Introduction to a novel, standardized, wide-range, high-quality, realistic picture database // *Behav Res.* 2014. № 46. P. 596–610. doi:10.3758/s13428-013-0379-1
9. Mauss I.B., Robinson M.D. Measures of emotion: A review // *Cognition and Emotion.* 2009. №23. P. 209—237.
10. Posner J., Russell J.A., Gerber A., Gorman D., Colibazzi T., Yu S., Peterson B.S. The neurophysiological bases of emotion: An fMRI study of the affective circumplex using emotion-denoting words // *Human Brain Mapping.* 2009. № 30. P. 883—895. doi:10.1002/hbm.20553
11. Ribeiro R.L., Pompéia S., Bueno O.F.A. Comparison of Brazilian and American norms for the International Affective Picture System (IAPS) // *Rev.Bras.Psiquiatr.* 2005. T.27. №3. P.208–215.
12. Viinikainen M., Kätsyri J., Sams M. Representation of perceived sound valence in the human brain // *Human Brain Mapping.* 2011. №33. P. 2295—2305.

References

1. Vasanov A.Yu., Marchenko O.P., Mashanlo A.S. Proverka standartnykh pokazateley emotsional'nookrashennykh fotoizobrazheniy IAPS na russkoy vyborke [Checking the standard indicators of emotionally colored pictures IAPS on the Russian sample]. *Ekspierimental'nayapsikhologiya* [Experimental Psychology], 2011, vol. 4, no. 3, pp. 126—132.
2. Vasanov A.Yu., Marchenko O.P., Sevostyanova M.S. Podbor kul'turnospetsifichnykh emotsional'nookrashennykh fotoizobrazheniy dlya eksperimental'nykh issledovaniy [Selection of culturally specific emotionally colored photoimages for experimental research] // *Ekspierimental'nayapsikhologiya* [Experimental Psychology], 2013, vol. 6, no.4, pp. 105—114.
3. Gamezo M.V., Petrova E.A., Orlova L.M. Vozrastnaya I pedagogicheskayapsikhologiya: Ucheb. Posobiye dlya studentov vseh spetsial'nostey pedagogicheskikh vuzov [Age and pedagogical psychology: Textbook. A manual for students of all specialties of pedagogical universities]. M.: PedagogicheskoyeobshchestvoRossii [Moscow: The Pedagogical Society of Russia]. 2003. 512 p.
4. Dubrovskiy D.I. Psikhicheskiye yavleniya I mozg. Filosofskiy analiz problemy v svyazi s nekotorymi aktual'nymi zadachami neyrofiziologii, psikhologii i kibernetiki [Mental phenomena and the brain. Philosophical analysis of the problem in connection with some topical problems of neurophysiology, psychology and cybernetics]. M.: Nauka [Moscow: Science Publ.], 1971, 387 p.
5. Marchenko O.P., Vasanov A.Yu. Adaptatsiya i dopolneniye mezhdunarodnoy bazy dannykh emotsional'nookrashennykh fotoizobrazheniy IAPS na rossiyskoy vyborke [Adaptation and addition of the international database of emotionally colored photos of IAPS on the Russian sample]. *Shestayamezhdunarodnayakonferentsiyapokognitivnoynauke: Tezisydokladov.* Kaliningrad [Sixth International Conference on Cognitive Science: Abstracts. Kaliningrad]. 2014, pp. 413—415.
6. Dan-Glauser E.S., Scherer K.R. The Geneva affective picture database (GAPED): a new 730-picture database focusing on valence and normative significance. *Behav.Res.*, 2011, no. 43, pp.468—477. doi:10.3758/s13428-011-0064-1

Васильева И.В., Григорьев П.Е., Чуманов Ю.В.
Особенности эмоционального реагирования на
аффективно окрашенные фотоизображения о
коррупции: половозрастной аспект
Психология и право. 2020. Том 10. № 2. С. 151–166.

Vasileva I.V., Grigoriev P.E., Chumanov Yu.V.
Features of Emotional Response to Affectively Colored
Pictures of Corruption: Gender and Age Aspect
Psychology and Law. 2020. Vol. 10, no. 2, pp. 151–166.

7. Lang P.J., Bradley M.M., Cuthbert B.N. International Affective Picture System (IAPS): Affective ratings of pictures and instruction manual (Technical Report No. A-8). Gainesville, FL: University of Florida, Center for Research in Psychophysiology, 2008.
8. Marchewka A., Żurawski Ł., Jednoróg K., Grabowska A. The Nencki Affective Picture System (NAPS): Introduction to a novel, standardized, wide-range, high-quality, realistic picture database. *Behav. Res.*, 2014. no.46, pp. 596–610. doi:10.3758/s13428-013-0379-1
9. Mauss I.B., Robinson M.D. Measures of emotion: A review. *Cognition and Emotion*. 2009, no.23, pp. 209—237.
10. Posner J., Russell J.A., Gerber A., Gorman D., Colibazzi T., Yu S., Peterson B.S. The neurophysiological bases of emotion: An fMRI study of the affective circumplex using emotion-denoting words. *Human Brain Mapping*, 2009, no. 30, pp. 883—895, doi:10.1002/hbm.20553
11. Ribeiro R.L., Pompéia S., Bueno O.F.A. Comparison of Brazilian and American norms for the International Affective Picture System (IAPS). *Rev. Bras. Psiquiatr.*, 2005, vol. 27, no. 3, pp. 208—215.
12. Viinikainen M., Kätsyri J., Sams M. Representation of perceived sound valence in the human brain. *Human Brain Mapping*, 2011, no. 33, pp. 2295—2305.

Информация об авторах

Васильева Инна Витальевна, доктор психологических наук, профессор, Тюменский государственный университет (ФГАОУ ВО «ТюмГУ»), Тюмень, Российская Федерация; профессор, Тюменский институт повышения квалификации сотрудников МВД России, Тюмень, Российская Федерация, профессор e-mail: i.v.vasileva@utmn.ru, ORCID ID: 0000-0003-0740-7260

Григорьев Павел Евгеньевич, доктор биологических наук, профессор кафедры конденсированных сред, физических методов и информационных технологий в медицине, Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского (ФГАОУ ВО «КФУ имени В.И. Вернадского»), Симферополь, Российская Федерация; профессор, Тюменский государственный университет (ФГАОУ ВО «ТюмГУ»), Тюмень, Российская Федерация, e-mail: grigorievpe@cfuv.ru, ORCID ID: 0000-0001-7390-9109

Чуманов Юрий Викторович, кандидат психологических наук, старший преподаватель-методист факультета подготовки научно-педагогических и научных кадров, Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, Москва, Российская Федерация, ORCID ID: 0000-0003-4705-4463, e-mail: yvc90@mail.ru

Information about the authors

Vasileva Inna Vitalievna, Doctor of Psychological Sciences, Professor of Chair of General and Social Psychology, Tyumen State University, Tyumen, Russia. Professor at The Department of Philosophy, Foreign Languages and Humanity Training of law enforcement officers, Tyumen Advanced Training Institute of the Russian Ministry of Internal Affairs, Tyumen, Russia, e-mail: i.v.vasileva@utmn.ru. ORCID ID: 0000-0003-0740-7260

Grigoriev Pavel Evgenievich, Doctor of Biological Sciences, Professor of Department of Condensed Matter Physics, Physical Methods and Information Technology in Medicine, V.I. Vernadsky Crimean Federal University, Simferopol, Russia. Professor of Chair of General and Social Psychology, Tyumen State University, Tyumen, Russia, e-mail: grigorievpe@cfuv.ru,

Васильева И.В., Григорьев П.Е., Чуманов Ю.В.
Особенности эмоционального реагирования на
аффективно окрашенные фотоизображения о
коррупции: половозрастной аспект
Психология и право. 2020. Том 10. № 2. С. 151–166.

Vasileva I.V., Grigoriev P.E., Chumanov Yu.V.
Features of Emotional Response to Affectively Colored
Pictures of Corruption: Gender and Age Aspect
Psychology and Law. 2020. Vol. 10, no. 2, pp. 151–166.

ORCID ID: 0000-0001-7390-9109

Chumanov Yury Viktorovich, PhD in Psychology, senior teacher-Methodist of faculty of training of scientific and pedagogical staff of Moscow University of the MIA of Russia named after V. Ya. Kikot, Moscow, Russian, ORCID ID: 0000-0003-4705-4463 e-mail: yvc90@mail.ru

Психологическое обеспечение стрессоустойчивости как элемента профессиональной надежности специалиста силовых структур

Кубышко В.Л.

Департамент государственной службы и кадров МВД России, г. Москва, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7233-4232>, e-mail: 94956673764@mail.ru

Вахнина В.В.

ФГКОУ ВО «Академия управления МВД России», г. Москва, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3242-840X>, e-mail: vikavahnina@mail.ru

Крук В.М.

Департамент государственной службы и кадров МВД России, г. Москва, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1733-8430>, e-mail: kvm@fsvgroup.ru

Федотов А.Ю.

Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, г. Москва, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3632-255X>, e-mail: fedot-andrey2008@yandex.ru

В статье рассматривается проблема психологического обеспечения стрессоустойчивости специалиста силовых структур. Освещены основные задачи и этапы психологического обеспечения стрессоустойчивости, особенности стресс-факторов, влияющих на эффективность выполнения профессиональных задач. Исследуются особенности формирования профессионального профиля стрессоустойчивости в рамках психологического обеспечения профессиональной надежности специалиста силовых структур. Описывается методика формирования индивидуального профиля профессиональной стрессоустойчивости. Приводятся данные формирующего эксперимента, демонстрирующие высокую эффективность индивидуального психофизического тренинга в решении рассматриваемой проблемы. Особо выделяя фактор стрессоустойчивости и основы его обеспечения как элемента профессиональной надежности специалиста, понимая под профессиональной надежностью специалиста силовых структур интегральное психофизическое качество личности, исследуются особенности стресса в профессиональной деятельности специалиста силовых структур и его преодоления. Предлагается методика формирования индивидуального профиля профессиональной стрессоустойчивости специалиста.

Кубышка В.Л., Вахнина В.В., Крук В.М., Федотов А.Ю.
Психологическое обеспечение стрессоустойчивости
как элемента профессиональной надежности
специалиста силовых структур
Психология и право. 2020. Том 10. № 2. С. 167–178.

Kubyshko V.L., Vakhnina V.V., Kruk V.M., Fedotov A.Yu.
Psychological Support Of Stress Resistance as an Element
of Professional Reliability of a Law Enforcement
Specialist
Psychology and Law. 2020. Vol. 10, no. 2, pp. 167–178.

Ключевые слова: профессиональная надежность специалиста силовых структур, стресс-факторы, индивидуальный профиль профессиональной стрессоустойчивости, индивидуальный психофизический тренинг.

Для цитаты: *Кубышко В.Л., Вахнина В.В., Крук В.М., Федотов А.Ю.* Психологическое обеспечение стрессоустойчивости как элемента профессиональной надежности специалиста силовых структур [Электронный ресурс] // Психология и право. 2020. Том 10. № 2. С.167-178. DOI:10.17759/psylaw.2020100213

Psychological Support of Stress Resistance as an Element of Professional Reliability of a Law Enforcement Specialist

Vladimir L. Kubyshko

Department of Public Service and Personnel of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Moscow, Russia

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7233-4232>, e-mail: 94956673764@mail.ru

Viktoriya V. Vakhnina

Academy of Management, Russian Ministry of Internal Affairs, Moscow, Russia

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3242-840X>, e-mail: vikavahnina@mail.ru

Vladimir M. Kruk

of the Department of Public Service and Personnel of the Ministry of Internal Affairs of Russia
Moscow, Russia

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1733-8430>, e-mail: kvm@fsvgroup.ru

Andrey Yu. Fedotov

Moscow University of Ministry of Internal Affairs named after V.Y.Kikotya, Moscow, Russia

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3632-255X>, e-mail: fedot-andrey2008@yandex.ru

Кубышка В.Л., Вахнина В.В., Крук В.М., Федотов А.Ю.
Психологическое обеспечение стрессоустойчивости
как элемента профессиональной надежности
специалиста силовых структур
Психология и право. 2020. Том 10. № 2. С. 167–178.

Kubyshko V.L., Vakhnina V.V., Kruk V.M., Fedotov A.Yu.
Psychological Support Of Stress Resistance as an Element
of Professional Reliability of a Law Enforcement
Specialist
Psychology and Law. 2020. Vol. 10, no. 2, pp. 167–178.

The article deals with the problem of psychological support of stress resistance of a law enforcement specialist. It includes the main tasks and stages of psychological support of stress resistance, the features of stress factors that affect the effectiveness of professional tasks. The paper examines the features of forming a professional profile of stress resistance in the framework of psychological support of professional reliability of a law enforcement specialist. The method of forming an individual profile of professional stress resistance is described. The data of the forming experiment demonstrates the high efficiency of individual psychophysical training in solving the actual problem. The stress tolerance factor and the basis for its provision as an element of professional reliability of a specialist are emphasized, meaning the integral psychophysical quality of a person as a specialist's professional reliability. The article examines the features of stress in the specialist's professional activity and its overcoming. The method of forming an individual profile of professional stress resistance is proposed.

Keywords: professional reliability of a reliability of a law enforcement specialist, stress factors, individual profile of professional stress resistance, individual psychophysical training.

For citation: Kubyshko V.L., Vakhnina V.V., Kruk V.M., Fedotov A.Yu. Psychological Support of Stress Resistance as an Element of Professional Reliability of a Law Enforcement Specialist. *Psikhologiya i pravo = Psychology and Law*, 2020. Vol. 10, no. 2, pp. 167–178. DOI:10.17759/psylaw.2020100213 (In Russ.).

Прогрессивно нарастающая динамика и напряженный ритм жизни, непрерывный поток разнообразной информации, гротескный эмоциональный фон повседневной деятельности приводят к тому, что стресс становится постоянным спутником жизни современного человека. Быстро изменяющийся характер стресс-факторов, проявление новых, ранее незначимых или неизвестных, делает задачу адаптации к ним все более сложной и актуальной. Эти тенденции, обозначенные в многочисленных исследованиях стресса, восходящих к трудам Г. Селье, У. Кэннона, В.Г. Коренчевского, У. Джемса, А.Д. Сперанского, Д.Н. Насонова, М.Я. Александрова и т. д. [2], продолженных Дж. Амирханом, В.А. Бодровым, Б. Голдстоуном, Д. Гринбергом, Л.А. Китаевым-Смыком, Ф.П. Космолинским, Р. Лазарусом, Л. Леви, В.Л. Марищуком, Л. Мерфи, М.Е. Сандомирским, Б.Л. Сивордом, С. Фолкманом, Э. Хаймом, Ю.В. Щербатых и многими другими, проявляют себя и в деятельности специалистов силовых структур. При этом для них характерно наличие не только большинства общесоциальных стрессоров, но и еще более жестких специфических только по отношению к их деятельности. Это неоднократно отражалось в трудах А.Я. Анцупова, И.Б. Лебедева, Г.С. Човдыровой, А.М. Жукова, С.В. Заковряшиной и др., глубоко исследовавших проблему стресса в данном контексте [1; 5]. В исследованиях отмечается рост социальной значимости деятельности и цены ошибки каждого отдельно взятого специалиста силовых структур, с одной стороны, и сложности, напряженности, опасности их профессиональной деятельности, обусловленных повышением ее динамичности, постоянным совершенствованием способов и средств противоборства,

Кубышка В.Л., Вахнина В.В., Крук В.М., Федотов А.Ю.
Психологическое обеспечение стрессоустойчивости как элемента профессиональной надежности специалиста силовых структур
Психология и право. 2020. Том 10. № 2. С. 167–178.

Kubyshko V.L., Vakhnina V.V., Kruk V.M., Fedotov A.Yu.
Psychological Support Of Stress Resistance as an Element of Professional Reliability of a Law Enforcement Specialist
Psychology and Law. 2020. Vol. 10, no. 2, pp. 167–178.

ростом летальности средств поражения, которые могут быть использованы противником и т.п. — с другой.

Актуальна проблема формирования профессионального профиля стрессоустойчивости в рамках психологического обеспечения профессиональной надежности специалиста силовых структур.

Фактор стрессоустойчивости и основы его обеспечения как элемента профессиональной надежности специалиста

Под профессиональной надежностью специалиста силовых структур понимается интегральное психофизическое качество личности, детерминирующее своевременное достижение необходимой эффективности действий и ее сохранение в установленных временных пределах при воздействии комплекса профессиональных стрессовых факторов, характеризующееся заданной избыточностью по отношению к типичным ситуациям профессиональной деятельности. Одним из основных критериев профессиональной надежности специалиста выступает его способность к сохранению необходимой эффективности действий в ситуациях, осложненных стресс-факторами, т. е. стрессоустойчивость [8]. Термином «психофизические качества» подчеркивается целостность отражательного и моторного процесса в ходе реализации функций психики и роль моторной составляющей в механизмах интериоризации и экстериоризации в динамике развития стрессоустойчивости специалиста. Присущая специалисту совокупность телесных (прежде всего моторных), физиологических и психических свойств в процессе отражения реальности, построения целостного образа, регуляции деятельности реализуется системно путем интеграции, понимаемой в контексте теории поуровневого построения движений и действий Н.А. Бернштейна, развитого в трудах В.П. Зинченко, Н.Д. Гордеевой, Б.М. Величковского и др.

Психологическое обеспечение стрессоустойчивости в рамках профессиональной надежности специалиста предполагает:

- выявление ситуаций, где воздействие стрессоров существенно повлияло на результат профессиональной деятельности специалиста и/или его личностный статус [4; 7];
- типологизацию профессиональных ситуаций по основанию особенностей, проявивших себя стресс-факторов [10];
- обоснование вероятности повышения их интенсивности и длительности или возникновения нетипичных;
- использование специализированных психологических технологий для формирования резистентности специалиста по отношению к отдельным стрессорам и их характерным комбинациям, т. е. его индивидуального профиля профессиональной стрессоустойчивости [4];
- моделирование элементов из банка типологизированных ситуаций для приобретения опыта преодоления негативного воздействия стрессоров на профессиональные действия и личность, и оценку профиля стрессовой устойчивости специалиста [6];
- предупреждение воздействия стрессоров, т. е. действий субъектов, направленных на недопущение психически напряженной ситуации, в которой субъект

Кубышка В.Л., Вахнина В.В., Крук В.М., Федотов А.Ю.
Психологическое обеспечение стрессоустойчивости
как элемента профессиональной надежности
специалиста силовых структур
Психология и право. 2020. Том 10. № 2. С. 167–178.

Kubyshko V.L., Vakhnina V.V., Kruk V.M., Fedotov A.Yu.
Psychological Support Of Stress Resistance as an Element
of Professional Reliability of a Law Enforcement
Specialist
Psychology and Law. 2020. Vol. 10, no. 2, pp. 167–178.

рассматривается другим участником как помеха для реализации своих Я — желаний, стремлений, интересов, ценностей, целей, убеждений.

Особенности стресса в профессиональной деятельности специалиста силовых структур и его преодоления

Теоретический анализ проблемы профессионального стресса и проведенные экспериментальные исследования позволяют сделать определенные выводы об особенностях проявления стресса в деятельности специалиста силовых структур.

Во-первых, последствия воздействия стрессовых факторов на действия конкретного специалиста могут быть полярными — от повышения эффективности, до ее снижения вплоть до появления затруднений, ошибок, срывов. На личность специалиста стресс тоже может оказывать полярное действие — от роста стрессоустойчивости и повышения профессиональной надежности в целом, до психофизической демобилизации и гибели в актуальной ситуации, отдаленных последствий в виде ПТСР, профессионального выгорания, снижения профессионального долголетия [1; 6; 10].

Во-вторых, стресс профессиональной деятельности носит комплексный характер, в котором сочетаются физическая, информационная и эмоциональная компоненты. Эмоциональная составляющая, по данным большинства исследований деятельности рассматриваемой категории специалистов, играет наиболее значимую роль, интегрируя элементы остальных и оказывая на них обратное влияние [1; 10].

В-третьих, стрессовыми факторами в профессиональной деятельности специалистов (несколько отличающимися по содержанию в зависимости от конкретной специальности), классифицированными, исходя из посылки доминантности эмоционального аспекта, являются:

1) стрессоры непосредственного эмоционального воздействия: опасность, внезапность, новизна, неопределенность, негативные эмоциональные реакции членов референтной группы;

2) стрессоры опосредованного эмоционального воздействия: дефицит времени, монотония, дефицит информации, противоречивость информации, необходимость совмещения нескольких видов действий, неприятные физические ощущения, изоляция, публичность и др. [9; 10].

Вторая группа факторов более специфична по отношению к профессиональной специализации и может включать разнообразные факторы, связанные с характером воздействия на органы чувств, морально-нравственными переживаниями, мотивационным конфликтом.

В-четвертых, детерминирующими условиями возникновения и течения стресса являются как внешние факторы — особенности задач и условий деятельности, так и внутренние факторы — личностные особенности (прежде всего стрессореактивность, как величина реакции «борьбы и бегства», являющаяся строго индивидуальной и, в определенном смысле, неизменной, генетически детерминированной), сформированность образа действий, оптимальность психического состояния. При этом аксиомой и отправным пунктом формирования профессиональной стрессоустойчивости является то, что ситуацию как стрессовую определяет для себя сам субъект. Любые объективные обстоятельства для одного

Кубышка В.Л., Вахнина В.В., Крук В.М., Федотов А.Ю.
Психологическое обеспечение стрессоустойчивости
как элемента профессиональной надежности
специалиста силовых структур
Психология и право. 2020. Том 10. № 2. С. 167–178.

Kubyshko V.L., Vakhnina V.V., Kruk V.M., Fedotov A.Yu.
Psychological Support Of Stress Resistance as an Element
of Professional Reliability of a Law Enforcement
Specialist
Psychology and Law. 2020. Vol. 10, no. 2, pp. 167–178.

специалиста могут оцениваться как экстремальные, а для другого как более комфортные. Определение уровней индивидуальной стрессогенности ситуации и обоснование ее критериев является необходимым условием для применения технологии формирования индивидуального профиля профессиональной стрессоустойчивости.

В-пятых, основной стратегией совладающего (копинг) поведения является проблемно ориентированная [5], реализующаяся на основе развитой способности к самоконтролю и эмоциональному самоуправлению [4], наличие позитивного опыта преодоления профессионального стресса применительно к каждому стресс-фактору и их типичным сочетаниям.

В-шестых, основным направлением преодоления негативного воздействия стресс-факторов профессиональной деятельности должно быть не оказание психологической помощи постфактум дистрессового воздействия, а его профилактика путем формирования индивидуального профиля профессиональной стрессоустойчивости специалиста и получения позитивного опыта применения методов преодоления стресса в процессе их моделирования по принципу — от слабых к интенсивным, от единичных к комплексным.

Базовой идеей психологического обеспечения стрессоустойчивости в деятельности должно стать стремление к приспособлению специалиста всей возможной информацией о возможностях преодоления типичных и вероятных затруднений его профессиональной деятельности, к избыточному развитию психофизических качеств, детерминирующих его стрессоустойчивость, получению им максимально возможного позитивного опыта преодоления профессиональных стресс-факторов. При этом при планировании профессиональной деятельности необходимо учитывать особенности индивидуального профиля стрессоустойчивости специалистов, участвующих в выполнении задач профессиональной деятельности, и стремиться демпфировать неизбежное превышение стрессогенного воздействия на них всеми возможными организационными и техническими средствами.

Методика формирования индивидуального профиля профессиональной стрессоустойчивости специалиста

Задача формирования профиля профессиональной стрессоустойчивости специалистов может быть решена в процессе индивидуального психофизического тренинга (ИПФТ) [6; 8; 9] как основного метода профессионально-личностного развития специалиста в контексте обеспечения его профессиональной надежности. Процедуры, связанные с решением этой задачи, включены в седьмой блок ИПФТ «Развитие профессиональной стрессоустойчивости», но систематически реализуются на всем протяжении базового курса (6—9 месяцев) и включаются во все виды занятий по профессиональной подготовке. Подготовительные технологии этого блока осваиваются параллельно с блоком методик овладения методами произвольной психической саморегуляции, целевые — интегрируются с технологиями третьего, четвертого, пятого и шестого блоков как фактор достижения профессиональной избыточности.

Подготовительные технологии развития профессиональной стрессоустойчивости направлены на:

а) овладение базовыми технологиями произвольной психической саморегуляции и развития индивидуального стиля саморегуляции;

Кубышка В.Л., Вахнина В.В., Крук В.М., Федотов А.Ю.
Психологическое обеспечение стрессоустойчивости
как элемента профессиональной надежности
специалиста силовых структур
Психология и право. 2020. Том 10. № 2. С. 167–178.

Kubyshko V.L., Vakhnina V.V., Kruk V.M., Fedotov A.Yu.
Psychological Support Of Stress Resistance as an Element
of Professional Reliability of a Law Enforcement
Specialist
Psychology and Law. 2020. Vol. 10, no. 2, pp. 167–178.

б) ознакомление с особенностями профессиональных стресс-факторов и их воздействия на специалиста на примерах из базы данных ситуаций профессиональной деятельности, описаний экспертов;

в) ознакомление с теоретическими основами психологии и физиологии физического, информационного и эмоционального стресса;

г) ознакомление с теоретическими основами психологии и физиологии эмоций.

Целевые технологии развития профессиональной стрессоустойчивости:

а) проработка психотравмирующих событий прошлого опыта по методу С.М. Дудина;

б) комплексная проработка базовых эмоций, определение и расширение их диапазона стеничности методом «экспрессивного выхолащивания» [4];

в) контроль и оптимизация ситуативной динамики эмоций путем их трансформации в рамках естественного цикла;

г) регулирование диапазона стеничности эмоциональных регистров страха, гнева и апатии методом «парных оппозиций»;

д) формирование профессионального уровня резистентности к каждому стресс-фактору методом систематической десенсибилизации;

ж) моделирование стресс-факторов от простых к сложным, от отдельных к комплексным для формирования профессионального профиля стрессоустойчивости.

Формирование психофизических предпосылок для формирования индивидуального профиля профессиональной стрессоустойчивости осуществляется на основе развития способности к осознанию и регуляции диапазонов стеничности, взаимной трансформации базовых эмоциональных регистров, модифицированном методе систематической десенсибилизации [4]. Получение позитивного опыта преодоления профессиональных стрессоров происходит в процессе моделирования соответствующих типологизированных ситуаций из банка данных, полученных в результате исследования затруднений при выполнении задач. Моделирование ситуаций через тренировку на разноплановых смоделированных ситуациях позволяет формировать такой опыт, использование которого повышает индивидуальную эффективность профессиональной деятельности субъектов. Определяющими принципами являются: ориентация на использование различных средств коммуникации и психотехник при минимизации критики; готовность к негативному развитию ситуации; нацеленность на профессиональные интересы; контроль эмоционального состояния; допустимый уровень открытости. Ситуационными факторами являются: прогноз успешности применения выбранной стратегии; острота и напряженность ситуации; степень трудности ситуации; стратегия, которая реализуется. Личностные факторы могут выступать как стрессогенные — т. е. способствующие возникновению стресса, при искаженном восприятии ситуации или неправильно выбранном поведении, а могут выступать и как способствующие преодолению и предупреждению стресса, т. е. выработке психологической устойчивости специалистов к воздействию, готовности и способности к решению оперативно-служебных задач в любых внешних условиях [13].

Формирование профессионального профиля стрессоустойчивости сопровождается процедурами непрерывной оценки, рефлексии и принятия Я-образа профессиональной стрессоустойчивости.

Кубышка В.Л., Вахнина В.В., Крук В.М., Федотов А.Ю.
 Психологическое обеспечение стрессоустойчивости
 как элемента профессиональной надежности
 специалиста силовых структур
 Психология и право. 2020. Том 10. № 2. С. 167–178.

Kubyshko V.L., Vakhnina V.V., Kruk V.M., Fedotov A.Yu.
 Psychological Support Of Stress Resistance as an Element
 of Professional Reliability of a Law Enforcement
 Specialist
 Psychology and Law. 2020. Vol. 10, no. 2, pp. 167–178.

Исходя из того, что профессиональная деятельность специалистов силовых структур в основном осуществляется на уровне предметных действий (использование оружия, специальных средств, снаряжения, экипировки, техники коммуникации, навигации, транспорта и т. п.), проверка гипотезы о результативности применяемой технологии осуществлялась путем сопоставления данных об эффективности выполняемых профессиональных предметных действий в ситуациях моделирования отдельного стрессора или их типичных сочетаний ($N_{\text{сип}}=159$) специалистами, прошедшими базовый курс ИПФТ ($N_3=31$) и занимавшихся по традиционной программе ($N_k=32$) (табл. 1).

Таблица 1

Влияние стресс-факторов и их сочетаний на эффективность профессиональных предметных действий специалистов и подверженность их психотравмирующему воздействию

№	Название стрессора	Эффективность предметных действий			Степень травмирующего влияния		
		ЭГ1	КГ1	t _{ks}	ЭГ1	КГ1	t _{ks}
Типичные профессиональные стресс-факторы							
1	Опасность (Оп)	6,7	4,4	3,82	7,3	8,1	2,23
2	Внезапность (Вн)	6,5	4,6	3,41	7,5	9,2	3,16
3	Неопределенность (Не)	7,2	5,8	2,92	5,0	5,3	0,73
4	Новизна (Но)	7,1	4,5	4,14	4,7	5,3	2,08
5	Негативные эмоциональные реакции (НЭРЧРГ)	6,7	4,3	3,95	5,6	8,2	4,13
6	Неприятные физические ощущения (НФО)	5,9	3,7	3,74	6,7	7,8	2,56
7	Совмещение нескольких видов действий (СНВД).	5,7	3,4	3,81	5,0	7,1	2,63
8	Дефицит времени (ДВ)	5,1	3,3	3,37	6,0	6,7	2,19
9	Избыток и противоречивость информации (ИИ)	6,2	4,2	3,51	3,1	3,2	0,45
10	Длительное ожидание (ДИ)	7,6	5,9	3,27	3,1	3,1	0
11	Изоляция	7,8	5,4	3,93	5,6	7,1	3,09
Типичные сочетания профессиональных стресс-факторов							
12	Оп, Не, НЭРЧРГ, ИИ.	5,1	3,2	3,44	7,8	9,4	3,14
13	Вн, СНВД, ДИ.	6,3	3,9	3,97	8,0	9,1	2,63
14	Оп, Вн, ДВ.	6,5	4,6	3,41	7,6	9,2	3,19
15	Но, ИИ.	5,8	3,9	3,46	6,7	7,6	2,44
16	Не, НЭРЧРГ, НФО.	5,0	3,2	3,37	7,0	8,9	3,43
17	НФО, СНВД.	5,1	2,8	3,81	7,0	8,9	3,47

Примечание. Стандартизация первичных баллов в стрелы осуществлена на предварительном этапе исследования на выборке $N_{\text{ст}}=1036$. Группы со сформированным

Кубышка В.Л., Вахнина В.В., Крук В.М., Федотов А.Ю.
Психологическое обеспечение стрессоустойчивости как элемента профессиональной надежности специалиста силовых структур
Психология и право. 2020. Том 10. № 2. С. 167–178.

Kubyshko V.L., Vakhnina V.V., Kruk V.M., Fedotov A.Yu.
Psychological Support Of Stress Resistance as an Element of Professional Reliability of a Law Enforcement Specialist
Psychology and Law. 2020. Vol. 10, no. 2, pp. 167–178.

профилем стрессоустойчивости (ЭГ1 N=31, участие в ситуациях Nсит = 83) и без него (КГ1 N=32, участие в ситуациях Nсит = 76).

Оценка эффективности определена методиками последовательной динамической оценки (МПДО), включенного наблюдения, экспертной оценки по соотношения результативности и затратности профессиональных предметных действий. Оценка травмирующего влияния осуществлена по обобщенным данным МПДО, экспертного опроса и полуструктурированного интервью на основе опросника травматического стресса И.О. Котенева.

Статистическая значимость данных рассчитана по критерию Колмогорова—Смирнова. Параметрический t критерий Стьюдента для несвязанных выборок $p = 0,001$ $t_{ks} > 3,37$; $p = 0,01$ $t_{ks} > 2,62$; $p = 0,05$ $t_{ks} > 1,98$ при $k=120$.

Данные табл. 1 свидетельствуют о том, что эффективность действий в профессиональных ситуациях, осложненных типичными стрессорами и степень их травмирующего воздействия у специалистов, занимающихся по экспериментальной программе психологического обеспечения профессиональной надежности, статистически значимо отличаются от занимающихся по традиционной программе.

Таким образом, индивидуальный профиль профессиональной стрессоустойчивости является важным показателем профессиональной надежности специалиста силовых структур.

Задача его формирования может быть успешно решена в рамках ИПФТ, разработанного с учетом ключевых механизмов, закономерностей и особенностей функционирования психики специалиста в жестких стрессогенных условиях его профессиональной деятельности.

Литература

1. *Анциупов А.Я.* Как избавиться от стресса. М.: Проспект, 2019. С. 224.
2. *Апчел В.Я.* Исторические аспекты изучения проблемы стресса / Лымаренко В.М., Павлова Н.В., Леонтьев О.В. // Вестник Российской военно-медицинской академии. 2012. № 4. С. 255—260.
3. *Крук В.М., Федотов А.Ю.* Системно-ситуативный анализ в практической деятельности должностных лиц психологической службы: учеб.-метод. пособие. М: НУК ИУ МГТУ имени Н.Э. Баумана, 2016. 177 с.
4. *Крук В.М., Федотов А.Ю.* Оптимизация эмоциональных компонент психических состояний в профессиональной деятельности методом ситуативно-образного моделирования // Человеческий капитал. 2019. № 9(129). С. 79—94.
5. *Лебедев И. Б.* Психологические механизмы, стратегии и ресурсы стресс-преодолевающего поведения (копинг-поведения) специалистов экстремального профиля (на примере сотрудников МВД России): дисс. ... д-ра психол. наук. СПб.: СПб. гос. ун-т, 2002. С. 432.
6. *Медведев И.Н.* Психологические условия оптимизации эмоциональной сферы военнослужащих подразделений специального назначения МВД России: дисс. ... канд. психол. наук: 19.00.03. М., Моск. ун-т МВД РФ, 2013. 211 с.

Кубышка В.Л., Вахнина В.В., Крук В.М., Федотов А.Ю.
Психологическое обеспечение стрессоустойчивости
как элемента профессиональной надежности
специалиста силовых структур
Психология и право. 2020. Том 10. № 2. С. 167–178.

Kubyshko V.L., Vakhnina V.V., Kruk V.M., Fedotov A.Yu.
Psychological Support Of Stress Resistance as an Element
of Professional Reliability of a Law Enforcement
Specialist
Psychology and Law. 2020. Vol. 10, no. 2, pp. 167–178.

7. Носс И.Н. Личностно-профессиональная диагностика и оценка персонала (ассесмент-технологии). М.: МГОУ, 2014. 186 с.
8. Федотов А.Ю. Профессиональная надежность специалиста силовых структур. М.: Мос. У МВД России имени В.Я. Кикотя, 2018. 199 с.
9. Федотов А.Ю. Профессионально-психологическое развитие военнослужащих подразделений специального назначения внутренних войск МВД России на основе системно-ситуативного подхода: монография. М.: Мос У МВД России имени В.Я. Кикотя, 2017. 128 с.
10. Шведин Б.Я. Влияние психической напряженности на деятельность вахтенного офицера: дисс. ... канд. психол. наук: 19.00.09. М., 1982. 244 с.
11. Кубышко В.Л., Вахнина В.В., Крук В.М., Федотов А.Ю. Интеграция психологических и информационных технологий в рамках метода ситуативно-образного моделирования проблемных ситуаций специалистов силовых структур // Психология и право. 2018. № 4. С. 128—139.
12. Кубышко В.Л., Крук В.М., Федотов А.Ю. Психологическая подготовка: уроки и перспективы в контексте профессионально-личностного развития специалиста // Психология и право. 2018. № 4. С. 219—232.
13. Вахнина В.В. Психология переговорной деятельности сотрудников органов внутренних дел в ситуациях, связанных с фактом совершения преступления // Психология и право. 2016. Том 6. № 4. С. 16—23.

References

1. Antsupov A. Ya. Kak izbavit'sya ot stressa [How to get rid of stress]. Moscow: Publ.Prospect, 2019. 224p.
2. Apchel V. Ya. Istoricheskie aspekty izucheniya problemy stressa [Historical aspects of studying the problem of stress] In Lymarenko V. M., Pavlova N. V., Leontiev O. V. (eds.). Vestnik Rossiiskoi voenno-meditsinskoi akademii [Bulletin of the Russian military medical Academy]. No. 4. Military medical Academy, Saint Petersburg, 2012. pp. 255 — 260.
3. Kruk V. M., Fedotov A. Yu. Sistemno-situativnyi analiz v prakticheskoi deyatel'nosti dolzhnostnykh lits psikhologicheskoi sluzhby. Uchebno-metodicheskoe posobie [System-situational analysis in practical activity of officials of psychological service]. Moscow: Publ. Bauman Moscow state technical University, 2016. 177 p.
4. Kruk V. M., Fedotov A. Yu. Optimizatsiya emotsional'nykh komponent psikhicheskikh sostoyanii v professional'noi deyatel'nosti metodom situativno-obraznogo modelirovaniya [Optimization of emotional components of mental States in professional activity by the method of situational-figurative modeling] Chelovecheskii kapital [Human capital]. 2019. No. 9 (129). pp. 79-94.
5. Lebedev I. B. Psikhologicheskie mekhanizmy, strategii i resursy stress-preodolevayushchego povedeniya (koping-povedeniya) spetsialistov ekstremal'nogo profilya (na primere sotrudnikov MVD Rossii Diss. dokt. psikhol. nauk. [Psychological mechanisms, strategies and resources of stress-overcoming behavior (coping behavior) of extreme specialists (on the example of employees of the Ministry of internal Affairs of Russia) Dr. Sci. (Psychology) diss]. SPb., 2002. 432 p.

Кубышка В.Л., Вахнина В.В., Крук В.М., Федотов А.Ю.
Психологическое обеспечение стрессоустойчивости
как элемента профессиональной надежности
специалиста силовых структур
Психология и право. 2020. Том 10. № 2. С. 167–178.

Kubyshko V.L., Vakhnina V.V., Kruk V.M., Fedotov A.Yu.
Psychological Support Of Stress Resistance as an Element
of Professional Reliability of a Law Enforcement
Specialist
Psychology and Law. 2020. Vol. 10, no. 2, pp. 167–178.

6. Medvedev I. N. Psikhologicheskie usloviya optimizatsii emotsional'noi sfery voennosluzhashchikh podrazdelenii spetsial'nogo naznacheniya MVD Rossii: dis. ... kand. Psikhol. nauk [Psychological conditions for optimizing the emotional sphere of servicemen of special purpose units of the Ministry of internal Affairs of Russia: Ph. D. (Psychology) Thesis. Moscow. 2013. 211 p.
7. Noss I. N. Lichnostno-professional'naya diagnostika i otsenka personala (assessment-tehnologii) [Personal and professional diagnostics and assessment of personnel (assessment technologies)] Moscow: Publ.MGOU, 2014. 176 p.
8. Fedotov A. Yu. Professional'naya nadezhnost' spetsialista silovykh struktur.[Professional reliability of the specialist of power structures]. Moscow: Publ.Mos. At the Ministry of internal Affairs of Russia named after V. ya. Kikotya, 2018. 199 p.
9. Fedotov A. Yu. Professional'no-psikhologicheskoe razvitie voennosluzhashchikh podrazdelenii spetsial'nogo naznacheniya vnutrennikh voisk MVD Rossii na osnove sistemno-situativnogo podkhoda. Monografiya [Professional and psychological development of military personnel of special purpose units of internal troops of the Ministry of internal Affairs of Russia on the basis of a system-situational approach. Monograph]. Moscow: Publ.MoE At the Ministry of internal Affairs of Russia named after V. Ya. Kikotya, 2017. 128 p.
10. Sweden B. J. Vliyanie psikhicheskoi napryazhennosti na deyatelnost' vakhtennogo ofitsera dis. ... kand. Psikhol. nauk [The Effect of mental distress on the activity of the officer of the watch] Ph. D. (Psychology) Thesis. Moscow, 1982. 244 p.
11. Kubyshko V. L., Vakhnina V. V., Kruk V. M., Fedotov A. Yu. Integratsiya psikhologicheskikh i informatsionnykh tekhnologii v ramkakh metoda situativno-obraznogo modelirovaniya problemnykh situatsii spetsialistov silovykh struktur [Integration of psychological and information technologies within the method of situational-figurative modeling of problem situations of power structures specialists] Psikhologiya i pravo [Psychology and law]. 2018. No. 4. pp. 128-139.
12. Kubyshko V. L., Kruk V. M., Fedotov A. Yu. Psikhologicheskaya podgotovka: uroki i perspektivy v kontekste professional'no-lichnostnogo razvitiya spetsialista [Psychological training: lessons and prospects in the context of professional and personal development of a specialist] Psikhologiya i pravo [Psychology and law]. 2018. No. 4. pp. 219-232
13. Vakhnina V. V. Psikhologiya peregovornoj deyatelnosti sotrudnikov organov vnutrennikh del v situatsiyakh, svyazannykh s faktom soversheniya prestupleniya [Psychology of negotiation activity of employees of internal Affairs bodies in situations related to the fact of committing a crime] Psikhologiya i pravo [Psychology and law]. 2016. - Volume 6. - No. 4.- pp. 16-23.

Информация об авторах

Кубышко Владимир Леонидович, кандидат педагогических наук, начальник, Департамент государственной службы и кадров МВД России, г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7233-4232>, e-mail: 94956673764@mail.ru

Вахнина Виктория Владимировна, доктор психологических наук, доцент, профессор кафедры психологии, педагогики и организации работы с кадрами, ФГКОУ ВО «Академия управления МВД России», г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3242-840X>, e-mail: vikavahnina@mail.ru

Крук Владимир Михайлович, заслуженный деятель науки Российской Федерации, доктор психологических наук, профессор, главный специалист центрального аппарата, Департамент

Кубышка В.Л., Вахнина В.В., Крук В.М., Федотов А.Ю.
Психологическое обеспечение стрессоустойчивости
как элемента профессиональной надежности
специалиста силовых структур
Психология и право. 2020. Том 10. № 2. С. 167–178.

Kubyshko V.L., Vakhnina V.V., Kruk V.M., Fedotov A.Yu.
Psychological Support Of Stress Resistance as an Element
of Professional Reliability of a Law Enforcement
Specialist
Psychology and Law. 2020. Vol. 10, no. 2, pp. 167–178.

государственной службы и кадров МВД России, г. Москва, Российская Федерация, ORCID:
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1733-8430>, e-mail: kvm@fsvgroup.ru

Федотов Андрей Юрьевич, кандидат психологических наук, доцент кафедры психологии
УНК ПСД, Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя., г. Москва, Российская
Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3632-255X>, e-mail: fedot-andrey2008@yandex.ru

Information about the authors

Vladimir L. Kubyshko, Candidate of Pedagogical Sciences, Head of the Department of Public
Service and Personnel of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Moscow, Russia, ORCID:
<https://orcid.org/0000-0002-7233-4232>, e-mail: 94956673764@mail.ru

Viktoriya V. Vakhnina, Doctor of Psychology, Professor, Department of Psychology, Pedagogy and
Organization of Work with Personnel, Academy of Management, Russian Ministry of Internal
Affairs, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3242-840X>, e-mail:
vikavahnina@mail.ru

Vladimir M. Kruk, Honored Scientist of the Russian Federation, Doctor of Psychology, Professor,
Chief Specialist in the Central Office of the Ministry of Internal Affairs of Russia of the Department
of Public Service and Personnel, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1733-8430>,
e-mail: kvm@fsvgroup.ru

Andrey Yu. Fedotov, PhD in Psychology, associate Professor, Professor of the Department of
psychology of the UNK PSD, Moscow University of Ministry of Internal Affairs named after
V.Y.Kikotya, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3632-255X>, e-mail: fedot-andrey2008@yandex.ru

Экспериментальное исследование формирования личностной компетентности сотрудников ОВД

Ульянина О.А.

ФГКОУ ВО «Академия управления МВД России», Москва, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9300-4825>, e-mail: lelia34@mail.ru

Левин М.В.

ООО «Инновационные психотехнологии», Одинцово, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0086-1199>, e-mail: levimax@bk.ru

Теплова О.А.

ООО «Инновационные психотехнологии», Одинцово, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3730-5046>, e-mail: i-p-t@mail.ru

Актуальность: в статье обосновывается необходимость в комплексном психологическом сопровождении профессиональной подготовки сотрудников ОВД в целях повышения качества образования и компетентности специалистов правоохранительной сферы. Целью исследования является апробация разработанной Концепции психологического сопровождения формирования личностной компетентности (ЛК) сотрудников полиции. Гипотеза исследования: после проведения формирующих воздействий возрастает уровень сформированности компонентов ЛК и степень их интегрированности, повышается успешность профессиональной деятельности в течение первого года службы. Методы исследования: тестовые методики, наблюдение, анкетный опрос, экспертная оценка. Выборка: 1163 обучающихся Волгоградской Академии МВД. Результаты: эффективность развивающих воздействий в рамках реализации Концепции подтверждается на всех этапах эксперимента. Оценки развития ЛК значимо связаны с оцениваемой экспертами профессиональной успешностью выпускников ведомственного вуза. Экспертные оценки компонентов ЛК обнаруживают высокую согласованность с корреспондирующими по смыслу личностными переменными, оцениваемыми путем самоотчета, как в единомоментном срезе, так и в динамике. Заключение: реализация Концепции показывает эффективность мероприятий психологического сопровождения формирования ЛК, подтверждается влияние уровня их развития на результаты служебной деятельности.

Ключевые слова: личностная компетентность, сотрудники ОВД, профессиональная подготовка, психологическая служба образования, психологическое сопровождение.

Ульянина О.А., Леви М.В., Теплова О.А.
Экспериментальное исследование формирования
личностной компетентности сотрудников ОВД
Психология и право. 2020. Том 10. № 2. С. 179–200.

Ulyanina O.A., Levi M.V., Teplova O.A.
Experimental Study of Formation of Police Officers'
Personal Competence
Psychology and Law. 2020. Vol. 10, no. 2, pp. 179–200.

Для цитаты: Ульянина О.А., Леви М.В., Теплова О.А. Экспериментальное исследование формирования личностной компетентности сотрудников ОВД [Электронный ресурс] // Психология и право. 2020. Том 10. № 2. С. 179–200. DOI:10.17759/psylaw.2020100214

Experimental Study of Formation of Police Officers' Personal Competence

Olga A. Ulyanina

«Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia», Moscow, Russia,
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9300-4825>, e-mail: lelia34@mail.ru

Maxim V. Levi

Innovative Psychotechnologies, Odintsovo, Russia
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0086-1199>, e-mail: levimax@bk.ru

Olga A. Teplova

Innovative Psychotechnologies, Odintsovo, Russia
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3730-5046>, e-mail: i-p-t@mail.ru

Relevance: the article justifies the need for comprehensive psychological support of professional training of police officers in order to improve the quality of education and competence of law enforcement specialists. The purpose of the research is to test the developed Concept of psychological support for the formation of personal competence of police officers. Hypothesis of the study: after execution of the forming influence the level of formation of the components of personal competence and the degree of their integration increases as well as the success of professional activities during the first year of service. Sample: 1163 students of the Volgograd Academy of the Ministry of internal Affairs. Results: the efficiency of developing impacts within the framework of the Concept is confirmed at all stages of the experiment. Assessments of personal competence development are significantly related to the professional progress of University graduates assessed by experts. Expert assessments of the components of personal competence show high consistency with corresponding personal variables evaluated through self-reporting, both in a single-moment section and in dynamics. Conclusion: the implementation of the Concept shows the efficiency of psychological support measures for the formation of personal competence, the influence of their level of development on the results of professional activity is confirmed.

Keywords: personal competence, police officers, professional training, psychological education service, psychological support.

For citation: Ulyanina O.A., Levi M.V., Teplova O.A. Experimental Study of Formation of Police Officers' Personal Competence. *Psikhologiya i pravo = Psychology and Law*, 2020. Vol. 10, no. 2, pp. 179–200. DOI:10.17759/psylaw.2020100214 (In Russ.).

Введение

Необходимость в создании психолого-педагогических и социальных условий для повышения качества подготовки компетентных специалистов правоохранительной сферы

актуализировала потребность в разработке и реализации комплексной Концепции психологического сопровождения формирования личностной компетентности сотрудников ОВД (далее — Концепция) в образовательных организациях МВД России с учетом научной парадигмы современного образования и требований к сотруднику полиции на практике [4; 11; 12; 17].

Проведение подобного исследования ориентировано на выявление наиболее перспективной системы организации и функционирования подразделений психологической работы в образовательных организациях [5; 8; 13; 16], инновационную поддержку деятельности психолога, совершенствование форм, методов и технологий психологической работы [6] по формированию кадрового ядра ОВД и подготовке компетентных специалистов ведомства.

Понятие личностной компетентности (далее — ЛК) отражает не столько уровень развития тех или иных свойств личности (характера, направленности и др.) или способностей, сколько особенности их проявлений в социально-конструктивном плане. Мы рассматриваем ЛК в сочетании профессиональной релевантности (в смысле востребованности в связи с особенностями профессионально-служебной деятельности) и универсальности (широты проявлений в разных сторонах жизнедеятельности вне рамок профессии).

Концепция прошла экспериментальную апробацию в период с 2008 по 2019 г. [7; 14], которая имела лонгитюдное построение, ориентированное на изучение эффективности применения взаимодополняющих психотехнологий на протяжении обучения курсантов ведомственного вуза системы МВД и оценки их профессиональной успешности в течение первого года службы после окончания обучения. Общая продолжительность формирующего эксперимента в каждой экспериментальной группе составила 5 лет.

Программа исследования

Цель исследования: апробирование и оценка эффективности реализации Концепции в ходе обучения в образовательных организациях МВД России [3].

Задачи экспериментальной работ.:

- разработать критерии личностной компетентности сотрудника ОВД; осуществить их качественную и количественную оценку;
- экспериментально проверить эффективность реализации Концепции психологического сопровождения формирования личностной компетентности сотрудников ОВД;
- выявить зависимость между уровнем сформированности личностной компетентности обучающихся и их личностными и интеллектуальными качествами;
- определить взаимосвязь между уровнем сформированности личностной компетентности у выпускников и эффективностью их служебной деятельности.

Этапы исследования и описание выборки

Эксперимент проводился на базе Волгоградской академии МВД России. В исследовании приняли участие 1163 обучающихся — 700 юношей и 463 девушки, из них 549 — на факультете подготовки следователей, 381 — на факультете подготовки экспертов-криминалистов и 233 — на факультете подготовки оперативных сотрудников с 2008 по 2012 год набора, поступивших на обучение в возрасте от 17 до 22 лет. Экспериментальную группу

исследования (далее — ЭГ) составили 26 учебных групп, в количестве 654 человек, 21 учебная группа составила контрольную группу (далее — КГ) в количестве 507 человек. В целом КГ и ЭГ являлись однородными по гендерному, региональному составу, направлениям профессиональной подготовки.

На каждом году обучения с испытуемыми из ЭГ проводился комплекс формирующих воздействий, направленных на развитие тех или иных структурных компонентов ЛК. Замеры изучаемых переменных проводились на каждом году обучения до и после проведенных формирующих воздействий (всего 10 замеров).

Оценка эффективности служебной деятельности (внешний критерий успешности проведенных воздействий) выпускников образовательной организации проводилась через год после окончания обучения путем экспертного опроса руководителей. Полученные результаты соотносились с уровнем сформированности ЛК специалистов на этапе завершения обучения (4—5-й курсы).

Методы исследования

В силу значительного объема проведенного исследования в рамках данной публикации мы описываем лишь его часть, а именно диагностические замеры на 1 и 3-м курсах обучения испытуемых и изучение внешнего критерия эффективности формирующих воздействий по истечению первого года службы [1; 9; 15].

Использованные в исследовании методы включают:

- внешнюю экспертную оценку компонентов ЛК обучающихся курсовыми командирами и педагогами кураторами, проводившуюся с 1-го по 4-й курс обучения с помощью авторской стандартизированной формы опроса;
- традиционные методы психологической диагностики, направленные на изучение нервно-психической устойчивости и адаптивности, личностных и интеллектуальных качеств, которые были различными на каждом году обучения;
- социометрическое изучение учебных групп (методика «Шкала приемлемости» Н. Бахаревой), проводившееся с 1-го по 4-й курс обучения;
- внешнюю экспертную оценку профессиональных качеств выпускников непосредственными начальниками по специальной стандартизированной форме.

На рассматриваемых здесь этапах исследования традиционный психодиагностический инструментарий включал следующее методики:

1-й курс

- Многоуровневый личностный опросник «Адаптивность» А.Г. Маклакова, С.В. Чермянина.
- Опросник карьерных ориентаций «Якоря карьеры» Э. Шейна.

3-й курс

- Индивидуально-типологический опросник Л.Н. Собчик.
- Краткий ориентировочный тест В.Н. Бузина.
- Методика изучения особенностей мышления МИОМ (модифицированный тест Р. Амтхауэра).

Проводимая в исследовании диагностика была направлена на изучение динамики личностных свойств, предположительно связанных с характеристиками ЛК сотрудников ОВД, и эффективности целенаправленно реализуемых психологических мероприятий.

Вышеобозначенные методики представлены в базе АППДК «Мультипсихометр»®, а тестовые нормы формировались на выборке сотрудников ОВД. Показатели, используемые в описании результатов исследования представлены в стандартизованной 10-балльной шкале (в стэнах).

Экспертным опросом курсовых командиров и педагогов оценивались следующие компоненты ЛК обучающихся.

Мотивационно-ценностный компонент:

- правосознание и правовая культура;
- гуманистические и нравственные ценности;
- способность выполнять гражданский и служебный долг;
- мотивационная зрелость;
- самооценка, уверенность.

Социальный компонент:

- социальная зрелость;
- способность к кооперации;
- самостоятельность, независимость;
- организаторские и управленческие способности;
- конфликтологическая компетенция, толерантность.

Коммуникативный компонент:

- способность устанавливать контакт;
- способность вести диалог;
- умение слушать;
- коммуникативная лабильность;
- коммуникативная влияние;
- способность к планированию речевого поведения;
- грамотность, логичность, аргументированность высказываний.

Когнитивный компонент:

- интеллектуальная лабильность;
- системное мышление;
- пространственные способности;
- числовые способности;

- вербальные способности;
- творческие способности;
- оперативная память;
- концентрация и устойчивость внимания.

Эмоционально-волевой и деятельностный компонент:

- эмоциональная саморегуляция;
- эмоциональная влияние;
- способность к эмпатии;
- адаптационный потенциал;
- внутренняя локализация контроля;
- волевая регуляция;
- решительность, настойчивость;
- целеустремленность;
- самоорганизованность;
- работоспособность;
- инициативность;
- способность к саморазвитию.

Экспертные оценки также выполнялись в 10-балльной шкале, что позволяло достичь их достаточной дискриминативности и удобства рассмотрения результатов.

Статистическая обработка данных выполнялась с применением пакета программ Statistica для ОС Windows.

Гипотезы исследования

Уровень сформированности личностной компетентности сотрудников ОВД положительным образом связан с эффективностью их профессиональной деятельности.

Внешне наблюдаемые проявления компонентов ЛК положительным образом связаны с корреспондирующими по смыслу личностными свойствами социально-позитивного характера, оцениваемыми путем самоотчета, а также интеллектуальными качествами; интенсивность указанных связей возрастает в результате целенаправленного формирования компонентов ЛК.

В результате реализации Концепции психологического сопровождения формирования личностной компетентности сотрудников ОВД, включающего профилактические, диагностические, консультационные, коррекционные и тренинговые мероприятия [2; 10; 18], согласованным образом возрастают: уровень сформированности компонентов ЛК и степень их интегрированности (интенсивности взаимных связей); выраженность личностных свойств социально-позитивного характера.

Результаты и их обсуждение

В ходе лонгитюдного экспериментального исследования на каждом этапе (году обучения) проводились сравнения по основным изучаемым показателям в ЭГ и КГ до и после

проведения формирующих воздействий. Для сравнения результатов использовался Т-критерий Стьюдента для связанных выборок (сравнение результатов одной и той же группы до и после воздействий) и несвязанных (единомоментное сравнение между группами до воздействия и после него). Подтверждением гипотезы об эффективности проведенных воздействий считалось: изменение статистической значимости различий между группами после воздействий — при сравнении несвязанных выборок; наличие в ЭГ после проведенных воздействий таких значимых сдвигов в измеряемых показателях, которые не обнаруживаются между замерами в КГ.

Для удобства представления результатов исследования в статье приведены расчеты статистических критериев только для усредненных (для каждого оцениваемого) значений оценок компонентов ЛК, а не их отдельных (перечисленных выше) составляющих (например, «способность устанавливать контакт, «способность вести диалог» и пр.).

На 1-м курсе с ЭГ в качестве формирующего воздействия проводился тренинг сплочения учебных коллективов и формирования благоприятного социально-психологического климата. Результаты сравнения измеряемых показателей ЭГ (N=654) и КГ (N=507) до проведения воздействия представлены в табл. 1, после воздействия — в табл. 2.

Таблица 1

Сравнение экспериментальной и контрольной групп до воздействия

Методика	Шкала	Ср. зн.	Ср. зн.	Ст. откл.	Ст. откл.	t-value	p
		ЭГ	КГ	ЭГ	КГ		
МЛО "Адаптивность"	Нервно-психическая устойчивость	5,70	5,69	0,738	0,755	0,191	0,848
	Коммуникативный потенциал	5,84	5,86	0,760	0,754	-0,448	0,654
	Законопослушность	5,50	5,45	0,635	0,596	1,350	0,177
	Агрессия (инвертация)	7,17	7,14	1,462	1,526	0,280	0,780
	Личностный адаптационный потенциал	5,36	5,36	0,552	0,551	-0,124	0,902
"Якоря карьеры"	Профессиональная компетентность	5,59	5,58	0,715	0,749	0,275	0,784
	Менеджмент	5,87	5,88	0,898	0,894	-0,087	0,931
	Автономия	4,96	4,95	1,204	1,275	0,035	0,972
	Служение	5,61	5,57	0,763	0,798	0,804	0,422
	Вызов	5,62	5,66	0,781	0,845	-0,980	0,327
	Мотивация к службе	5,86	5,90	0,846	0,842	-0,702	0,483
	Мотивационная зрелость	5,78	5,78	0,829	0,817	0,149	0,881
Шкала приемлемости	Потребность во взаимодействии	6,04	6,03	1,006	1,108	0,276	0,783
	Социометрический статус	5,90	5,91	0,930	0,999	-0,118	0,906
Экспертная оценка ЛК	Мотивационно-ценностный компонент	5,659	5,731	0,506	0,484	-2,436	0,015
	Социальный компонент	5,491	5,679	0,450	0,447	-7,100	0,000
	Коммуникативный компонент	5,212	5,968	0,605	0,768	-18,773	0,000
	Когнитивный компонент	5,188	6,011	0,512	0,535	-26,644	0,000
	Эмоционально-волевой и деятельностный компонент	5,312	5,713	0,415	0,405	-16,492	0,000

До воздействия в психометрических показателях методик МЛО «Адаптивность» и «Якоря карьеры» между ЭГ и КГ различий не обнаруживается, равно как и в социометрических статусах (методика «Шкала приемлемости»). В экспертных оценках ЛК показатели оказались значимо ниже у ЭГ. По абсолютным значениям разница среднего балла по группам в 10-балльной шкале не превышает 1.

Таблица 2

Сравнение экспериментальной и контрольной групп после воздействия

Методика	Шкала	Ср. зн.	Ср. зн.	Ст. откл.	Ст. откл.	t-value	p
		ЭГ	КГ	ЭГ	КГ		
МЛО "Адаптивность"	Нервно-психическая устойчивость	6,843	5,718	0,681	0,726	27,113	0,000
	Коммуникативный потенциал	7,078	5,899	0,780	0,772	25,649	0,000
	Законопослушность	6,576	5,471	0,596	0,584	31,630	0,000
	Агрессия (инвертация)	7,780	7,146	1,179	1,524	7,989	0,000
	Личностный адаптационный потенциал	6,506	5,379	0,550	0,543	34,833	0,000
"Якоря карьеры"	Профессиональная компетентность	6,783	5,606	0,750	0,751	26,522	0,000
	Менеджмент	7,029	5,895	0,845	0,880	22,267	0,000
	Автономия	5,833	4,959	0,745	1,245	14,860	0,000
	Служение	6,791	5,600	0,718	0,782	26,957	0,000
	Вызов	6,647	5,677	0,729	0,833	21,124	0,000
	Мотивация к службе	6,920	5,909	0,809	0,836	20,809	0,000
	Мотивационная зрелость	6,971	5,828	0,832	0,825	23,291	0,000
Шкала приемлемости	Потребность во взаимодействии	7,182	6,053	0,919	1,070	19,310	0,000
	Социометрический статус	6,416	5,937	0,860	0,960	8,947	0,000
Экспертная оценка ЛК	Мотивационно-ценностный компонент	6,957	5,798	0,517	0,487	38,872	0,000
	Социальный компонент	6,841	5,729	0,430	0,448	42,902	0,000
	Коммуникативный компонент	6,987	6,005	0,649	0,763	23,687	0,000
	Когнитивный компонент	6,913	6,040	0,498	0,519	29,113	0,000
	Эмоционально-волевой и деятельностный компонент	6,907	5,802	0,394	0,405	46,848	0,000

После воздействия по психометрическим показателям появились значимые различия, которых до воздействия не было. Прежде всего, это касается психометрических шкал «Адаптивность» и «Якоря карьеры», а также «Шкалы приемлемости». Все показатели, связанные с адаптивностью, и оценки профессионально значимой мотивации у ЭГ стали значимо выше при уровне значимости практически $p=0$, а по абсолютным значениям достигающие значений чуть более 1 стандартизованного балла. Различия, выявленные по

«Шкале приемлемости», наиболее прямым образом соответствуют направленности проводившихся на этом этапе тренинговых воздействий (формирование более благоприятного социально-психологического климата). По экспертным оценкам значимые отличия сменили знак на противоположный: показатели, которые были выше у КГ, стали выше у ЭГ.

Таким образом, результативность воздействий на данном этапе подтверждается, причем эффект не ограничивается сферой, прямо соответствующей направленности тренинговых мероприятий, а имеет более «генерализованный» характер.

На 3-м курсе с ЭГ проводился тренинг развития интеллектуальных возможностей. Изучались характерологические переменные (Индивидуально-типологический опросник Л.Н. Собчик) и интеллектуальные свойства (Методика изучения особенностей мышления Р. Амтхауэра, Краткий отборочный тест).

На этот раз все показатели были значимо выше у ЭГ, как до, так и после воздействия. Поэтому было решено перейти к применению статистического критерия для связанных выборок: для выяснения эффекта тренинговых мероприятий проводилось сравнение значений показателей до и после них по отдельности в ЭГ (табл. 3) и КГ (табл. 4).

Таблица 3

Сравнение замеров в ЭГ: Т-критерий для связанных выборок (N=654)

Методика	Показатель	Замер до/после воздействия	Ср. зн.	Ст. откл.	Разл.	Ст. откл. разл.	t	p
Опросник ИТО	Спонтанность	До	5,835	0,743	-0,509	0,512	-25,41	0,000
		После	6,344	0,732				
	Стеничность	До	5,687	0,758	-0,697	0,599	-29,78	0,000
		После	6,384	0,724				
	Лабильность	До	6,72	0,732	-0,193	0,402	-12,25	0,000
		После	6,913	0,696				
	Конформизм	До	5,769	0,798	-0,59	0,575	-26,23	0,000
		После	6,359	0,714				
	Лидерство	До	7,029	0,845	-0,171	0,385	-11,37	0,000
		После	7,2	0,789				
	Дезадаптация	До	5,494	0,702	-1,312	0,643	-52,14	0,000
		После	6,806	0,775				
	Социабельность	До	7,878	0,819	-0,081	0,279	-7,44	0,000
		После	7,959	0,783				
Компромиссность	До	8,003	0,792	-0,142	0,35	-10,4	0,000	
	После	8,145	0,719					
КОТ	Продуктивность	До	7,02	0,774	-0,486	0,53	-23,47	0,000
		После	7,506	0,699				
Методика МИОМ	«Выбор слов»	До	7,362	0,874	-0,286	0,507	-14,44	0,000
		После	7,648	0,774				
	«Аналогии»	До	7,807	0,923	-0,222	0,484	-11,72	0,000
		После	8,029	0,797				
	«Нахождение общности»	До	7,341	0,697	-0,401	0,579	-17,69	0,000
		После	7,742	0,756				
	«Арифметические задачи»	До	7,26	0,721	-0,301	0,513	-15,03	0,000
		После	7,561	0,742				
	«Числовые ряды»	До	7,26	0,723	-0,281	0,517	-13,93	0,000
		После	7,541	0,739				
	«Выбор фигуры»	До	7,131	0,757	-0,416	0,579	-18,37	0,000
		После	7,547	0,728				
	«Задания с кубиками»	До	7,142	0,693	-0,425	0,572	-19	0,000
		После	7,567	0,707				
«Задания на припоминание»	До	7,251	0,745	-0,301	0,51	-15,11	0,000	
	После	7,552	0,806					
Шкала приемлемости	Потребность во взаимодействии	До	7,104	0,902	-0,748	0,539	-35,51	0,000
		После	7,852	0,886				
	Социометрический статус	До	6,817	0,859	-0,737	0,554	-33,99	0,000
		После	7,554	0,852				
Экспертная оценка ЛК	Мотивационно-ценностный компонент	До	7,40	0,46	-0,465	0,237	-50,26	0,000
		После	7,87	0,56				
	Социальный компонент	До	7,39	0,42	-0,325	0,194	-42,87	0,000
		После	7,72	0,46				
	Коммуникативный компонент	До	7,41	0,56	-0,402	0,225	-45,61	0,000
		После	7,81	0,67				
	Когнитивный компонент	До	7,06	0,57	-0,463	0,268	-44,25	0,000
		После	7,52	0,65				
	Эмоционально-волевой и деятельностный компонент	До	7,21	0,36	-0,448	0,143	-79,79	0,000
		После	7,66	0,43				

В ЭГ все показатели значимо изменились в сторону увеличения. Уровень значимости различий на выборке такого объема достигает малых значений «р». Сдвиг абсолютных значений средних величин в основном не превышает 0,5 стандартизованного балла. Только по показателю «Дезадаптация» (инвертированному) сдвиг средних превысил 1 балл. Сравнительно больший сдвиг наблюдается также по шкале «Стеничность», а также социометрическому статусу. Данные результаты нельзя назвать «специфичными» в отношении содержания проведенных формирующих воздействий; скорее они свидетельствует о возрастании у обследуемых чувства уверенности в себе, коммуникативных и социально-адаптивных качеств, включая те, что имеют неоднозначный оценочный смысл («Конформизм»).

Что касается интеллектуальных качеств, то, с одной стороны, они считаются мало поддающимися развитию у взрослых людей (поскольку связаны с врожденными предпосылками развития способностей и многолетними средовыми воздействиями в детские и подростковые годы), с другой стороны, на выполнении однотипных тестовых заданий, которое и проводится в ходе лонгитюдного исследования, сказывается эффект тренировки, зависящий, в свою очередь, от интервала между замерах по времени. Поэтому сравнительно небольшие сдвиги в показателях интеллектуальных качеств (Индивидуально-типологический опросник Л.Н. Собчик, методика изучения особенностей мышления Р. Амтхауэра, Краткий отборочный тест) представляются закономерными, при этом следует оценить наличие эффекта тренировки по аналогичным результатам в КГ.

Таблица 4

Сравнение замеров в КГ: Т-критерий для связанных выборок (N=507)

Методика	Показатель	Замер до/после воздействия	Ср. зн.	Ст. откл.	Разл.	Ст. откл. разл.	t	p
Опросник ИТО	Спонтанность	До	5,024	1,189	0	0,044	-1,00	0,318
		После	5,026	1,190				
	Стеничность	До	5,093	1,109	0	0,063	-1,42	0,158
		После	5,097	1,109				
	Лабильность	До	5,690	0,801	-0,02	0,152	-3,50	5,0E-04
		После	5,714	0,800				
	Конформизм	До	5,028	1,183	-0,01	0,077	-1,74	0,083
		После	5,034	1,188				
	Лидерство	До	5,933	0,864	-0,01	0,077	-1,74	0,083
		После	5,939	0,870				
	Дезадаптация	До	4,955	0,855	-0,01	0,077	-1,74	0,083
		После	4,961	0,870				
	Социабельность	До	6,008	0,805	0	0,044	-1,00	0,318
		После	6,010	0,809				
Компромиссность	До	6,020	0,898	0	0	0,00	1	
	После	6,020	0,898					
КОТ	Продуктивность	До	6,047	0,942	0	0,089	-1,00	0,318
		После	6,051	0,948				
Методика МИОМ	«Выбор слов»	До	5,994	0,944	0	0,063	-1,42	0,158
		После	5,998	0,946				
	«Аналогии»	До	6,006	0,919	0			
		После	6,006	0,919				
	«Нахождение общности»	До	6,028	0,886	0	0,044	-1,00	0,318
		После	6,030	0,890				
	«Арифметические задачи»	До	6,041	0,848	0	0,063	-1,42	0,158
		После	6,045	0,850				
	«Числовые ряды»	До	6,022	0,863	-0,01	0,089	-2,01	0,045
		После	6,030	0,876				
	«Выбор фигуры»	До	6,256	0,851	0	0,044	-1,00	0,318
		После	6,258	0,854				
	«Задания с кубиками»	До	5,901	0,753	-0,01	0,077	-1,74	0,083
		После	5,907	0,763				
«Задания на припоминание»	До	6,351	0,807	0	0	0,00	1	
	После	6,351	0,807					
Шкала приемлемости	Потребность во взаимодействии	До	6,020	1,048	-0,09	0,305	-6,56	1,0E-10
		После	6,108	1,024				
	Социометрический статус	До	5,990	0,899	-0,07	0,275	-5,97	4,0E-09
		После	6,063	0,909				
Экспертная оценка ЛК	Мотивационно-ценностный компонент	До	5,923	0,471	-0,023	0,076	-6,76	0,000
		После	5,946	0,501				
	Социальный компонент	До	5,851	0,417	-0,025	0,069	-8,23	0,000
		После	5,877	0,420				
	Коммуникативный компонент	До	6,100	0,598	-0,040	0,081	-11,07	0,000
		После	6,139	0,631				
	Когнитивный компонент	До	6,151	0,571	-0,038	0,090	-9,57	0,000
		После	6,189	0,592				
	Эмоционально-волевой и деятельностный компонент	До	5,864	0,389	-0,037	0,053	-15,82	0,000
		После	5,902	0,401				

В КГ практически нет значимых различий до и после воздействия по шкалам Индивидуально-типологического опросника Л.Н. Собчик, методике изучения особенностей мышления Р. Амтхауэра, Краткого отборочного теста, за исключением показателей «Лабильность» и «Числовые ряды», по которым различия формально значимы (по второму — только на уровне 5%), что при данном объеме выборки и количестве проверяемых частных гипотез может считаться случайным. Имеются значимые различия по социометрическим показателям «Шкалы приемлемости» и экспертных оценок ЛК, но величина критериального показателя T по всем различиям меньше (в оценках ЛК — многократно), чем в ЭГ. Направленность статистически значимых изменений во всех случаях — также в сторону увеличения значений, но величина сдвига средних величин практически нигде не превышает 0,1 балла — существенные изменения фактически отсутствуют. По-видимому, как и следовало предполагать, структурные компоненты ЛК, оцениваемые в исследовании экспертным путем, не являются столь стабильными, как интеллектуальные и характерологические свойства (это психические «образования», а не «качества» в полном смысле), и подвержены некоторой изменчивости даже в отсутствие специальных формирующих воздействий (у КГ).

В целом, результативность воздействий снова подтвердилась, причем результатом, прямо соответствующим направленности проводившихся на данном этапе исследования воздействий, следует считать значимые сдвиги показателей (методики изучения особенностей мышления Р. Амтхауэра, Краткого отборочного теста) в ЭГ, отсутствующие у КГ; эффект воздействий снова является несколько «генерализованным», затрагивая сферы, к которым воздействия прямого отношения не имели — развитие некоторых черт характера (Индивидуально-типологический опросник Л.Н. Собчик), изменения социометрического статуса в коллективе (методика «Шкала приемлемости»), а также не только «Когнитивного», но и остальных компонентов ЛК.

Проверка гипотезы о влиянии мероприятий по развитию ЛК, проводившихся в период учебы, на последующую успешность профессиональной деятельности проводилась сначала сравнением ЭГ и КГ с числом соответственно 143 и 164 человека (лица, в отношении которых удалось собрать данные на данном этапе исследования) по результатам отсроченной оценки профессиональной успешности с применением T -критерия Стьюдента (табл. 5).

Таблица 5

Сравнение ЭГ и КГ по результатам оценки профессиональной успешности

Показатели	Ср. знач.		Ст. откл.		t-value	p
	ЭГ	КГ	ЭГ	КГ		
Профессиональная подготовка	7,625	5,97	0,872	0,839	17,993	0,00
Ориентация на общечеловеческие ценности и принципы морали	8,413	6,122	0,777	0,681	29,085	0,00
Нацеленность на соблюдение законности, устойчивость к коррупционным проявлениям	8,505	5,994	0,709	0,705	33,076	0,00
Соблюдение профессиональной этики и субординации в подразделении	8,011	6,037	1,061	0,79	19,493	0,00
Исполнительская дисциплина и ответственность	8,266	6,14	0,952	0,654	23,986	0,00
Культура устной и письменной речи	8,152	6,232	1,002	0,869	18,987	0,00
Осведомленность в событиях политической, социальной и экономической жизни государства	8,141	6,287	0,965	0,891	18,552	0,00
Творческая инициатива в проблемных ситуациях, способность принимать решения	8,239	6,372	0,892	0,845	19,989	0,00
Умение работать в коллективе и коммуникативные качества	7,533	6,323	0,917	0,836	12,804	0,00
Способность к профессиональному и личностному саморазвитию	8,576	6,427	0,846	0,674	25,997	0,00

Все показатели оценки успешности профессиональной деятельности у представителей ЭГ оказались значимо выше при высоком уровне значимости.

Для более детальной оценки влияния переменных личностной компетентности на показатели успешности профессиональной деятельности был проведен также корреляционный анализ. Рассчитывались корреляции оценки успешности с показателями ЛК, наиболее близкими по времени — экспертными оценками начальника курса и педагогов за 4-й курс.

Все корреляции оценок ЛК с показателями успешности профессиональной деятельности оказались положительными, значимыми на высоком уровне, а большинство из них являются даже высокими по абсолютным значениям (выше 0,5). Однако данный результат обусловлен, очевидно, различиями между ЭГ и КГ в оценках, как ЛК, так и успешности профессиональной деятельности. Для уточнения характера влияния компонентов ЛК на

успешность профессиональной деятельности представлялось целесообразным провести корреляционный анализ указанных групп показателей по отдельности в ЭГ (табл. 6) и КГ (табл. 7).

В связи с ограниченностью объема табличных данных и публикации в целом показатели экспертных оценок выпускников непосредственными руководителями представлены в нижеследующих таблицах не полностью.

Таблица 6

Корреляции оценки компонентов ЛК в ЭГ на 4-м курсе до и после формирующих воздействий с оценками профессиональной успешности выпускников

Показатели экспертной оценки ЛК	Замер до/после воздействия	Оценка руководителя							
		Проф. подготовка	Ориент. на общечел. ценн. и принципы морали	Нацеленность на собл. закон-ти, устойч. к коррупц.	Соблюд. проф. этики и субординации	Исполнит. дисциплина и ответс-ть	Творческая инициатива	Умение работать в коллективе	Способность к проф. и личн. саморазвитию
Мотивационно-ценностный компонент	До	0,234 p=,005	0,434 p=,000	0,445 p=,000	0,304 p=,000	0,341 p=,000	0,341 p=,000	0,239 p=,004	0,351 p=,000
	После	0,250 p=,003	0,566 p=,000	0,555 p=,000	0,404 p=,000	0,388 p=,000	0,461 p=,000	0,309 p=,000	0,380 p=,000
Социальный компонент	До	0,295 p=,000	0,472 p=,000	0,430 p=,000	0,554 p=,000	0,441 p=,000	0,497 p=,000	0,526 p=,000	0,363 p=,000
	После	0,392 p=,000	0,519 p=,000	0,456 p=,000	0,634 p=,000	0,476 p=,000	0,582 p=,000	0,565 p=,000	0,440 p=,000
Коммуникативный компонент	До	0,337 p=,000	0,643 p=,000	0,576 p=,000	0,696 p=0,00	0,478 p=,000	0,608 p=,000	0,608 p=,000	0,381 p=,000
	После	0,409 p=,000	0,643 p=,000	0,576 p=,000	0,694 p=0,00	0,511 p=,000	0,690 p=0,00	0,588 p=,000	0,443 p=,000
Когнитивный компонент	До	0,486 p=,000	0,476 p=,000	0,386 p=,000	0,572 p=,000	0,489 p=,000	0,683 p=0,00	0,386 p=,000	0,428 p=,000
	После	0,541 p=,000	0,495 p=,000	0,407 p=,000	0,568 p=,000	0,499 p=,000	0,722 p=0,00	0,420 p=,000	0,460 p=,000
Эмоционально-волевой и деятельностный компонент	До	0,655 p=,000	0,310 p=,000	0,354 p=,000	0,367 p=,000	0,544 p=,000	0,498 p=,000	0,289 p=,000	0,527 p=,000
	После	0,639 p=,000	0,360 p=,000	0,369 p=,000	0,409 p=,000	0,555 p=,000	0,512 p=,000	0,334 p=,000	0,548 p=,000

По результатам расчета корреляций в ЭГ видно, что показатели экспертных оценок компонентов ЛК, как до формирующих воздействий (цикла тренингов), так и после них, обнаруживают с показателями оценок профессиональной успешности значимые, причем высокие по значению, положительные корреляции. Значения корреляций в замере после

воздействия в целом несколько выше, чем до такового, прежде всего у показателей «Мотивационно-ценностного» и «Социального» компонентов.

Изменения значений корреляций дают основание предположить, что более высокая эффективность формирующих воздействий связана с более высокой профессиональной успешностью, однако в этом удостовериться возможно только после проведения аналогичных расчетов для КГ.

Таблица 7

Корреляции оценки компонентов ЛК в КГ на 4-м курсе до и после формирующих воздействий с оценками проф. успешности выпускников

Показатели экспертной оценки ЛК	Замер до/после воздействия	Оценка руководителя							
		Проф. подготовка	Ориент. на общечел. ценн. и принципы морали	Нацеленность на соobl. закон-ти, устойч. к коррупц.	Соблюд. проф. этики и субординации	Исполнит. дисциплина и ответс-ть	Творческая инициатива	Умение работать в коллективе	Способность к проф. и личн. саморазвитию
Мотивационно-ценностный компонент	До	0,148 r=,058	0,481 r=,000	0,302 r=,000	0,521 r=,000	0,147 r=,060	0,072 r=,361	0,485 r=,000	0,156 r=,046
	После	0,147 r=,061	0,478 r=,000	0,314 r=,000	0,518 r=,000	0,152 r=,051	0,074 r=,348	0,485 r=,000	0,154 r=,049
Социальный компонент	До	0,304 r=,000	0,257 r=,001	0,122 r=,119	0,568 r=,000	0,140 r=,074	0,041 r=,603	0,487 r=,000	0,134 r=,086
	После	0,320 r=,000	0,249 r=,001	0,127 r=,104	0,566 r=,000	0,147 r=,061	0,038 r=,634	0,493 r=,000	0,137 r=,080
Коммуникативный компонент	До	0,248 r=,001	0,098 r=,210	0,199 r=,011	0,372 r=,000	0,025 r=,756	0,115 r=,143	0,271 r=,000	0,189 r=,016
	После	0,248 r=,001	0,096 r=,224	0,204 r=,009	0,366 r=,000	0,016 r=,840	0,115 r=,144	0,267 r=,001	0,191 r=,014
Когнитивный компонент	До	0,253 r=,001	0,028 r=,726	0,148 r=,058	0,122 r=,120	0,063 r=,420	0,274 r=,000	0,131 r=,094	0,160 r=,041
	После	0,266 r=,001	0,028 r=,718	0,139 r=,075	0,144 r=,065	0,066 r=,399	0,282 r=,000	0,142 r=,069	0,180 r=,021
Эмоционально-волевой и деятельностный компонент	До	0,412 r=,000	0,168 r=,031	0,132 r=,093	0,430 r=,000	0,273 r=,000	0,039 r=,617	0,459 r=,000	0,240 r=,002
	После	0,411 r=,000	0,155 r=,048	0,115 r=,144	0,434 r=,000	0,281 r=,000	0,033 r=,675	0,453 r=,000	0,233 r=,003

Показатели экспертной оценки КГ обнаруживают гораздо более низкий уровень корреляций с показателями оценок профессиональной успешности, чем это было у ЭГ.

Корреляции замеров до и после воздействия практически не различаются (чего и следовало ожидать для КГ).

В данном случае, в отсутствие «тотальной» взаимосвязанности показателей, наблюдавшейся в ЭГ, мы имеем возможность выявить специфический характер влияния отдельных компонентов ЛК на отдельные составляющие профессиональной успешности.

Заметно, что значимо коррелируют преимущественно показатели, «корреспондирующие» по смыслу. Так, «Профессиональная подготовка» связана теснее всего с «Эмоционально-волевым и деятельностным» компонентом (такая же связь, но меньшей значимости, имеется у показателя «Исполнительская дисциплина»), несколько слабее — с остальными компонентами ЛК, за исключением «Мотивационно-ценностного» компонента. Показатель «Ориентированность на общечеловеческие ценности и принципы морали», напротив, связан с «Мотивационно-ценностным» компонентом наиболее тесно, с «Социальным» — значительно слабее, с остальными компонентами ЛК корреляции незначимы или значимость не выходит за уровень 5%. Показатели «Соблюдение профессиональной этики» и «Умение работать в коллективе» значимо связаны со всеми компонентами ЛК, кроме «Когнитивного»; напротив, «Творческая инициатива» значимо коррелирует исключительно с «Когнитивным» компонентом. Наконец, «Способность к саморазвитию» связана с компонентами ЛК сравнительно равномерным образом: с «Эмоционально-волевым и деятельностным» компонентом более тесно (значимо на уровне 1%), с «Социальным» — только на уровне тенденции (10%), с остальными — на уровне 5%.

Таким образом, влияние ЛК на успешность профессиональной деятельности очевидным образом опосредуется целенаправленным формированием ее компонентов. При этом гипотезу о влиянии ЛК (именно сформированных в результате организованного воздействия) на профессиональную успешность на начальном этапе профессионализации следует считать подтвержденной.

Выводы

Исследование подтверждает эффективность мероприятий по реализации концепции развития ЛК. Эффект воздействий не ограничивается сферой, прямо соответствующей направленности, а имеет «генерализованный» характер. Оценки ЛК изменяются согласованно с динамикой интеллектуальных и личностных переменных. Влияние развития ЛК на успешность профессиональной деятельности выпускников ведомственного вуза также подтверждается, причем более высокая эффективность формирующих воздействий соответствует более высоким оценкам успешности.

Системный анализ полученных результатов исследования позволяет выработать научно обоснованную стратегию управления формированием личностной компетентности у будущих специалистов ОВД.

Литература

1. Ахмедова М.Э., Шодиева Р.С. Роль психодиагностических компетенций в формировании профессионального мышления студентов // Вестник науки и образования. 2019. № 4-2 (58). С. 60—62.
2. Баклановский С.В., Русина Е.О. Опыт использования психологического консультирования курсантов военных вузов в конфликтных ситуациях // Вестник Российского нового университета. Серия: Человек в современном мире. 2017. № 1. С. 27—32.

3. *Виноградов М.В., Ульянина О.А.* Основные направления психологической работы с курсантами и слушателями, а также сотрудниками, впервые принятыми на службу, в период профессионального обучения, в образовательных организациях системы МВД России (Часть 1) // Психология и право. 2019. Т. 9. № 2. С. 1—14. doi: [http: 10.17759/psylaw](http://10.17759/psylaw)
4. *Исаев Р.А.* Инновационные аспекты подготовки к профессиональной деятельности курсантов и слушателей в высших учебных заведениях МВД России // Общество: социология, психология, педагогика. 2019. № 2 (58). С. 88—90.
5. *Караханян К.Г.* Психолого-педагогическая модель обеспечения успешности обучения студентов вуза: дисс. ... канд. психол. наук. Самара: Тольяттинский государственный университет, 2017. 188 с.
6. *Комарова Н.Г.* Формирование пригодности к военной службе как результат личностного саморазвития курсанта военного вуза: дисс. ... канд. психол. наук. СПб.: Санкт-петербургский государственный университет, 2016. 157 с.
7. Концепция развития психологической службы в системе образования в Российской Федерации на период до 2025 года (утв. Минобрнауки России от 19.12.2017) [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_287411/ (дата обращения: 19.07.2019).
8. *Медведев А.В., Кириченко Ю.Н., Колесникова О.А., Пучинский Д.С.* Модели концептуальной психологической подготовки сотрудников органов внутренних дел для работы в особых условиях // Материалы II международной научно-методической конференции «Образование. Наука. Карьера» (Курск, 22 января 2019 г.). Курск: Юго-Западный государственный университет, 2019. С. 211—214.
9. *Новиков М.Г.* Личностно-ориентированная психодиагностика — иницирующий фактор профессионального развития студента // Новое в психолого-педагогических исследованиях. 2010. № 4. С. 124—129.
10. *Петров В.Е., Мальцева Т.В.* Психологическое консультирование сотрудников органов внутренних дел: монография. Домодедово: ВИПК МВД России, 2013. 168 с.
11. Приказ МВД России от 02.09.2013 № 660 «Об утверждении Положения об основах организации психологической работы в органах внутренних дел Российской Федерации» [Электронный ресурс] // URL: <http://base.garant.ru/70675376/> (дата обращения: 03.08.2019).
12. Приказ Минобрнауки РФ от 22.10.1999 № 636 «Об утверждении Положения о службе практической психологии в системе Министерства образования Российской Федерации» [Электронный ресурс] // URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_94957/ (дата обращения: 09.08.2019).
13. *Сергеева М.Г., Салун С.Н., Коньшева Е.В.* Методическое сопровождение формирования социальной компетентности обучающихся в условиях высшего образования // Проблемы современного педагогического образования. 2019. № 62-2. С. 220—224.
14. *Ульянина О.А.* Концептуальные основы психологического сопровождения формирования личностной компетентности курсантов образовательных организаций МВД России // Материалы международной научно-практической конференции «Актуальные проблемы психологии правоохранительной деятельности: концепции, подходы, технологии (Васильевские чтения — 2019)» (Санкт-Петербург, 25 апреля 2019 г.). СПб.: Санкт-Петербургский университет МВД России, 2019. С. 343—349.
15. *Ульянина О.А.* Психологическая диагностика в образовательных организациях МВД России // Психология и право. 2018. Т. 8. № 2. С. 61—76. doi: [http: 10.17759/psylaw](http://10.17759/psylaw)

16. Ульянина О.А. Состояние и перспективные направления психологической практики в ОВД // Психологическая наука и образование. 2017. Т. 22. № 5. С. 77—84. doi: 10.17759/pse
17. Федеральный закон от 29.12.2012 № 273-ФЗ (ред. от 25.12.2018) «Об образовании в Российской Федерации» [Электронный ресурс] // URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_140174/ (дата обращения: 27.07.2019).
18. Щербакова О.И., Свинобой О.В. Социально-психологический тренинг как способ формирования профессионально важных качеств личности сотрудника органов внутренних дел // Инициативы XXI века. 2016. № 2. С. 45—47.

References

1. Akhmedova M.E., Shodieva R.S. Rol' psikhodiagnosticheskikh kompetentsii v formirovanii professional'nogo myshleniya studentov [The role of psycho-diagnostic competence in the formation of professional thinking of students]. Vestnik nauki i obrazovaniya [Bulletin of science and education], 2019, no. 4—2 (58), pp. 60—62.
2. Baklanovskii S.V., Rusina E.O. Opyt ispol'zovaniya psikhologicheskogo konsul'tirovaniya kursantov voennykh vuzov v konfliktnykh situatsiyakh [Experience of using psychological counseling of cadets of military universities in conflict situations]. Vestnik Rossiiskogo novogo universiteta. Seriya: Chelovek v sovremennom mire [Bulletin of the Russian new University. Series: Man in the modern world], 2017, no. 1, pp. 27—32.
3. Vinogradov M.V., Ul'yanina O.A. Osnovnye napravleniya psikhologicheskoi raboty s kursantami i slushatelyami, a takzhe sotrudnikami, vpervye prinyatymi na sluzhbu, v period professional'nogo obucheniya, v obrazovatel'nykh organizatsiyakh sistemy MVD Rossii (chast' 1) [The Main directions of psychological work with cadets and students, as well as employees for the first time accepted for service, during professional training, in educational organizations of the Ministry of internal Affairs of Russia (part 1)]. Psikhologiya i pravo [Psychology and law], 2019. Vol. 9, no. 2, pp. 1—14. doi: [http: 10.17759/psylaw](http://10.17759/psylaw). (In Russ., Abstr. in Engl.).
4. Isaev R.A. Innovatsionnye aspekty podgotovki k professional'noi deyatel'nosti kursantov i slushatelei v vysshikh uchebnykh zavedeniyakh MVD Rossii [Innovative aspects of training for professional activity of cadets and students in higher educational institutions of the Ministry of internal Affairs of Russia]. Obshchestvo: sotsiologiya, psikhologiya, pedagogika [Society: sociology, psychology, pedagogy], 2019, no. 2 (58), pp. 88—90.
5. Karakhanyan K.G. Psikhologo-pedagogicheskaya model' obespecheniya uspekhov obucheniya studentov vuza [Psycho-pedagogic model ensuring the learning success of University students]. Dis. ... kand. psikhol. nauk. Samara: Tol'yattinskii gosudarstvennyi universitet, 2017. 188 p.
6. Komarova N.G. Formirovanie prigodnosti k voennoi sluzhbe kak rezul'tat lichnostnogo samorazvitiya kursanta voennogo vuza [Formation of fitness for military service as a result of personal self-development of a cadet of a military University]. Dis. ... kand. psikhol. nauk. Saint-Petersburg: Sankt-peterburgskii gosudarstvennyi universitet, 2016. 157 p.
7. Kontseptsiya razvitiya psikhologicheskoi sluzhby v sisteme obrazovaniya v Rossiiskoi Federatsii na period do 2025 goda (utv. Minobrnauki Rossii ot 19.12.2017) [Elektronnyi resurs] [The concept of development of psychological services in the education system in the Russian Federation for the period up to 2025 (UTV. Ministry of education and science from 19.12.2017)]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_287411/ (Accessed: 19.07.2019).
8. Medvedev A.V., Kirichenko Yu.N., Kolesnikova O.A., Puchinskii D.S. Modeli

kontseptual'noi psikhologicheskoi podgotovki sotrudnikov organov vnutrennikh del dlya raboty v osobykh usloviyakh [Models of conceptual psychological training of employees of internal Affairs bodies for work in special conditions]. Materialy vtoroi mezhdunarodnoi nauchno-metodicheskoi konferentsii «Obrazovanie. nauka. kar'era» (Kursk, 22 yanvarya 2019 g.) [Proceedings of the second international scientific and methodological conference «Education. science. Career» (Kursk, January 22, 2019)]. Kursk: Yugo-Zapadnyi gosudarstvennyi universitet, 2019.

9. Novikov M.G. Lichnostno-orientirovannaya psikhodiagnostika — initsiiruyushchii faktor professional'nogo razvitiya studenta [Personality-oriented psychodiagnostics—the initiating factor of professional development of the student]. Novoe v psikhologo-pedagogicheskikh issledovaniyakh [New in psychological and pedagogical researches], 2010, no. 4, pp. 124—129.

10. Petrov V.E., Mal'tseva T.V. Psikhologicheskoe konsul'tirovanie sotrudnikov organov vnutrennikh del: monografiya [Psychological counseling of employees of internal Affairs: monograph]. Domodedovo: VIPK MVD Rossii, 2013. 168 p.

11. Prikaz MVD Rossii ot 02.09.2013 no. 660 «Ob utverzhdenii Polozheniya ob osnovakh organizatsii psikhologicheskoi raboty v organakh vnutrennikh del Rossiiskoi Federatsii» [Elektronnyi resurs] [The Ministry of internal Affairs order dated 02.09.2013 no. 660 «On approval of Regulations on the organization of psychological work in the bodies of internal Affairs of the Russian Federation»]. URL: <http://base.garant.ru/70675376/> (Accessed: 03.08.2019).

12. Prikaz Minobrazovaniya RF ot 22.10.1999 no. 636 «Ob utverzhdenii Polozheniya o sluzhbe prakticheskoi psikhologii v sisteme Ministerstva obrazovaniya Rossiiskoi Federatsii» [Elektronnyi resurs] [The order of the Ministry of education of the Russian Federation dated 22.10.1999 no. 636 «About the statement of Regulations about service of practical psychology in the system of the Ministry of education of the Russian Federation»]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_94957/ (Accessed: 09.08.2019).

13. Sergeeva M.G., Salun S.N., Konyshcheva E.V. Metodicheskoe soprovozhdenie formirovaniya sotsial'noi kompetentnosti obuchayushchikhsya v usloviyakh vysshego obrazovaniya [Methodological support of the formation of social competence of students in higher education]. Problemy sovremennogo pedagogicheskogo obrazovaniya [Problems of modern pedagogical education], 2019, no. 62-2, pp. 220—224.

14. Ulyanina O.A. Kontseptual'nye osnovy psikhologicheskogo soprovozhdeniya formirovaniya lichnostnoi kompetentnosti kursantov obrazovatel'nykh organizatsii MVD Rossii [Conceptual framework of psychological support of development of personal competence of students of educational institutions of the MIA of Russia]. Materialy mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii «Aktual'nye problemy psikhologii pravookhranitel'noi deyatelnosti: kontseptsii, podkhody, tekhnologii (Vasil'evskie chteniya — 2019)» (Sankt-Peterburg, 25 aprelya 2019 g.) [Materials of international scientific-practical conference «Actual problems of psychology of law enforcement: concepts, approaches, techniques (Vasil'ev readings — 2019)» (Saint Petersburg, 25 April 2019)]. St. Petersburg: Sankt-Peterburgskii universitet MVD Rossii, 2019. pp. 343—349.

15. Ulyanina O.A. Psikhologicheskaya diagnostika v obrazovatel'nykh organizatsiyakh MVD Rossii [Psychological diagnostics in educational organizations of the Ministry of internal Affairs of Russia]. Psikhologiya i parvo [Psychology and law], 2018. Vol. 8, no. 2, pp. 61—76. doi: <http://10.17759/psylaw>. (In Russ., Abstr. in Engl.).

16. Ulyanina O.A. Sostoyanie i perspektivnye napravleniya psikhologicheskoi praktiki v OVD [State and perspective directions of psychological practice in ATS]. Psikhologicheskaya nauka i obrazovanie [Psychological science and education], 2017. Vol. 22, no. 5, pp. 77-84.

Ульянина О.А., Леви М.В., Теплова О.А.
Экспериментальное исследование формирования
личностной компетентности сотрудников ОВД
Психология и право. 2020. Том 10. № 2. С. 179–200.

Ulyanina O.A., Levi M.V., Teplova O.A.
Experimental Study of Formation of Police Officers'
Personal Competence
Psychology and Law. 2020. Vol. 10, no. 2, pp. 179–200.

doi: 10.17759/pse. (In Russ., Abstr. in Engl.).

17. Federal'nyi zakon ot 29.12.2012 no. 273-FZ (red. ot 25.12.2018) «Ob obrazovanii v Rossiiskoi Federatsii» [Elektronnyi resurs] [Federal law of 29.12.2012 no. 273-FZ (as amended on 25.12.2018) «On education in Russian Federation»]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_140174/ (Accessed: 27.07.2019).

18. Shcherbakova O.I., Svinoboi O.V. Sotsial'no-psikhologicheskii trening kak sposob formirovaniya professional'no vazhnykh kachestv lichnosti sotrudnika organov vnutrennikh del [Socio-psychological training as a method of forming professionally important qualities of personality of employee of organs of internal Affairs]. *Initiativy XXI veka* [Initiatives of the XXI century], 2016, no. 2, pp. 45—47.

Информация об авторах

Ульянина Ольга Александровна, кандидат социологических наук, ведущий научный сотрудник отдела по исследованию проблем отраслевого управления научно-исследовательского центра, ФГКОУ ВО «Академия управления МВД России», Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9300-4825>, e-mail: lelia34@mail.ru

Леви Максим Владимирович, кандидат психологических наук, научный консультант, ООО «Инновационные психотехнологии», Одинцово, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0086-1199>, e-mail: levimax@bk.ru

Теплова Ольга Александровна, генеральный директор, ООО «Инновационные психотехнологии», Одинцово, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3730-5046>, e-mail: i-p-t@mail.ru

Information about the authors

Olga A. Ulyanina, Candidate of Sociological Sciences, Leading Researcher of the Department for the Study of Problems of Industrial Management of the Research Center, “Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia”, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0086-1199>, e-mail: levimax@bk.ru

Maxim V. Levi, Candidate of Psychological Sciences, Scientific Advisor, Innovative Psychotechnologies, Odintsovo, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0086-1199>, e-mail: levimax@bk.ru

Olga A. Teplova, General Director of Innovative Psychotechnologies, Odintsovo, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3730-5046>, e-mail: i-p-t@mail.ru

ПСИХОЛОГИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ | PSYCHOLOGY OF PROFESSIONAL
ACTIVITY

Психологические условия повышения надежности профессионально-исполнительских действий специалиста силовых структур

Федотов А. Ю.

Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, г. Москва, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3632-255X>, e-mail: fedot-andrey2008@yandex.ru

Статья посвящена проблеме повышения профессионально-исполнительской надежности специалиста силовых структур путем целенаправленного развития фоновых психофизических уровней сознания. Данный подход реализуется с учетом особенностей профессиональной деятельности специалиста силовых структур, современной тенденции повышения роли профессионально-исполнительского фактора для надежности выполнения, как собственно исполнительских, так и управленческих задач. С методологических позиций обоснована необходимость совершенствования традиционной модели профессионально-личностного развития, систематизации психологических технологий, связанных с развитием способности к произвольной саморегуляции, наполнением инвариантным профессиональным содержанием базовых уровней построения движений и действий. Приведены экспериментальные данные, подтверждающие эффективность данного подхода. Показано, что учет закономерностей поуровневой интеграции психофизических функций, актуализированное осознание действий в процессе тренинга и ретроспективной рефлексии позволяют существенно повлиять на динамику развития профессионально-исполнительских качеств, повысить эффективность детерминируемых ими действий.

Ключевые слова: профессиональная надежность, психологическое обеспечение, психофизические профессионально-исполнительские качества, профессионально-личностное развитие, уровни формирования действий в структуре сознания, сенсомоторная сфера, саморегуляция.

Для цитаты: *Федотов А. Ю.* Психологические условия повышения надежности профессионально-исполнительских действий специалиста силовых структур [Электронный ресурс] // Психология и право. 2020. Том 10. № 2. С. 201–211. DOI:10.17759/psylaw.2020100215

Psychological Conditions for Increasing Reliability of Professional Actions of a Law Enforcement Specialist

Andrey Yu. Fedotov

Moscow University of Ministry of Internal Affairs named after V.Y.Kikotya, Moscow, Russia,
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3632-255X>, e-mail: fedot-andrey2008@yandex.ru

The article is devoted to the problem of improving the professional and performance reliability of a law enforcement specialist by development of background psychophysical levels of consciousness. This approach is implemented taking into account the features of specialist professional activity, current trends of increasing the role of professional-performance factor for reliability for both executional and management tasks. From the methodological point of view, the necessity of improving the traditional model of professional and personal development, systematization of psychological technologies related to the development of the ability to arbitrary self-regulation, filling the basic levels of movement and action construction with invariant professional content is justified. Experimental data confirming the effectiveness of this approach are presented. It is shown that taking into account the regularities of level-by-level integration of psychophysical functions, actualized awareness of actions in the course of training and retrospective reflection can significantly affect the dynamics of development of professional performance qualities, increasing the effectiveness of actions determined by them.

Keywords: professional reliability, psychological support, psychophysical professional and performing qualities, professional and personal development, levels of formation of actions in the structure of consciousness, sensorimotor sphere, self-regulation.

For citation: Fedotov A. Yu. Psychological Conditions for Increasing Reliability of Professional Actions of a Law Enforcement Specialist. *Psikhologiya i pravo = Psychology and Law*, 2020. Vol. 10, no. 2, pp. 201–211. DOI:10.17759/psylaw.2020100215 (In Russ.).

В условиях нарастающей востребованности, ответственности, сложности и напряженности профессиональной деятельности специалистов силовых структур, являющейся следствием обострения внешне- и внутривнутриполитических противоречий и появления все более изощренных средств и способов их разрешения, остро ставится вопрос о повышении профессиональной надежности этой категории специалистов [9]. Они, в соответствии с социально-правовым статусом и характером профессиональной подготовки, занимаются выполнением задач по разрешению острых межгосударственных, межгрупповых, межличностных конфликтов и преодолению их последствий в условиях непосредственного контакта с субъектами, факторами и условиями, угрожающими их жизни и здоровью. Это военнослужащие Вооруженных Сил, сотрудники правоохранительных органов, специальных служб и иных государственных структур, которым делегируется право

на применение специальных полномочий в отношении объектов их профессиональной деятельности.

Профессионально-исполнительский фактор профессиональной надежности

Профессиональная надежность специалиста комплексно характеризует его способность своевременно достигать, и длительно удерживать необходимый уровень эффективности профессиональных действий в условиях помех, характерных для данной профессии [3; 10]. Так как конечной инстанцией профессиональной деятельности специалиста силовых структур является непосредственное применение техники и вооружения в конкретном пространственно-временном континууме, эффективность пространственных и предметных действий является наиболее важным аспектом ее надежности. Проблема достижения надежности пространственных и предметных действий решается в рамках психологического обеспечения профессионально-исполнительского фактора. Проведенные исследования демонстрируют существенные отличия по показателям этого фактора у профессионально надежных и менее надежных специалистов, дифференцированных в констатирующем эксперименте по внешнему критерию (табл. 1). Показатели, характеризующие профессиональную надежность этого фактора, по которым осуществлялось сравнение, обоснованы в ходе комплексного исследования профессиональной деятельности специалистов на основе системно-ситуативного анализа [8; 12].

Таблица 1

Результаты констатирующего эксперимента исследования профессионально-исполнительского фактора профессиональной надежности специалиста силовых структур

№	Показатели профессионально-исполнительского фактора профессиональной надежности	КЭГ1	КЭГ2	t_{ks}
	Сенсомоторная реактивность	7,4	5,8	3,401
2	Исполнительская универсальность пространственных и предметных действий	7,8	6,1	3,453
3	Профессиональные исполнительские умения и навыки	6,3	5,7	1,972
4	Пространственно-предметный образ ситуации	6,1	4,8	3,381
5	Устойчивость профессионального Я-образа	6,9	5,1	3,443
6	Стрессовая резистентность исполнительских действий	6,1	5,0	3,342

Примечание. КЭГ1 — надежные: N=62, КЭГ2 — менее надежные по внешнему критерию; N=59; значимость различий определена по параметрическому t-критерию Стьюдента для несвязанных выборок при $p = 0,001 t_{ks} > 3,37$; $p = 0,01 t_{ks} > 2,62$; $p = 0,05 t_{ks} > 1,98$ при $k=120$.

Данные, представленные в табл. 1, демонстрируют, что отличия в профессиональной надежности профессионально-исполнительских действий касаются не профессиональной обученности и владения определенным набором навыков и умений (показатель 3), получаемых как надежными, так и менее надежными специалистами в равном объеме, но уровнем профессионально-личностного развития психофизических качеств, позволяющих адекватно использовать эти навыки и умения в реальных профессиональных ситуациях.

Статистически значимая разница наблюдается по показателям, характеризующим образную компоненту профессиональных действий, психическое состояние и сенсомоторные основы исполнительского действия. Термином «психофизические качества» подчеркивается нерасторжимость психического и моторного процесса в ходе отражения, построения образа и регуляции профессиональных действий. Термин «профессионально-личностное развитие» акцентирует внимание на необходимости достижения необратимых, направленных и закономерных изменений, выражающихся в возникновении количественных, качественных и структурных преобразований психики профессионала для решения задач его профессиональной надежности.

Методологическая основа психологического обеспечения профессионально-исполнительского фактора профессиональной надежности

Для успешного решения задачи психологического обеспечения профессионально-исполнительского фактора профессиональной надежности необходимо опереться на адекватную методологическую основу, позволяющую выявить, всесторонне оценить и определить пути, средства и способы развития детерминирующих его психофизических качеств. Теоретический анализ и прикладные исследования позволяют утверждать, что роль такой методологической основы с успехом играет деятельностный подход в психологии, представленный концепцией поуровневой структуры сознания, обоснованной в трудах В.П. Зинченко, Н.Д. Гордеевой, Е.Б. Моргунова и др. на основе исследований Н.А. Бернштейна в области физиологии активности и получившей дальнейшее развитие в исследованиях познавательных процессов Л.М. Веккера и нейрокогнитивных исследованиях под руководством Б.М. Величковского [1; 2; 3; 6; 4]. Не ставя задачу подробного изложения данной концепции, отметим, что психофизические качества, определяющие особенности реализации профессионально-исполнительских функций, как правило, организуются на ведущих уровнях D — предметных действий и C — пространственных действий, рекрутируя в качестве основания базовые (фоновые) уровни психики B — синергий и A — тонуса. При этом именно фоновые уровни определяют потенциальные возможности проявления профессиональной вариативности, точности, своевременности, устойчивости и других важнейших характеристик ведущих уровней. В данном случае срабатывает закономерность нисходящей поуровневой интеграции психофизических функций, определяемых способом и конечным результатом профессионального действия.

Роль профессионализации фоновых уровней в достижении надежности профессионально-исполнительских действий

Можно предположить, что успешность развития психофизических качеств по уровням профессиональных пространственных (локомоции, пространственные манипуляции, перцептивные действия, маскировка) и предметных (применение снаряжения, техники связи, навигации, наблюдения, транспорта, вооружения) действий будет зависеть от уровня развития и степени профессионализации психофизических качеств фоновых уровней построения движений и действий A — тонуса и B — синергий. Психологическим условием выступает восходящая поуровневая интеграция психофизических функций от фоновых до ведущих уровней действия. Для проверки данной гипотезы проведен формирующий эксперимент, в рамках которого у экспериментальной группы (N_э=31) осуществлялась дополнительная целенаправленная профессионализация фоновых уровней посредством овладения инвариантными движениями и их интеграция в рамках комплексных

пространственных и предметных действий. Инвариантные движения выявлялись на основе теоретического изучения решения подобных задач в других профессиональных областях [11; 13] и исследовательского моделирования действий опытных профессионалов данной категории; а контрольная группа ($N_k=32$) осваивала пространственные и предметные действия непосредственно, традиционным способом (табл. 2). Стандартизация процедур и величин показателей проведена в процессе предварительного пилотажного исследования на группе специалистов той же штатной категории, проверки получаемых данных и определения нормальности их распределения с применением критерия согласия Колмогорова—Смирнова.

Таблица 2

Результативность освоения профессиональных пространственных действий с учетом предварительного формирования профессиональных инвариантов по уровням А и В

№	Профессиональное действие	Качество применения			Скорость освоения			Универсальность применения		
		ЭГ1	КГ1	t _{ks}	ЭГ1	КГ1	t _{ks}	ЭГ1	КГ1	t _{ks}
1	Ординарные пространственные перемещения	8,3	7,1	2,2	7,9	7,3	1,2	8,4	6,1	3,3
2	Неординарные пространственные перемещения	7,6	5,3	3,3	7,8	5,6	3,2	8,4	5,8	3,6
3	Пространственные манипуляции предметами	8,1	5,7	3,4	7,9	5,6	3,3	8,1	5,4	3,7
4	Перцептивные эталоны	8,5	6,0	3,5	8,4	6,3	3,1	8,1	7,6	2,5
5	Не инструментальные перцептивные действия	8,3	5,9	3,4	8,1	5,5	3,6	8,1	5,4	3,7
6	Не инструментальная маскировка	8,1	7,0	2,1	7,9	5,8	3,1	8,2	5,8	3,4
7	Пространственное взаимодействие	8,2	6,9	2,3	8,1	6,1	3,0	8,3	6,1	3,2
8	Перемещения с использованием транспортных средств	8,0	7,1	0,6	7,9	6,8	2,1	8,6	7,4	2,2
9	Инструментальные перцептивные действия	8,1	6,5	2,6	8,2	5,9	3,3	8,1	6,0	3,1
10	Инструментальное пространственное взаимодействие	7,9	6,4	2,5	8,0	5,3	3,7	8,1	5,9	3,2
11	Использование пространства как предмета воздействия	8,0	5,8	3,2	8,3	5,7	3,6	8,4	5,5	3,9
12	Инструментальная	7,9	7,8	0,6	7,5	5,9	2,6	8,3	6,2	3,1

	маскировка									
13	Применение снаряжения и экипировки	8,2	7,1	2,1	7,9	5,9	3,0	8,6	5,8	3,8
13	Применение средств коммуникации	8,0	6,9	2,1	8,2	6,6	2,6	8,5	6,1	3,4
14	Применение специальных средств	8,3	6,9	2,4	8,1	5,9	3,2	8,5	6,0	3,5
15	Применение оружия	8,4	6,1	3,3	8,1	6,0	3,1	8,4	6,2	3,2

Примечание. «Качество применения» — это обобщенная оценка выполненного действия по траекторным, алгоритмическим и хронометрическим показателям; «Скорость освоения» — балльная оценка времени, затраченного на освоение действия; «Универсальность» — вариативность использования как такового и применяемость этого действия в построении других, сложно интегрированных действий в качестве универсальной подсистемы, состоящей из ограниченного числа инвариантов (в противоположность уникальности — как возможности применения каждого действия только в определенном контексте и включенности в его состав элементов, характерных только для этого действия). Параметрический t критерий Стьюдента для несвязанных выборок: $p = 0,001 t_{ks} > 3,46$; $p = 0,01 t_{ks} > 2,66$; $p = 0,05 t_{ks} > 2,00$ при $k=60$.

Представленные данные свидетельствуют, что дополнительные усилия, затраченные на целенаправленное профессиональное развитие фоновых инвариантных действий, кардинально меняет картину профессионально-исполнительского действия, ускоряя его освоение, делая его более универсальным с точки зрения реализации практических задач, более пригодным для комплексирования. Изменения на уровне тенденции ($0,05 > p > 0,01$) наблюдаются лишь в ряде классов профессиональных действий по показателям качества применения как отдельного действия, что не так ценно в реальных ситуациях. Аналогичная картина по значимости различий наблюдается и при сопоставлении показателей развития психофизических качеств-детерминант надежности профессионально-исполнительского фактора (табл. 3)

Таблица 3

Результаты формирующего эксперимента по развитию профессионально-исполнительского фактора профессиональной надежности специалиста силовых структур

№	Показатели профессионально-исполнительского фактора профессиональной надежности	ЭГ	КГ	t_{ks}
1	Сенсомоторная реактивность	7,7	6,5	2, 243
2	Исполнительская универсальность пространственных и предметных действий	8,2	6,6	3, 641
3	Профессиональные исполнительские умения и навыки	6,3	6,0	1, 524
4	Пространственно-предметный образ ситуации	6,3	5,1	2, 135
5	Устойчивость профессионального Я-образа	8,8	6,4	3, 423

6	Стрессовая резистентность исполнительских действий	8,6	6,0	3,634
---	--	-----	-----	-------

Примечание. ЭГ ($N_3=31$), КГ ($N_k=32$); значимость различий определена по параметрическому t-критерию Стьюдента для несвязанных выборок: $p = 0,001 t_{ks} > 3,46$; $p = 0,01 t_{ks} > 2,66$; $p = 0,05 t_{ks} > 2,00$ при $k=60$.

Разница по показателю, представляющему обязательный набор профессиональных навыков и умений, несущественна. Разница на уровне тенденции обнаруживается в развитии внешних компонент образа ситуации, что тесно связано с предыдущим показателем и постоянно актуализируется в любом профессиональном действии, и в показателе сенсомоторной реактивности, принципиально мало поддающемся развивающему воздействию, но все же совершенствуемому в контексте первичных профессиональных реакций за счет ограничения количества выборов и оптимизации траекторий базовых моторных инвариантов, что происходит в соответствии с законом Хика—Хаймана и Фиттса [7].

Психологические условия повышения эффективности развития фоновых уровней профессионально-исполнительских действий

В процессе экспериментальной апробации данной модели психологического обеспечения профессиональной надежности возникла проблема развития фоновых психофизических уровней А и В. Суть проблемы заключается в том, что сензитивный период развития этих уровней приходится на раннее детство и у взрослого специалиста силовых структур проявляет значительную резистентность по отношению к попыткам его формирования обычными тренинговыми методами. Теоретический анализ и экспериментальное исследование позволили обосновать и апробировать эффективный способ воздействия на эти глубинные уровни психического посредством развития способности к вхождению в состояние самопогружения. Суть решения проблемы заключается в том, что в состоянии самопогружения обучаемый может актуализировать в сознании проприоцептивные ощущения, отражающие его психофизический тонус и синергии. Осознав, прочувствовав, он получает возможность управлять ими и трансформировать их, обеспечивая искомую профессиональную инвариантность фоновых уровней [12]. Психологическим условием эффективного развития действий по неосознаваемым в обычном бодрствующем психическом состоянии уровням тонуса и синергий является актуализированное осознание этих уровней в процессе тренинга по освоению и комплексному применению этих действий в учебных условиях и повторная ретроспективная рефлексия выполненных действий. При этом актуализированное осознание фоновых уровней требуется только при их первоначальном освоении в процессе медленного исполнения действий, а ретроспективная рефлексия должна стать привычкой после выполнения как учебных, так и реальных профессиональных задач. Актуализированное осознание выполняемых профессиональных действий в реальных ситуациях исключается, самоконтроль осуществляется на ранее проработанном и теперь постпроизвольном уровне, что не отвлекает специалиста от контроля за наиболее значимыми факторами складывающейся ситуации.

Экспериментальное исследование подтвердило гипотезу о возможности эффективного развития профессиональной инвариантности фоновых уровней профессионально-

исполнительского действия посредством целенаправленного освоения и применения методов произвольной психической саморегуляции (табл. 4).

Таблица 4

Результативность применения профессиональных инвариантных движений по уровням А и В с использования методов психической саморегуляции

№	Профессиональное действие	Качество исполнения			Скорость освоения			Включенность в действия		
		ЭГ	КГ	t _{ks}	ЭГ	КГ	t _{ks}	ЭГ	КГ	t _{ks}
1	Удержание вертикальной инвариантной позиции	8,2	8,0	0,7	7,9	7,3	1,2	7,8	6,3	2,5
2	Удержание горизонтальной инвариантной позиции	7,5	5,1	3,4	7,9	4,4	3,5	8,1	5,8	3,3
3	Самоконтроль баланса на подвижных опорах	8,1	7,8	0,9	8,0	5,7	3,3	8,2	6,9	2,3
.	Самоконтроль баланса на узких опорах в движении	7,8	5,6	3,2	8,3	7,2	3,1	8,2	7,1	3,1
5	Управление внешним воздействием	7,9	7,3	1,2	8,1	6,1	3,0	8,7	6,5	3,2
6	Инвариантные локомоции	8,1	6,0	3,1	7,2	6,3	1,9	8,5	6,1	3,4
7	Использование центра тяжести в координации и ускорении действий	8,2	6,9	2,3	7,9	5,9	3,0	8,6	5,8	3,8
8	Конструирование фонов пространственных и предметных действий	8,0	5,6	3,4	7,8	5,1	3,7	8,5	5,6	3,9

Примечание. «Качество исполнения» — обобщенная оценка выполненного движения по траекторным, алгоритмическим и хронометрическим показателям; «Скорость освоения» — балльная оценка времени, затраченного на освоение движения; «Включенность в действия» — степень реального применения освоенных двигательных паттернов в составе комплексных пространственных и профессионально-исполнительских действий в качестве необходимого и достаточного набора фонов без необходимости их сознательного контроля. ЭГ (N_с=31), КГ (N_к=32). Использован параметрический t критерий Стьюдента для несвязанных выборок: $p = 0,001 t_{ks} > 3,46$; $p = 0,01 t_{ks} > 2,66$; $p = 0,05 t_{ks} > 2,00$ при $k=60$.

Приведенные в таблице данные наглядно демонстрируют значимость различий по степени сформированности фоновых уровней из чего следует вывод о необходимости использования потенциала произвольной психической саморегуляции для достижения профессиональной инвариантности фоновых уровней исполнительских действий.

Таким образом, применение технологий, опирающихся на закономерности поуровневой интеграции психофизических функций, актуального осознания в процессе тренинга и ретроспективной рефлексии осуществленных действий позволяет повысить эффективность развития профессионально-исполнительских качеств, детерминирующих надежность профессионально-исполнительских действий специалиста силовых структур.

Федотов А. Ю.
Психологические условия повышения надежности профессионально-исполнительских действий специалиста силовых структур
Психология и право. 2020. Том 10. № 2. С. 201–211.

Fedotov A. Yu.
Psychological Conditions for Increasing Reliability of Professional Actions of a Law Enforcement Specialist
Psychology and Law. 2020. Vol. 10, no. 2, pp. 201–211.

Литература

1. Бернштейн Н.А. О ловкости и ее развитии. М., ФиС, 1991. С. 288.
2. Бернштейн Н.А. Физиология движений и активность. М., Наука, 1990. С.496.
3. Благинин А.А. Надежность профессиональной деятельности операторов сложных эргатических систем: монография; Ленинградский гос. ун-т имени А.С. Пушкина. СПб.: Ленинградский гос. ун-т имени А.С. Пушкина (ЛГУ), 2006. 139 с.
4. Величковский Б.М. Когнитивная наука: Основы психологии познания: в 2 т. Т. 1. М.: Смысл; Издательский центр «Академия», 2006. 448 с.
5. Зинченко В.П., Е.Б. Моргунов. Человек развивающийся. Очерки российской психологии. М, 1994. 304 с.
6. Н.Д. Гордеева., Зинченко В.П. Функциональная структура действия. М: МГУ, 1982. 174 с.
7. Карасев А.В. Экспериментальное исследование конституциональных свойств спортсменов с использованием аппаратных психофизиологических методов // Проблемы современной морфологии человека: Материалы международной научно-практической конференции, посвященной 80-летию профессора Б.А. Никитюка (25—27 сентября 2013 года). М.: РГУФКСМиТ, 2013. С 168—170.
8. Крук В.М. Системно-ситуативный анализ в практической деятельности должностных лиц психологической службы: учеб.-метод. пособие. М.: НУК ИУ МГТУ имени Н.Э. Баумана, 2016. 177 с.
9. Путин В.В. Выступление на коллегии Министерства обороны РФ. Стенограмма от 24 декабря 2019 г. С. 3—5. [Электронный ресурс]. <http://prezident.org/tekst/stenogramma-zasedaniya-kolleгии-ministerstva-oborony-24-12-2019.html> (дата обращения: 31.12.2019).
10. Рыбников В.Ю. Психологическое прогнозирование надежности деятельности специалистов экстремального профиля: дисс. д-ра психол. наук. СПб, 2000. С. 433.
11. Томилов В.Н. Принципы формирования рациональных двигательных действий в спорте: дисс. д-ра педагогич. наук. СПб, 2010. 311 с.
12. Федотов А.Ю. Профессиональная надежность специалиста силовых структур. Монография. Москва, Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, 2018. — 199 с.
13. Чугунов Е.В. Развитие пианистической техники в свете уровневой теории организации движений Н.А. Бернштейна // Музыкальная психология, психология музыкального образования. 2014. № 1. С. 47—56.

References

1. Bernstein N.A. O lovкости i ee razvitiia [On dexterity and its development]. Moscow: FIS, 1991. 288 p.
2. Bernstein N.A. Fiziologiya dvizhenii i aktivnost' [Physiology of movements and activity]. Moscow: Publ. Nauka, 1990. 496 P.
3. Blaginin A.A. Nadezhnost' professional'noi deyatel'nosti operatorov slozhnykh ergaticheskikh system: monografiya [Reliability of professional activity of operators of complex ergatic systems]. Saint Petersburg: Publ. LGU , 2006. 139 p.

4. *Velichkovsky B.M.* Kognitivnaya nauka: Osnovy psikhologii poznaniya [Cognitive science: Fundamentals of the psychology of knowledge]: in 2 vol. - Vol. 1. Moscow: Publ. Sense: Publishing center "Academy", 2006. 448 p.
5. *Zinchenko V.P.* Chelovek razvivayushchiysya [Man developing] In. Morgunov E. B. Essays of Russian psychology. Moscow: 1994. 304 p.
6. *Zinchenko V.P.* Funktsional'naya struktura deistviya [Functional structure of action] In.. Gordeeva N. D. (ed.). Moscow: Publ.MGU, 1982. 174 p.
7. *Karasev A.V.* Eksperimental'noe issledovanie konstitutsional'nykh svoystv sportsmenov s ispol'zovaniem apparaturnykh psikhofiziologicheskikh metodov [Experimental study of constitutional properties of athletes using hardware psychophysiological methods] Problemy sovremennoi morfologii cheloveka: Materialy mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii, posvyashchennoi 80-letiyu professora B.A. Nikityuka (25-27 sentyabrya 2013 goda). [Problems of modern human morphology: Materials of the international scientific and practical conference dedicated to the 80th anniversary of Professor B. A. Nikityuk] .Moscow: 2013. pp.168-170.
8. *Kruk V.M.* Sistemno-situativnyi analiz v prakticheskoi deyatelnosti dolzhnostnykh lits psikhologicheskoi sluzhby. Uchebno-metodicheskoe posobie [System-situational analysis in the practical activities of officials of the psychological service]. Moscow: Publ. Bauman Moscow state technical University, 2016. 177p.
9. *Putin V.V.* Vystuplenie na kollegii Ministerstva oborony RF. Stenogramma ot 24 dekabrya 2019 g. [Elektronnyi resurs] [Speech at the Board of the Ministry of defense of the Russian Federation. Transcript of December 24, 2019. pp. 3-5. URL: <http://prezident.org/tekst/stenogramma-zasedaniya-kollegii-ministerstva-oborony-24-12-2019.html>. (Accessed 31. 12. 1019).
10. *Rybnikov V.Yu.* Psikhologicheskoe prognozirovanie nadezhnosti deyatelnosti spetsialistov ekstremalnogo profilya [Psychological forecasting of reliability of activity of extreme profile specialists. Dr. Sci. (Psychological) diss]. Saint Petersburg . 2000. 433p.
11. *Tomilov V.N.* Printsipy formirovaniya ratsional'nykh dvigatel'nykh deistvii v sporte. [Principles' of formation of rational motor actions in sports Dr. Sci. (Pedagogical) diss]. Saint Petersburg. 2010. 311p .
12. *Fedotov A.Yu.* Professional'naya nadezhnost' spetsialista silovykh struktur [Professional reliability of the specialist of power structures Monograph.]. Moscow: Publ. V. Ya. Kikotya Moscow University of the Ministry of internal Affairs of Russia, 2018. 199p.
13. *Chugunov E.V.* Razvitie pianisticheskoi tekhniki v svete urovnevoi teorii organizatsii dvizhenii N. A. Bernshteina. [Development of piano technique in the light of the level theory of movement organization by N. A. Bernstein].. Muzykal'naya psikhologiya, psikhologiya muzykal'nogo obrazovaniya. [Music psychology, psychology of music education]. No. 1. 2014. pp. 47-56.

Информация об авторе

Федотов Андрей Юрьевич, кандидат психологических наук, доцент кафедры психологии УНК ПСД, Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя., г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3632-255X>, e-mail: fedot-andrey2008@yandex.ru

Федотов А. Ю.

Психологические условия повышения надежности профессионально-исполнительских действий специалиста силовых структур
Психология и право. 2020. Том 10. № 2. С. 201–211.

Fedotov A. Yu.

Psychological Conditions for Increasing Reliability of Professional Actions of a Law Enforcement Specialist
Psychology and Law. 2020. Vol. 10, no. 2, pp. 201–211.

Information about the author

Andrey Yu. Fedotov, PhD in Psychology, associate Professor, Professor of the Department of psychology of the UNK PSD, Moscow University of Ministry of Internal Affairs named after V.Y.Kikotya, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3632-255X>, e-mail: fedot-andrey2008@yandex.ru

ПСИХОЛОГИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ | PSYCHOLOGY OF PROFESSIONAL
ACTIVITY

**Предъявление для опознания: психологические и
тактические аспекты, перспективные методы
производства**

Савельева М.В.

Саратовская государственная юридическая академия (ФГБОУ ВО «СГЮА»), Саратов, Российская Федерация

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2655-1233>, e-mail: m300kk64@mail.ru

Смушкин А.Б.

Саратовская государственная юридическая академия (ФГБОУ ВО «СГЮА»), Саратов, Российская Федерация,

Поволжский институт (филиал) ВГУЮ (РПА Минюста России) Саратов, Саратов, Российская Федерация

<https://orcid.org/0000-0003-1619-8325>, e-mail: skif32@yandex.ru

Домнина О.В.

Саратовская государственная юридическая академия (ФГБОУ ВО «СГЮА»), Саратов, Российская Федерация

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6324-039X>, e-mail: Ol-domni@yandex.ru

Авторами исследованы тактические и психологические особенности предъявления для опознания, рассмотрены самые востребованные практикой виды предъявления для опознания. Обоснована необходимость процессуального совершенствования регламентации предъявления для опознания и необходимость участия специалиста – психолога. Особое внимание уделено психологической сущности процесса узнавания и факторам, влияющим на него. Дан анализ основных психологических элементов опознания, учтены особенности восприятия, особенности памяти, представления, узнавания. В зависимости от психологического состояния субъекта опознания проанализированы ситуации: опознания в спокойной обстановке; при нестабильном психологическом состоянии опознающего; в условиях, исключающих восприятие опознающего, но с отсутствием чувства уверенности и защищенности или, наоборот, с чувством защищенности. Особое внимание уделено предъявлению для опознания, в ситуации применения мер безопасности опознающего, а так же инновационному направлению по применению виртуальной реальности в ходе опознания

Савельева М.В., Смушкин А.Б., Домнина О.В.
Предъявление для опознания: психологические и
тактические аспекты, перспективные методы
производства
Психология и право. 2020. Том 10. № 2. С. 212–222.

Sawelewa M.V., Smushkin A.B., Domnina O.V.
Presentation for identification: psychological and
tactical aspects, promising methods of production
Psychology and Law. 2020. Vol. 10, no. 2, pp. 212–222.

Ключевые слова предъявление для опознания, специалист – психолог,
визуальное наблюдение опознающего, виртуальная реальность.

Для цитаты: *Савельева М.В., Смушкин А.Б., Домнина О.В.* Предъявление для опознания: психологические и тактические аспекты, перспективные методы производства [Электронный ресурс] // Психология и право. 2020. Том 10. № 2. С. 212–222. DOI:10.17759/psylaw.2020100216

Presentation for identification: psychological and tactical aspects, promising methods of production

Marina.V Sawelewa.

Federal State Budget Educational Institution of Higher Education "Saratov State Law Academy",
Saratov, Russia

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2655-1233>, e-mail: m300kk64@mail.ru

Alexandr. B. Smushkin

Federal State Budget Educational Institution of Higher Education "Saratov State Law Academy",
Saratov, Russia

Povolzhie Law Institute Federal State Budget Educational Institution of Higher Education of the
Russian Law academy of minister of Justice of the Russian federation, Saratov, Russia
skif32@yandex.ru

ORCID <https://orcid.org/0000-0003-1619-8325> , e-mail: skif32@yandex.ru

Olga V. Domnina

Federal State Budget Educational Institution of Higher Education "Saratov State Law Academy",
Saratov, Russia

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6324-039X>, e-mail: Ol-domni@yandex.ru

The authors investigated the tactical and psychological features of presentation for identification. The most popular types of presentation for identification are examined in detail. The necessity of the procedural improvement of the regulation of presentation for identification and the need for the participation of a specialist - psychologist are substantiated. Particular attention is paid to the psychological nature of the recognition process and the factors affecting it. The analysis of the basic psychological elements of identification is given, the characteristics of perception, especially memory, presentation, recognition are taken into account. Depending on the psychological state of the subject of identification, situations are analyzed: identification in a calm environment; with an unstable psychological state of the identifier; in conditions that exclude the perception of the identifier, but with a lack of confidence and security, or, conversely, with a sense of security. The authors pay special attention to the presentation for identification, in the situation of application of security measures of the identifier, as

well as to such an innovative direction as the use of virtual reality during this investigative action.

Keywords: presentation for identification, specialist psychologist, visual observation of the identifying, virtual reality.

For citation: Sawelewa M.V., Smushkin A.B., Domnina O.V. Presentation for identification: psychological and tactical aspects, promising methods of production. *Psikhologiya i pravo = Psychology and Law*, 2020. Vol. 10, no. 2, pp. 212–222. DOI:10.17759/psylaw.2020100216 (In Russ.).

Предъявление для опознания является одним из сложнейших следственных действий. Для его производства необходимо решить многие трудоемкие организационные вопросы, а так же хорошо представлять психологическую сущность процесса опознания. Вопросы его проведения рассматривались в специальной литературе такими учеными как В.С. Бурданова, И.Е. Быховский, Н.Н. Гапанович, А.Я. Гинзбург, М.И. Еникеев, Г.И. Кочаров, В.В. Крылов, А.Р. Ратинов, Е.Ю. Самолаева, З.Г. Самошина, П.П. Цветков, О.В. Чельшева, В.В. Степанов, Д.А. Степаненко. Но это не уменьшает актуальности комплексного исследования проблем психологической природы узнавания и новейших способов проведения данного следственного действия.

Определяя сущность исследуемого следственного действия, на первый план выступает сложный психологический процесс, проводящийся по строгим процессуальным правилам, результаты которого в случае надлежащего закрепления приобретают доказательственное значение.

По сути, данный подход соответствует очень четкому и лаконичному определению предъявления для опознания, которое дано Ю.Н. Михайловой и В.В. Степановым. Предъявление для опознания - это процессуальное действие, заключающееся в идентификации объекта, в соответствии с правилами, установленными уголовно-процессуальным законодательством [11, с.29]. Об идентификационной сущности предъявления для опознания в свое время указывал еще С.М. Потапов [16, с.70].

Решить вопрос об идентификации объекта без возможности повторения такого же следственного действия в тех же условиях – это трудная задача и для следователя, и для опознающего. Ее решение неизбежно может повлечь различные ошибки. Так, В.М. Дакуева, исследовавшая ошибки при опознании, мотивированно отмечает, что процессуальные правила проведения опознания вытекают из самой психологии процесса узнавания и направлены на обеспечение достоверных результатов. На что влияет большое число факторов, поэтому к результатам опознания необходимо относиться достаточно критично [6, с.13].

В связи с этим разумно рекомендовать привлечение для оказания помощи в проведении следственного действия специалиста – психолога с целью избегать тревожных состояний опознающего и подготавливать его к встрече с неприятным субъектом и максимально стабилизировать ситуацию следственного действия. Поскольку для тревожных людей свойственно снижение критичности в личностном отношении с повышенной внушаемостью, появление такого качества, как неспособность возложить ответственность на себя, с отказом от всякой ответственности [12, 5].

Основными психологическими категориями, которые раскрывают сущность

предъявления для опознания, выступают восприятие, память, представление. Рассмотрим лишь отдельные их особенности, знание которых поможет следователю лучше организовать тактику предъявления для опознания, поскольку психологический процесс узнавания в целом одинаков и в случае процессуального опознания, и при повседневном узнавании, его схема базируется на одинаковых принципах [9, с.13].

Восприятие определяется как чувственное познание предметов окружающего мира. Сукцессивное восприятие — это не линейное движение анализаторов от одного признака к другому, а сложный процесс поступательных и возвратных движений зрительного анализатора и мыслительных процессов. Симультанное восприятие формируется на последующих этапах исследования (наблюдения) нового объекта. Это высшая ступень восприятия. Симультанное восприятие предполагает синтез признаков явления в единую форму [7, с.231].

Исходя из рассмотрения этого психологического механизма, следует отметить, что сугубо симультанного и чисто сукцессивного узнавания как конечного элемента предъявления для опознания не бывает. Во всех случаях восприятие происходит сначала в целом, а затем исследование его отдельных признаков. При этом восприятие объекта, связанного с расследуемым событием, создает потенциальную возможность в последующем проведении предъявления для опознания, при котором следователь обязан в протоколе зафиксировать по каким признакам произошло опознание (что свойственно сукцессивному фактору - обеспечивается работой структур, объединенных в левое полушарие мозга) и итоговый вывод произошло ли узнавание или нет (что свойственно исследованию объекта в целом и обуславливается симультанным фактором, который обеспечивается правым полушарием).

Центральным элементом в ходе предъявления для опознания является память как психический процесс обеспечивающий организацию и сохранения прошлого опыта. При этом следует указать, что наряду с запоминанием одновременно запускается и процесс забывания. Возможность последующего узнавания сильно обусловлена субъективными характеристиками опознающего, так как процессы запоминания и воспроизведения признаков объекта зависят от множества факторов, таких как возраст, состояния органов чувств, преднамеренность запоминания, наличие заболеваний и др.

Представление – психический процесс отражения предметов или явлений, которые в данный момент не воспринимаются. Оно реализуется в ходе предварительного допроса опознающего, когда опознающее лицо пытается описать объект опознания по тому отражению, которое отложилось в его сознании. Однако как верно отмечает Л.Г. Татьяна, в момент совершения преступления потерпевшим овладевает чувство страха, которое искажает восприятие окружающего мира, необходимость собственной защиты не позволяет разглядеть, тем более изучить нападавших, кроме того, их внешность может быть изменена посредством использования различных способов маскировки, она может быть изменена с учетом сложившейся ситуации [20, с.170]. Бесспорно, что эмоциональный окрас ситуации, в которой воспринимался объект, также повлияет на результат опознания.

Особый интерес и большую практическую значимость представляют вопросы предъявления для опознания живых лиц. Результативность процесса опознания человека будет обусловлена психологической готовностью опознающего лица воспринимать тот объект (опознаваемого), который он воспринимал в экстремальных условиях связанных с событием преступления, что предопределено психологической составляющей деятельности субъекта

опознания.

В зависимости от психологического состояния субъекта опознания (опознающего лица) возможно выделение следующих ситуаций: 1) опознание проходит в спокойной психологически ровной обстановке: опознающий организационно и психологически готов к следственному действию и не испытывает чувство страха и тревоги; 2) опознание проходит в условиях психологически нестабильного состояния опознающего: он не чувствует себя полностью уверенным в сложившейся ситуации, испытывает чувство страха, обусловленного необходимостью наблюдать преступника; 3) опознание происходит в условиях исключаяющих визуальное наблюдения опознающего опознаваемым, но опознаваемый не чувствует себя психологически комфортно из-за боязни ошибиться и не узнать подозреваемого, обвиняемого; 4) опознание происходит в условиях исключаяющих визуальное наблюдения опознающего опознаваемым, опознаваемый в связи с этим чувствует себя защищенным.

Из данных возможных ситуаций предъявления для опознания особо сложными с точки зрения формирования доказательственной базы являются ситуации, связанные с негативной психологической окраской для опознающего ситуации восприятия опознаваемого.

Дополнительного рассмотрения требует тактика проведения предъявления для опознания в условиях исключаяющих визуальное восприятие опознающего опознаваемым. Этот способ предъявления для опознания как один из актуальных и организационно сложных рассмотрен в ряде современных работ [1,3, с.91 – 92, 17, 10, 22, 21,15]. Одной из его задач является обеспечение защиты опознающему лицу в виде сохранения в тайне данных о его личности. При этом в ходе следственного действия недопустимо опознающего называть по имени, а обращаться к нему, исходя из указанного в постановлении о сохранении в тайне данных о личности, псевдонима. Кроме того, следует признать разумным предложение Л.В. Брусницина, о том что «если опознающий участвует в уголовном судопроизводстве под псевдонимом и его ответ на вопрос о том, при каких обстоятельствах он видел опознаваемого, может привести к установлению опознаваемым либо его защитником личности опознающего, ответ указывается в протоколе лишь в части, которая исключает возможность такого установления» [2, с.55].

Законодатель закрепил производство данного действия в условиях, исключаяющих визуальное наблюдение опознающего опознаваемым. Однако, узнавание опознающего опознаваемым возможно не только по внешним признакам, воспринимаемым визуально, но также и по голосу. Подобная проблема верно отмечена З.Г. Самошиной [18. с.41 - 42]. Узнавание свидетеля или потерпевшего не способствует его безопасности и облегчает дальнейшее неправомерное давление на него. Необходимо вообще исключить указание на способ восприятия из ч.8 ст.193 УПК. А меры безопасности должны быть применены не только при реально высказываемой угрозе, но и при потенциальном наличии угрозы, по обоснованному опасению свидетеля или потерпевшего.

Предъявление для опознания при применении данной меры обеспечения безопасности возможно непосредственными или опосредованными способами.

Непосредственное опознание проходит при прямом (без посредничества техники) восприятии опознающим опознаваемого. В этом случае допустимо гримирование опознаваемого, применение затемнения в той части, где находится защищаемый опознающий, если защитник (адвокат) опознаваемого ходатайствует о нахождении с обратной стороны

тонируемого стекла в помещении рядом с опознающим¹. Однако, каждый из этих способов имеет свои недостатки. Как мы уже отмечали, «данный способ не исключает узнавания опознающего опознаваемым по вербальным или динамическим признакам или давления на неузнанного опознающего» [19]. Для решения этого вопроса в немецкой литературе рекомендовано, чтобы опознающий высказывал свое заключение в отсутствие лиц, предъявляемых для опознания, и результаты опознаний становились известными лишь при оглашении протокола этого следственного действия» [23. с.120].

Опосредованное предъявление для опознания проводится без прямого контакта опознающего с опознаваемым, с использованием фотографий, видеозаписи или видеоконференцсвязи. В целях экономии сил и средств на отдельные организационные моменты возможно проведение предъявления для опознания в ходе видео-конференцсвязи. Данный инновационный способ проведения предъявления для опознания требует особого рассмотрения. М.В. Новикова предлагает узаконить применение видеотехнологий при проведении опознания и дополнить ч. 8 ст.193 УПК следующим положением: «В случае невозможности проведения опознания в условиях, исключающих визуальный контакт между опознаваемым и опознающим, допустимо использование технических средств видеосвязи» [13].

Что касается опознания по видеозаписи, то отношение к нему в науке является неоднозначным. Н. Власенко, А. Иванов полагают, что его нельзя проводить при помощи заранее сделанной видеозаписи ...разрыв во времени в данном случае не позволяет предложить опознаваемому выполнить какие-либо действия [4, с.22-23]. Однако, по мнению Н.Н. Ильина, «видеозапись может занять место среди объектов предъявления для опознания. Она остается в настоящее время единственным средством, позволяющим зафиксировать динамические признаки облика человека» [8, с.75-76]. Представляется мнение Н.Н. Ильина более обоснованным, поскольку на предшествующем допросе опознающий излагает и ситуацию, при которой происходило первичное восприятие и действия опознаваемого и эти действия можно заранее записать.

Перспективным методом опосредованного предъявления для опознания можно назвать опознание с использованием компьютерно-опосредованной реальности. Отсканированная с помощью лазерных сканеров и оцифрованная реальность может использоваться: в целях предъявления для опознания (в частности - помещений и участков местности; предъявление подозреваемого в условиях, исключающих восприятие опознающих и т.д.). В зарубежных источниках уже рассматриваются особенности предъявления для опознания с применением подобных методов [24]. Как отмечает Е.В. Пискунова: «При опознании в условиях виртуальной реальности опознающий не ограничен в выборе своей позиции, он может «подойти» к опознаваемому ближе, осмотреть его со всех сторон, т.е. получить больше деталей и ассоциаций, которые делают воспоминания ярче» [14, с.157].

Идентичность отсканированного образа опознаваемого лица, а так же личность и

¹ По возможности все же местонахождение защитника (адвоката) опознаваемого должно быть рядом со своим подзащитным, поскольку если он будет находиться в комнате рядом с опознающим, он может запомнить и описать его внешность своему подзащитному. В таком случае опознающий будет подвергаться опасности, что создаст дополнительный тревожный фактор, влияющий на результат следственного действия. В данной ситуации целесообразно законодательное закрепление местонахождения защитника опознаваемого подозреваемого, обвиняемого исходя из интересов опознающего лица.

действия опознающего по месту его нахождения должны подтверждаться понятиями. Непосредственное опознание осуществляется в виртуальном пространстве компьютерно-опосредованной реальности, что существенно снижает тактический риск. Виртуальное предъявление для опознания позволит, в отличие от опознания по фотоснимкам, видеозаписям опознавать, рассмотрев со всех сторон, внимательно изучив функционально-динамические признаки с различного ракурса.

Применение подобного метода потребует законодательных новелл. Так, ч.5 ст.193 УПК предлагается изложить в следующей редакции: «При невозможности предъявления лица опознание может быть проведено по его фотографии или виртуальному образу, предъявляемыми одновременно с фотографиями других лиц или их виртуальными образами внешне сходными с объектами. Количество фотографий или виртуальных образов должно быть не менее трёх». При применении устройств компьютерно-опосредованной (виртуальной) реальности необходимо поставить в известность участников процессуального действия и внести указание в протокол.

Выводы:

1. Процедуру предъявления для опознания живого лица необходимо выделить в отдельную статью УПК, в которой законодательно закрепить, что предъявление для опознания живого лица необходимо проводить с участием специалиста – психолога. В протоколе обязательно фиксировать вербальные и невербальные реакции опознающего на демонстрацию опознаваемого.

2. При производстве опознания, в условиях исключаяющих визуальное восприятие опознающего опознаваемым, четко регламентировать местоположение защитника - только в одной комнате с защищаемым им лицом и считать недопустимым визуальное восприятие им опознающего. Кроме того, полагаем необходимым рекомендовать вообще убрать указание именно на визуальный способ восприятия опознающего опознаваемым при применении данной меры обеспечения безопасности.

3. Следует уделять дополнительное внимание в исследованиях таким перспективным способам как использование видео-конференцсвязи и компьютерно-опосредованной (виртуальной) реальности.

Литература

1. Антонов В.П. Техника и тактика предъявления лица для опознания в условиях, исключаяющих визуальное наблюдение опознающего опознаваемым// Следственная практика. Вып. 2 (163). 2004.С. 17-21.
2. Брусницын Л.В. Применение норм УПК РФ, обеспечивающих безопасность участников уголовного судопроизводства: науч.-практич. пособие. М.: Юрлитинформ, 2013. 148 с.
3. Бурька Д.А. Правовые, организационные и тактические основы предъявления для опознания: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2005. 235 с.
4. Власенко Н., Иванов А. Опознание в условиях, исключаяющих визуальное наблюдение // Законность. 2003. № 6. С. 22-23.
5. Грехов Р.А., Сулейманова Г.П., Адамович Е. И. Роль тревоги в психофизиологии стресса// Вестник ВолГУ. Серия 11, Естественные науки. 2017. Т. 7. № 1. С. 57 – 66.

Савельева М.В., Смушкин А.Б., Домнина О.В.
Предъявление для опознания: психологические и тактические аспекты, перспективные методы производства
Психология и право. 2020. Том 10. № 2. С. 212–222.

Sawelewa M.V., Smushkin A.B., Domnina O.V.
Presentation for identification: psychological and tactical aspects, promising methods of production
Psychology and Law. 2020. Vol. 10, no. 2, pp. 212–222.

6. *Дакуева В.М.* Процессуальные и тактические ошибки, допускаемые следователями при предъявлении лица для опознания// Криминалистика: вчера, сегодня, завтра, №. 2 (6), 2018, С. 11 -14.
7. *Жинкин Н.И.* Речь как проводник информации. – М.: Наука, 1982. 159 с.
8. *Ильин Н.Н.* Предъявление лица для опознания по видеоизображениям: тактические особенности// Вестник Воронежского института МВД России. 2013. № 2. С. 75- 76.
9. *Мазунин Я.М., Дершиев Ю.В.* Опознание объектов как один из видов психической деятельности, используемых в расследовании преступлений //Научный Вестник Омской академии МВД России № 1 (52) 2014. С.11 – 17.
10. *Малахова Ю.В.* Обеспечение безопасности несовершеннолетних потерпевших и свидетелей при производстве отдельных следственных действий// Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки №4 (96). 2011. С. 322 – 327.
11. *Михайлова Ю.Н., Степанов В.В.* Научные и правовые основы тактики предъявления для опознания при расследовании преступлений. Саратов, 2003. 168 с.
12. *Николаева, В.В.* От традиционной психосоматики к психологии телесности / В. В. Николаева, Г. А. Арина// Вестник Московского университета. Серия 14, Психология. 1996. № 2. С. 8–17.
13. *Новикова М.В.* Институт безопасности в уголовном судопроизводстве и пути его совершенствования// Российский судья. 2007. № 7. С. 38-41.
14. *Пискунова Е.В.* Использование 3 D-технологий в криминалистике и судебной экспертизе// Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 4, Государство и право: Реферативный журнал. 2014. №4. С.153-164.
15. *Попова О.А.* Тактические аспекты предъявления для опознания лиц в условиях, исключающих визуальное наблюдение опознающего опознаваемым // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2016. № 2 (37). С. 106-109.
16. *Потапов С.М.* Принципы криминалистической идентификации// Советское государство и право. 1940. № 1. С. 66-81.
17. *Самолаева Е. Ю.* Обеспечение дознавателями органов внутренних дел мер безопасности, предусмотренных при производстве предъявления для опознания// Вестник Московского университета МВД России 2013. №2. С.55 – 59.
18. *Самошина З.Г.* Проблемные вопросы предъявления для опознания// Вестник криминалистики. Вып. 1 (37). М. Спарк. 2011. С. 40 – 43.
19. *Смушкин А.Б.* Предъявление для опознания в условиях, исключающих восприятие опознающего опознаваемым, как способ обеспечения безопасности участника уголовного судопроизводства// Российский следователь. 2013. № 15. С. 11-13.
20. *Татьянина Л.Г.* Дискуссионные вопросы предъявления для опознания// Юридический вестник Самарского университета, №. 4, 2017. С. 168 -173.
21. *Чагина Е.П.* Проблемы предъявления для опознания в условиях, исключающих визуальное наблюдение опознающего опознаваемым // Молодой ученый. Казань, 2014. № 18. С. 717-719.
22. *Чернова С.С.* Предъявление лица для опознания в условиях, исключающих визуальное наблюдение опознающего опознаваемым// Деятельность правоохранительных органов в современных условиях. 2017. С. 310-314.
23. *Horst Bein, Das Ermittlungs — Verfahren, Berlin, 1968, 180 s.*

Савельева М.В., Смушкин А.Б., Домнина О.В.
Предъявление для опознания: психологические и
тактические аспекты, перспективные методы
производства
Психология и право. 2020. Том 10. № 2. С. 212–222.

Sawelewa M.V., Smushkin A.B., Domnina O.V.
Presentation for identification: psychological and
tactical aspects, promising methods of production
Psychology and Law. 2020. Vol. 10, no. 2, pp. 212–222.

24. The effects of witness viewpoint distance, angle, and choice on eyewitness accuracy in police lineups conducted in immersive virtual environments / Bailenson J.N., Davies A., Blascovich J., Beall A.C., McCall C., Guadagno R.E.// Presence: Teleoperators and virtual environments. - Columbus, 2008. - Vol. 17, N 3. -P. 242-255.

References

1. Antonov V.P. Tekhnika i taktika pred'yavleniya litsa dlya opoznaniya v usloviyakh, isklyuchayushchikh vizual'noye nablyudeniye opoznayushchego opoznavayemym [Technique and tactics of presenting a person for identification in conditions that exclude visual observation of the identifying person being identified]. *Sledstvennaya praktika. [Investigative Practice]*, 2004, Vol. 2 (163).
2. Brusnitsyn L.V. Primenenie norm UPK RF, obespechivayushchikh bezopasnost' uchastnikov ugolovnogo sudoproizvodstva: nauch.-praktich. posobie [Application of the code of criminal procedure, ensuring the safety of participants in criminal proceedings: scientific.-practical. benefit], Moscow: Yurlitinform, 2013. 148 p.
3. Buryka D.A. Pravovye, organizatsionnye i takticheskie osnovy pred'yavleniya dlya opoznaniya: [Legal, organizational and tactical bases of presentation for identification] dis. ... kand. yurid. nauk. [dis. ... kand. the faculty of law. sciences']. Moscow, 2005. 235 p.
4. Vlasenko N., Ivanov A. Opoznanie v usloviyakh, isklyuchayushchikh vizual'noye nablyudeniye. [Identification in the conditions excluding visual supervision]. *Zakonnost'. [Legality]*. 2003. No. 6. Pp. 22-23
5. Grekhov R.A., Suleimanova G.P., Adamovich E.I. Rol' trevogi v psikhofiziologii stressa [The role of anxiety in the psychophysiology of stress] *Vestnik VolGU. Seriya 11, Estestvennye nauki [Vestnik Volga. Series 11, Natural Sciences]*, 2017, book 7, no.1, pp. 57 – 66.
6. Dakueva V.M. Protsessual'nye i takticheskie oshibki, dopuskaemye sledovatelyami pri pred'yavlenii litsa dlya opoznaniya [Procedural and tactical errors made by investigators when presenting a person for identification], *Kriminalistika: vchera, segodnya, zavtra, [Criminalistics: yesterday, today, tomorrow]*, 2018, no. 2 (6), pp.11 -14.
7. Zhinkin N.I. Rech' kak provodnik informatsii [Speech as a conduit of information]. Moscow: Nauka [Science], 1982, 159 p.
8. Il'in N.N. Pred'yavlenie litsa dlya opoznaniya po videoizobrazheniyam: takticheskie osobennosti/ [presentation of the person for identification on video images: tactical features]. *Vestnik Voronezhskogo instituta MVD Rossii. [Bulletin of the Voronezh Institute of the Ministry of internal Affairs of Russia]*. 2013. No. 2. Pp. 75-76.
9. Mazunin YA.M., Derishev YU.V. Opoznanie ob'yektov kak odin iz vidov psikhicheskoy deyatel'nosti, ispol'zuyemykh v rassledovanii prestupleniy [Identification of objects as one of the types of mental activity used in the investigation of crimes] *Nauchnyy Vestnik Omskoy akademii MVD Rossii [Scientific Herald of the Omsk Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia]*, 2014 no 1 (52) p.p.11 – 17.
10. Malakhova YU.V. Obespecheniye bezopasnosti nesovershennoletnikh poterpevshikh i svideteley pri proizvodstve otdel'nykh sledstvennykh deystviy [Ensuring the safety of juvenile victims and witnesses during certain investigative actions]. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnyye nauki [Bulletin of the Tambov University. Series: Humanities]*, 2011 no 4 (96). Pp. 322 – 327

Савельева М.В., Смушкин А.Б., Домнина О.В.
Предъявление для опознания: психологические и
тактические аспекты, перспективные методы
производства
Психология и право. 2020. Том 10. № 2. С. 212–222.

Sawelewa M.V., Smushkin A.B., Domnina O.V.
Presentation for identification: psychological and
tactical aspects, promising methods of production
Psychology and Law. 2020. Vol. 10, no. 2, pp. 212–222.

11. Mikhailova Yu.N., Stepanov V.V. Nauchnye i pravovye osnovy taktiki pred'yavleniya dlya opoznaniya pri rassledovanii prestuplenii [Scientific and legal bases of tactics of presentation for identification at investigation of crimes]. Saratov, 2003, 168 p.
12. Nikolaeva, V. V. Ot traditsionnoi psikhosomatiki k psikhologii telesnosti [From traditional psychosomatics to the psychology of physicality]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 14, Psikhologiya [Bulletin of the Moscow University. Series 14, Psychology]*, 1996. no. 2, pp.8-17.
13. Novikova M.V. Institut bezopasnosti v ugolovnom sudoproizvodstve i puti ego sovershenstvovaniya [Institute of security in criminal proceedings and ways to improve it]. *Rossiiskii sud'ya. [Russian judge]*. 2007. No. 7. Pp. 38-41.
14. Piskunova E.V. 2014. 04. 042. Ispol'zovanie 3 D-tehnologii v kriminalistike i sudebnoi ekspertize. (referativnyi obzor). [2014. 04. 042. Use of 3 D-technologies in criminalistics and forensic examination. (abstract review)] *Sotsial'nye i gumanitarnye nauki. Otechestvennaya i zarubezhnaya literatura. Ser. 4, Gosudarstvo i pravo: Referativnyi zhurnal.[Social and humanitarian Sciences. Domestic and foreign literature. Ser. 4, State and law: an Abstract journal.]* 2014. No 4. Pp 153-164.
15. Popova O.A. Takticheskiye aspekty pred'yavleniya dlya opoznaniya lits v usloviyakh, isklyuchayushchikh vizual'noye nablyudeniye opoznayushchego opoznavayemym [Tactical aspects of presentation for identification of persons in conditions that exclude visual observation of the identifiable identifiable]. *Vestnik Volgogradskoy akademii MVD Rossi [Bulletin of the Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia]*. 2016. no. 2 (37). pp. 106-109.
16. Potapov S.M. Printsipy kriminalisticheskoi identifikatsii [Principles of forensic identification]. *Sovetskoe gosudarstvo i pravo [Soviet state and law]*, 1949, no. 1, pp.66-81.
17. Samolayeva Ye. YU. Obespecheniye doznatelyami organov vnutrennikh del mer bezopasnosti, predusmotrennykh pri proizvodstve pred'yavleniya dlya opoznaniya [Provision of security measures by investigators of internal affairs bodies provided for in the production of presentation for identification]. *Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii [Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia]* 2013. No 2. Pp .55 – 59
18. Samoshina Z.G. Problemnye voprosy pred'yavleniya dlya opoznaniya [Problematic issues of presentation for identification]. *Vestnik kriminalistiki [Bulletin of criminalistics.]* 2011. no. 1 (37). M. Spark. p.p. 40-43.
19. Smushkin A.B. Pred'yavlenie dlya opoznaniya v usloviyakh, isklyuchayushchikh vospriyatie opoznayushchego opoznavaemym, kak sposob obespecheniya bezopasnosti uchastnika ugolovno sudoproizvodstva [Presentation for identification in conditions that exclude the perception of the identifying identifiable, as a way to ensure the safety of the participant in criminal proceedings]. *Rossiiskii sledovatel'. [Russian investigator]*. 2013. No. 15. S. 11-13.
20. Tat'yanina L.G. Diskussionnye voprosy pred'yavleniya dlya opoznaniya [Controversial issues of presentation for identification]. *Yuridicheskii vestnik Samarskogo universiteta [Legal Bulletin of Samara University]*, 2017, no.4, pp. 168 -173.
21. Chagina Ye.P. Problemy pred'yavleniya dlya opoznaniya v usloviyakh, isklyuchayushchikh vizual'noye nablyudeniye opoznayushchego opoznavayemym [Presentation problems for identification in conditions that exclude visual observation of the identifier by the identifiable]. *Molodoy uchenyy. [Young scientist]*.Kazan', 2014. no 18. pp. 717-719.
22. Chernova S.S. Pred'yavleniye litsa dlya opoznaniya v usloviyakh, isklyuchayushchikh vizual'noye nablyudeniye opoznayushchego opoznavayemym [Presentation of a person for identification in conditions that exclude visual observation of the identifier by the identifiable].

Савельева М.В., Смушкин А.Б., Домнина О.В.
Предъявление для опознания: психологические и
тактические аспекты, перспективные методы
производства
Психология и право. 2020. Том 10. № 2. С. 212–222.

Sawelewa M.V., Smushkin A.B., Domnina O.V.
Presentation for identification: psychological and
tactical aspects, promising methods of production
Psychology and Law. 2020. Vol. 10, no. 2, pp. 212–222.

Deyatel'nost' pravookhranitel'nykh organov v sovremennykh usloviyakh. [Law enforcement agencies in modern conditions], 2017. pp. 310-314.

23. Horst Bein, *Das Ermittlungs — Verfahren*, Berlin, 1968, 180 p.

24. The effects of witness viewpoint distance, angle, and choice on eyewitness accuracy in police lineups conducted in immersive virtual environments / Bailenson J.N., Davies A., Blascovich J., Beall A.C., McCall C., Guadagno R.E. *Presence: Teleoperators and virtual environments*. - Columbus, 2008. - Vol. 17, No 3.- Pp. 242-255.

Информация об авторах

Савельева Марина Владимировна, кандидат юридических наук, доцент, Саратовская государственная юридическая академия (ФГБОУ ВО «СГЮА»), Саратов, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2655-1233>, e-mail: m300kk64@mail.ru

Смушкин Александр Борисович, кандидат юридических наук, доцент, Саратовская государственная юридическая академия (ФГБОУ ВО «СГЮА»), Поволжский институт (филиал) ВГУЮ (РПА Минюста России) Саратов, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1619-8325>, e-mail: skif32@yandex.ru

Домнина Ольга Викторовна, старший преподаватель, Саратовская государственная юридическая академия (ФГБОУ ВО «СГЮА»), Саратов, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6324-039X>, e-mail: Ol-domni@yandex.ru

Information about the authors

Marina.V Sawelewa. PhD in Law, Associate Professor at the Department of criminalistics Federal State Budget Educational Institution of Higher Education "Saratov State Law Academy", docent Saratov, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2655-1233>, e-mail: m300kk64@mail.ru

Alexandr. B. Smushkin PhD in Law, Associate Professor at the Department of criminalistics Federal State Budget Educational Institution of Higher Education "Saratov State Law Academy", docent Associate Professor at the Department of criminal law and procedure Povolzhie Law Institute Federal State Budget Educational Institution of Higher Education of the Russian Law academy of minister of Justice of the Russian federation, Saratov, Russia, ORCID <https://orcid.org/0000-0003-1619-8325>, e-mail: skif32@yandex.ru

Olga V. Domnina Senior Lecturer at Departament of Legal psychology, forensic expertise and pedagogy Federal State Budget Educational Institution of Higher Education "Saratov State Law Academy", Saratov, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6324-039X>, e-mail: Ol-domni@yandex.ru

Шкала отношения осужденных к труду (ШООТ)

Леньков С.Л.

ФГБНУ «Институт изучения детства, семьи и воспитания Российской академии образования», Москва, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6934-3229>, e-mail: new_psy@mail.ru

Рубцова Н.Е.

АНО ВО «Российский новый университет», г. Москва, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7232-4539>, e-mail: hope432810@yandex.ru

Александров Б.В.

ФКОУ ВО «Академия права и управления Федеральной службы исполнения наказаний»,
Рязань, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5283-390X>, e-mail: abv2712@rambler.ru

В статье приводятся результаты разработки новой психодиагностической методики «Шкала отношения осужденных к труду (ШООТ)», сочетающей возможности личностного опросника, проективного теста и биографического метода. Шкала позволяет получить общую (интегральную) оценку отношения осужденного к труду в континууме с полюсами «конструктивное—деструктивное» и включает три субшкалы (позитивный опыт труда и трудоустройства, образование и квалификация, восприятие труда и образования как социальных ценностей), отражающих качественно специфичные аспекты отношения к труду. Психометрическая проверка проведена на выборке, включившей 195 осужденных мужского пола, в возрасте от 19 до 60 лет, со сроками осуждения от 8 месяцев до 24 лет, имеющих первую судимость (27%) и рецидивистов (73%). Обоснована критериальная и конструктивная валидность методики. Надежность по внутренней согласованности (альфа Кронбаха) для шкалы в целом и ее субшкал варьирует в пределах от 0,71 до 0,86; ретестовая надежность — в пределах от 0,69 до 0,81. Обоснована целесообразность применения методики в научных исследованиях и в практике психологической и психолого-педагогической работы с осужденными.

Ключевые слова: труд, отношение к труду, осужденные, психодиагностическая методика, психометрические свойства, позитивный опыт труда, образование, квалификация, профессионализм, ценность труда.

Для цитаты: Леньков С.Л., Рубцова Н.Е., Александров Б.В. Шкала отношения осужденных к труду (ШООТ) [Электронный ресурс] // Психология и право. 2020. Том 10. № 2. С. 223–239. DOI:10.17759/psylaw.2020100217

Scale of Convicts ' Attitude To Work

Sergey L. Lenkov

Institute for the Study of Childhood, Family and Education of the Russian Academy of Education,
Moscow, Russia

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6934-3229>, e-mail: new_psy@mail.ru

Nadezhda E. Rubtsova

«New Russian University», Moscow, Russia,

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7232-4539>, e-mail: hope432810@yandex.ru

Boris V. Alexandrov

Academy of Law and Administration of the Federal Penitentiary Service, Ryazan, Russia

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5283-390X>, e-mail: abv2712@rambler.ru

The article presents the results of the development of a new psychodiagnostic method "Scale of convicts ' attitude to work (SHOT)", which combines the potential of all three: personal questionnaire, projective test, biographical method. The scale allows to get an integral assessment of the convict's attitude to work in a continuum with the poles "constructive – destructive" and includes three subscales (positive experience of work and employment, education and qualifications, perception of work and education as social values), which reflect qualitatively specific aspects of the attitude to work. The psychometric test was conducted on a sample of 195 male convicts, age 19 to 60 years old, with sentences ranging from 8 months to 24 years, who have a first criminal record (27%) and repeat offenders (73%). The criteria and design validity of the method is proved. Internal consistency reliability (Cronbach's alpha) for the scale as a whole and its subscale ranges from 0.71 to 0.86, and retest reliability ranges from 0.69 to 0.81. The practicability of applying the method in scientific research and in the practice of psychological and psychological-pedagogical work with convicts is proved.

Keywords: work, attitude to work, convicts, psychodiagnostic methods, psychometric properties, positive work experience, education, qualifications, professionalism, value of work.

For citation: Lenkov S.L., Rubtsova N.E., Alexandrov B.V. Scale of Convicts ' Attitude To Work. *Psikhologiya i pravo = Psychology and Law*, 2020. Vol. 10, no. 2, pp. 223–239. DOI:10.17759/psylaw.2020100217 (In Russ.).

Введение

Труд традиционно рассматривается как важное средство исправления преступников, а овладение профессиональными навыками — как залог успешной ресоциализации после освобождения. С этих позиций труд и трудовая подготовка осужденных широко исследовались на протяжении длительного времени [см.: 1; 14]. В современных исследованиях реабилитации и ресоциализации осужденных также значительное внимание уделяется организации труда в условиях исправительного учреждения и формированию трудовых навыков [4; 12; 18; 19]. При этом часто подчеркивается важность формирования

жизнестойкости, позитивного отношения к жизни, адекватной смысловой сферы [17; 20], но роль в подобных процессах отношения к труду рассматривается не часто.

Еще реже встречаются исследования, в которых отношение осужденных к труду изучается как самостоятельный психологический конструкт. В итоге наблюдается объективное противоречие между значительным опытом изучения и практической организации труда осужденных и степенью теоретического осмысления отношения осужденных к труду. Существенным препятствием на пути такого осмысления является отсутствие релевантного психодиагностического инструментария.

При изучении различных аспектов психологии осужденных чаще всего применяют качественные методы: интервью [например: 8; 12], анкеты [5; 17], биографический метод [4; 19]. Из психодиагностических методик чаще применяют проективные методы и общие, не специализированные по целевому контингенту личностные опросники [например: 1; 4]. Часто применяют метод экспертной оценки: например, отношение осужденного к труду оценивают сотрудники исправительного учреждения [1; 8; 12; 14; 17]. В итоге надежные и валидные методы психодиагностики отношения осужденных к труду к настоящему времени фактически отсутствуют.

Цель исследования состояла в разработке и психометрической проверке психодиагностической методики, направленной на выявление различных аспектов отношения осужденных к труду.

Методология

Концептуальные основания

Отношение осужденных к труду с теоретической точки зрения специфицирует более общий конструкт «отношение к труду», изучение которого велось уже на длительном донаучном этапе развития психологии [6; 10]. С конца XIX в. подобные исследования продолжились в научной психологии (В.М. Бехтерев, В. Вундт и др.), а также в социологии, педагогике и других науках. При этом ключевым понятием для данной области познания в отечественной психологии стало понятие «отношение» (А.Ф. Лазурский и др.), а в зарубежной — «аттитюд» (Г. Олпорт и др.). Вместе с тем отношение к труду широко изучалось и с иных позиций: теорий потребностей А. Маслоу, деятельности А.Н. Леонтьева, установки Д.Н. Узнадзе; концепций оперантного подкрепления Б. Скиннера, кросскультурных различий Г. Хофштеде и др.

С учетом этого при разработке методики мы опирались:

- на психологические трактовки отношений человека, связанные с субъектным подходом С.Л. Рубинштейна, системным подходом к детерминации психических явлений Б.Ф. Ломова, теорией отношений В.Н. Мясищева, концепциями личности и модусов существования человека Б.Г. Ананьева, смысла В. Франкла, ценностных ориентаций Э. Фромма;

- на конкретизацию указанных положений применительно к конструктам «субъект труда», «трудовая деятельность», «отношение к труду», «профессия», «профессиональное образование» и др. в психологии труда, концепциях профессиональной деятельности, профессиональной пригодности, трудовой мотивации и удовлетворенности трудом (В.А. Бодров, Е.А. Климов, О.Г. Носкова и др.).

Прототипы

Методика создана на основе биографической анкеты для осужденных Б.В. Александрова [см.: 1], а также двух известных психодиагностических методик:

1) личностного опросника В.Ф. Сопова, Л.В. Карпушиной «Морфологический тест жизненных ценностей (МТЖЦ)» [13], из которого используются модификации ряда заданий шкал жизненных сфер «Профессиональная деятельность» и «Обучение и образование»;

2) проективной методики Е.Ф. Бажина, А.М. Эткинды «Цветовой тест отношений (ЦТО)» [2], по методологии которой оцениваются понятия «Образование», «Знания» и «Профессия».

Методы исследования

Помимо указанных прототипов, для разработки методики применялись:

- опросник В.К. Гербачевского «Оценка уровня притязаний (ОУП)» [3];
- экспертная оценка отношения осужденных к труду;
- методы создания психодиагностических методик, включающие процедуры отбора заданий, оценки валидности и надежности, проверки соответствия этическим и статистическим требованиям психодиагностики и т. д.;
- методы статистического анализа: факторный и корреляционный анализ, методы оценки надежности тестов и др.

Процедура разработки

На основе указанных прототипов был сформирован исходный набор заданий, включивший 65 пунктов, относящихся к следующим типам:

- 22 пункта были различными вариантами вопросов из биографической анкеты для осужденных;
- 32 пункта представляли собой модификации заданий опросника МТЖЦ;
- 11 пунктов соответствовали подходу теста ЦТО, включая различные варианты оценивания ассоциаций с понятиями «Труд», «Моя работа», «Профессия», «Образование» и «Знания».

В ходе проверки на пилотных выборках отбирались пункты, способствующие улучшению факторной структуры и повышению надежности шкалы и ее субшкал. Среди исключенных пунктов оказались: оценки ассоциаций с понятиями «Труд» и «Моя работа»; 27 вопросов опросника МТЖЦ; вопросы биографической анкеты относительно желаний работать в исправительном учреждении и после освобождения, желаемой сферы работы, престижности разных профессий и др.

Выборка

Психометрическая проверка методики выполнена на выборке осужденных мужского пола (N = 195), отбывающих наказание в обычных (81%) или облегченных (19%) условиях в исправительных учреждениях ФСИН России за преступления против собственности, жизни и здоровья, половой неприкосновенности и др.:

- возраст от 19 до 60 лет (M = 33,2; SD = 7,50); при этом в возрасте от 18 до 30 лет — 35%, от 31 года до 40 лет — 49%, 41 год и старше — 16%;
- срок осуждения от 0,67 (8 месяцев) до 24 лет (M = 4,8; SD = 3,84); при этом до двух лет — 27%, от 2 до 5 лет — 35%, от 5 до 10 лет — 30%, свыше 10 лет — 8%;
- количество судимостей от 1 до 9 (M = 2,8; SD = 1,80); при этом одну судимость имели 27%, 2 или 3 — 43%, 4 и более — 30%.

Результаты

Концептуальные рамки

1. Труд понимается как многообразная область действительности, включающая труд профессиональный и непрофессиональный, оплачиваемый и бесплатный, квалифицированный и неквалифицированный и т. д. При этом в контексте отношения к труду

осужденных особенно важен профессиональный труд. Он является условием полноценной социализации человека, главным (в социальной норме) источником его доходов, важной детерминантой его субъектного и личностного развития. Такой труд реализуется обычно как работа в определенной должности в некоторой трудовой организации. Сфера профессионального труда весьма динамична [7], включает разнообразные межсубъектные отношения и тесно связана со сферой образования.

2. *Отношение к труду* является свойством не только личностным, характеризующим индивидуальную и социальную сущность человека безотносительно к текущей ситуации его жизнедеятельности (например, к нахождению в исправительном учреждении), но и субъектным, связанным с тем, какие именно формы субъекта реализует человек. Поэтому нельзя абстрагироваться от неблагоприятной социальной ситуации осужденного, проблематичных перспектив его ресоциализации и других особенностей, неизбежно влияющих на текущее отношение к труду. Базовым ресурсным «поплачком», позволяющим человеку сохранить надежды на будущее, является, во-первых, позитивный опыт труда, во-вторых, имеющийся уровень образования и квалификации. Третий такой «поплавок» — это восприятие труда как социальной ценности, укоренившееся в убеждениях, мировоззрении, смысловой сфере личности. Такое восприятие труда тесно связано с пониманием необходимости усилий по овладению профессией, достижению мастерства и получению соответствующего образования.

3. С учетом многозначности труда отношение к труду может быть, в принципе, избирательно-дифференцированным: у одного и того же человека один вид или аспект труда может быть связан с позитивным отношением, а другой — с негативным.

4. В соответствии с принципом полисистемности (Б.Ф. Ломов и др.), отношение к труду может быть представлено в виде системы различными способами, выбор которых определяется исследовательской целью. В нашем случае такой целью является изучение отношения к труду осужденных, направленное, в первую очередь, на решение практических задач реабилитации и ресоциализации. С учетом этого, отношение осужденного к труду является сложным, интегративным, многопризнаковым психологическим свойством, представляющим собой функциональную систему, детерминирующую разнородные внутрисубъектные и внутриличностные, межсубъектные и межличностные, поведенческие и иные проявления, связанные с активностью человека по отношению к сфере труда. В структуре данной системы целесообразно выделить три ключевых компонента:

1) позитивный объективный и субъективный опыт труда и трудоустройства, накопленный человеком (как до осуждения, так и, возможно, после);

2) субъективное восприятие реальных (объективных) достижений человека (равно как и их последующих перспектив) в отношении квалификации и профессионализма, а также необходимого для них общего и профессионального образования; такое восприятие характеризует, в свою очередь, когнитивное, личностное и иное развитие субъекта, рассматриваемое в аспектах отношения к профессиональной деятельности и труду в целом;

3) субъективное восприятие труда, профессионализма и образования как социальных ценностей, что характеризует соответствующие ценностные и смысловые паттерны, занимающие важное место в общей структуре личности осужденного.

5. Указанные компоненты являются относительно независимыми, поэтому любая попытка их сведения к одномерной структуре (т. е. попытка получить общий, итоговый балл по методике в целом) является определенной редукцией, неизбежно огрубляющей и схематизирующей реальную картину. Тем не менее, для решения указанных прикладных задач

целесообразно все же выделить генеральный фактор, дающий оценку общего (интегрального) отношения осужденного к труду. Такое общее отношение целесообразно рассматривать в континууме с полюсами «конструктивное—деструктивное», где первый полюс интегрирует значения «добросовестное», «позитивное», «хорошо осознанное», «информированное», «основанное на личном положительном опыте», а второй — негативные альтернативы всех этих качеств. Таким образом, континуум интегральной оценки отношения к труду является, на самом деле, квазиодномерным.

Общая характеристика методики ШООТ

Итоговый вариант методики включает 16 пунктов и представлен в Приложении. В соответствии с концептуальными основаниями, методика содержит три субшкалы (по 5 пунктов каждая):

- 1) «Позитивный опыт труда и трудоустройства»;
- 2) «Образование и квалификация»;
- 3) «Восприятие труда и образования как социальных ценностей».

На основе данных субшкал, позволяющих прояснить различные значимые аспекты отношения осужденных к труду, методика в целом представляет собой шкалу, характеризующую общее (интегральное) отношение к труду.

Психометрические свойства

Основными видами валидности психодиагностической методики являются критериальная, конструктивная и содержательная валидность [11]. Методика ШООТ имеет комплексный, интегративный характер, объединяя возможности проективных тестов, личностных опросников и биографического метода. В то же время содержательно она ориентирована, в первую очередь, на изучение всеми указанными методами специфического интегрального личностного свойства «отношение к труду». При этом для личностных опросников, в отличие от тестов достижений, необходимыми и достаточными являются критериальная и конструктивная валидность, а содержательная валидность используется лишь на начальных стадиях составления теста [11, с. 102]. С учетом этого, для итогового варианта методики проверялись критериальная и конструктивная валидность.

Критериальная валидность включает текущую и прогностическую, из которых в рамках разработки методики мы ограничились определением текущей валидности, состоящей в соответствии результатов теста независимому внешнему критерию [11, с. 90]. В качестве такого критерия использовалась усредненная экспертная оценка конструктивного отношения осужденного к труду, связываемого с перспективами исправления и ресоциализации, выполненная тремя сотрудниками исправительного учреждения по следующей шкале: 1 — скорее, нет; 2 — неясно; 3 — скорее, да. Этот критерий соответствует, в первую очередь, общей шкале отношения к труду. Для субшкал аналогичные отдельные критерии подобрать оказалось трудно, но, так как эти субшкалы направлены на формирование общей шкалы, мы использовали указанный внешний критерий и для каждой из них. В итоге выявлены положительные связи ($p < 0,01$) данного критерия, для которых коэффициент корреляции Пирсона составил 0,735 для шкалы, а для субшкал 1, 2 и 3 — 0,338, 0,396 и 0,638 соответственно.

Конструктивная валидность методики была проверены для трех ее видов — факторной, дискриминантной и конвергентной.

Факторная валидность подтверждается следующим. Факторная структура субшкал характеризуется тем, что в рамках каждой субшкалы, включающей по 5 пунктов, выделился

только один фактор с собственным значением, большим, чем 1,0, а процент объясненной дисперсии по нему составил для субшкал 1, 2 и 3 соответственно 54,0%, 55,1% и 64,5%.

Факторная структура шкалы представлена в табл. 1. Факторы здесь, как и для субшкал, извлекались методом главных компонент; дополнительно использовалось вращение методом «Варимакс с нормализацией Кайзера». Минимальная факторная нагрузка на пункт в пределах субшкалы наблюдалась у субшкал 1, 2 и 3 соответственно для пунктов 11 (0,60), 15 (0,64) и 13 (0,75).

Таблица 1

Повернутая матрица компонентов (N = 195)

Пункт	Компонент		
	1	2	3
4	,83		
7	,82		
10	,83		
13	,75		
16	,77		
3		,87	
6		,73	
9		,73	
12		,68	
15		,64	
2			,80
5			,78
8			,65
11		,34	,60
14			,78

Примечания.

1. Компоненты 1, 2 и 3 отвечают соответственно субшкалам 3, 2 и 1.
2. Процент объясненной дисперсии по трем выделенным факторам составил 59,2%, в том числе по факторам 1, 2 и 3 соответственно — 22,0%, 19,3% и 17,9%.
3. Показаны только нагрузки, по абсолютной величине большие, чем 0,2.

Дискриминантная валидность доказывается отсутствием связи между измеряемым и каким-либо другим свойством. В нашем случае ее целесообразно проверить по отношению к субшкалам и шкале в целом. Из всех интеркорреляций субшкал, представленных в табл. 2, статистически значима ($p < 0,05$) лишь одна — между субшкалами 1 и 2, причем она является слабой ($r = 0,18$). Корреляции шкалы с субшкалами являются высоко значимыми ($p < 0,01$), но не очень высокими ($r < 0,73$).

Таблица 2

Интеркорреляции и средние значения (N = 195)

Субшкала	1	2	3	Шкала в целом
1	7,8 (2,36)	,18*	,14	,52**
2		10,7 (3,86)	,09	,67**
3			15,9 (4,43)	,72**
Шкала в целом				34,4 (7,01)

Примечания.
1, На диагонали показаны значения М (SD), выше — интеркорреляции,
2, «*» — $p < 0,05$; «**» — $p < 0,01$,

Конвергентная валидность определялась по соответствию результатам методик с известным конструктивным содержанием. Выявлены положительные корреляции Пирсона:

- для субшкалы 1 — с ассоциацией понятия «профессия» по тесту ЦТО ($r = 0,16$; $p < 0,05$);

- для субшкалы 2 — на уровне $p < 0,01$ с познавательным мотивом по опроснику ОУП ($r = 0,33$), а также с ассоциациями по тесту ЦТО понятий «профессия» ($r = 0,83$), «образование» ($r = 0,60$) и «знания» ($r = 0,63$);

- для субшкалы 3 — на уровне $p < 0,01$ и при этом сильные с результатами опросника МТЖЦ для сферы профессиональной деятельности ($r = 0,90$) и сферы обучения и образования ($r = 0,82$).

Для шкалы в целом подобных методик (относительных аналогов) подобрать не удалось (в силу фактического отсутствия операционализации отношения осужденных к труду). В то же время выявлены значимые ($p < 0,01$) положительные корреляции Пирсона: а) с ассоциациями по тесту ЦТО понятий «профессия» ($r = 0,57$), «образование» ($r = 0,38$), «знания» ($r = 0,36$); б) с результатами опросника МТЖЦ для сфер профессиональной деятельности ($r = 0,67$), обучения и образования ($r = 0,66$); в) с познавательным мотивом по опроснику ОУП ($r = 0,31$). В силу интегративного характера шкалы эти результаты можно рассматривать как подтверждения ее конвергентной валидности.

Надежность методики. Надежность по внутренней согласованности (альфа Кронбаха) для шкалы равна 0,75, а для субшкал 1, 2 и 3 соответственно — 0,74, 0,71 и 0,86. Надежность по внутренней согласованности при половинном расщеплении теста (коэффициент Спирмена—Брауна при неравной длине половин) для шкалы составила 0,82, а для субшкал 1, 2 и 3 соответственно — 0,77, 0,74 и 0,87. Ретестовая надежность определена на подвыборке (N = 176) исходной выборки с помощью коэффициента корреляции Пирсона между показателями «тест—ретест» (интервал от 1 до 2 месяцев) и составила (при $p < 0,01$) 0,77 для шкалы, а для субшкал 1, 2 и 3 соответственно — 0,81, 0,69 и 0,73.

Обсуждение

В теоретическом плане концепция методики объединяет ряд достаточно разнородных оснований, но такой подход является объективно вынужденным: несмотря на его широкое изучение, для конструкта «отношение» фактически отсутствует общепринятое понимание его сущности, структуры, места в понятийно-категориальном строе психологической науки. Имеется, скорее, множество разнородных концепций, предлагающих то или иное подобное

понимание. Например, теория отношений В.Н. Мясищева, хотя и признается наиболее развитой, подвергается обоснованной критике за незавершенность, многозначность трактовки понятий, претензии на излишнюю универсальность (А.В. Петровский, М.Г. Ярошевский и др.). Аналогично отсутствует общепринятое понимание более частного конструкта «отношение к труду». Вместе с тем мы стремились обеспечить концептуальную непротиворечивость методики, отбирая из различных подходов только конвергентные или взаимно дополняющие положения.

Нетрадиционными являются выделенные компоненты отношения к труду, соответствующие субшкалам методики. Многие авторы, рассматривая ту или иную разновидность отношений, идут по пути классификации психических процессов и/или свойств, выделяя в структуре такого отношения познавательные, эмоциональные, мотивационные, регулятивные, ценностные и иные подобные компоненты. При этом нередко утверждается, что аналогичный подход применял, якобы, В.Н. Мясищев. Но Мясищев выделял аффективный, когнитивный и конативный компоненты в составе не конкретного отношения, а всей *системы отношений человека*, называя их «частичными отношениями», а также «видами» или «сторонами» предельно обобщенного, единого отношения как связи субъекта с объектом; более того, в том же контексте методологического анализа психологической категории «отношение» он выделял еще особые виды или формы отношений, к которым причислял интересы, оценки, убеждения, социальные установки, мотивы и др. [см., например: 6, с. 220; 9, с. 18]. В то же время, рассматривая, например, отношение к деятельности и к труду (как конкретное отношение, подразумевающее эмпирическое изучение), Мясищев выделяет множество его предметно обусловленных (а не абстрактно-процессуальных) индикаторов [см.: 9, с. 378]. С учетом этого в структуре отношения осужденного к труду мы выделили сущностные, содержательно-психологические компоненты, каждый из которых в функционально-процессуальном плане интегрирует в себе специфические когнитивные, аффективные, волевые, потребностные, мотивационные, ценностные, смысловые и иные проявления (при различной их иерархии).

В практическом плане специфика предложенной методики определяется, в первую очередь, ее комплексным и интегративным характером. Он заключается в том, что методика непротиворечиво объединяет разнородные, по сути, психодиагностические инструменты. Так, из 16 пунктов методики (см. Приложение):

- 4 пункта (1, 6, 9, 15) относятся к проективным тестам цветового выбора; при этом пункт 1 является калибровочным и задает исходную диспозицию для оценок содержательных выборов;

- 7 пунктов (4, 7, 8, 10, 12, 13, 16) содержат личностные вопросы;

- 5 пунктов (2, 3, 5, 11, 14) представляют автобиографический метод.

Методы каждой из этих групп используются в пениitenciарной психологии, но их применение в рамках единой методики является нестандартным. Однако, с учетом прикладной цели ее создания и специфики целевой аудитории, такой подход оправдан. Многие осужденные, особенно рецидивисты, не склонны к искренним ответам на вопросы личностного плана и нередко предоставляют искаженную, «фантазийную» интерпретацию. Подобные риски в определенной мере нивелирует применение двух других методов — проективного и биографического. Вместе с тем использование блока личностных вопросов дает возможность высказаться той части осужденных, для которых отношение к труду является осмысленным и не скрывается.

Биографический метод является более объективным, фиксируя реальные поступки и факты, характеризующие конструктивное отношение к труду. Вместе с тем у человека может не быть подобных достижений не из-за отношения к труду, а в силу юного возраста или иных жизненных обстоятельств. В таких ситуациях ограниченность биографического метода может нивелироваться применением личностного и проективного блоков.

Наконец, проективный метод призван выявлять латентные, бессознательные паттерны отношения к труду, но обладает меньшей надежностью и подвержен влиянию неосведомленности, отсутствия личного опыта и т. п.

Таким образом, интегративное сочетание трех указанных методов является взаимодополняющим и в силу этого может обеспечить методике определенные преимущества по сравнению с ее возможными «монометодными» аналогами.

Надежность методики является не слишком высокой с точки зрения формальных требований психодиагностики, но превосходит показатели надежности многих известных личностных опросников и, тем более, проективных тестов [см., например: 11]. Кроме того, «всего лишь» удовлетворительные психометрические показатели методики обусловлены, на наш взгляд, глубокой спецификой целевого обследуемого контингента.

Отметим проблему подбора англоязычных эквивалентов используемых терминов, так как она характеризует не только трудности перевода, но и сложность анализа зарубежного опыта. В контексте отношения осужденных к труду:

- анализ с помощью английских толковых словарей показал, что слово «relation», используемое отечественными авторами, чтобы охарактеризовать отношение как существующую связь, а не просто оценочное мнение, выражает отношение либо «с» (with), либо «между» (between) кем-либо (кем-либо), а с предлогом «к» (to) используется лишь в контексте «в связи с тем-то»; в итоге мы используем в контексте отношения к труду слово «attitude», поскольку тот факт, что этот термин (в виде своей русскоязычной кальки) в отечественной психологии по историческим причинам прочно ассоциирован с теорией социальных представлений, не отменяет его исходного значения как отношения именно «к» (to) чему-либо (кому-либо), не обязательно ограниченного лишь оценочным мнением;

- широкое понимание труда, используемое нами, соответствует слову «work», так как в современном английском языке «labour» чаще обозначает неквалифицированный труд, в то время как «work» служит универсальным обозначением любого труда [цит. по: 15, с. 101].

Подчеркнем важность того, что методика определяет отношение осужденного к труду в целом, а не только к труду в исправительном учреждении. Организация последнего связана с большими трудностями и нередко приводит к ситуации, которую, применительно к тюрьмам США, описывает Е. Natton и в которой такой труд становится всего лишь еще одним элементом наказания, карательным ограничением гражданских прав [16, p. 174]. Однако подобные недостатки вовсе не исключают самой возможности использования конструктивных проявлений отношения к труду в качестве психологического ресурса реабилитации и ресоциализации осужденных.

Можно отметить ряд ограничений исследования, которые также определяют перспективы его продолжения:

- методика апробирована на осужденных мужского пола; разработка ее «женской» версии требует отдельного исследования;

- на показатели надежности методики могли повлиять такие характеристики выборки, как степень рецидивности, уровень образования, возраст, региональные и этнические

особенности; в связи с этим разработка детальных тестовых норм методики требует широкомасштабных исследований на соответствующих выборках;

- не получена прогностическая валидность методики, которую целесообразно определить в будущих лонгитюдных исследованиях;

- представленный вариант методики является кратким и в силу этого неизбежно огрубляет модель отношения к труду; возможно, для углубленной диагностики целесообразно создать более полную версию методики; пока же мы, в интересах практического применения, сделали выбор в пользу простоты и лаконичности.

Выводы

- Представленная методика «Шкала отношения осужденных к труду (ШООТ)» является новой, не имеет прямых аналогов в отечественной и зарубежной психологической литературе.

- Методика интегрирует возможности личностного опросника, проективного теста и биографического метода и при этом обладает обоснованной валидностью и эмпирически доказанными удовлетворительными показателями надежности.

- Краткость и прикладная ориентированность методики позволяют надеяться, что она найдет применение не только в научных исследованиях, но и в практике психологической и психолого-педагогической работы с осужденными.

Приложение

Методика «Шкала отношения осужденных к труду (ШООТ)»

Для применения методики требуются бланк с заданиями, представленными ниже, а также стандартный набор из восьми цветowych карточек теста Люшера.

Инструкция

Уважаемый участник! Данное исследование направлено на то, чтобы выяснить, как разные люди относятся к труду и к жизни. Возможно, оно в чем-то поможет и лично Вам — например, лучше понять себя, осознать, что Вам мешает в жизни, а на какие собственные ресурсы Вы можете опереться, чтобы более четко определить свой жизненный путь и перспективы своего развития.

Задания

1. Перед Вами 8 цветowych карточек. Выберите из них самый приятный, предпочтительный для Вас цвет, присвоив ему 1-е место, затем — самый приятный из оставшихся, присвоив ему 2-е место, и так далее.

2. Были ли Вы трудоустроены до осуждения?

а) нет, не желал работать

б) нет, но занимался поиском работы

в) да, но неофициально

г) да, в соответствии с трудовым законодательством РФ

3. Какое образование Вы имеете?

а) менее 9 классов школы

б) основное общее (9 классов)

в) среднее общее (11 классов)

г) среднее профессиональное (колледж, техникум и т. п.)

д) высшее или незаконченное высшее

4. Насколько Вам важно изучать новые веяния в Вашей профессиональной деятельности?

а) абсолютно неважно

б) скорее неважно

в) затрудняюсь ответить

г) скорее важно

д) очень важно

5. В какой сфере Вы работали до осуждения? (можно указать несколько сфер)

а) работы с людьми

б) искусства

в) технических интересов

г) материальных интересов

д) умственного труда

е) физического труда

6. Перед Вами 8 цветowych карточек. Выберите цвет, с которым у Вас связано понятие «Образование».

7. Насколько для Вас важно чтобы уровень образования помог Вам занять желаемую должность?

а) абсолютно неважно

б) скорее неважно

в) затрудняюсь ответить

г) скорее важно

д) очень важно

8. Испытываете ли Вы удовлетворение от выполнения какой-либо работы?

а) да

б) чаще да

в) чаще нет

г) нет

9. Перед Вами 8 цветowych карточек. Выберите цвет, с которым у Вас связано понятие «Знания».

10. Насколько для Вас важно, чтобы Ваша работа была на уровне или лучше, чем у других?

а) абсолютно неважно

б) скорее неважно

в) затрудняюсь ответить

г) скорее важно

д) очень важно

11. Есть ли у Вас профессия?

а) да

б) нет

12. Для того, чтобы жить хорошо, нужно быть (выберите три наиболее важных пункта):

а) здоровым

б) богатым

в) образованным

г) нацеленным на карьеру

д) с социальным статусом

е) влиятельным

ж) специалистом, профессионалом

з) семьянином

и) любимым

- к) общительным
 - л) радующимся жизни
13. Насколько для Вас важно перед началом работы четко ее распланировать?
- а) абсолютно неважно
 - б) скорее неважно
 - в) затрудняюсь ответить
 - г) скорее важно
 - д) очень важно

14. Устраивала ли Вас работа до осуждения?

- а) нет
- б) частично
- в) да, полностью.

15. Перед Вами 8 цветowych карточек. Выберите цвет, с которым у Вас связано понятие «Профессия».

16. Насколько для Вас важно повышать уровень образования, чтобы входить в круг умных и интересных людей?

- а) абсолютно неважно
- б) скорее неважно
- в) затрудняюсь ответить
- г) скорее важно
- д) очень важно

Перевод ответов в баллы

Вопрос	Оценка ответов в баллах
1	Цвет, попавший на 1-е место, — 8 баллов, на 2-е — 7, ..., на 8-е — 1
2	а) 0 баллов, б) 1, в) 2, г) 3
3, 4, 7, 10, 13, 16	а) 1 балл, б) 2, в) 3, г) 4, д) 5
5	По 1 баллу за каждую отмеченную сферу (минимум 0, максимум 6)
6	Оценивается в соответствии с баллом, который выбранный цвет получил в задании 1: от 1 до 3 — 0 баллов, от 4 до 6 — 1, от 7 до 8 — 2
8	а) 3 балла, б) 2, в) 1, г) 0
9	Оценивается в соответствии с баллом, который выбранный цвет получил в задании 1: от 1 до 3 — 0 баллов, от 4 до 7 — 1, 8 — 2
11	а) 1 балл, б) 0
12	а), б), г), д), е), з), и), к), л) 0 баллов, в) 1 балл, ж) 1 балл
14	а) 0 баллов, б) 1, в) 2
15	Балл (от 1 до 8), который выбранный цвет получил в задании 1

Ключ к методике и уровни суммарного балла

Субшкала	Вопросы	Суммарный балл			
		Минимум/ Максимум	Низкий	Средний	Высокий
1. Позитивный опыт труда и трудоустройства	2, 5, 8, 11, 14	0/15	< 7	7—8	> 8
2. Образование и квалификация	3, 6, 9, 12, 15	2/19	< 8	8—14	> 14
3. Восприятие труда и профессионализма как социальных ценностей	4, 7, 10, 13, 16	5/25	< 14	15—19	> 19
Общая (интегральная) шкала отношения к труду	2-16	7/59	< 30	31—39	> 39

Интерпретация результатов

Средний уровень суммарного балла по шкале или субшкале свидетельствует о том, что ситуация испытуемого типична, характерна для большинства осужденных. Низкий уровень показывает, что испытуемый имеет серьезные проблемы в соответствующем аспекте, необходима целенаправленная работа по их разрешению. Высокий уровень говорит о том, что показатель относительно благополучен, и на данный ресурс целесообразно опираться, организуя психологическую и педагогическую работу с испытуемым.

Литература

1. Александров Б.В. Современное представление об отношении осужденных к труду в исправительных учреждениях // Вестник Костромского государственного университета. Серия: Педагогика. Психология. Социокинетика, 2016. Т. 22, № 1. С. 41—43.
2. Бажин Е.Ф., Эткин А.М. Цветовой тест отношений: методические рекомендации. Л.: ЛГУ, 1985. 18 с.
3. Гербачевский В.К. Опросник «Оценка уровня притязаний» // Практикум по общей, экспериментальной и прикладной психологии: учеб. пособие / Под ред. А.А. Крылова, С.А. Маничева. 2-е изд., доп. и перераб. СПб.: Питер, 2007. С. 189—192.
4. Дебольский М.Г., Левин Л.М., Бокова Н.В. Сравнительный анализ субъективной картины жизненного пути осужденных, состоящих на учете в уголовно-исполнительной инспекции [Электронный ресурс] // Психология и право. 2016(6). № 4. С. 186—195. doi: 10.17759/psylaw.2016060417
5. Казберов П.Н., Бовин В.Г. Общая характеристика лиц, осужденных за преступления экстремистской и террористической направленности [Электронный ресурс] // Психология и право. 2019(9). № 1. С. 36-53. doi: 10.17759/psylaw.2019090103
6. Левченко Е.В. История и теория психологии отношений. СПб.: Алетейя, 2003. 312 с.
7. Ленков С.Л., Рубцова Н.Е. Это неуловимое понятие профессии [Электронный ресурс] // Институт психологии РАН. Организационная психология и психология труда. 2018. Т. 3, № 3. С. 9—38. URL: <http://work-org-psychology.ru/engine/documents/document378.pdf>
8. Мирусин И.С. Труд в местах лишения свободы в восприятии осужденных и сотрудников исправительных учреждений // Уголовная юстиция. 2016. № 10. С. 97—104.
9. Мясищев В.Н. Психология отношений. 4-е изд. М.: МПСИ; Воронеж: МОДЭК, 2011. 400 с.

10. Носкова О.Г. Психология труда: учеб. пособие. 3-е изд., стер. М.: Издательский центр «Академия», 2007. 384 с.
11. Орёл В.Е., Сенин И.Г. Основы психодиагностики: учеб. пособие. 2-е изд., перераб. и доп. Ярославль: ЯрГУ, 2007. 140 с.
12. Рунова К. Ресоциализация в местах лишения свободы в России: аналитический обзор [Электронный ресурс]. М.: Институт проблем правоприменения, 2018. 64 с. URL: <https://www.csr.ru/> (дата обращения: 30.08.2019).
13. Сонов В.Ф., Карпушина Л.В. Морфологический тест жизненных ценностей (МТЖЦ) // Прикладная психология. 2001. № 4. С. 9—30.
14. Чернышов И.Н. Цели труда в системе исправления осужденных // Человек: преступление и наказание. 2016. № 1(92). С. 120—126.
15. Юлдашева Д.А. Представление сферы «деятельность» в функционально-когнитивном словаре. М.: МПГУ, 2016. 140 с.
16. Hatton E. When work is punishment: Penal subjectivities in punitive labor regimes [Электронный ресурс] // Punishment & Society. 2018. Vol. 20(2). P. 174—191. <https://doi.org/10.1177/1462474517690001>
17. Hopkin G., Evans-Lacko S., Forrester A., Shaw J., & Thornicroft G. Interventions at the Transition from Prison to the Community for Prisoners with Mental Illness: A Systematic Review // Administration and Policy in Mental Health. 2018. Vol. 45(4). P. 623—634. doi:10.1007/s10488-018-0848-z
18. Maslauskaitė K., Mooney C. Doing More with Less: Prisoner Rehabilitation in Ireland [Электронный ресурс]. Thematic Reviews, CEB, Paris. 2018. https://coebank.org/media/documents/Doing_More_with_Less_Prisoner_Rehabilitation_in_Ireland.pdf
19. Peled-Laskov R., Timor U. Working Bars: Employed Prisoners' Perception of Professional Training and Employment in Prison [Электронный ресурс] // International Journal of Criminology and Sociology. 2018. Vol. 7. P. 1—15. <https://doi.org/10.6000/1929-4409.2018.07.01>
20. Stringer H. Improving mental health for inmates: Using a variety of new strategies, psychologists in correctional settings are transforming care for people in prisons and jails // Monitor on Psychology. March 2019. Vol. 50(3). P. 46—52.

References

1. Александров Б.В. Современное представление об отношении осужденных к труду в исправительных учреждениях [Modern understanding of the attitude of convicted persons to labour in correctional establishments]. *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Pedagogika. Psikhologiya. Sotsiokinetika*. 2016. Т. 22, no. 1, pp. 41-43.
2. Bazhin E.F., Etkind A.M. Tsvetovoi test otnoshenii: metodicheskie rekomendatsii [Relationship color test: methodological guidelines]. Leningrad: LGU Publ., 1985., 18 p. (In Russ.).
3. Gerbachevskii V.K. Oprosnik «Otsenka urovnya prityazanii». Praktikum po obsheii, eksperimental'noi i prikladnoi psikhologii: uchebnoe posobie [Questionnaire "Assessment of level of claims". Workshop on the general, experimental and applied psychology: manual]. In A.A. Krylova (eds.). 2nd ed. Saint-Petersburg: Piter Publ., 2007, pp. 189-192. (In Russ.).
4. Debol'skii M.G., Levin L.M., Bokova N.V. Sravnitel'nyi analiz sub'ektivnoi kartiny zhiznennogo puti osuzhdennykh, sostoyashchikh na uchete v ugovovno-ispolnitel'noi inspektsii [Elektronnyi resurs] [Comparative analysis of the subjective picture of the life path of convicted persons registered with the Penal Inspectorate]. *Psikhologiya i pravo [Psychology and law]*. 2016.

Vol. 6, no. 4, pp. 186—195. doi: 10.17759/psylaw.2016060417

5. Kazberov P.N., Bovin V.G. Obshchaya kharakteristika lits, osuzhdennykh za prestupleniya ekstremistskoi i terroristicheskoi napravlenosti [Elektronnyi resurs] [General description of persons convicted of extremist and terrorist offences]. *Psikhologiya i pravo* [Psychology and law]. 2019. Vol. 9, no. 1, pp. 36-53. doi: 10.17759/psylaw.2019090103
6. Levchenko E.V. Istoriya i teoriya psikhologii otnoshenii [History and theory psychology of relations]. Saint-Petersburg: Aleteiya Publ., 2003. 312 p. (In Russ.).
7. Len'kov-S.L., Rubtsova N.E. Eto neulovimoe ponyatie professii [Elektronnyi resurs] [It 's an elusive notion of a profession]. Institut Psikhologii RAN. Organizatsionnaya psikhologiya i psikhologiya truda [Organizational psychology and psychology of labour]. 2018. T. 3, no. 3, pp. 9-38. URL: <http://work-org-psychology.ru/engine/documents/document378.pdf>
8. Mirusin I.S. Trud v mestakh lisheniya svobody v vospriyatii osuzhdennykh i sotrudnikov ispravitel'nykh uchrezhdenii [Labour in places of deprivation of liberty in the perception of convicts and correctional officers]. *Ugolovnaya yustitsiya* [Criminal justice]. 2016, no. 10, pp. 97-104.
9. Myasishchev V.N. Psikhologiya otnoshenii [Psychology of relations]. 4nd ed. Moscow: MPSI Publ.; Voronezh: MODEK Publ., 2011. 400 p. (In Russ.).
10. Noskova O.G. Psikhologiya truda: uchebnoe posobie [Psychology of labour]. 3nd ed. Moscow: «Akademiya» Publ., 2007. 384 p.
11. Orel V.E., Senin I.G. Osnovy psikhodiagnostiki: uchebnoe posobie [Fundamentals of psychodiagnosics]. 2nd ed. Yaroslavl': YarGU Publ., 2007. 140 p.
12. Runova K. Resotsializatsiya v mestakh lisheniya svobody v Rossii: analiticheskii obzor [Elektronnyi resurs] [Resocialization in places of deprivation of liberty in Russia: analytical review]. Moscow: Institut problem pravoprimeneniya Publ., 2018. 64 p. URL: <https://www.csr.ru/> (data obrashcheniya 30.08.2019).
13. Sopov V.F., Karpushina L.V. Morfologicheskii test zhiznennykh tsennostei (MTZhTs) [Morphological test of vital values]. *Prikladnaya psikhologiya* [Applied psychology]. 2001, no. 4, pp. 9-30.
14. Chernyshov I.N. Tseli truda v sisteme ispravleniya osuzhdennykh [Work purposes in the system of correction of convicts]. *Chelovek: prestuplenie i nakazanie* [Person: crime and punishment]. 2016, no. 1(92), pp. 120-126.
15. Yuldasheva D.A. Predstavlenie sfery «deyatelnost'» v funktsional'no-kognitivnom slovare [Representation of the sphere "activity" in the functional and cognitive dictionary]. Moscow: MPGU Publ., 2016. 140 p. (In Russ.).
16. Hatton E. When work is punishment: Penal subjectivities in punitive labor regimes. *Punishment & Society*, 2018. Vol. 20, no. 2, pp. 174—191. <https://doi.org/10.1177/1462474517690001>
17. Hopkin G., Evans-Lacko S., Forrester A., Shaw J., & Thornicroft G. Interventions at the Transition from Prison to the Community for Prisoners with Mental Illness: A Systematic Review. *Administration and policy in mental health*, 2018. Vol. 45, no. 4, pp. 623—634. doi:10.1007/s10488-018-0848-z
18. Maslauskaite K., Mooney C. Doing More with Less: Prisoner Rehabilitation in Ireland. *Thematic Reviews*, CEB, Paris. 2018. https://coebank.org/media/documents/Doing_More_with_Less_Prisoner_Rehabilitation_in_Ireland.pdf
19. Peled-Laskov R., Timor U. Working Bars: Employed Prisoners' Perception of Professional Training and Employment in Prison. *International Journal of Criminology and Sociology*, 2018. Vol.

Ленков С.Л., Рубцова Н.Е., Александров Б.В.
Шкала отношения осужденных к труду (ШООТ)
Психология и право. 2020. Том 10. № 2. С. 223–239.

Lenkov S.L., Rubtsova N.E., Alexandrov B.V.
Scale of Convicts' Attitude To Work
Psychology and Law. 2020. Vol. 10, no. 2, pp. 223–239.

7, pp. 1-15. <https://doi.org/10.6000/1929-4409.2018.07.01>

20. Stringer H. Improving mental health for inmates: Using a variety of new strategies, psychologists in correctional settings are transforming care for people in prisons and jails. *Monitor on Psychology*, march 2019. Vol. 50, no. 3, pp. 46—52.

Информация об авторах

Леньков Сергей Леонидович, доктор психологических наук, профессор, главный научный сотрудник, ФГБНУ «Институт изучения детства, семьи и воспитания Российской академии образования», г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6934-3229>, e-mail: new_psy@mail.ru

Рубцова Надежда Евгеньевна, доктор психологических наук, доцент, профессор кафедры общей психологии и психологии труда, АНО ВО «Российский новый университет», г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7232-4539>, e-mail: hope432810@yandex.ru

Александров Борис Владимирович, соискатель ученой степени кандидата психологических наук, преподаватель кафедры социальной психологии и социальной работы, ФКОУ ВО «Академия права и управления Федеральной службы исполнения наказаний», г. Рязань, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5283-390X>, e-mail: abv2712@rambler.ru

Information about the authors

Sergey L. Lenkov, Doctor of Psychology, Professor, Chief Researcher, Institute of Study of Childhood, Family and Education of the Russian Academy of Education, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6934-3229>, e-mail: new_psy@mail.ru

Nadezhda E. Rubtsova, Doctor of Psychology, Associate Professor, Department of General Psychology and Labor Psychology, Russian New University, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7232-4539>, e-mail: hope432810@yandex.ru

Boris V. Alexandrov, PhD applicant in Psychology, Lecturer, Department of Social Psychology and Social Work, Academy of Law and Management of the Federal Penitentiary Service, Ryazan, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5283-390X>, e-mail: abv2712@rambler.ru